

Марина Эльденберт

Танцующая для дракона

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

История Теарин Ильеррской, легендарной иртханессы, начинается с танца. Благодаря ему она оказалась во власти повелителя драконов, покорившего величайшую пустошь Огненных земель. Мне предстоит участвовать в работе над фильмом о ее жизни, а заодно терпеть новое начальство. Самомнение размером с небоскреб, принципы ниже уровня подземки — все это Джерман Гроу, лицо номер один в шоу-бизнесе. Который, кажется, видит во мне вовсе не художника по спецэффектам. Словом, так вляпаться могла только я, Танни Ладэ, и моя история тоже начинается с танца.

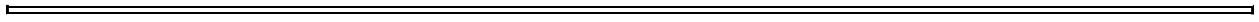
- [Марина Эльденберт](#)

-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

Марина Эльденберт
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА

ГЛАВА 1

*Зингсприд, Аронгара
Танни*

Неоновый свет отражался от металлических поверхностей, играл на коже диванчиков, растекался по стеклу. Элитный клуб «Форсайт», где мы отмечали завершение проекта, располагался на последнем этаже высотки, вонзающейся в черное небо раскаленной иглой. По-хорошему, меня здесь быть не должно, я этот проект застала постольку-поскольку, но нужно как-то вливаться в новый коллектив. Поэтому я задумчиво ковырялась трубочкой в коктейле, а иногда смотрела вверх — туда, где над огромным куполом раскинулась ночь.

— Хочешь на смотровую площадку? — Перекрикивая музыку, ко мне наклонился Лэрг.

Заметившая это Ширил Абрамс облизнула губы и заговорщицки мне подмигнула: мол, давай действуй. Собственно, действовать было несложно — из двадцати человек за столиками нас осталось трое. Кто-то сбежал танцевать, и с тех пор их больше никто не видел, кто-то завис у барной стойки, так что, случись мне уйти с Лэргом, даже слухи будет некому распускать.

Рассеянно улыбнулась:

— Может, позже.

— Ладно. — Лэрг кивнул, соглашаясь. — Схожу в бар. Вам взять что-нибудь?

— «Небеса в огне»! — вскинула руку Шири.

— А тебе, Тан?

— У меня еще вот. — Показала наполовину полный бокал: изогнутый, как влитая рядом с нашим столиком колонна, внутри которой мерцали фиолетовые искры.

— Танни Ладэ! — фыркнула коллега, когда Лэрг отошел. — Еще чуть-чуть, и я решу, что ты и вправду по девочкам, как треплет Айра.

— Пусть треплет, — отмахнулась я.

— Нет, я серьезно! Лэрг очешуительный, если бы я не собиралась замуж...

— Очешуительный, — сказала я. — В этом все дело.

— Что-то я не улавливаю логики...

— Не хочу с ним мутить, потому что он реально хороший парень и ему нужны серьезные отношения. Мне — нет. И не уверена, что когда-нибудь это изменится.

— Ой, да ла-а...

Договорить Шири не успела: ее голос и даже громкую музыку перекрыл визг какой-то девицы. Визг, который перешел не то в вопль, не то в стон. Я даже обернулась, чтобы посмотреть, кого там убивают, когда визг подхватили еще несколько женских голосов, и зал взорвался аплодисментами.

Причина воплей шествовала по проходу к лестнице, ведущей на второй этаж. Ростом под метр восемьдесят, одетый в темные джинсы и темную рубашку (что в Зингсприде само по себе парадокс), он обращал на присутствующих не больше внимания, чем на обстановку. Его рука покоилась на заднице без преувеличения роскошной блондинки в платье, облегающем ее как вторая кожа. На них оборачивались все: чувство было такое, что сейчас приглушат огни и прожектором выхватят из полумрака эту парочку.

— Очешуешь, очешуешь, очешуешь! — зашептала Шири, вцепившаяся мне в руку так, что я чуть не взвыла.

Впрочем, может, и взвыла, в этих оглушительных восторгах и музыке тонуло абсолютно все.

Все, кроме моих воспоминаний: длинный школьный коридор, по которому идет первый красавчик школы. Рука лежит на моей талии, притягивая к себе, он отводит волосы, чтобы наклониться к моему уху и шепнуть, обжигая горячим дыханием:

— Сегодня вечером мы с тобой зажжем, Та-а-аннюш?

От прикосновения горячих губ, от непристойного ожидания по телу проходит дрожь: на нас смотрят все, я ловлю завистливые взгляды девчонок, которые тут же становятся восхищенными, стоит им задержаться на нем. Все расступаются, когда идем мы. Нет, не так, все расступаются, когда идет он — Микас Лодингер, хозяин жизни, золотой мальчик. Звезда нашей школы, за внимание которого передерутся большинство девчонок, но сегодня он со мной.

Со мной, чтобы завтра вдребезги разбить мое сердце.

— Танни!

Окрик Шири вернул в реальность, она пощелкала пальцами у меня перед носом.

— Эй, подруга, ты где?

Моргнув, возвращаюсь в зал. Шири опирается ладонями о колени (так,

что ее кофточка обтягивает упругие полушария груди почти неприлично) и шепчет мне возбужденно прямо в лицо:

— Джерман Гроу! Сам Джерман Гроу, прикинь? Здесь!

Джерман Гроу.

Лицо номер один в современном шоу-бизнесе.

Легенда.

Скандално известный режиссер-постановщик, на счету которого до горки известных своими провокациями постановок, мюзиклов и даже одна рок-опера. Главную партию в ней пела моя сестра, с этого началось ее триумфальное турне, о котором Леона мечтала всю сознательную жизнь. Было это лет десять назад, тогда же я первый и последний раз видела Гроу вживую. Первый и единственный раз, когда он пел в собственной постановке, и когда он пел...

— Я чуть из трусов не выскочила, — призналась моя подруга Имери, когда мы вывалились из зала.

В общем, да.

Что-то знаковое было в ее словах. Его голос — это убийственная смесь рычания и возносящейся над залом глубокой непристойной страсти, от которой трусы, по идее, должны отстреливаться сами. Впрочем, не уверена, что на той блондинке они вообще есть.

Наверное, эта мысль и становится последней каплей.

Просто однажды «той блондинкой» рядом с Лодингером была я.

— Девушки, я чуть не оглох! Чтоб меня так встречали... — Лэрг вернулся и поставил перед Шири бокал. — Тан, ты куда?

Я вскакиваю, потому что мне нужно либо выпить, либо подышать воздухом, либо потанцевать. Из всего вышеперечисленного лучше выбрать танцы, именно они всегда возвращают меня к жизни. Я начала танцевать лет десять назад, как раз после того случая. Кажется, я до сих пор слышу шелковый, обволакивающий голос Лодингера, вплетающийся в разум отравой: «С арматурой в постели и то было бы интереснее, Танни Ладэ».

После этого я сказала себе, что никто и никогда больше не назовет меня арматурой.

— На танцпол, — отзываюсь небрежно. — Хочу немного подвигаться.

— Я с тобой, — тут же реагирует Лэрг, отставляя бокал.

Пожимаю плечами, а Шири подмигивает и откидывается на спинку стула, разглядывая сверкающие золотом ступеньки, по которым поднимался Гроу с блондинкой. Там, наверху, в полумраке ВИП-лож, куда недотягиваются неоновые лучи и разбросанные по залу узоры, — роскошь и вседозволенность. Там рекой льется элитное спиртное, а воздух пропитан

сигарами, каждая из которых стоит как моя месячная зарплата. Шмотки Лодингера стоили как кольцо от телепорта.

Отмахнувшись от этой мысли, вместе с Лэргом иду на танцпол. Он не упускает возможности меня поддержать, когда я случайно цепляюсь каблуком за дизайнерскую полосу металла.

— Осторожнее.

— Не люблю каблуки, — призналась честно.

Моя сестра Леона — другое дело, она словно родилась на шпильках, я же надеваю их, когда иначе нельзя.

Дресс-код.

— А что любишь? — наклонившись к самому моему уху, шепчет он.

— Кроссовки, — пожимаю плечами.

Этого хватает ровно настолько, чтобы закрыть тему любви, что меня полностью устраивает. Ему не нужны лишние надежды, а мне — тем более.

В зале, где басы отдаются в сердце, я чувствую себя свободной. Дурацкие мысли мигом выветриваются из головы, стоит мне подхватить ритм. Ритм, который сменяется в танцах под настроение диджея, ритм, за которым кто-то пытается угнаться, кто-то просто топчется на месте, кто-то прыгает и трясет головой. Я качаюсь на бьющих по танцполу волнах, позволяя телу разогреться и почувствовать движение. Лэрг только один единственный раз пытается положить руки мне на плечи, но, когда я их сбрасываю, отступает. Мы просто рядом, но не вместе. Я двигаюсь, дожидаясь мгновения, когда почувствую особый отклик на плещущее в зал звучание.

То, что я называю единением с музыкой.

То, из чего рождается настоящий танец, и когда это происходит, его нельзя не почувствовать.

Музыка вливается в меня сквозь кончики пальцев, когда я вскидываю руки над головой. Стрелы неона пронзают тело, отражаются от расшитого блестками топа. Искры мельтешат и рассыпаются в темноте, собираясь в устремленных на меня взглядах. Музыка льется, и я в ней тону, растворяюсь, становлюсь единым целым с текучим, усиленным клубным ритмом.

Движение вправо — и рука продолжает линию над плечом.

Поворот, прогиб — и волосы расстилаются под ногами, чтобы собраться разноцветным вихрем в воздухе. Ритм нарастает, и вместе с ним нарастает скорость: когда я стекаю вниз вдоль бедра, как поломанная кукла, а потом выпрямляюсь, выбрасывая обе руки вперед.

Рядом со мной вырастает мускулистый парень, не Лэрг — Лэрг стоит в

стороне и смотрит. Мои руки ложатся на мощные плечи (мне без разницы, кто он, мне нужна опора), кажется, в толпе я вижу своих коллег. Рывок вперед — и каменный торс принимает мое тело, позволяя ему вплавляться в него, как под жаром ревущего пламени. Музыка рвется, ладони на талии позволяют прогнуться в спине. Закидываю ногу ему на бедро и падаю вниз, позволяя партнеру себя держать.

Перевернутый зал движется перед глазами туда-сюда.

Теперь замечаю и Шири: очевидно, пришла посмотреть, как у нас с Лэргом дела, и теперь стоит рядом с ним с открытым ртом. Музыка струится по моим волосам вместе с неоном и с последними аккордами растворяется без следа. По венам течет огонь, настоящий огонь, а грудь тяжело вздымается. Я медленно собираюсь в струну, выхожу из прогиба и хлопаю парня по плечу.

— Может, продолжим этот вечер в другом месте? — хрипло шепчет он, успевая за секунду до того, как зал снова взрывается от музыки.

— В другой раз.

Чей-то взгляд откровенно скользит по моему телу: так щупают девиц в подворотнях — откровенно и беззастенчиво, не скрываясь. Я нарочно не смотрю в ту сторону, направляясь к Шири и Лэргу.

— Э-э-э... — многозначительно выдает Ширил.

— Я все, — сообщаю коротко.

— Это ты называешь «просто хочу подвигаться»? — спрашивает она, когда наконец отлипает.

— Ну да.

— Ты хоть знаешь, как это смотрится со стороны? — Она приподнимает брови. — Тебе надо на сцену.

Не знаю, как это смотрится со стороны, и не хочу знать. Своему инструктору я тоже сказала, что профессией это делать не собираюсь. Танец для меня просто способ уйти в отрыв, ничего больше, а работа у меня есть. Давно и горячо любимая — СС-художник.

— Мне надо посидеть.

Мы возвращаемся на место, мысли о Лодингере больше не тревожат, и вечер продолжается. Правда, коллеги, которые иногда присаживаются за столики, чтобы отдохнуть, теперь на меня косятся. Особенно Айра, которая упорно распускала слухи, что я по девочкам. В общем-то есть с чего: я не ношу платья, не делаю прически и не крашу ресницы. Меня не забирают с работы, моя любимая одежда — джинсы и майки с разнообразными принтами. Маникюр делаю по большим праздникам, а учитывая, что за все время больших праздников не случилось, коллеги привыкли видеть мои

коротко обрезанные (чтобы не быть обкусанными во время размышлений над проектами) ногти. Кстати, работать с планшетным пером без маникюра гораздо удобнее.

— Эсса, вам просили передать.

Даже не сразу понимаю, что обращаются ко мне, когда в ладонь ложится запотевший бокал. Коктейль в нем играет бликами неона, а под доньшком — карточка с номером ВИП-ложи.

Переворачиваю ее и вижу предложение, от которого нельзя отказаться. «Станцуй для меня приватно».

Этот кто-то наверняка тот, чей взгляд ввинтился в меня на танцполе, а может быть, и нет. Главное, что, сидя наверху, он уверен в том, что я сейчас завизжу, как девицы при виде Гроу, и побегу к нему, теряя шпильки и лифчик.

Я сунула карточку в коктейль и вручила официанту:

— Передайте обратно.

Если официант и был удивлен, то виду не подал: они здесь все вышколенные настолько, что с их лицами только в секретной службе работать. Он исчез столь же бесшумно, сколь и появился, а Шири воззрилась на меня в немом изумлении. Впрочем, спросить ни о чем не успела, поскольку за столом нас уже собралось большинство, поднялся Нилмар Фарринсон. Ростом с меня, крепкий и коренастый, любитель дорогих костюмов и галстуков даже в неофициальной обстановке. Вот как сейчас.

— Прежде чем мы все дойдем до грани, за которой уже ничего не вспомним...

Его слова поглотил взрыв смеха.

— Хочу сообщить, что в «Хайлайн Вайнерз» поступил новый заказ. Очень крутой заказ. И когда я говорю «очень»... — Нил выдержал драматическую паузу. — Я не преувеличиваю. Заказ действительно зашибенный, и его отдали...

Тишина повисла такая, что я слышала, как на соседнем диванчике пара целуется врасос.

— Нам!

Начальственные слова встретили такими же воплями, как Джермана Гроу. Вторя им, раздалось несколько хлопков, тут же сменившихся шипением веоланского. Официанты разливали пенящееся вино по бокалам на тонких ножках, которые Нилмар раздавал коллегам, помогать ему взялся Лэрг. Когда он отдавал бокал мне, его пальцы вроде как случайно коснулись моей руки. Он улыбнулся и устроился рядом на подлокотнике.

Первый тост, естественно, говорило начальство:

— За наш отдел! И за предстоящий успех!

— За предстоящий успех! — подхватили все.

Веоланское оказалось с легкой кислинкой, в меру прохладное, как и должно быть. Я едва успела распробовать вкус, когда официант поднес мне очередной бокал. Коктейль был явно другим, а вот карточка оказалась знакомой.

«Не понравился коктейль?»

— Мм... а он настойчивый, — протянула Шири к явному неудовольствию Лэрга, который все видел.

— Я тоже. — Сунула карточку в коктейль и отвернулась.

Это Лэргу понравилось гораздо больше.

— Нил, кто? — перекрывая общий гул голосов, поинтересовался он, как бы невзначай положив руку мне на плечо.

Которую я тут же убрала.

— Секрет, — загадочно протянуло начальство.

— Нил! — Голоса слились воедино.

— Даже не спрашивайте, все узнаете в понедельник. Кстати, о понедельнике... Абрамс, Ладэ, поедете со мной.

Айра фыркнула:

— Ладэ? Но она же еще на испытательном сроке.

— Заодно узнает все прелести работы в полях.

Айра вздернула подбородок и отвернулась. Темноволосая, с густыми ресницами, которыми ее явно не природа наделила, она невзлюбила меня с первого дня. Вообще-то, неудивительно: Айра претендовала на место ведущего специалиста, на которое Нил пригласил меня.

— Эсса Ладэ.

Вздрогнула от обращения официанта и обернулась.

Очередной коктейль и очередная карточка. Я уже хотела сказать (вежливо), что он может сразу бросать карточки в бокалы, чтобы не бегать туда-сюда. Но тут взгляд упал на записочку, и я замерла.

«Даю последний шанс, сестричка Ладэ».

После премьеры я оказалась за кулисами. Когда Леона, счастливая, с сияющими от успеха и оваций глазами, встретила нас в гримерной, там тоже лилось веоланское. Ее коллеги оказались на редкость приятными.

В основном.

«Ну, привет, сестричка Ладэ» я запомнила очень хорошо.

Возможно, потому, что интереса ко мне у Гроу было еще меньше, чем к стаканчику кофе в его руке, а может, потому, что смотрел он сквозь меня

на Леону. Еще долгие годы потом на меня смотрели сквозь нее — иртышане и люди, которые, услышав фамилию Ладэ, шустренько вспоминали «пламенный голос Аронгары». Мою сестру.

Да что там, до сих пор вспоминают.

Она — оперная певица, она — жена правящего, первая леди Аронгары, а я просто ее сестра.

Набл его знает, почему меня в этот момент переключило. То ли из-за танца, который все еще бурлил в крови адреналином и сумасбродством. Желание высказать Гроу все, что я думаю о нем и о его приглашении, отозвалось где-то в левой пятке. Оно было сродни тому, когда мы с друзьями уводили флайс старшего брата парня из нашей компашки, чтобы попрактиковаться в вождении. Или вроде того, когда забираешься на ограждение высотки и сидишь там, глядя на раскинувшийся под тобой город.

— Передумала? — подмигнула мне Шири, когда я поднялась.

— Я ненадолго. Сейчас вернусь.

— Интригуешь!

Подмигнув ей, подхватила коктейль и направилась в сторону лестницы. По разбросанному в проходах неоновому узору к золотому сиянию ступеней. Охранник размером два на два лишь взглянул на карточку в моей руке и указал на коридор, уводящий из просторного холла налево. Я прошла по мягкому покрытию, наслаждаясь тишиной. Дверь в VIP-ложу с нужным номером обнаружилась сразу.

Провела карточкой по замку, который тихонько щелкнул, и шагнула внутрь.

— Еще раз назовешь меня сестричкой Ладэ, — сообщила развалившемуся на диване Гроу, — и сестричка понадобится тебе. Та, которая в белом халате.

— Любишь ролевые игры? — Он подался вперед, и рубашка на его груди натянулась, подчеркивая рельеф мышц. — Можно устроить.

— Договорились. — Я подняла большой палец вверх. — Ты будешь на костылях, а я с клизмой. Что за прикол с приватом?

— А это не прикол. — Он достал мобильный и теперь смотрел на меня поверх дисплея. Этот взгляд я называла «взгляд в никуда», потому что он вроде как устремлен на тебя, а вроде как на телефон. — Покажи, на что ты способна.

— Спутницу свою ты куда дел? — Поставила бокал на столик и сунула большие пальцы в карманы джинсов.

— Отправил подышать свежим воздухом. — Прищур, превращающий

темные глаза в глаза хищника. — Тебя это смущает?

Смутить меня после того, как полшколы увидело мою голую задницу на видеозаписи (и не только задницу, будем честны), мало что может, а вот выбесить — запросто. Его манера держаться вообще до одури напоминала Мика: непробиваемая уверенность в собственной неотразимости и в том, что все обломится ему просто так. И ведь обламывается, я больше чем уверена. Большинство девиц из клуба сейчас передрались бы за возможность здесь оказаться.

В голову пришла шальная мысль завести его. Так, чтобы захотел меня до зубовного скрежета, за всех сохнувших по нему блондинок, брюнеток и рыжих, которых он отправил подышать свежим воздухом.

То же чувство, что толкало выжимать последнюю скорость на «позаимствованном» флайсе или закрывать глаза, стоя на высоте, на которой даже драконам становится дурно.

Имери называла это «нездоровым азартом».

Когда сердце бьется через раз, а кровь толчками бежит по венам, когда разум машет ручкой и сваливает в неизвестном направлении.

— Не-а. — Вытащила мобильный и положила к ведерку с веоланским, доверху наполненным льдом. — Главное, чтобы тебя не смущало.

Под пристальным взглядом нагнулась, позволяя кофточке обтянуть белье. По сути, у меня там особо обтягивать больше нечего, но я не переживаю: что выросло, все мое. Промотала до нужной мелодии, под которую иногда расслабляюсь.

— На кнопку нажми, — сообщила ему, указав на дисплей.

И отошла к двери, на ходу сбрасывая идиотские шпильки.

Джинсы у меня тянутся отлично, а вот самой растянуться во время танца — веселее не придумаешь.

В VIP-ложе тоже присутствовали все оттенки фиолетового, разве что их скрадывал полумрак. Точно так же, как и фигуру мужчины, от которого веяло силой, непререкаемой властью и еще чем-то неуловимо опасным. Притягательным. Будоражащим. Как огненные капли в стеклянной колбе гигантской лава-лампы в «Маунтин Молл», которые мне в детстве всегда хотелось собрать пальцами.

Валить отсюда надо, Танни Ладэ, подумалось мне.

Но он уже врубил музыку, а я ее подхватила.

Сплавленные воедино ладони — стрелой вверх, на следующем шаге развести бедра и рухнуть вниз вслед за нотами. Раскрытые ладони коснулись пола, я соскользнула вниз, прогибаясь в спине и подтягиваясь на руках. Оказавшись между его разведенных бедер, вскинула голову,

позволяя волосам течь по плечам и спине разноцветными неоновыми волнами. Темный взгляд прошил насквозь и вышел где-то в районе двери, когда я медленно поднималась, едва касаясь дивана.

Кожа покрылась мурашками, во рту почему-то пересохло, поэтому выход в полный рост и прогиб получился достаточно резким.

Удар сердца — движение вправо, взгляд через плечо.

Удар музыки — влево. Прикосновения пальцев к подбородку.

Мелодия увела в разворот и плавные покачивания бедрами, пока я опускалась на него. Все ниже, ниже и ниже с каждым движением, пока между нами не осталось ничего, кроме наших джинсов. Жар чужого тела втекал в меня неправильной, нереальной силой, отзывался в самом низу живота бесстыдной пульсацией.

Я ее не хотела, но ничего не могла с этим поделать: первое правило приватного танца — нужно поддаться сексу. Пропустить через себя желание. Ощутить все: от дрожи на кончиках пальцев до скольжения ткани по твердым вершинкам сосков. Неосознанно провела языком по губам, когда щеку царапнула колючая щетина.

Я то падала и тянулась руками, то поднималась вверх, чтобы откинуться на его грудь. Повторяя каждый изгиб его тела своим, пробежалась кончиками пальцев вдоль своих ключиц и ниже, к груди. Поднялась и выпрямилась, подхватывая высокую ноту.

Разворот — и упор ладонями ему в бедра.

Провела ими по натянутым в джинсу коленям, чтобы резко отдернуть руки (от прикосновения в пальцы плеснул огонь). Облизнула губы, подаваясь вперед, к самому его лицу, и тут же ушла назад. Я как-то упустила момент, когда это перестало быть танцем, равно как и мгновение, когда меня перехватили за руку и дернули на себя.

Я оказалась у Гроу на коленях, лицом к лицу, с разведенными бедрами. В одно из них мне однозначно упиралось то, чего я, собственно говоря, добивалась. От лежащих на талии рук исходил такой жар, что кожа не дымилась исключительно из уважения к противопожарной сигнализации.

Темные волосы, смуглая кожа, жесткий изгиб рта. Его запах — резкий, сильный — кофе и сигарет ударил в сознание, вынося остатки инстинкта самосохранения к драконьей бабушке. Я вдруг поняла, что хочу прикоснуться пальцами к этой щетине, попробовать эти обветренные, сухие губы на вкус...

Ду-у-ура.

Для полного счастья не хватало только стать очередной блондинкой.

— Горячо, — выдохнули мне в губы.

Горячо... От его голоса (того самого, с низкой пьянящей хрипотцой).

— Руки убрал, — хрипло сказала я.

— На здоровье.

Гроу оставил в покое мою задницу и расстегнул брюки.

Молния разошлась с характерным щелчком.

Ду-у-ра, дубль второй.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, прогнулась назад и хватанула горсть льда прямо из ведерка. Холод обжег ладонь, верхней льдинкой я повторила контур его татуировки над вырезом рубашки.

— Любишь игры. — Не вопрос, констатация факта.

— Ага.

Я опустила взгляд. Туда, где дорожка темных волос уходила в расстегнутую молнию, а потом разжала ладонь. Ссыпала вниз всю добычу и отпрыгнула на безопасное расстояние.

Такой отборной ругани я не слышала даже в школе, когда у одноклассницы сперли помаду от Коммё. Стоэтажный аронгарский несея мне вслед, когда я, выскочив из ложи, сначала бежала по коридору, а потом перепрыгивала через ступеньки. На полном ходу подлетела к нашему столику, за которым сидела одинокая Шири. Даже Лэрг куда-то подевался.

— Танни, ты там ему приват танцевала, что ли?! — Коллега сделала большие глаза.

— Ага.

— Что?!

— Мне надо выпить, — сказала я, чувствуя, как по телу волнами расходятся огненные искры.

Перевела взгляд на свои ноги и с трудом удержалась от того, чтобы не впечатать ладонь в лицо.

Ду-у-ура, дубль третий.

Мои офигенные туфли на выход, единственные, между прочим, туфли за много-много денег, остались в ВИП-ложе Ледяного Джермана Гроу.

Фервернский стыд.

Прежде чем до меня дошло, что с обувью можно попрощаться, в руке завибрировал мобильный. К счастью, убегая, его я хватанула первым делом.

Звонила Имери: на дисплее высветилась фотка, где подруга подмигивала в камеру, высунув язык. У нее стояла в точности такая же моя.

— Привет! — Я включила связь.

— Привет! Ты, судя по всему, занята?!

Я глянула на Шири: та показывала на часы, собираясь домой. Будущий

муж и так отпустил ее со скрипом, но вернуться она должна была к определенному времени. Это еще одна причина, по которой мне не нужны серьезные отношения. Терпеть не могу, когда кто-то указывает мне, что делать.

— Вообще я в клубе, кое-что отмечаю. Но уже собираюсь домой.

— Я дождусь, наберешь меня?

— Ага.

Нажала отбой и повернулась к Шири, которая поднялась из-за столика.

— Надо найти Нила. — Она развела руками. — Мне пора.

— Я с тобой.

Из клуба мы вышли в ночь, мигом окунувшись в привычную духоту. В Зингсприде очень высокая влажность и круглый год лето, а когда в других местах наступает лето, здесь оно просто драконово. Температура под шестьдесят, даже ночью столбик термометра не опускается ниже тридцати-сорока. После мэйстонской прохлады, в которой я выросла, это просто что-то с чем-то. Дышать можно только под кондиционером, как говорит Шири. Мне мое первое лето в Зингсприде только еще предстоит.

Заказанный заранее флайс дожидался нас на парковке, и мы забрались в него с чувством выполненного долга. Учитывая, сколько я проработала фрилансером, корпоративы для меня были в новинку. Наверное, когда-нибудь даже войду во вкус, но пока вытряхивать себя из постели и подстраиваться под офисный режим было невероятно трудно. По утрам голова отказывалась отрываться от подушки, а будильник хотелось разбить о стену. Останавливало только то, что он в мобильном.

Сначала мы завезли домой Шири, а потом полетели ко мне. Со средней аэромагистрали город просматривался отлично. Первое время я никак не могла привыкнуть к тому, что Зингсприд растянулся вдоль побережья, а не разбросан по островам, как родной Мэйстон. Береговую линию почти сплошь занимали отели (учитывая, что это самый популярный курорт Аронгары, — неудивительно). Квартиры в высотках на этой линии могли себе позволить только иртханы или очень богатые люди. Следующей полосой тянулись офисные иглы, венчала которые Вайовер Грэйс. Высоченная башня, оберегающая мегаполис от драконов. Ее сигнал создает защитное поле, своеобразный барьер, за который драконы не заходят. Все это иртханские технологии, которые людям объясняют весьма символично: что-то, связанное с голосами и кровью расы, которая способна повелевать драконами. Естественно, что иртханы в нашем мире — власть имущие, а к людям относятся как к существам второго сорта. Когда моя сестра вышла за одного из них замуж, я в полной мере прочувствовала это

снисходительное расположение, которым меня одаривали. Не ее муж, остальные.

Везде, где я оказывалась, это было «Леона плюс один», поэтому со временем я перестала бывать там, где появлялась она.

Меньше возникало неловких моментов.

Дома меня ждал полупустой холодильник и зверюга с глазами на полморды. Виари, карликовая драконица смешанного бело-рыжего окраса. Характер у нее тоже был смешанный, а назвала я ее Бэррилайн Первая, сокращенно Бэрри. Сейчас она взирала на меня огромными разноцветными глазами — голубым и желтым. Как-то на прогулке один заводчик заявил мне, что это выбраковка и ее стоило усыпить, чтобы случайно не завелось потомство, на что я посоветовала ему усыпить себя. После этого со мной почему-то больше не заговаривали.

— Вррр! — сказала Бэрри и сделала большие глаза.

— Не прикидывайся. Я перед уходом тебя кормила и гуляла с тобой, — заявила, шлепая босыми ногами по полу.

Квартира-студия в пятом районе меня полностью устраивает. Здесь есть все, что мне нужно, — головокружительная высота последнего этажа, балкон и панорамные окна.

Когда от кондиционера по ногам потянуло прохладой, вздохнула.

Туфли действительно были дорогие. А еще они мне реально нравились, несмотря на шпильки.

«Горячо...» В ушах стоял рычащий тембр его голоса, от которого кожу обдало будто снопом непрощенных искр. Особенно когда я вспомнила прикосновение кончиков пальцев к смуглой груди.

Да ну в задницу! Не хватало еще о всяких Гроу думать.

Щелкнула дверью и вышла на балкон. Взобралась на перила, подтянула колени к себе и только тогда набрала Имери.

— Ты чего не спишь? — спросила без предисловий, когда на экране возникла взъерошенная подруга. У нас два часа ночи, а в Мэйстоне уже утро проклевывается.

— Заснешь тут. Мне Гарджер предложение сделал.

— Ну, к этому все и шло.

— Это все, что ты можешь сказать, Тан?

Мне, пожалуй, даже стало стыдно. Подруга позвонила поделиться радостью, а тут я со своим цинизмом. В этот момент я отчетливо поняла, насколько на самом деле соскучилась: серые глаза на пол-лица, на затылке хвостик. Борцовка, в которой она обычно ложится спать, съехала с плеча. Все настолько знакомое, словно и не было этих последних нескольких

месяцев, когда мы оказались в разных городах.

— Нет. — Я запустила пятерню в волосы. — Прости. Поздравляю, Им.

— Да брось, — фыркнула она, плотно прикрывая дверь и усаживаясь поверх закрытой крышки унитаза. — А то я не знаю, как ты ко всему этому относишься.

— Главное, как к этому относишься ты, — внимательно посмотрела на нее.

— В том-то все и дело. Мне страшно до набликов.^[1]

— Тебе? Ты же в него по уши влюблена.

— И все равно страшно. Опять на перилах сидишь? — Имери улыбнулась.

— Ага.

Вид отсюда открывался самый что ни на есть мегаполисный. Пятый район — географический центра города, а моя высотка расположена так, что с одной стороны видно иглы делового центра и элитные небоскребы, между которыми затесался кусочек побережья. С другой — длинные ряды спальных, за которыми уже начинаются промышленные районы. Пустоши, где водятся драконы, отсюда едва различимы, но в Зингсприде драконы окружают нас с двух сторон. Потому что в океане они водятся тоже.

— Я хочу к тебе в гости, Тан.

— Приезжай.

— Прямо завтра.

— Сбежать хочешь?

— Ты же сбежала.

— Я не сбежала, я на работу устроилась.

— Ага-ага. — Имери ухмыльнулась.

— В общем... выходи за него и не мучай парня.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно. Ну или выходи и мучай.

— Танни!

— Я двадцать шесть лет Танни.

— И за это время ничего существенно не изменилось. — Имери фыркнула, но тут же стала серьезной. — Слушай... мне реально страшно.

— Понимаю. — Я перевела телефон на внешнюю камеру и подняла повыше, чтобы показать тот самый кусочек побережья. — Смотри. Это стоит сделать только ради месяца молодоженов.

— Танни!!!

— Нет, ну серьезно. Ты его любишь?

Имери притихла.

— Так любишь или нет?

— Люблю.

— Можешь себе представить, что его рядом не будет?

Подруга замотала головой.

— Ну, вот тебе и ответ. Давай решайся и не забудь меня на свадьбу пригласить.

— Только если ты заведешь себе парня.

— Со скалы рухнула?

— Постоянного!

Было что-то удивительно теплое в том, чтобы вот так болтать с ней. О работе, о всякой ерунде и бытовых мелочах. На время разговора я даже выпала из реальности, а когда Имери отправилась спать и дисплей погас, еще долго сидела на перилах, глядя сквозь иглы высоток в жаркую весеннюю ночь. В Мэйстоне сейчас только-только начинается оттепель, морозный воздух смешивается с первым солнечным теплом. Таким, когда хочется избавиться от верхней одежды и подолгу гулять.

Чтоб меня!

А я ведь действительно дико скучаю по всем ним.

По Мэйстону.

По ритму фриланса, когда можно два дня не отходить от планшета (потому что проект захватил), а потом довольной и счастливой ползти в сторону кровати с красными глазами.

— Вррр!

Оказывается, я не заметила, как Бэрри открыла носом балконную дверь и притопала ко мне. Сунула голову под ладонь и подставила щеку. Первая и единственная виари, которой нравится, когда ее тягают за щеки.

— Вррр? — Мне внимательно заглянули в глаза, и я спрыгнула с перил.

— Ладно, лохматая. Пойдем прогуляемся, потом еще раз покормлю.

Все равно ведь теперь не засну сразу, а полночи думать умные мысли — это не для меня.

ГЛАВА 2

Танни

— Танни Ладэ!

Да чтоб тебя! Я подпрыгнула на сиденье и чуть не расплескала кофе прямо на джинсы.

— Чего орешь? У меня глухота пока еще не намечается. — Зыркнула на Ширил, которая петляла по полосам аэромагистралей так залихватски, что вслед нам неслись пронзительные гудки и, подозреваю, много всего, ими прикрытого.

— Угу. — Коллега бросила на меня быстрый взгляд. — Только перед этим я уже раза три спросила, не забыла ли ты портфолио.

— Все свое вожу с собой, — похлопала по тряпичной сумке, в которой лежал планшет, подаренный сестрой на шестнадцатилетие.

Глупо, может быть? Сентиментально? А вот набла с два. Плевать мне, кто и что думает по этому поводу, этот старичок — мой талисман, и расстанусь я с ним, только когда в сервисе мне выдадут заключение с надписью R. I. P. [\[2\]](#)

— Слушай, Ладэ, ну перестань зевать, а? Твоя сонная рожа даже меня вгоняет в предкоматозное состояние. Думаешь, круто будет, если я прямо сейчас вырублюсь?

— Не представляю, — сказала я и отхлебнула кофе.

Залпом. Четыре дозы и без сахара, пожалуйста.

И еще раз зевнула. В конце концов, если уж мне разрешили не приезжать в офис с утра, могу я чуть-чуть поспать по дороге на встречу с новым клиентом?

— Кстати, к чему такая секретность? — поинтересовалась, когда в стаканчике от кофе остался только шорох. — Ниллмар так и не раскололся, кто это?

— Не-а, — досадливо отмахнулась Шири. — Ты же его знаешь, упрется хвостом в скалу, не вывинтишь. Насколько я поняла, это было пожелание клиента. Не хочет распространяться о том, над чем нам придется работать.

— Чтобы не расслаблялись, ага.

Впрочем, мы и так не расслаблялись. В «Хайлайн Вайнерз», одной из самых известных в Аронгаре компаний по производству спецэффектов,

особо не расслабишься. Проектов всегда завались, в клиентах — крупнейшие медиахолдинги, кинокомпании и прочие монстры шоу-бизнеса. Работать приходится с утра до ночи, а в те часы, что не приходится, обычно уже ничего не хочется. Когда мне прислали приглашение на работу, я уронила челюсть на стол.

Потом подобрала и написала ответ:

«Да-да, конечно, я согласна».

Испытательный срок четыре месяца? Не вопрос.

Два с половиной уже прошло, осталось совсем чуть-чуть, и меня возьмут в штат.

Очешуенчики, да. Когда я только начинала всем этим заниматься, о таком и мечтать не могла. Видимо, их особенно впечатлили мои спецэффекты к 3D-мультику, который полгода назад вышел в прокат.

Я потянулась и откинула спинку сиденья. Все-таки в том, чтобы кататься на флайсе коллеги, есть особый кайф. Например, не надо следить за дорогой и выражаться стоэтажным по поводу тех, кто даже на свободной аэромагистрале тащится со скоростью подстреленного набла. Правда, свободной средняя магистраль в Зингсприде бывает исключительно по большим праздникам или под утро. Такой, чтобы врубить девятую скорость^[3] и лететь над городом под мельтешение высоток слева и справа...

Словами не передать, как круто.

В Мэйстоне я частенько так расслаблялась, о моей адреналинозависимости знала только Имери. Если бы об этом узнала Леона, она бы мне голову отвинтила, но сестра была слишком занята то мужем, то на гастролях. Причем во втором случае ее гораздо проще поймать. Как ни крути, но именно Леона посоветовала мне отправить портфолио в «Хайлайн Вайнерз». Тогда я здорово посмеялась, но все-таки отправила.

И вот, пожалуйста.

Мы пронеслись над городом в сторону Вайшеррских холмов — в этом районе располагаются все самые известные киностудии, просигналили какому-то наблу, зависшему перед спусковым туннелем, и нырнули в освободившийся рукав. По таким же справа от нас садились другие флайсы, слева — поднимались. Я напоследок зевнула и бросила быстрый взгляд в зеркало заднего вида: наспех подхваченные заколкой разноцветные пряди торчали во все стороны, хвостик над головой рассыпался веером.

Нормальный такой художественный беспорядок.

— Э... ты куда? — поинтересовалась, когда Ширил снизилась на

первый уровень аэромагистрали и вышла из рукава.

Впрочем, здесь движение было не настолько плотное.

— Во-он туда. — Коллега хитро прищурилась и указала на высотку, шпилем вспарывающую небо.

— Да ну тебя.

— Да-да, Танни Ладэ. — Шири ухмыльнулась. — Именно так.

Прямо по курсу маячила гордость Аронгары — сто сорок этажей «Гранд Пикчерз» — кинокомпании, блокбастеры которой заполняли экраны и рвали рейтинги раз за разом. Проходных фильмов у них не бывало, а если что-то не собирало кассу размером с их высотку, это относили к разряду высокоинтеллектуального кино. Критики, чтоб их, те самые критики, от которых стонали все киношные светила, упорно вопили, что, если бы все фильмы были такими, как их последняя драма, наш мир давно стал бы лучше. Впрочем, сейчас мне было не до философских размышлений о культурных ценностях: чем ближе мы подходили к спице «Гранд Пикчерз», тем больше у меня замирало сердце. Спецэффекты для них. Я буду делать спецэффекты для них! Наша команда, то есть мы, и среди них я... Уи-и-и, ы-ы-ы и р-р-р в одном драконе. Да после того как мы завершим этот проект, мне можно будет не волноваться об испытательном сроке. По большому счету мне вообще можно будет ни о чем больше не волноваться...

Чтоб тебя, чтоб тебя, чтоб тебя!

Ладони непроизвольно вспотели, я вытерла их о свою выдавшую виды сумку.

— Приехали!

Шири сунула пропуск в автомат, он сожрал его и подмигнул нам оранжевой пропускной стрелочкой. Еще одно коротенькое путешествие вниз, и мы шлепнулись аккуратно на забронированное для нас парковочное место.

— Ну-с, выходим, — бодро сказала она, но сквозь эту бодрость явно просвечивало волнение: коллега то и дело поправляла прическу, уложенную по последней моде.

Сейчас в тренде были укладки крупными волнами и платья с пышными юбками. На деловую встречу такое, разумеется, не наденешь, поэтому Шири звонко цокала каблучками в своем эффектном костюме (юбка-карандаш и приталенный пиджак) бежевого цвета, который немного смягчал ее ослепительную рыжую шевелюру и ярко-синие глаза.

Пр-р-ровокационная внешность, как говорил наш программист.

— Ниллмар внутри? — поинтересовалась я, поднимая сумку так, чтобы солнце не светило в глаза. Солнцезащитные очки, без которых в

Зингсприде никуда, остались на тумбочке в спальне. На кой я их вообще вчера туда притащила?

— Точно. — Она скривилась и бросила взгляд на мобильный, завибрировавший у нее в клатче. — Уже на месте.

Начальство и правда было уже на месте, разве что от нетерпения не подпрыгивало у турникетов. Стоило стеклянным дверям в четыре человеческих роста разойтись в стороны, как он подскочил к нам:

— Абрамс, Ладэ, где вас драконы носят?!

— Над Зингспридом, — ляпнула я, не задумываясь.

На самом деле меня поразила огромная голографическая статуя во всю высоту просторного холла. Она изображала основателя киностудии, и выглядело это чересчур пафосно.

— Очень смешно, Ладэ, — заметил Ниллмар. — Ты ничего пострашнее из одежды не нашла?

— Я единственная среди вас, кто выглядит как творческая личность.

На самом деле вечером я сгрузила все грязные вещи в стиральную машинку, поставила на пуск и пошла рисовать. Для себя исключительно, чтобы не терять навык. Проснулась сегодня: вот эти блеклые джинсы три четверти, коротенький белый топ и завязанная сверху рубашка были единственным, что не валялось сырым комком в машинке и относительно подходило друг другу.

— Ладно, творческая личность, идем. — Ниллмар развернул нас к ресепшену, где нам выдали пропуска, просканировали взглядами и детекторами, после чего стройной шеренгой пропустили к лифтам.

Проходя мимо основателя киностудии, я не удержалась и ткнула его носком в монументальный ботинок. Точнее, сквозь: легкая кроссовка вошла в голограмму как лазер во что угодно. Если основатель и обиделся, то вида не показал, хотя помимо него тут было особо не на что смотреть. Выложенная большими буквами надпись «Гранд Пикчерз» с логотипом — раскрытыми ладонями, в которых покоилась наша планета. Множество голографических картин с разных церемоний вручения «Золотого дракона» и прочих радостей, которыми принято гордиться.

— Нил, ну скажи, к кому мы едем? — заныла Ширил, стоило дверям лифта отрезать нас от холла, а кабине стартовать наверх.

— Сами все узнаете.

— Ну, Ни-и-ил...

— Не могу. Я подписал документы, согласно которым вы обо всем узнаете только на встрече.

— Это ведь не Гарренджер? — Коллега попыталась зайти с другой

стороны.

— Кто? — переспросила я.

— Марргент Гарренджер — генеральный менеджер всего этого безобразия, — пояснила Шири. — Ни-и-ил?

Отца моей Бэрри звали Марргент, подумалось мне. Но об этом я решила не распространяться.

— Нет, — строго пресек ее начальник и поправил идеально сидящий пиджак.

Да, я среди них явно выделялась. Светловолосый, серьезный дальше некуда Нил, ослепительная Шири и... я.

Ладненько.

Лифт щелкнул дверями, мы выкатились на этаж и побрели по указателям. Что меня больше всего раздражало, так это то, что Нил все знает и молчит. Тоже мне, блюститель контрактов нашелся. Можно подумать, даже если бы он признался, что мы идем к самому Гарренджеру, я поскакала бы с этой новостью по этажу, вопя во все горло.

В приемной нас встретили ослепительными улыбками секретари. Двое из них так и не оторвались от работы, а вот третья (идеальная блондинка с такой светлой кожей, что сразу становилось понятно — высветлена искусственно) поднялась навстречу из-за прозрачной на первый взгляд стойки. Приглушенное тонированным стеклом солнце плескалось в гранях этого ультрасовременного помещения, где все указывало на честолубие людей, здесь работавших.

— Добрый день, эстерд Фарринсон, — обращалась она исключительно к Нилу, — вас и ваших коллег ожидают. Пойдемте со мной, пожалуйста.

Мы пошли дальше, вот только не в двери, расположенные справа и слева, а по коридору. В конце концов я решила их посчитать и на пятнадцатой чуть не влетела в Шири, которая как-то слишком резко остановилась.

— Минуту, пожалуйста.

Секретарь скрылась за дверями меньше чем на минуту. За это время Нил успел чуть не уронить папку с материалами, поймать ее, а я — подумать о том, что надо бы перевернуть сумку. Ее я собственноручно расписала невыводящимся маркером, помимо каракулей-узор, пересекающихся линий и прочей графической мути красовалась надпись: «Права имею и обязанности тоже».

В тот момент, когда я об этом подумала, дверь открылась и секретарь кивнула:

— Проходите.

— Вперед. — Нил ткнул меня в спину, потому что я стояла впереди всех.

«А вот это было подло», — подумала я, вваливаясь в кабинет и поднимая глаза.

На одну единственную персону, расположившуюся за длинным переговорным столом с видом драконобога.

Дракона мне на балкон!

Если можно быть бесконтактно облапанной, то я только что испытала все прелести этого действия на себе. Оценивающий взгляд прогулялся по мне от кончиков торчащих волос до самой подошвы кроссовок. Поклясться могу, что некоторым частям моего тела уделили особое внимание, я почти физически ощутила отсутствие на мне верхней детали нижнего белья. Потом Гроу поднялся из-за стола навстречу нам.

— Нил. — Мужчины обменялись рукопожатиями.

— Джерман. — Нилмар держался молодцом, но все равно едва заметно нервничал. — Это мои коллеги. Ширил Абрамс, ведущий аниматор...

За время, что Нил сделал паузу, «облапать» успели и Шири. Впрочем, я более чем уверена, что у него просто встроенная функция зрения (как в моих программах), «снять одежду» называется. Пожалуй, хуже всего было то, что, когда его ладонь коснулась кончиков пальцев рыжей, та чуть ли костром не вспыхнула, отвечая на этот коротенький жест. Он, чтоб его, только за руку ее взял, а температура в переговорной подскочила до отметки градусника за окном и вышибла шкалу к драконьей бабушке.

— Танна Ладэ, наш новый СС-художник и 3D-модельер.

— Танна, — протянул он.

Даже не протянул, выдал таким певучим хриплым рычанием, что у меня мозг на мгновение отключился. Ровно настолько, что я успела представить, как от смуглой ладони по пальцам расходятся искры и меня швыряет в огненный шквал. Впрочем, мне сполна хватило и взгляда, особенно когда прицел звериного прищура задержался на моих губах.

— Располагайтесь. — Мою руку он, видимо, не счел привлекательной настолько, чтобы ее касаться.

Подумаешь, маникюр не сделала.

Нам было предложено разместиться где угодно, поэтому Нил устроился за столом справа от Гроу, Шири напротив. Я подавила желание сесть рядом с дверью (благо акустика в современных переговорных была такая, чтобы можно было говорить с любого места, не повышая голос) и

плюхнулась рядом с коллегой.

Сейчас мне еще больше хотелось настучать Нилу по башке.

Нет, ну правда, сложно, что ли, было сказать? По крайней мере, тогда бы я не чувствовала себя так по-идиотски.

Надо же было так вляпаться!

Надо же было вляпаться именно в него.

Знала бы, ни за что не пошла бы танцевать, завязала бы себе в клубе ноги узлом и на руках доковыляла до стоянки.

— Прежде чем мы начнем, — Гроу щелкнул зажигалкой и закурил, — хочу сказать, что история не совсем обычная.

Сигареты были дорогие, по аромату слышно, но меня затошнило. Не от дыма, нет (в детстве я жила в бедном квартале, поэтому спать могу, уткнувшись носом в стоячий носок), от того, насколько беспардонно это было сделано. Адекватные люди сначала интересуются, всем ли это будет приятно.

— Я не курю.

Все взгляды устремились на меня: изумление — от Шири, недоверие, граничащее с ужасом, — от Нила и непонятный прищур поверх тонкой струйки дыма, выходящей над смуглыми длинными пальцами.

Иртышане в принципе смотрят на людей сверху вниз. Что касается Гроу, он иртышан наполовину. Об этом десять лет назад, после его выхода на сцену, вопили все СМИ. Его отец, правящий, публично заявил, что не станет давать комментарии ни по поводу отношения сына к миру шоу-бизнеса, ни по поводу его творений, но Гроу это не смутило. Насколько я поняла, его вообще ничто не смущает.

— Спасибо, что сообщила мне эту бесценную информацию, Танна. — Было что-то пренебрежительно откровенное (или откровенно пренебрежительное?) в том, как он произносил мое полное имя. Хотя, может быть, дело было в том, что струйка дыма потекла прямо в моем направлении. — А теперь, с твоего позволения, я продолжу. Не возражаешь?

— На здоровье, — приподняла брови и дернулась, когда Нил под столом меня пнул.

Дотянулся же!

Зингсприд, пожалуй, единственный мегаполис Аронгары, где курение разрешено везде (включая офисы), поэтому его драконейшество в своем праве. Противопожарной сигнализации на него нет. Точнее, есть, конечно, но здесь она явно выключена, а жаль. С удовольствием посмотрела бы, как он будет обтекать!

Мы дружно достали планшеты и приготовились внимать, хотя Нил прожигал меня начальственным взглядом. Многообещающим. Ну, упс, умение вовремя заткнуться, а еще лучше просто промолчать — талант, которым при рождении меня обделили.

— То, что мы собираемся снимать, — экранизация записей Теарин Ильееррской. Кто что о ней знает?

Под пристальным взглядом почувствовала себя школьницей на выпускном тесте.

— Теарин Ильееррская — дочь правителя, которого предал лучший друг. — Придвинула к себе стакан с водой. — Ей надели таэрран, но она сбежала, чтобы сохранить жизнь брата. Чтобы выжить, Теарин присоединилась к бродячим артистам, где стала танцовщицей. На одном из представлений ее заметил Витхар Даармархский, иртвахан, покоровивший большую часть Огненных земель.

Поскольку молчание в кабинете повисло знатное, я отхлебнула водички и поинтересовалась:

— Мне продолжать?

Гроу по-прежнему смотрел на меня поверх дымящейся сигареты чуть более пристально, чем предыдущие пять минут. И даже чуточку внимательнее, не как на килограмм сисек без лифчика.

— Простите, а что такое таэрран?

Упс.

Я взглянула на Шири, которая смотрела на Гроу, не сводящего глаз с меня. О Теарин Ильееррской мне рассказала Леона... точнее, она пела ее дочери, а я просто оказалась рядом в это время. Потом мы немного пообщались на эту тему. Сестра у меня вообще помешана на историях сильных иртваханесс, оставивших след в истории. В общем, да, я как-то забыла, что про таэрран (наказание, которое запирает магию иртваханов) людям знать не положено.

— Подробности узнаете из материалов, которые я вам пришлю. — Гроу наконец-то повернулся к Ширил и Нилу. — Там все подробно расписано. Мне нужно, чтобы вы тоже прониклись эпохой, духом истории. Чтобы вы дышали раскаленным воздухом тех времен.

Взгляд его скользнул по моей груди, и воздух в этой комнате тоже стал раскаленным, несмотря на мощный кондиционер. В этот миг я снова искренне пожалела, что единственный подходящий под эту одежду верх моего белья остался в стиральной машинке. Под неплотной тканью топа и легкой рубашки отчетливо проступили соски, которые я прикрывала скрещенными руками.

У-у-у, как же он меня бесит!

— Нужно воссоздать атмосферу настолько, чтобы каждый зритель оказался в Огненных землях. Прыгал с высоты в огненное кольцо или чувствовал дыхание дракона на своей коже.

Детали я вносила в планшет, глядя исключительно в него. Впрочем, спасало это относительно: голос все равно ввинчивался в сознание — резкий, сильный, глубокий. Пробуждающий внутри что-то животное, нечеловеческое и сумасшедшее, как и его темный бесцеремонный взгляд. Голос иртыхана — это оружие, они прокачивают его с рождения, потому что с помощью него отдают приказы драконам. Приказы, подчиняющие сознание, превращающие зверя в ведомого и покорного их воле.

К счастью, управлять людьми им запрещено и наказуемо.

К нам заглянула секретарь: принесла поднос с кофе. Бесшумно поставила чашки рядом с нами и так же бесшумно удалилась.

— История Теарин — это не просто история золотого века иртыханов. Это история любви, и акцент мы делаем именно на нее. Поэтому антураж должен быть ненавязчивым. Но ярким.

— Как вы себе это представляете? — поинтересовалась я. — Яркий и ненавязчивый — взаимоисключающие слова.

— Хм... Джерман, — подал голос Нил, — Танни у нас новенькая...

— Вижу, что новенькая, — хмыкнул Гроу. Мне указали сигаретой на проектор. — Покажи, что ты умеешь, Танна.

Это было сказано с той же самой интонацией, что и в VIP-ложе. Судя по выражению дракономорды, я должна была покраснеть и смутиться, как школьница.

Ага, десять раз.

Я вытащила планшет. По-хорошему можно было взять флешку, но планшет действительно мой талисман. С ним я ходила на собеседование, да и вообще с ним как-то проще даже под пристальными взглядами коллег и цепким — Гроу. Особенно под его. Что-то в глубине сощуренных темных глаз говорило: облажаешься, и я тебя размажу. На самом деле облажаться я не могла, потому что 3D-моделированием грезил с детства. А уж после курсов Сириана Файта, знаменитого дизайнера, которые помогли мне поверить в себя, и шести лет обучения — тем более.

Гроу щелкнул пультом, и жалюзи с легким щелчком сомкнулись, погружая переговорную в полумрак. Загрузила портфолио, вывела работы на экран во всю стену со спецпокрытием. Смотреть фотографии и готовые декорации проще всего именно на фоне таких вот навороченных штук: они подстраиваются под цветосхему и в зависимости от нее темнеют или

светлеют, чтобы подчеркнуть демонстрацию объекта.

— Моделирование для церемонии открытия Зимних Соурских игр во Флангстоне.

На экране выросла скала, укутанная снегами, над которой из мерцающих искр собрались огненные стрелы, врастающие одна в другую: международная символика Соурских игр.

— Дальше, — скомандовал Гроу.

— Но это еще не все. Сейчас...

— Дальше.

Перезагрузила файл и запустила свою гордость: юбилей «Маунтин Молл», крупнейшего торгового центра Мэйстона. Разумеется, у меня все было представлено на макете, но я видела это вживую. На глазах собравшихся гостей торговый центр в сто двадцать этажей бутиков, фудкорт, кинотеатров и развлечений разламывался пополам, а потом извергался лавой, которая стекала по этажам и собиралась у подножия. Чтобы взлететь фейерверком, собраться в огненный шар и...

— Дальше.

Дальше шло несколько обычных проектов, напоследок я приберегла работу над сказочным миром мультфильма. Собственно, сказочным он был потому, что в нем не было драконов, а соответственно и пустошей между городами. Популярность таких фантастических вариаций набирала обороты, сейчас все больше фильмов и книг было на эту тему.

Но прежде чем я толком успела представить проект, Гроу махнул рукой:

— Хватит. На координатора сгодишься.

Че-го?!

Записать меня в координаторы — все равно что поставить Леону подпевать. Координаторы сидят на съемочной площадке и делают наброски (по которым потом будут воссоздавать декорации и спецэффекты), дорабатывают готовое по комментариям режиссера, переводят правки на язык специалистов и обратно. Они даже толком не создают ничего.

— Джерман, Танни — наш ведущий специалист... — начал было Нил.

— Новенькая? — уточнил тот.

— Новенькая.

— Ну, вот и отлично. Посмотрит на работу снизу, мы все так начинали.

Если Нил и собирался что-то сказать, то под взглядом Гроу явно передумал. Тем отчетливее прозвучал мой собственный голос:

— Координатор?! Серьезно?!

К счастью, Гроу затушил сигарету, потому что желание затолкать ее в

место, которым он врос в свой кожаный трон, только что стало непреодолимым.

— После всего, что вы видели?!

— Я видел работы, никак не связанные с киноиндустрией.

— У меня пять лет стажа. — С трудом сдерживаясь, чтобы не высказать ему все, что думаю, сложила руки на груди.

— Где?

— Все эти проекты выполнены на фрилансе.

— Заметно.

Это было сказано таким тоном, что я почувствовала, как стремительно уменьшаюсь в размерах.

— Вы только что видели мою работу над созданием мультфильма. Это вас совсем не смущает?

Гроу бросил на меня взгляд, от которого внутри вспыхнул маленький костерок.

— Главное, чтобы это не смущало тебя.

Че-го?!

Цензурные слова у меня закончились, а остальные застряли где-то в районе носоглотки.

— Если тебя что-то не устраивает, Танна, ты всегда можешь закрыть дверь с той стороны. Мы друг друга поняли?

Десять лет, напомнила я себе. Десять лет я к этому шла.

К «Хайлайн Вайнерз». К этой должности.

Помимо меня, здесь еще Нил и Шири и контракт, за который мне голову оторвут.

— Поняли.

Я выдернула адаптер с такой силой, что чуть было не снесла проектор. Жалюзи за моей спиной сложились с бесшумным хлопанием крыльев готового напасть дракона. Запихнула планшет в сумку и вернулась на свое место. На Гроу старалась не смотреть, на Нила — тем более. Оставшееся время я вообще предпочитала молчать и делать пометки в планшете. Половина слов от меня ускользала, потому что на планшете среди заметок были сцены кровавой расправы над именитым Гроу. Я так увлеклась, что даже не заметила, как время пролетело.

— На этом все, — подвел итог Гроу. — Со среды у нас съемки, так что ваша новенькая понадобится мне уже с утра.

«Ваша новенькая» было сказано тем самым тоном, которым не лучший в мире начальник обычно просит подать кофе.

Ах ты... дракономорда!

Вслух я этого не сказала, только когда мы оказались за дверями, прошипела:

— Координатор?! Нил, координатор?!

— Не ори, — процедил Нил, сцапав меня за локоть и увлекая в сторону лифтов. — Нечего было кусать дракона за хвост.

— Да сдался мне его хвост! — выдохнула я, пока потрясенная Шири бежала за нами.

— «Я не курю!» — Нил остановился так резко, что я чуть не влетела в него. — «Яркий и ненавязчивый — взаимоисключающие слова!» «Серьезно?» Радуйся, что тебя вообще с проекта не сняли! Ты хоть в курсе, с кем ты спорила, Ладэ? Ему не возражают. Его не одергивают!

Ему заглядывают в рот. Этого Нил не сказал, но все и так ясно. Надо было позволить Гроу нас окуривать, трепаться с высоты своего кресла и продолжать смотреть на нас, как драконобог на бесчешуйных птенчиков.

Ух, выдохнули, Танни. Выдохнули.

— Нил, ты же в курсе, что я могу! На проекте от меня будет гораздо больше пользы, чем на съемках.

— Возможно, но это уже не ко мне. Точнее, теперь уже не ко мне.

— То есть как?

— То есть так. На время съемочного процесса твой непосредственный начальник Джерман Гроу.

Твою чешую!

— А если я откажусь?

— Не заставляй меня принимать меры, Ладэ. — Нил поднял руку, пресекая дальнейшие возражения. — Посмотри на все с другой стороны. Вместо того чтобы ночами не спать, отдохнешь. Побываешь на съемочной площадке, познакомишься со звездами, посмотришь, как все происходит, на процесс изнутри, так сказать. Крутой опыт.

— Очень крутой. Драконам хвосты дорисовывать.

Шири за спиной прыснула.

— Знала бы ты, сколько народу только из «Хайлайн» готовы эти хвосты дорисовывать, — заметила она. — Особенно на одной площадке с Гроу. Хвосты, хвостики, хвостищи...

— Абрамс! — рявкнул начальник.

— Рада за них, — буркнула я.

Но заткнулась. В конце концов, если Нил умыл руки, спорить бессмысленно.

У меня испытательный срок, и запарывать его из-за этого... я точно не собираюсь. Не первый и не последний проект, Нил прав: опыт работы на

съемках — тоже опыт.

— Серьезнее надо быть, девочки. — Начальство окинуло нас яростным взглядом, но видно было, что больше уже не прилетит. — Увидимся в офисе.

На выходе мы разошлись по разным флайсам, Нил направился к своему, а мы с Шири — к ее изумрудно-льдистой машинке. Под солнцем Зингсприда флайс раскалился как под дыханием дракона, поэтому стоило нам нырнуть внутрь, коллега врубила кондиционер на полную мощность.

— Вообще-то, Нил прав, — подмигнула она. — Пока мы будем впихивать, ты будешь прохлаждаться, попить шипучку и...

— Мечтать придушить Гроу.

Вот не хотела я этого говорить, само вырвалось.

— Да брось. Он живая легенда.

— Пока что. — В ответ на вопросительный взгляд Шири фыркнула: — Живая.

Странно, что с таким характером он вообще до своих лет дожил. Сколько ему, интересно? На вид вообще сложно определить, особенно у мужчин. Тем более у холеных мужчин: таких, к услугам которых двадцать шесть часов в сутки массажисты, стилисты и прочие специалисты. Но если представить, что он уже был достаточно известен на момент, когда делал постановку, где моя сестра получила главную партию, никак не меньше сорока. А выглядит так, что мои ровесники удавятся от чувства собственной неполноценности.

У-у-у-род!

Флайс вспорхнул со стоянки и заскользил к воздушному рукаву. Шири краешком ногтя поправила идеально лежащую на губах помаду и бросила взгляд на светоотражающий постер фильма. Там на фоне космической станции застыл суровый чувак с лазерной винтовкой. Главный герой фантастического боевика стоял спиной к спине с не менее суровой блондинкой, а за их спинами выросло нечто монструозное (по ощущениям — помесь дракона с иглорыцкой^[4]), в стороны разлетались огненные брызги.

— Танни, забей. — Коллега ткнула пальчиком в сторону рекламы. — На постерах все равно они, в участниках проекта ты числиться. Так какая разница?

Действительно, какая? По большому счету нашей работы никто не видит, хотя кино без спецэффектов — как дракон без хвоста. Тем не менее, когда после фильма по экрану ползут титры, в зале все равно уже никого нет. Если кто-то и дожидается проморолика для серийного блокбастера, то

вряд ли вглядывается в имена, текущие сплошной пестрой лентой. Особенно в те, что идут с пометочкой «координатор режиссера по спецэффектам».

Тьфу!

— Проехали, — махнула рукой и откинулась на спинку сиденья.

Мы взмыли ввысь и, подхваченные потоком, понеслись над пышущим жарой городом. Раскаленный воздух дрожал, как желе, над аэротрубой. Вайшеррские холмы остались позади, впереди вырастала Вайовер Грэйс.

— По мороженке? — поинтересовалась Шири, когда впереди замельтешил указатель, ведущий к «Гритлэйн», самой известной сети быстрого питания в Аронгаре.

— А давай.

В конце концов, впереди долгий рабочий день, почему бы не зарядиться позитивом. Замороженный крем мне всегда помогал, особенно с арнаккой (большими сладкими ягодами) и камартовым фларом.^[5] Самое то, чтобы поднять боевой дух.

И забыть наконец про Гроу.

ГЛАВА 3

Танни

— Какая-то ты невыспавшаяся, Ладэ, — заявила Айра, когда мы столкнулись у кофемашины.

Я предпочла сделать вид, что меня интересует исключительно стаканчик с кофе, от которого уже шел умопомрачительный запах. Главное, не пить его при Айре, потому что кислое выражение ее лица даже самый очешуительный напиток способно превратить в бурду. После вчерашней поездки с Нилом и Шири она невзлюбила меня еще больше. Могу только представить, как она обрадуется после сегодняшней планерки, на которой всем станет известно о моей координаторской должности.

— Никак всю ночь на шесте скакала? — Айра поднесла стаканчик к пухлым губам и улыбнулась, всем своим видом демонстрируя отношение к моему увлечению танцами.

— Тебе бы точно не помешало на ком-нибудь поскакать. Может, добрее станешь.

— Хамло! — Она хлопнула ресницами.

— Не приставайте и да не посланы будете. — Я отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

За спиной еще какое-то время раздавалось злобное пыхтение, после чего на парусах раздувшихся ноздрей она вылетела из нашей офисной кухни, не забыв напоследок звучно шмякнуть стаканчик в мусорницу. Я же подошла к панорамному окну, закрытому жалюзи, и отодвинула створку. Весеннее утро в самом разгаре, солнце плещется в светоотражающих огнеупорных стеклах высоток. Сезон уже открыт, поэтому Зингсприд наводнили туристы.

Десять лет назад город был столицей Аронгары, но после смены власти стал просто крупным индустриальным, туристическим и развлекательным центром страны. Здесь создается кино, здесь проходят все звездные тусовки и мероприятия, здесь производят флайсы, лифты для высоток, оборудование для телепортов и много чего еще. Все это поставляется в другие города и на экспорт. Столица у нас плавающая, и сейчас она переехала в Мэйстон: у иртханов двенадцать правящих, по числу мегаполисов в нашей стране. Один из них самый-самый правящий, читай Председатель Совета. Тот город, в котором живет он, и становится

столицей.

— Танни! — На кухню заглянула Ширил. — Давай быстрее, планерка вот-вот начнется.

— Что — уже?

— А ты на часы смотрела?

Упс. Задумалась.

Я залпом влила в себя кофе, почти не чувствуя вкуса, и поспешила в конференц-зал. Для планерок он небольшой: рассчитан на ключевых сотрудников и прилегает непосредственно к кабинету Нила.

— Быстрее, девочки! Где вас драконы носят?

Секретарь Нила, темноволосая темнокожая Ринни, втокнула нас за двери и шагнула следом. Все, кроме нас, уже собрались, по какой-то коварной задумке Ширил скользнула поближе к кондиционеру, оставив свободное кресло около Лэрга. Устроилась и снова заговорщицки мне подмигнула. Место секретаря (по правую руку от начальственного) свободным не считалось, поэтому выбора не было.

Ладно, Абрамс, о своднических замашках мы с тобой поговорим после совещания.

— Поскольку все собрались, начнем. — Нил постучал пером по планшету, и экран за его спиной вспыхнул, открывая презентацию. — Все вы уже в курсе, что вчера мы ездили на встречу. Наш новый клиент «Гранд Пикчерз». Конкретно — Джерман Гроу с его кинопостановкой о Теарин Ильеррской...

Прерывая волну возбужденного перешептывания, Нил снова постучал пером:

— Прежде чем мы перейдем к делу, прошу всех прочитать контракты о неразглашении. Они стандартные, за исключением пункта об архивах.

— Архивах? — переспросил Лэрг.

Я же подтянула к себе планшет с документами.

— Нам предоставят записи Теарин Ильеррской. Она вела своего рода дневник.

А вот это уже явно что-то новенькое.

В последнее время иртханы делились информацией и тайнами своей расы уже немного охотнее, чем лет десять назад, но к своим архивам людей по-прежнему не подпускали. Несмотря на то что мы живем в одном мире, у них там общество в обществе. Свои законы, свои обычаи, свои традиции — жесткие, если не сказать жестокие, звериные. А тут вдруг, пожалуйста: откуда, спрашивается, такая щедрость?

— Гроу собирается максимально воссоздать атмосферу того времени с

поправкой на современного зрителя, разумеется. — Нил указал на планшеты. — Для этого нам всем в обязательном порядке предстоит ознакомиться с информацией из первых уст, читай из уст Теарин Ильеррской. Так что читаем внимательно, подписываем и после этого переходим к делу.

Контракт о неразглашении и правда был стандартный. В течение всего времени работы над проектом мы обязаны хранить тайну о том, над чем мы работаем (вплоть до запуска рекламной кампании), и даже потом, до премьеры, не имеем права особо распространяться по этому поводу. В общем, все такое и бла-бла-бла, но я читала внимательно. Особенно пункт о том, что никогда, ни при каких обстоятельствах я не имею права разглашать информацию, полученную из записей Теарин Ильеррской. Любое подобное нарушение грозило мне штрафом в размере заработной платы за десять лет и увольнением с последующим занесением в трудовую историю.

Да уж, после такого желающих потрепать языком не найдется.

Прочитала, поставила подпись и закрыла документ. Нил дождался, пока на его планшете соберутся все соглашения, только после этого открыл первый лист презентации. Я почувствовала на себе пристальный взгляд Лэрга, и экран моего планшета вспыхнул сообщением мессенджера: «Может, сходим куда-нибудь вечером?»

Да что же он такой упорный-то! Или точнее будет сказать, упертый?

«Я занята».

— Смотрим сюда. — Голос Нила заставил поднять голову. — Съёмки будут проходить в павильонах «Гранд Пикчерз» и в Лархарре.

Ого! Лархарра — другая страна, но для истории Теарин она подходит, как никакая другая. Там уцелело много древних построек, и даже современная архитектура во многом несет в себе отсылки к далекому прошлому.

— Павильонные съёмки нам предстоит рисовать с нуля по классической схеме, «живые» — дорабатывать. Условно, как всегда, — декорации, спецэффекты, обработка трюков...

— Там будут «живые» трюки? — Шири округлила глаза.

— Да. — Нил кивнул. — Сейчас набрасываем примерный график и план, кто чем будет заниматься, и пересылаем Ринни.

Секретарь ослепительно улыбнулась.

— Координировать нашу работу на съёмках будет Танни Ладэ.

Айра хихикнула.

— Я сказал что-то смешное? — поинтересовался Нил.

— Нет, я просто... радуюсь за коллегу.

«У тебя кто-то есть?»

Да он издевается! Благо хоть отвлек от довольной физиономии Айры.

«Нет».

— Кстати, Танни. С тебя документы, передашь Ринни. Оформим тебе визу в Лархарру.

— Угу.

«Дай мне шанс, Танни. Всего один шанс».

Искоса взглянула на Лэрга, он улыбался.

«Зачем?»

— Танни приступает уже завтра. У остальных есть неделя, чтобы закрыть все мелкие проекты, изучить записи Теарин и настроиться на работу. График будет очень плотный, Гроу снимает быстро...

— Говорят, он выжимает из актеров все соки, — произнес сидевший рядом с Шири Дирг.

— И вот пока он их выжимает, нам надо сделать ему красиво. Очень красиво.

— Говорят, его удовлетворить невозможно. — Айра приподняла татуированные брови.

Ага, поэтому он такой... неудовлетворенный.

— Было бы невозможно, он бы ни одного фильма не снял, — заметил Нил. — Его ценят, потому что он не заикливается на мелочах, видит самое главное и цепляет за живое. По Теарин пока все, сбрасываем пожелания Ринни, она разошлет вам архивы Ильеррской, а сейчас давайте отчеты по текучке.

Текучкой у нас называлось создание спецэффектов для квестов, анимации для юбилеев и прочие мелкие проекты, которые закрывались достаточно быстро.

«Потому что ты мне нравишься. Очень. Потому что я просто хочу провести с тобой вечер».

Я глянула на Шири и отправила ей стикер в видедохнувшего огнем дракона. В ответ она прислала цветочек и подпись: «Не будь такой драконокусачей».

Ой-ой.

«О'кей», — написала я.

И долго смотрела на сообщение, прежде чем нажать «отправить».

Спустя пару секунд пришел ответ: «Я рад».

Набережная Зингсприда — особенное место. Протянувшаяся через полгорода, она огибает мегаполис по дуге. Здесь располагаются шикарные

рестораны и смотровые площадки, но сердцем ее считается Зингспридская опера, огненный цветок которой распускается прямо в парящей над побережьем чаше. Такой эффект достигается за счет особой конструкции опор и их цвета. Большинство туристов развлекаются тем, что фотографируются на ее фоне издали, сложив ладони лодочкой, в которых оказывается здание оперы. Мимо таких как раз и прошли мы с Лэргом.

— Не знал, что ты увлекаешься танцами, — произнес он, глядя на меня.

— Это не увлечение. Так, хобби.

— Разве это не одно и то же?

— Понятия не имею. Для меня танцы как антистрессотерапия.

— Антистресс?

— Ага. Танцую, когда чувствую, что все достало.

— Тогда тебе лучше было пойти на лархаррские единоборства.

— Для единоборств я слишком нервная, — фыркнула я. — Еще зашибу кого-нибудь ненароком.

Лэрг рассмеялся. Он вообще на редкость приятный: чуть выше меня ростом, светлые волосы, голубые глаза. Есть в его внешности что-то такое искреннее, настоящее, теплое, как бы парадоксально это ни звучало. Его родители переехали в Зингсприд из Ферверна, северной страны, с которой Аронгара соперничает за звание величайшей державы. То есть территория, экономика, производство, армия и сила крови правящих иртеханов у нас с ними примерно на одном уровне. В отличие от большинства других стран. Это соперничество, по сути, носит экономический характер, а в принципе мы живем мирно. Даже миротворческие миссии в более слабых государствах, где власти не способны справиться с налетами или воюют за ресурсы, осуществляем вместе.

— Не надумала где-нибудь посидеть?

— Тут поблизости есть «Гритлэйн».

— Я имею в виду что-нибудь более солидное.

— Более солидное? — Я ткнула пальцем в себя. Майка с принтом разбрызганной над 3D-граффити краски, джинсы и кеды. — Ты уверен, что меня туда пустят?

— Уверен. — Лэрг улыбнулся. — Метрдотель мой хороший друг.

Вот и верь после этого мужчинам!

— Так ты все заранее спланировал?

— Ну... почти все. На самом деле я не знал, согласишься ли ты, поэтому пришлось звонить ему в срочном порядке и уговаривать отдать мне столик из нерезервируемой зоны.

Я фыркнула:

— Теперь ты ему обязан и все такое?

— Разумеется.

— А я должна это оценить.

Лэрг фыркнул:

— Ты говоришь все, что думаешь?

— По мере сил и возможностей. Так жить проще.

Он снова улыбнулся, и вокруг глаз собрались лучики морщин. Такие же лучики были у Гроу, вот только они придавали его фирменному взгляду хищность. Чешуя его знает почему, возможно, все дело в животной сути иртыханов. Они же наполовину драконы, за счет их крови, которую шаманы Пустынных земель в древности вливали себе, чтобы уравниваться со зверем. Собственно, так первые иртыханы и появились. В наше время вливание крови дракона считается браконьерством и карается очень серьезно.

— Нам вон туда. — Лэрг указал на крышу небоскреба, прикрытого куполом охлаждения.

В ночи этот купол напоминал половину мыльного пузыря, который вот-вот лопнет. Обманчиво: современные технологии позволяли ему выдержать ураганные порывы ветра и проливной дождь, под таким куполом не страшно даже в шторм оказаться. Штормит в Зингсприде частенько, особенно осенью. Эти шторма, когда волны поднимаются на огромную высоту, а защитные экраны растягивают по всему побережью, я застала во время переезда. Перебиралась заранее, чтобы освоиться на новом месте, на работу вышла уже после Сердца зимы (праздника, условно «отбивающего» год от года).

— Что скажешь?

— Согласна. При одном условии.

Лэрг внимательно посмотрел на меня.

— Никакой ерунды вроде: «Я оплачу счет за двоих».

Он явно хотел возразить, но понял, что чревато, и вскинул руки:

— Согласен.

— Тогда идем.

Мы прошли по выложенной камнем набережной вдоль невысокого парапета, переливающегося огнями. Свернули на дорожку, ведущую к вонзающейся в небо игле. Чем ближе мы подходили, тем основательнее над нами вырастала ее громада, справа и слева раскинулись пальмы и газоны, увитые тропической растительностью. Зингсприд — без преувеличения зеленый город. Несмотря на жаркий климат, в отличие от Мэйстона (где все запаковано в камень и сталь), здесь часто попадают такие вот зеленые

островки.

Шахта лифта, как и большинство здешних, была прозрачной с внешней стороны. Поэтому в те мгновения, что мы поднимались вверх, я смотрела на отражающую огни воду. Десять лет назад мы приезжали сюда с Леоной и ее будущим мужем: должно быть, отчасти это и определило мой выбор при переезде.

Дурацкая сентиментальность, напоминающая мне о том, как все было раньше.

Тряхнула головой и улыбнулась Лэргу: вовремя. Двери лифта распахнулись, выпуская нас на крышу, в прохладный кондиционированный холл ресторана, где нас уже встречали.

— Джор.

— Лэрг.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Друг Лэрга оказался высоким, темнокожим и совершенно лысым, но что-то неуловимо общее у них было. Возможно, теплая улыбка, которой меня наградили.

— Моя коллега Танни Ладэ.

После такого представления Лэрг заработал несколько очков в свою пользу. Большинство парней сразу пытаются представить девушкой или подружкой, вроде как клеймо ставят.

— Приятно познакомиться, эсса Ладэ. — Мужчина протянул мне руку. — Джор Хардингэм.

— Можно просто Танни.

— Можно просто Джор.

И друг у него клевый.

— Пойдемте, я вас провожу. — Он кивнул в сторону, кажется, единственного свободного столика. Располагался он так, что было видно все побережье.

Зал ресторана представлял собой композицию из стекла и металла. Изнутри по стенам купола прокатывались капельки искр, которые оседали в ограждении на полу и растекались мягким свечением по всему залу. Собственно, они да еще вмонтированные в стекло светильники, изогнутыми выюнами вырастающие из пола, были основными источниками освещения. Свет звездного неба, раскрывшегося над головой, сюда не доставал.

Мы как раз шли через зал, когда я споткнулась от взгляда.

Пристальный, жесткий, знакомый.

За столиком, расположенным на линии у окна, сидело Его Ледяное Драконобесподобие. Читай Джерман Гроу.

Ну не-э-эт. Нет, нет, нет!

Я что, даже вечер не могу провести, чтобы не нарисовалась эта драконья морда?

Желание развернуться и отправиться в противоположном направлении стало особенно непреодолимым, когда этот хмырь приподнял бровь, а потом отвернулся. Сидевшая рядом с ним женщина — яркая, с густыми темно-каштановыми волосами — показалась мне смутно знакомой. Впрочем, на их столик пялились все без исключения (кто прямо, кто исподтишка), поэтому, когда я перевела взгляд на Лэрга, совсем не удивилась, что он тоже его узнал.

— Джерман Гроу и Мелора Ярлис, да, — пояснил Джор. — Не могли они прийти в другую смену? Мне пришлось охрану усилить, чтобы сюда папарацци не ворвались.

Мелора Ярлис.

Мелора Ярлис...

Мелора, чтоб ее Ярлис! Известная актриса, дочь правящего из Хайторна. После того как моя сестра доказала, что высокопоставленные ир்தханессы способны сочетать сцену и статус, начался просто какой-то бум. Многие осмелевшие местрель (так обращаются к незамужним девушкам-ир்தханессам) решили попробовать себя в шоу-бизнесе. Разумеется, это произошло не сразу, и не у всех получалось, но Мелора снялась уже в нескольких фильмах. Самой известной ее картиной была романтическая комедия. В ней она играла абсолютно безбашенную ир்தханессу, которая решила сбежать, чтобы не выходить замуж. Ее героиня устроилась работать официанткой и постоянно попадала во всякие комичные ситуации.

— Танни? — Голос Лэрга пнул меня в реальность.

— Я здесь. Задумалась просто.

К счастью, наши места находились через несколько столиков от их, и я вздохнула с облегчением. Чешуя с ним, с дракономордым. Пусть развлекается со своей Мелорой, а я буду отдыхать в приятной компании.

— Приятного вечера. — Джор загрузил планшеты-меню легким нажатием кнопки и подмигнул Лэргу, который отодвинул мне стул.

Мужчины!

— Невероятное совпадение, — сказал Лэрг, когда мы определились с заказом и отложили планшеты. — Помнишь, в субботу мы отдыхали в клубе и он тоже был там?

Такое забудешь, ага.

— Хотя на самом деле ничего удивительного. — Он улыбнулся. — Это

один из самых известных ресторанов на побережье. А Гроу, насколько я понял, любит все лучшее.

Не сомневаюсь.

Поэтому его мелоярлит (от Мелоры Ярлис) не по-детски.

— Не хочешь о нем говорить? — Он нахмурился.

— Если честно, нет.

— Ты не рада, что будешь с ним работать?

— А должна?

Лэрг улыбнулся:

— За это я тебя и люблю.

Че-го?!

— В смысле мне нравится твоя прямота и бескомпромиссность. — Лэрг тут же исправился. — Ты не признаешь авторитетов и ни перед кем не пасуешь. Мне кажется, ты даже Председателю Совета спуска не дашь.

Последнее было вроде шутки, но, к счастью, в это время официант принес нам воды и аперитивы — комплимент от заведения, ну или от Джора. Исключительно поэтому я не подавилась, не закашлялась и даже не сказала ничего лишнего. Просто с прошлого года Председатель Совета — муж моей сестры.

М-да.

— Расскажи лучше о Ферверне, — заметила я. — Всегда хотела побывать в Хайрмарге.

В отличие от Аронгары, в Ферверне столица постоянная. Верховный правитель (по аналогии с нашим Председателем Совета) меняется, а столица остается.

— В столице красиво. — Лэрг улыбнулся. — Правда, холодно. Пятнадцать градусов — средняя температура летом. Самым жарким — восемнадцать.

— Красота, — сказала я, стараясь не думать, что через несколько столиков от меня сидит Джерман Гроу.

Которого я, начиная с завтрашнего дня, буду лицезреть воочию по тринадцать часов в сутки минимум.

Небо, дай мне сил и терпения.

— Хочу на смотровую площадку Грайрэнд Рхай, — сказала я.

— Облака давно не видела? — Лэрг рассмеялся.

Это самое высокое здание в мире, двести шесть этажей. На постройку иглы ушло двадцать пять лет, и еще два года ее тестировали, чтобы запустить в эксплуатацию. Особое внимание уделили дизайну: от верхней иглы вниз спускаются иглы поменьше, со стороны оно смотрится, как

выросшее из земли скопление изящных стальных сталагмитов. Это торгово-офисный центр, отель и одна из самых ярких достопримечательностей мира. На верхних этажах действительно видны облака, из-за чего возникает такое ощущение, что высотка вплавлена прямо в их белоснежную пену. Я смотрела фотографии в сети, и круче всего Грайрэнд Рхай смотрится зимой в ясный день. Вокруг снега, а ледяные иглы поблескивают на солнце.

— Меня заводит высота, — призналась я.

— Серьезно?

— Ага. С ума схожу, когда оказываюсь в таких местах.

— Значит, надо будет непременно тебя туда сводить. Если я исчерпаю все остальные возможности тебя завести.

Лэрг внимательно посмотрел мне в глаза, а у меня звякнул второй тревожный звоночек. Проникнуться им я не успела, потому что сначала подошел официант с салатами, а потом мимо нашего столика прошествовала Мелора Ярлис, обдав нас ароматом духов, от которого засвербело в носу. Сладковатым, как камартовый флар, с кислинкой литтоновых ягод. Кислинка ей в принципе шла: местрель Ярлис смотрела на всех с высоты своего иртханского положения, с загадочной полуулыбкой на полных чувственных губах.

— С ним правда нереально сложно работать, — прервал мою мысленную характеристику Лэрг. — Его кастинги — это проверка на стрессоустойчивость. Говорят, что, если ты снялся у Гроу, тебе уже ничего не страшно.

— Жесть, — честно сказала я. — И у него еще кто-то снимается?

— Недостатка желающих попасть в его постановки нет.

— Да ладно?

— Гроу делает очень яркие истории. Жесткие, откровенные, без тормозов. Он может отказать звезде и взять никому не известного парня. Просто потому, что у него пунктик по поводу соответствия образу.

— У всех режиссеров пунктик по этому поводу.

— У него особенно. Несколько лет назад был дикий скандал с перестановкой именитой звезды.

— А пробы ему на кой? — поинтересовалась я.

— С его слов, пробы — это первое впечатление, на которое можно полагаться до нескольких косяков в образе. Там все были в ауте, переснимали несколько сцен.

Да уж, действительно странно, что он дожил до своих лет.

— Как ему компания голову не оторвала?

— Он выплатил неустойку, — фыркнул Лэрг. — Сказал, что лучше отдать деньги, чем запороть фильм.

— Так и сказал?

— Немного пожестче.

Ответить я не успела: прямо по курсу нарисовалась вышеобозначенная дракономорда. Видимо, соскучился без своей Мелоры.

Лэрг заметил мой взгляд, обернулся.

— Он что, на нас смотрит?

— Показалось, — фыркнула я и уткнулась в тарелку. Салат намного лучше Джермана Гроу.

И чуть не подскочила, когда пальцы иртехана коснулись моего плеча, а следом прозвучало еле слышное:

— Туфельки когда заберешь?

Гроу даже не задержался возле нашего столика. К счастью. Потому что иначе меня вывела бы полиция, а его — парамедики с вилкой в знаменитой ягодице. Но паршивее всего было то, что Лэрг здесь абсолютно ни при чем.

Поэтому пришлось поднимать глаза и спокойно встречать его взгляд: скорее недоумевающий, чем с претензиями, за что я записала ему в личное дело еще сотню очков. Просто смотрела на него и ждала вопроса, но последовал не тот, который, по идее, должен был прозвучать.

— Как ты вообще решилась переехать в Зингсприд? Одна.

И это было еще плюс сто.

— Не знаю, — фыркнула. — Наверное, большую часть моей решимости можно записать на счет Нила и его приглашения на собеседование.

— Все равно. — Лэрг пожал плечами. — Насколько я знаю, у тебя все знакомые в Мэйстоне.

— Ну, это ни для кого не секрет. На самом деле все просто. — Я подцепила салатный лист размером с мою ладонь, из-за чего красиво выложенное на нем содержимое некрасиво смешалось в кучу. — Мама умерла, когда я была совсем маленькой, сестра замужем, лучшая подруга собирается замуж.

Лэрг внимательно на меня посмотрел. Впрочем, он всегда смотрел внимательно.

— И ты решила начать все сначала?

— Можно и так сказать, — пожала плечами. — Ну а ты? Суровый фервернский парень, который не растаял под зингспридским солнцем?

Лэрг усмехнулся:

— На самом деле Ферверн я помню смутно. Мне было четыре, когда

мы сюда перебрались.

— С чего вдруг? — Я подняла руки. — Если не секрет, конечно.

— Не секрет. Отец занимал достаточно высокий пост и был не последним лицом на экономическом рынке. Он не поддержал правящего в его политике, после чего нам пришлось уехать.

— Сожалею, — искренне сказала я.

— Не стоит. — Лэрг подмигнул. — Если бы мы не уехали, я бы никогда не познакомился с тобой.

Снова фыркнула, но в этот момент официант принес горячее для Лэрга и суп для меня. Глянув на кусок мяса на гриле, щедро сдобренный гарниром, я искренне порадовалась, что выбрала супчик. Сожрать такой стейк могла только Бэрри, в меня бы это просто не влезло.

Дальше мы болтали обо всем подряд — о работе, о том, что в «Хайлайн» скоро придет новое руководство, но мыслями я так или иначе возвращалась к тому, что сказал Лэрг.

Иртханы, чтоб их. Так было и так будет всегда: люди перед ними букашки. Какой бы высокий пост ты ни занимал, скажешь слово поперек — и будешь лететь, как виар от пинка дракона. Что на примере Гроу очень и очень показательно. Будь на моем месте Мелора Ярлис, чешуйки с две он бы ее назначил координатором, а Танни Ладэ — пожалуйста. Просто потому, что ее папаша поднял бы хай до небес, а мой... ну ладно, тему моего папаши совершенно точно лучше не поднимать.

Эти, к слову, вернулись за свой столик и сейчас ворковали, как парочка виаров. Панорамный ободок ресторана изгибался, из-за чего я имела сомнительное удовольствие видеть ямочки на лице иртханессы и затылок Гроу, который то и дело лапал ее за руку, а она как бы случайно касалась модельной туфелькой его ноги.

Если мне мысли о нем не давали покоя, то Лэрг, казалось, вовсе о нем забыл. Из-за чего мне еще больше хотелось воткнуть вилку в именитую задницу. В конечном счете Лэрг не обязан выслушивать все это дерьмо просто потому, что Гроу — моральный урод. Чем больше я об этом думала, тем сильнее заводилась, поэтому, когда десерт был съеден, кофе выпит, а счета оплачены, я попросила Лэрга подождать у лифтов. Сама вроде как направилась в сторону туалетов, на деле же просто дождалась, пока коллега выйдет из зала.

После чего решительно приблизилась к столику Гроу и поинтересовалась:

— Все ледышки из трусов вытряхнул? — Драконий прищур и вытягивающееся лицо Мелоры надо было видеть, особенно когда я

добавила: — Ой, прости. Забыла, что ты был без трусов.

Из ресторана я выходила с чувством выполненного долга и в приподнятом настроении. Даже мысль о том, что мои трудовые будни Гроу способен сделать невыносимыми, сейчас не напрягала. Это мы еще посмотрим, кто кому координатор, дракономорда ты беспринципная.

Лэрг дожидался меня у лифтов, а заметив, что я подхожу, нажал кнопку.

— Не против, если я провожу?

Наверное, останься во мне силы, я бы удивилась. Он по-прежнему не предпринимал попыток давить на меня. Большинство парней, с которыми я встречалась (ну или точнее будет сказать, пыталась встречаться), вели себя... по-разному. Кто-то пытался подкатить напрямую, без ухаживаний, кто-то тратил вечер-другой на раскачку, но чаще всего все сводилось к постели после первого ужина. Точнее, все пытались свести к постели, а когда понимали, что не светит, тут же отваливали.

Возможно, именно поэтому я ответила:

— Не против.

До дома мы добрались быстро: ближе к ночи трафик становится не таким жестким, поэтому даже по средней аэромагистрали нас довезли достаточно быстро.

— Будешь изучать историю Ильеррской? — поинтересовался Лэрг, когда мы остановились у моей двери.

— А у меня есть выбор?

— Не представляю, что такого таинственного в ее записях.

— Ну, если это действительно ее записи, а не адаптация, то...

— То?

Лэрг смотрел на мои губы, а я на него и думала, хочу ли его поцеловать.

— То снотворное в ближайшие дни мне точно не потребуется. — Я все-таки решила, что хочу.

Поэтому шагнула к нему, сокращая расстояние между нами, а последний шаг сделал он. Наши губы соприкоснулись (такое в романтических фильмах всегда показывается очень проникновенно и отмечается усилением музыки), но ничего особенного я не почувствовала. Он просто меня целовал, зарываясь пальцами в мои волосы, а я просто ему отвечала, и... все. Это было глубоко, но никак. Последний раз, когда меня перетряхнуло от поцелуя, случился десять лет назад. Тогда Мик отвел волосы с моего лица и выдохнул мне в губы своим низким дрожащим голосом:

— Хочу тебя, Та-а-аннюш.

У них с Гроу даже голос был похож. Только чтобы добиться такого тембра, Мик глотал ледяную содовую на морозе.

Помню, как в ту минуту у меня сорвало крышу. Причем настолько, что я целовалась до горящих губ, до стонов, до дрожи во всем теле, когда не хватает дыхания, а низ живота сладко пульсирует от прикосновения языка к языку. Наверное, та ночь и выпила из меня все чувства, потому что больше я подобного не испытывала.

Никогда.

Кроме того краткого помешательства в ВИП-ложе.

Точнее, именно мысль о поцелуе с Гроу выбила из меня пустоту.

Осознание этого заставило резко шагнуть назад, от неожиданности Лэрг разжал руки.

— Что...

— Нам не стоит продолжать.

— Почему? Я сделал что-то не так?

— Нет. — Сжала губы и достала ключ. — Нет, Лэрг. Дело не в тебе.

— Тогда в чем? Скажи мне. Танни?

— В том, что однажды я сделаю тебе очень больно.

Я шагнула за дверь и захлопнула ее, не позволяя себе продолжить. Не позволяя продолжить ему, потому что там, в клубе, я была права. Он действительно хороший парень.

Вылетевшая мне навстречу Бэрри радостно колотила хвостом, и я швырнула сумку на полку.

— Есть. Гулять. Спать, — скомандовала коротко, выбивая себя из кроссовок. — А кому-то еще читать всякую муть о Теарин Ильеерской.

Правда, для начала лучше потанцевать.

ГЛАВА 4

Даармарх, Огненные земли Теарин

— Вот и все, Теарин.

Мархит нанесла последний штрих, отложила кисть и отступила, чтобы полюбоваться делом своих рук. Краска быстро схватывалась, превращая мое лицо в маску, а тело — в произведение искусства. Плотнo сидящий лиф, шаровары и длинная юбка, напоминающая не то шлейф, не то хвост. Черные одежды, в которые вплетены золотые нити.

Негромко зашелестел полог, и Мархит улыбнулась. Немедленно выскользнула из шатра, оставляя нас наедине.

— Готова? — Эрган подошел и встал рядом.

— Готова, — отозвалась я.

Вместе с ним мы смотрелись как день и ночь, и днем, разумеется, был он: высокий, светловолосый и широкоплечий, с глазами цвета неба в полуденный зной и волосами, как раскаленное солнце. Длинные, до лопаток, сейчас они были заплетены в густую косу, стекающую по спине. Коса, как и белые, подхваченные витым шнуром штаны, была пропитана раствором от возгорания, а кожа под серебром росписи покрыта специальной мазью. Когда имеешь дело с огнем, осторожность не помешает.

Он почти коснулся руками моих плеч, но вовремя вспомнил о краске: мое тело (то, что не прикрыто одеждой) украшал золотисто-черный орнамент. Причина его появления заключалась в горящей на моей шее таэрран — магической росписи, запирающей магию. Она напоминала раскаленный ошейник, но благодаря покрывающим тело узорам рассмотреть ее становилось невозможно.

— Ты прекрасна, — произнес Эрган горячим шепотом, едва касаясь пальцами плотных бретелей лифа.

Черное и золото на лице и на шее, на груди, животе и руках. Даже треугольники стоп, видневшиеся в прорезях туфель, покрыты узором. В свете факелов я напоминала не то ожившую статуэтку, не то богиню Меррхаш, способную укротить огонь. Впрочем, боги в нашем мире давно уже не в чести. С тех пор как на землю ступил первый ир்தхан, повелитель драконов, за богов почитали их.

Когда-то я была одной из них. Когда-то, но теперь все это в прошлом.
— Нам пора.

Коснулась пальцев Эргана, отводя его руки, улыбнулась уголками губ.

— Теарин. — Голос за спиной заставил обернуться. — Долго ты еще будешь меня мучить?

— Разве я тебя мучаю? — приподняла брови.

— Я же сказал: я сожалею о том, что сделал. Если бы можно было все исправить...

— Исправить уже нельзя, — ответила я. — Забудем об этом.

— Но я не могу забыть. — Он шагнул ко мне вплотную, оказавшись лицом к лицу. — Я не хочу тебя забывать, Теарин.

Под маской — точь-в-точь такой же, что скрывала мое лицо, — я видела искреннее раскаяние за то, что не сдержал данное мне слово: по сути, только это между нами и встало.

Винить мужчину за то, что хочет всем заявить о своей власти над женщиной? Смешно. Особенно здесь, в Огненных землях, где самая влиятельная из нас всего лишь особь для продолжения рода и украшение семьи. Вот только мне всегда хотелось другого, с самого детства, когда я танцевала перед мамой и ее свитой или прыгала по растущим в нашем парке деревьям. Тем, что сплетались кронами высоко-высоко над землей.

Я карабкалась все выше, выше и выше, перелезала с ветки на ветку, едва касаясь ногами одной, цеплялась за другую и взбиралась на самый верх, чтобы рассмотреть отцовские владения и горы, над которыми кружили драконы. Никакие запреты не могли заставить меня перестать, ни суровые выговоры, ни наказания. Со временем отец махнул на это рукой, разве что приказал, чтобы со мной рядом всегда кто-нибудь находился. Как будто они могли угнаться за мной или с той же легкостью влезть на дерево.

Должно быть, именно это и определило то, чем я занимаюсь сейчас.

— И терять не хочу.

Глядя в глаза Эргана, я понимала, что рядом с ним всегда смогу быть собой. И то, что случилось, никогда больше не повторится, но...

— Поговорим после выступления, — ответила я.

И шагнула за полог.

Духота обрушилась на меня всей тяжестью: в этой части Огненных земель жара спадала лишь глубокой ночью, чем дальше к югу, тем жарче становилось. В таком пекле дневные представления давать невозможно даже под тенью шатра, а ведь именно они приносят большую часть дохода. Ночью шатер не ставится, поэтому все желающие посмотреть выступление могут это сделать издалека. Танец не рассмотреть за стеной арены, зато в

ночи огонь горит ярче, и воздушная часть представления доступна не только тем, кто может заплатить.

Арена была огорожена возведенными по кругу трибунами, нижние ярусы оплетала ткань, сквозь которую можно попасть внутрь. Но мы с Эрганом всегда поднимались по лестницам, ведущим на две вырастающие друг напротив друга башни. Они были гордостью наших представлений, высотой с пару дворцовых этажей, и напоминали смотровые вышки. Вроде тех, с которых дозорные за чертой города всегда следят, не приближается ли дракон.

Суэта лагеря, шатрами разбросанного под городскими стенами, осталась за спиной. Эрган напоследок коснулся моей руки и бросился к своей башне по другую сторону арены. А я подошла к лестнице и взлетела наверх, почти не заметив ступенек.

Запал для огня оставили у стены в глиняном ковшике. Пока что зрители не смотрели наверх: с трибун то и дело доносились взрывы хохота, братья-близнецы смешили собравшихся на славу. Я же рассматривала город, раскинувшийся за стенами, залитый искрами огней, которые вот-вот погасят. Город, так похожий на мой, разве что чуть побольше.

— ...То, чего вы так ждали!

Зазевавшись, чуть было не пропустила начало выступления: подхватила пляшущий от порыва ветра огонек. Крохотное пламя лизало язычком воздух, пытаясь дотянуться до пальцев. Я взглянула на Эргана, стоявшего напротив меня на другой башне. В ночи отчетливо выделялись светлые волосы и костюм, а еще язычки пламени у него в ладонях.

— После этого вам уже никогда не будет холодно! — Голос Наррза, владельца нашего передвижного представления, вытолкнул в реальность. Раскинув руки, он замер посередине арены, зрители с такой высоты казались не больше фигурок, что в свое время были у моего брата в игрушках.

Быстро обернулась: по лестнице уже карабкался паренек, который после моего ухода займется огнем и проследит, чтобы башня не загорелась.

— Теарин и Эрган! Наша огненная парочка! Встречайте!

Одно прикосновение огненного языка — и по желобку перил потекло жидкое пламя: справа и слева, заключив меня в пылающий захват. Взявшись за веревку, крепящуюся к балке, взлетела наверх. В ту же минуту с другой стороны взвился Эрган, а потом мы шагнули навстречу друг к другу. По натянутому над ареной канату.

От такой высоты у кого угодно может закружиться голова, но я не смотрела вниз. Просто шла к Эргану, протягивающему мне руку. Витое

натяжение под ногами отзывалось в самом моем существе: за несколько лет я точно изучила дрожь правильную и опасную. Сейчас все было правильно, барабаны выбивали едва слышный ритм, отдающийся в сердце. Больше снизу не доносилось ни звука.

Улыбка на лице Эргана была светлой, и мои губы дрогнули в ответной. Ровно в ту же секунду, когда донесся вздох толпы, канат за нашими спинами загорелся. Пламя устремилось к нам, жадно вгрызаясь в витые сплетения. Когда кажется, что сейчас наши пальцы соприкоснутся, когда узкая полоса под ногами начинает дрожать, из самого центра арены взлетает огненный фонтан.

Здесь самое главное вовремя отдернуть руки, и мы сделали это одновременно под оглушительный рев. В миг, когда пламя почти коснулось моих туфелек, я раскинула руки и рухнула вниз. В падении есть несколько свободных мгновений, когда дыхание прерывается, а после нужна предельная концентрация. Я хватаюсь за установленный на шестах обруч, чтобы сначала уйти под него, а после — подтянуться и взмыться ввысь, складываясь вдвое на фоне рассыпающего искры огненного столба.

Следующий обруч чуть пониже, и я падаю сквозь него. В то же мгновение он воспламеняется, шлейф вбирает искры и рассыпает их вокруг под крики, вздохи и барабаны. Я хватаюсь за последний, самый нижний, чтобы войти в него и плавно опуститься на землю, когда в нескольких метрах от меня то же повторяет Эрган. Теперь нас разделяет лишь ночь, но стоит нам снова потянуться друг к другу, как арена вспыхивает огнем.

Пламя бежит по кругу, замыкая нас в огненное кольцо. Мы шагаем, и земля пылает под нашими шагами. Главное — не сбиться со счета, потому что по числу шагов и секундам мы отсчитываем огненные узоры, которые текут по невидимым на песке веревкам.

Стук барабанов, как стук наших сердец, все быстрее и быстрее.

Мы почти рядом и одновременно вскидываем руки, чтобы наткнуться на невидимую стену. Наши ладони почти соприкасаются, а потом в ритме возрастающей музыки я резко ухожу вправо, он — влево.

Шаг, поворот, вскинутые над головой руки.

В этом танце важно считать про себя.

Удар!

Рывок к нему.

И назад, словно на меня наброшена петля. Прогнуться до предела, позволяя волосам стелиться по песку между текущих огненных жил, и плавно собраться наверх. На трибунах творится нечто невыразимое, людское море бушует, все вскакивают со своих мест, глядя, как все новые и

новые нити огня рассекают арену, не позволяя нам приблизиться друг к другу. Это огненное безумие, это танец, который мы танцуем втроем: пламя, Эрган и я.

Удар!

Движение вправо — и мы оказываемся на одном клочке земли раньше, чем нас разделит новая огненная полоса.

Удар!

Разворот — и мы лицом к лицу. Ритм все быстрее, вместе с ним наши движения: Эрган вскидывает руки, и я прогибаюсь, чтобы нырнуть в их кольцо. Когда мои пальцы почти касаются его груди, публика ревет как безумная, но в этот миг между нами снова пробегает огненная черта. Отпрянув в разные стороны, мы движемся в танце, почти не касаясь друг друга. Шлейф собирает пламя, чтобы взметнуть его в жаркую ночь огненными лепестками. Арена сейчас напоминает цветок. Огненный цветок, который все раскрывается и раскрывается новыми гранями полыхающих жил.

В миг, когда кажется, что последний путь к нему сейчас будет отрезан, Эрган резко притягивает меня к себе. Я обхватываю его плечи, и дальше мы движемся уже вместе как единое целое. Его руки на моей талии, движение вверх — и я, оттолкнувшись от земли, взлетаю в воздух. Чтобы упасть на его руки и откинуться назад.

Прогибаюсь, обхватывая его ногами в вихре кружения.

Знаю, что он меня не уронит, трибуны мельтешат бесчисленным множеством лиц. Музыка колотится, как мое сердце, ладонь Эргана скользит по моей спине, помогая собраться перед последним рывком.

Перевернутые трибуны движутся перед глазами туда-сюда.

Искры раскаляют золото, вплетенное в волосы, превращают его в огненные нити.

Удар!

Гулкие удары барабанов возносятся ввысь и затихают. Я медленно вынырываю из прогиба и прижимаюсь к Эргану. Чтобы замереть в самом центре арены щекой к щеке, со сплетенными пальцами, на единственном нетронутом пламенем клочке земли и песка.

Да что там, я сама сейчас, как живой факел.

— Как ты?

Я скорее знаю, что он это спрашивает, чем слышу: толпа взрывается таким ревом, что перекрывает шипение гаснущего огня (по кругу арены помощники уже тушат веревки). Его пальцы скользят по моей щеке, а губы почти касаются моих.

— Все хорошо, — отвечаю так же еле слышно.

Но нет. Не все хорошо, и я не представляю, как это объяснить. В кричащих, поднимающихся один за другим человеческих рядах, под сотнями взглядов я впервые чувствую себя неуютно. Не знаю почему, не могу понять: это ощущение пристального внимания, собирающееся жаром на коже. Пристального внимания не человека, иртыхана, и хотя мое лицо и тело расписаны так, что меня не узнать, хотя на этих землях убийца отца не имеет надо мной власти, мне становится не по себе.

Этот взгляд слишком спокойный.

И в то же время невероятно огненный, под ним я чувствую себя как в эпицентре огненного столпа, рядом с которым не раз выступала. Неосознанно сжимаю руку Эргана, когда мы снова и снова поворачиваемся и кланяемся. В песок и под ноги нам летят монетки, и (о чудо!) прилетает даже несколько букетиков, неслыханная роскошь! Я наклоняюсь, чтобы подхватить один, и вскидываю руку.

— Те-а-рин! Те-а-рин! — гудят трибуны, и, вторя им, вплетается эхом: — Эр-ган! Эр-ган!

— Спасибо! — кричим мы, хотя сейчас расслышать наши голоса достаточно сложно. — Спасибо!

Под крики на арену выбегают остальные: наше выступление последнее. Мы уходим первыми, стоит оказаться в ночи между шатров и палаток, как мгновенно становится легче. Конечно же там, на арене, ничего не было. Никто не видел таэрран и уж точно никто не связал мое имя с Теарин Ильтерской. Да и существует ли она? Эта девушка осталась в прошлом, сейчас я просто Теарин Неррхиш, бродячая артистка.

— Было жарко, — подмечает Эрган.

— Не жарче, чем всегда.

— Ну, с тобой-то все ясно, — смеется он. — Ты у нас в огне родилась.

Мы возвращаемся к моему шатру; Эрган молчит, глядя в усыпанное звездами небо. Повсюду мельтешат виары, которых выпустили погулять: сегодня мы здесь последнюю ночь, рано утром спускаемся под землю, чтобы отправиться в другой город. Виарам предстоит тащить повозки по узким туннелям несколько долгих дней с недолгими стоянками в подземных пещерах. Не люблю бывать под землей, но выбирать не приходится. Людям путешествовать по земле опасно.

— Я просто хотел, чтобы все знали, — наконец произносит он.

— Зачем?

— Ты даже не представляешь, каково это было — скрывать чувства к тебе. Делать вид, что между нами ничего нет, Теарин.

— Но ведь было. — Я смотрю в сторону пустошей. Туда, где изломы гор вспарывают небо, туда, где живут драконы. Сейчас мне невыносимо хочется оказаться там, почувствовать их силу, их пламя. После представления всегда так, потому что близость огня будоражит, пьянит, волнует. Потому что своего пламени я лишена из-за таэран.

— Было? — через силу произнес он.

Я не знаю, что ответить. Мне нравится Эрган, мне с ним хорошо, по-настоящему хорошо, — наверное, так и бывает с близким мужчиной, но он нарушил данное мне слово. Молчать о том, что нас связывает, до тех пор, пока я не буду готова об этом рассказать сама. Дело не в тех, кто нас окружает, я не стесняюсь свободных отношений с мужчиной, который мне нравится. Причина в моем младшем брате, он обо всем узнал не от меня. И в том, что Эрган просто проигнорировал мою просьбу.

— Послушай, я больше так не могу. — Неожиданно он остановился и взял мои руки в свои. — Становись моей, Теа. Навсегда.

— Что? — удивленно вскинула брови, глядя ему в глаза.

— Хочу, чтобы стала моей. Навсегда, — упрямо повторил он. — Только скажи «да», и я поговорю с ним. Я буду просить у него твоей руки, а в первом же городе мы нанесем обручальные росписи и никогда больше не расстанемся.

От такого признания впору стоять и хлопать глазами, что я и делаю.

— Ты...

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой!

Неожиданно Эрган подхватил меня на руки и закружил.

— Скажи «да», Теа! Скажи «да»!

— Отпусти! Поставь меня! Сумасшедший!

Хохоча, колотила его по плечам, но ты попробуй останови эту махину.

— Отпусти!

— Ни за что, пока ты не согласишься!

— Эрган! — вцепившись ему в плечи, внимательно смотрю в глаза. — Я же не могу решить вот так сразу.

— Почему?

И правда, почему? Этот вопрос застает меня очень не вовремя: в моей жизни «никогда» — слишком долгое слово. Наверное, у нас с ним могло бы даже получиться... Могло бы, если бы не Сарранден. Мой брат. Сначала мне нужно побеседовать с ним и только потом думать о себе. Потому что он мужчина, потому что ему тяжело вдвойне.

— Мне нужно поговорить с Сарром.

— О нас? — серьезно спрашивает Эрган.

— О нас.

Только тогда он ставит меня на землю, чему я несказанно рада, и к шатру мы возвращаемся, едва касаясь друг друга пальцами. Совсем как до нашей ссоры, словно заговорщики. Мне нравится это чувство, и кажется, я действительно готова согласиться. Настолько, что кусаю губы, чтобы не ответить прямо сейчас.

— Я буду ждать твоего ответа. — Эрган отодвинул полог, чтобы пропустить меня внутрь.

Улыбнулась ему уголками губ (один из наших тайных знаков) и шагнула внутрь. Факелы рассыпали свет, тени играли на ложе из подушек и покрывал. Сейчас покрывалами я почти не пользовалась, но когда мы двинемся в обратный путь, в северных краях Огненных земель временами не согреться даже под всем, что сейчас убрано в сундуки за ненадобностью.

Сарранден стоял у зеркала, сложив руки на груди. Еще по-мальчишески нескладный, хотя, будь все по-прежнему, он бы сейчас сопровождал отца на важные встречи и участвовал в переговорах. У вы, отца больше нет в живых, а причина того, что я решилась бежать, стоит передо мной. Если мне грозила исключительно таэрран и замужество с нелюбимым, брата проклятый Горрхат в живых не оставил бы. Он — прямой наследник, а значит, всегда существует вероятность мятежа.

Существовала бы.

— Сарр, — подошла и тихо обняла за напряженные плечи.

Брат обернулся. Мы с ним совсем не похожи: его волосы как огонь, мои — чернее южной ночи. Разве что россыпь веснушек на лицах одинаковая, напоминает о ранней весне в Ильерре. Когда во дворцовых садах летят лепестки и даже в городе пахнет сочной, просыпающейся от сна природой и мягкой, разогретой на солнце свежестью.

— Хочешь говорить о нем, да? — серьезно сдвинул брови.

Улыбнулась.

— Давай лучше поговорим о нас.

— О нас? — Огненные брови взметнулись вверх.

— Да. — Я указала ему на кресло. — Пойдем.

Не представляю, что мне с ним делать. Особенно когда в нем проснется огонь, а я даже толком не смогу показать, как ему управлять стихией. Рука сама тянется к таэрран, но я ее отдергиваю. Смотрю, как брат опускается в кресло, а потом устраиваюсь на подлокотнике и указываю на зеркало.

— Смотри, — говорю ему. — Что ты видишь?

— Двух неудачников?

— А если подумать?

— Что тут думать, — буркнул Сарр. — Ты всю жизнь будешь прыгать через огненные обручи на потеху толпе, а я — загоны виарам чистить.

— Еще чуть-чуть повзрослеешь — и тоже будешь прыгать через обручи.

— Ха-ха, очень смешно.

— Зато мы семья. И мы живы.

— Ну да. Это радует.

— Меня — определенно. — Я улыбнулась, но в этот момент под ворохом покрывал заворочалась маленькая горка. На наших глазах она двинулась в сторону подушек, наткнулась на них и остановилась, после чего поползла в другую сторону с невероятной прытью. Раньше, чем я успела подскочить, горка ударилась о стену шатра и заверещала глухо, пронзительно.

— Диррхэм! — взвыл брат и ринулся к покрывалам вслед за мной.

Вместе с ним мы извлекли из груды тряпок растрепанного пушистого виаренка, который едва-едва крылышки расправил.

— Уродец! — прорычал Сарр, хватая его за шкуру.

— Эй!

Я отняла перепуганного звереныша и прижала к груди. С черной мордашки на меня уставились два огромных ярко-голубых глаза. Виаренок ткнулся мне в подбородок огненно-горячим носом и жалобно взвиркнул.

— Вот ведь гаденыш! — произнес брат, но уже более миролюбиво. — Так и бегают за тобой.

Наша любовь с малышом началась в ту ночь, когда я помогала принимать роды у его матери. Точнее, тогда началась моя любовь: стоило мне увидеть черный комочек со слипшимися крылышками (он родился первым), я поняла, что пропала. В Ильерре у отца были прирученные виары, но с ними у меня не складывалось теплых отношений, а здесь... Я навевывалась в загон в свободное время, и виари даже не пытались оттяпать мне руку, когда я гладила это чудо. Потом чудо запомнило мой запах и стало прибегать ко мне. Засыпало на подушках, под подушками, в покрывалах — в общем, везде. Я уже договорилась с Наррзом, что выкуплю его, когда ему можно будет есть что-то, кроме материнского молока, и когда будут продавать остальных виарят, его братьев и сестренку. Так что жить он будет со мной.

— А я и не против. Правда, Дири? — поцеловала виаренка между ушей.

— Дири?! — фыркнул брат.
— Ну да.
— Диррхэм!
— Это когда он вырастет, будет Диррхэм. А пока Дири.
— Звучит как имя для девчонки.
— Ты что-то имеешь против девчонок? — ткнула его локтем в бок.
— Эй!

В тот момент, когда брат собирался повалить меня в ворох покрывал вместе с бесценной ношей, полог шатра приоткрылся, и к нам заглянула Мархит.

— Теарин, тебя хотят видеть, — негромко сказала она. — Наррз.
— Наррз? — Я приподняла брови. — Что-то случилось?

Мархит пожала плечами, но в ее глазах я уловила непонятный огонек. Предупреждающий и странный, от которого вдоль позвоночника ледяными искрами пробежала прохлада.

— Следи за Дири, — беззаботно улыбнулась брату, заслоняя Мархит собой. Не хватало еще, чтобы он тоже этот огонек увидел. — Я скоро вернусь.

— Диррхэм! Его зовут Диррхэм!

Последнее до меня донеслось уже на выходе из шатра. Мархит бесшумно ступала по растрескавшейся от жары земле. Походка у нее была плавная, как у танцовщицы, когда-то она и была ею, но с возрастом решила заняться костюмами для выступлений и росписью лиц актеров. В ее густых, черных как смоль волосах мерцали вкрапления серебряных нитей, смуглую кожу подчеркивала ослепительная белизна зубов, какой могли позавидовать даже самые знатные особы. Неудивительно, что Наррз в свое время потерял от нее голову и сделал своей женой. Теперь у них на груди красовались обручальные росписи, и у меня будет такая же, когда мы с Эрганом поженимся. Придется наносить ее поверх родового узора Ильерров, но он все равно уже никогда не оживет.

— Мархит, зачем Наррз хочет меня видеть?

— Я не могу сказать.

— Что значит — не можешь? Почему?

В ответ Мархит лишь отвернулась, давая понять, что разговор окончен, и заставляя волноваться еще больше. Что владельцу могло потребоваться от меня в такое время? Особенно в ночь перед отправлением, когда все заняты сборами.

Шатер Наррза был освещен ярче, чем остальные. Он не терпел темноты, поэтому окружал себя факелами и лампами, благодаря которым

стены превращались в театр теней. Я отметила крепко сколоченный стол, кресло, в котором сидел мужчина, и стоявшего рядом. Прежде чем успела подумать о том, кто пришел к Наррзу, Мархит уже отодвинула полог:

— Проходи.

Стоило мне шагнуть внутрь, как я замерла: пристальный взгляд вонзился в меня, распластав по тканой стене шатра. Это был тот же взгляд, что я чувствовала на арене, — обжигающий, жесткий. В кресле Наррза расположился незнакомец, ир்தхан, я почувствовала его еще до того, как сделала шаг. Огонь, что клубился в нем, напоминал вулканическую мощь, от которой на миг закружилась голова. Давно я не приближалась к тем, от кого бежала. Давно не чувствовала чужое пламя так яростно, отчаянно сильно. Пламя, которое пока что не отражалось в глазах, темных как ночь.

— Теарин. — Наррз подскочил ко мне. — С тобой хотят переговорить...

— Пошел вон.

Тон, которым был отдан приказ, не оставлял ни малейших сомнений в родовитости говорившего. От пренебрежения и высокомерного взгляда меня передернуло, особенно когда владелец шатра вылетел за полог, плотно запечатав его с той стороны.

— Подойди.

Голос был жестким и хриплым, так мог бы рычать ураганный ветер в изломе полыхающего ущелья. Резкость его черт не сглаживала даже мужественность: излом губ, привыкших отдавать приказы, и взгляд, как натянутая тетива арбалета, готового в любой момент ударить точно в цель. Понимая, что не подчиниться не имею права, тем не менее осталась на месте.

— Назовите свое имя, — вскинула голову.

— Ты смеешь мне приказывать, девочка?

— Я имею право знать, кому подчиняюсь.

Взгляд стал еще более пристальным.

— Витхар Даармархский.

Нет. Не может быть. Нет.

Я смотрела на него, не в силах поверить в услышанное. Сидевший передо мной был высок (этого не скрывало даже массивное кресло), под плотным рубашки застыли литые мышцы, рельеф которых подчеркивала белоснежная ткань. Темные волосы до плеч и высокие скулы, узорная полоса ожога, стекающая с шеи на мощную грудь. В глубине темных глаз — опасность. Опасная близость зверя.

Витхар Даармархский, покоритель Огненных земель, объединивший

бесчисленное множество городов и подчинивший великую Даармархскую пустошь. Сильнейший ир்தхан, победы и власть которого считались неоспоримыми.

Именно он сейчас указал на место, где скрещивались его сапоги.

Я подошла и остановилась так близко и в то же время так далеко, насколько это было возможно. Под текущим по моему телу взглядом стало нечем дышать, словно я шагнула в огонь. Несколько долгих минут, пока он меня рассматривал, я не имела права ни пошевелиться, ни заговорить. Даже не вздрогнула, когда Даармархский поднялся из кресла, вырастая надо мной.

— Я спрошу всего один раз, — коротко произнес он, и пальцы легли на мой подбородок.

Прикосновение отозвалось внутри дикой огненной бурей, особенно когда его ладонь скользнула по моей шее, повторяя узор таэрран.

— Кто. Когда. За что.

Признаваться нельзя (Даармархский может о нас известить ильеррцев, а это означает бесчестие для меня и смерть для Сарра), но и лгать — тоже. Остается говорить полуправду.

— Пошла против воли правителя. Отказалась выходить замуж.

После смерти отца Горрхат и впрямь предложил мне такой выбор. Стать его супругой, отказаться от семьи, предать всех, кто был мне дорог. Я плюнула ему в лицо, а на следующий день на городской площади на меня надели таэрран.

— Почему?

Потому что он убил нашего отца. Потому что благодаря ему Ильерра захлебнулась кровью драконов. Потому что он тварь, каких свет не видывал.

— Он мне отвратителен.

— Строптивая. — Пальцы коснулись моих губ в собственническом жесте. — Долг женщины подчиняться мужчине.

Откровенно говоря, я и есть собственность. Все на этих землях собственность этого мужчины, но от подобного обращения все внутри переворачивалось. Хотелось отбросить его руку, с удовольствием наблюдая, как выражение превосходства на смуглом лице уступает место удивлению, но... у меня был Сарр. Поэтому я посмотрела ему в глаза и ответила:

— Не привыкла подчиняться тем, кого не считаю достойным.

В глазах полыхнул огонь, до этой минуты приглушенный, прикрытый цветом темной как ночь радужки. Сейчас в его взгляде плескалось алое пламя. Оно растекалось от ободка, напоминая обруч на арене, в который я

падала каждый раз, словно в первый.

— Не захотела быть женой, — жестко произнес Даармархский, — будешь наложницей.

Что?!!

— Иртханесса не может стать наложницей. — Я вскинула голову.

— Ты от своего происхождения отказалась. — Теперь этот взгляд не просто обжигал, он давил. — Судя по вязи, таэрран тебе надели на всю жизнь, девочка, а значит, ты больше не одна из нас.

Ярость закипела в венах вместо огня. Пусть я лишена пламени, но я — не безродная! Кем бы я ни была, он не имеет права так со мной поступать.

— Вы не имеете права так ко мне относиться, — жестко произнесла я. — Я...

— Замолчи.

Приказ ударил пощечиной. Пока еще не приказ иртхана, подчиняющий и лишаящий воли, но приказ повелителя.

— Поедешь со мной. У тебя есть полчаса на сборы, после этого за тобой придут.

Я смотрела, как он идет к выходу из шатра. Смотрела, не в силах поверить в то, что случилось. Смотрела и пыталась понять, что мне теперь делать.

Бежать?

Но куда? Даармархская пустошь раскинулась на все четыре стороны Огненных земель, и больше ее нет. Ильерра по сравнению с ней — крохотный клочок земли, укрытый за грядой Роленджийских гор, но туда мне нельзя. Снова скрываться, прятаться в обозах купцов-караванщиков, бесконечно снующих под землей, как рруны?^[6] И что дальше?

Ответ пришел раньше, чем за Даармархским сомкнулся полог шатра: бежать и стать женой Эргана. По закону жена не может стать наложницей. Не так я хотела, чтобы все это случилось, но выбора у меня нет. Да и к чему сомневаться, если я все для себя решила до того, как переступила порог шатра.

Решила ли?

Чувствуя, как сердце колотится в ритме барабанов, вышла следом за иртханом, чтобы наткнуться на ненавидящий взгляд Наррза. Ударившись о него, отшатнулась: конечно, неприятно, когда кто-то становится свидетелем твоего унижения (из шатра его выкинули, как вшивого виара), но я ничем такого не заслужила. Наши отношения с Наррзом всегда были довольно прохладными — я делала свое дело, он — свое, хотя и считал, что в последнее время я слишком зазнаюсь. Но никогда раньше распорядитель не

смотрел на меня так.

— Почему не сказала, что ты одна из них? — прошипел он мне в лицо. — И твой братец тоже!

— И что? — вскинула голову.

— А ты не догадываешься?! Мне тут неприятности не нужны!

— Мое шоу уже с лихвой окупило все твои неприятности, — ответила я, и лицо Наррза исказилось от злобы.

— Вот как ты заговорила, приبلуда! Когда я брал тебя на подмости, гонора в тебе было поменьше.

— Когда ты брал меня в представление, в тебе было поменьше виарьего дерьма.

Расправив плечи, направилась к своему шатру. Один раз мне удалось сбежать и вырвать свою свободу из лап мужчины, которого я ненавидела, получится и второй. Осталось известить Эргана...

Небо!

Захочет ли он бежать со мной? Это шоу — наша жизнь. Несмотря на Наррза, здесь все наши друзья, и как бы Сарр ни ругался, передвижное представление стало нашим домом. Что ж, если он не захочет, сбегу с братом. Постараюсь уйти как можно дальше от столицы на окраины, а там и до Ледяной границы недалеко.

К моему счастью, в лагере царила суэта. Повсюду сновали актеры: кто-то расхаживал в гриме, наслаждаясь накатившим ближе к ночи легким прохладным ветерком, кто-то уже стягивал вещи к повозкам.

— Передай Эргану, чтобы зашел ко мне, — шепнула пробежавшему мимо мальчишке-помощнику и улыбнулась.

Несмотря на то что внутри все дрожало напряженной струной, я выглядела расслабленной и спокойной. Никому нельзя показывать страх, в этом я убедилась, когда бежала в самый первый раз. Ладони вспотели, и я потеряла их, размазывая краску.

Хоть бы Сарр никуда не вышел...

Хоть бы...

Сарр оказался на месте: возился с Дири, который валялся на спине и позволял чесать себе пузо. Правда, изредка пытался подцепить руку брата когтистой лапкой, но тот постоянно уворачивался, и виаренок хватал воздух. В другое время я не одобрила бы такие забавы (даже эта кроха способна располосовать кожу так, что мало не покажется), но сейчас только кивнула Сарру:

— Помоги мне собраться.

Со стороны все должно было выглядеть естественно, так оно и будет.

Все собираются — и мы собираемся. Тем более что мне дали на сборы целых полчаса.

— Что-то не так? — шепотом спросил брат, когда приблизился ко мне.

У меня едва заметно дрожали руки.

— Да. Нам нужно бежать.

Глаза Сарра округлились:

— Но...

Закончить он не успел: полог шатра колыхнулся, и вошел Эрган:

— Теа...

Заметив брата, он осекся, и Сарр тоже мгновенно подобрался.

— Мне нужна ваша помощь, — негромко произнесла я. — Выслушайте, прежде чем снова начнете ругаться.

Негромко, но достаточно для того, чтобы они перестали испепелять друг друга взглядами. Эрган слушал меня, на скулах играли желваки. Брат нахмурился и закрылся, запечатав себя за заслоном скрещенных на груди рук. Когда я замолчала, в шатре повисла тишина. Только Дири возился в раскрытом сундуке да еле слышно хлопал полог под усиливающимся ветром.

— Нам лучше разойтись, — заметил Эрган спустя долгие секунды молчания, и я вздохнула с облегчением. — Ты пойдешь к южному спуску, а мы с Сарром — к восточному.

Спусками у нас назывались переходы под землю, где происходили все транспортные перемещения людей, но сейчас я не могла с ним согласиться.

— Нам лучше укрыться в городе.

— В городе?! — Сарр приподнял брови.

— Да. Первым делом нас будут искать на спусках, в толпе затеряться легче. Подождать, пока Даармархский обо мне забудет...

— Я убью его! — прорычал Эрган и шагнул было к пологу, но я перехватила его за запястье.

— Эр, ты нужен мне живым, — прошептала еле слышно, глядя в сверкающие яростью глаза.

— Живым?

— Ты мне нужен.

Не знаю, что его остановило: то ли мое почти признание, то ли прикосновение. Он замер, только желваки продолжали играть под кожей, придавая лицу дикое, хищное выражение.

— Уходить будем по одному, — тихо сказала я. — Я — в последнюю очередь. Встретимся завтра в полдень на городской площади, тогда и решим, как быть дальше.

— Почему в последнюю? — вскинулся брат.

— Потому что Даармархский не думает, что я решусь на побег. Потому что за мной могут прийти, а не обнаружив меня, задержат вас.

— А если они перехватят тебя?

— Не перехватят, — отозвалась я. — В Ильерре не получилось.

После нашего побега Горрхат объявил, что я собственноручно убила брата, а после наложила на себя руки. Когда эта весть дошла до меня (спустя несколько месяцев), я уже могла над ней посмеяться. Что это за правитель, у которого из-под носа сбежали пятнадцатилетняя девчонка в таэрран и ее брат, почти ребенок. Ему проще было признать нас мертвыми.

— Тогда у тебя было преимущество, — не уступал брат. — Высота.

— Мы теряем время. Оно сейчас у нас единственное преимущество.

— Теарин права. Через пять минут меня здесь не будет, — произнес Эрган.

Я благодарно ему улыбнулась:

— Спасибо. Следующим пойдет Сарр.

Если брат и хотел что-то возразить, то промолчал.

К счастью. Нервы уже были на пределе, пока я распихивала самое необходимое по мешкам и собирала все наши сбережения.

— Прости, Дири, — прошептала, опускаясь рядом с виаренком на корточки. — Но тебя мы взять не сможем. Возвращайся к маме.

Сама мысль о том, чтобы с ним расстаться, была невыносима, но брать его было глупо и недальновидно. Быстро подтолкнула звереныша к выходу из шатра и повернулась к брату.

— Иди.

— Я тебя не...

— Иди, — прошипела ему в лицо. — Неужели не понимаешь, что вдвоем опаснее?

Сарр опалил меня яростным взглядом будущего дракона, закинул один мешок на плечо и вылетел за порог. Я же быстро заплела и подтянула косу наверх: так, чтобы не мешалась, переделалась в дорожную тунику и брюки, подхватила накидку и свой мешок. Он оказался тяжелее, чем я рассчитывала, но не мне жаловаться. Напоследок окинула взглядом шатер, где провела столько времени, с сожалением посмотрела на костюм... И шагнула за полог, в свою первую за несколько лет неизвестность.

ГЛАВА 5

*Зингсприд, Аронгара
Танни*

Я проснулась, уткнувшись лицом в планшет, с ощущением грандиозной подлянки. Правда, всю ее грандиозность смогла оценить, когда увидела в погасшем экране слегка сонную физиономию и торчащие в разные стороны волосы. Рядом лежал разрядившийся мобильник. Окончательно я в ней убедилась, когда ткнула в дисплей и обнаружила, что на часах десять утра. Мысли мои в этот момент были далеки от цензурных, особенно когда умильная морда Бэрри легла мне на колени.

— Почему ты меня не разбудила, скотина?!

Ответ был прост, как два тэрринга:^[7] не надо было вчера вечером плотно скотину кормить. Когда она голодная, то просит жрать, а вчера мы мало того что погуляли поздно, так еще и наелись от пуза.

Ругаясь последними словами, я прыгала на одной ноге, заскакивая в джинсы. Опоздать на первый день съемок. Опоздать на первый день съемок на испытательном сроке. Опоздать на первый день съемок на испытательном сроке к Гроу. Что может быть хуже? Ну, пожалуй, зависший над головой дракон, раскрывающий пасть.

Я одновременно чистила зубы и закидывала в миску Бэрри еду, потом одновременно надевала на нее поводок и вызывала флайс на «через пятнадцать минут». Уже в лифте мне пришла в голову мысль, что я не представляю, куда ехать. Точнее, вчера мне нужно было взять все координаты у Ринни, но я об этом благополучно забыла: видимо, моя память стремилась начисто избавиться от всего, что связано с Гроу.

Вот теперь хуже точно быть не может: я буду звонить секретарю, хотя мой рабочий день должен был начаться... мм... полчаса назад.

Убиться об дракона.

— «Хайлайн Вайнерз», приемная Ниллмара Фарринсона, — ответила секретарь бодрым, хорошо поставленным голосом.

— Ринни, куда мне ехать? — выдохнула в трубку, пока Бэрри мощными скачками неслась к ближайшей пальмопосадке, которую кто-то даже гордо именовал парком.

Три скамейки, три аллейки, искусственное озеро.

Так это называла я.

— Простите?

ТЬфу!

— Это Танни Ладэ! Ринни! Я не помню номер съемочного павильона.

В трубке повисла тишина: очевидно, секретарь прикидывала степень моего раздолбайства и пыталась ее переварить. На самом деле, если бы не разрядившийся телефон... Я готова была грызть этот чешуйный мобильник, потому что обычно всегда проверяю зарядку! Всегда! Но вчера села почитать записи Теарин и на ее побеге просто не заметила, как отключилась. Не сказать, что мне скучно было, просто выброс адреналина во время танца на перилах сделал свое дело. Сердце колотилось в ускоряющемся ритме джумбийских барабанов, но я не смотрела вниз. И под ноги тоже не смотрела, просто чувствовала края всей поверхностью босых ступней.

Кажется, у меня нашлось кое-что общее с Ильеррской: двинутость на всю голову.

— Девятнадцатый, — сказала наконец Ринни. — Э... Танни, скажи, что ты сейчас уже в городке «Гранд Пикчерз».

— Я уже в городке «Гранд Пикчерз», — соврала не моргнув глазом. — Пока-пока.

Мне казалось, что сегодня Бэрри слишком долго шуршит в кустах, а на обратном пути она вздумала поохотиться за дистанционно управляемым флайсом, который родительница запускала для своего карапуза. Флайс взлетел высоко, Бэрри тоже (на всю длину поводка), я не взлетела за ней только чудом.

— Бэрри! — заорала так, что виари рухнула на землю, а карапуз заревел.

Не дожидаясь продолжения истории, рванула к дому, где на верхней стоянке меня уже дожидалась машина.

На ходу сцапала планшет, закрыла виари в квартире и заскочила в открывшуюся дверь.

— Съемочный городок «Гранд Пикчерз», — сказала водителю. — По верхней магистрали.

Налог за пользование верхней аэромагистралью просто баснословный, но не думаю, что я разорюсь за один раз. Зато по ней можно в любое время суток добраться куда угодно и откуда угодно без пробок и зависаний. Мало того что ей пользуется намного меньше народу, так еще и ширина полос там в два раза больше средней. Самое дерьмо, конечно, на нижней. В мегаполисе проживают тридцать восемь миллионов человек, и что там творится в час пик, вообще страшно представить, но кому-то хватает денег

только на нее. Увы, спасительной подземки в Зингсприде нет: строительство по технике безопасности не проходит.

Летели мы и впрямь очень быстро на той самой девятой скорости. Под нами проносились стальные ленты аэроэкспрессов, город за окном мельтешил со скоростью смазанной мультипликации.

На входе в «Гранд Пикчерз» мне выдали электронный пропуск, зачитали правила техники безопасности и сообщили, что нельзя пользоваться ни фото-, ни видеосъемкой. Пока мне все это цитировали в неспешном ритме, я старалась кивать с милой улыбкой и очень надеялась, что выражение моего лица не напоминает выражение морды озверевшего дракона.

В городке сновали кары на воздушных подушках, в один такой я и запрыгнула.

Мое опоздание и так уже влетело мне в тэрринг, поэтому я надеялась, что дальше все будет хорошо.

— Девятнадцатый, — попросила водителя.

И даже не особо всматривалась в творческий процесс, который в таких местах бесконечный. Мимо мелькали павильоны и открытые декорации, мы пролетели ресторанный дворик и затормозили у сверкающего на солнце светоотражающего купола. Под ним можно было спрятать небольшой стадион, ну академическую спортивную площадку с трибунами — уж точно. Я прижала пропуск к замку и влетела в раскрывшуюся дверь.

Съемки были в полном разгаре: впереди был установлен шатер, вокруг него тусовался народ в скоплении камер, микрофонов и экранов. Я бросилась туда, прокручивая в мыслях слова извинения. С извинениями у меня всегда было сложно, но в этом случае выбирать не приходилось, я действительно накосячила. Успела подлететь к креслам, в одном из которых устроился Гроу.

— Простите, — выдохнула еле слышно, чтобы не помешать съемке, — у меня разрядился мобильный...

Гроу вскинул руку, даже не взглянув на меня.

— Стоп! — скомандовал спустя полминуты, а потом поднялся мне навстречу. — Съёмочная группа, внимание! Хочу представить всем нашего координатора по спецэффектам Танну Ладэ. Специалиста компании «Хайлайн Вайнерз», которая решила польстить нам своим присутствием на полтора часа позже и которая здесь совершенно точно не задержится, если такое повторится.

Все взгляды устремились на меня. Все до единого, принадлежащие актерам в полной боевой раскраске, ассистентам, гримерам, операторам,

звукооператорам и целой толпе народа. Каждый из них, очевидно, задавался вопросом, во что выльется эта публичная порка. Ну ладно, я приперлась не вовремя, сама дура.

— Слушайте, я действительно опоздала, — сказала, глядя на Гроу. — И я прошу прощения, мне самой это неприятно. Я терпеть не могу подводить остальных...

— Ты действительно думаешь, что от тебя здесь что-то зависит?

После этих слов желание извиняться напрочь отпало.

— На этой площадке есть распорядок дня, установленный для всех. Ты должна быть здесь задолго до того, как я войду вон в ту дверь, невзирая на тылы, которые тебя прикрывают. Потому что здесь...

Он сделал ударение на слове «здесь».

— Все решаю я, а не тот, кто женат на твоей сестре.

А вот это было мощно.

Сколько раз меня прикладывали за родственные связи с сестрой и ее мужем — не перечить. Возможно, именно в этом и был мой косяк, я никогда ими не пользовалась. Ни-ког-да.

В груди полыхало от впивающихся в меня взглядов, все внутри переворачивалось от желания приложить его драконейшеству планшетом по голове. Особенно когда кто-то за спиной произнес еле слышно:

— Ладэ?..

— Что застыли? — поинтересовался Гроу, будто это не он только что размазал меня ровным слоем по полу у себя под ногами. — Все по местам.

Аппаратуры — самой разной — здесь было столько, что у меня замельтешило перед глазами. Хотя, может, это от суеты, которая началась после слов режиссера. От горящих ламп, свет которых рассеивали светоотражатели, от движения операторов и парней с усиливающими микрофонами. От беготни гримеров, проверяющих макияж, как будто за две минуты с ним могло что-то случиться.

— Сюда! — Гроу соизволил обернуться на меня и указал на соседний раскладной стул.

Спасибо, хоть по ноге не похлопал.

Глубоко вздохнула. Я не буду бить Гроу по голове планшетом. Я правда не буду бить Гроу по голове планшетом, мне все еще нужна эта работа. Очень-очень.

На куртке, которую он накинул поверх черной рубашки, гласила надпись: «Танцующая для дракона».

Это кино, что ли, так называться будет?

Стоило ему плюхнуться в кресло, как к нему тут же подскочила

ассистентка с кофе, справа от него уже сидел какой-то мужик в очках. Абсолютно лысый и хмурый (видимо, тоже был недоволен тем, что рано проснулся). Пока хмурый мужик исподлобья взирал на происходящее, я устроилась на стуле и вытащила планшет. Отсюда, несмотря на суету, все было отлично видно — все ракурсы и нюансы, которые важны при создании визуальных эффектов.

Пока планшет загружался, в шатер вошла Мелора Ярлис. Точнее, всплыла: длинные темные волосы заплетены в косу и перехвачены горящим золотом лент, черный лиф и черные шаровары со шлейфом... Да, в общем-то не стоило читать историю Теарин, чтобы догадаться, кому досталась главная роль. А главное, почему.

Ну или это просто я злая.

Ну или не злая, потому что взгляд, который она бросила на Гроу через плечо, — раздраженно высокомерный — однозначно говорил о том, что вчера после ресторана они расстались не очень хорошо.

Что меня несказанно радует.

Нет, я точно злая.

Чтобы немного расслабиться, украдкой озираясь по сторонам. Все-таки не каждый день оказываешься на съемках в «Гранд Пикчерз».

Шатер, кстати сказать, воссоздали с удивительной точностью: если отрешиться от наличия аппаратуры и обстановки ультрасовременного помещения, можно и впрямь оказаться в Огненных землях. Сама не знаю почему, но мне вдруг отчаянно захотелось прикоснуться к декорациям, ощутить себя частью этого процесса и другой эпохи. Частью мира ирлханов, который после записей Теарин оживал в сознании, расцветал перед глазами. Видимо, у меня кровь к голове прилила основательно из-за того, что заснула за столом.

— Приготовились.

К стоящей перед зеркалом Мелоре, тьфу, к Теарин приблизилась уже не помню как ее там.

— Полетели!

— «Танцующая для дракона», сцена первая, дубль четвертый.

Легкий щелчок со стороны съемочной площадки положил начало моему первому съемочному дню.

— Бла-бла, — сказала уже не помню как ее там.

Мелора застыла перед зеркалом, разглядывая себя, и в этот момент отогнулся полог шатра. Точнее, отогнулся он со стороны павильона, но для зрителя это будет выглядеть, словно Эрган пришел из темноты душной ночи (мы постараемся). Уже не помню как ее там, выскочила оттуда, а он

приблизился к Мелоре Ярлис. Красивый, высокий, со светлыми волосами: не мужчина — ожившая мечта всех. Этого актера я видела впервые, ну или не узнала.

Разрисовывать этих двоих тоже предстояло нам, поэтому я смотрела внимательно.

— Бла-бла?

— Бла-бла, — томно проворковала она, продолжая пялиться на себя в зеркало.

— Стоп!

Гроу подскочил с кресла, я же чуть не подскочила следом за ним. Его голосом только дракона с лежбища снимать, а не съемками командовать. Он что-то объяснял будущей Теарин, и пока он этим занимался, я достала мобильный. Зашла в поисковик и набрала запрос: «Джерман Гроу и Мелора Ярлис».

В ответ на меня выпала куча ссылок. В прямом смысле: самые разные СМИ, от желтой прессы до достаточно адекватных изданий обсуждали их совместные выходы в свет.

«Появление на публике Джермана Гроу и Мелоры Ярлис всерьез всколыхнуло мир шоу-бизнеса, и не только. Насколько нам всем известно, местрель Ярлис — дочь местра Ларгхона Ярлиса, правящего Хайторна. Настоящая фамилия Джермана Гроу — Гранхарсен. Его отец долгие годы являлся правящим Лаутрмарга, одного из крупнейших мегаполисов Ферверна, в настоящее время он баллотируется на пост Верховного Правителя северной державы...»

Опаньки.

— Приготовились!

Гроу плюхнулся в кресло и подтянул на коленях линялые джинсы.

— Полетели!

— «Танцующая для дракона», сцена первая, дубль пятый.

— Бла-бла...

Отогнулся полог, а я снова нырнула в телефон.

«В свое время Джерман Гроу отказался принять фамилию отца. Причины нам неизвестны, но он посвятил себя шоу-бизнесу вместо возложенных на него обязанностей сына Фертрана Гранхарсена, находящегося в Балт-Лар-Сити в качестве дипломата...»

— Стоп! Ридж, вторая камера!

Что там произошло со второй камерой, я не поняла, но, когда преграда в лице Гроу снова исчезла, на меня пристально покосился тот самый хмурый мужик. Поэтому я убрала мобильный и занялась наброском,

поглядывая на шатер.

Не прошло и пары минут, как Его Ледяное Драконобесподобие вернулся в кресло. Гроу оглянулся: видимо, в поисках ассистентки, но зацепился взглядом за меня. Основательно так зацепился, а потом кивнул себе за спину:

— Кофе принеси.

Что, простите?

— А за сигаретами тебе не сбегать?

— За сигаретами — исключительно по желанию.

Желание огреть Гроу планшетом, которое только-только начало затихать, вспыхнуло с новой силой.

— В моей должностной инструкции нет такого пункта.

Меня наградили фирменным драконьим прищуром.

— Клал я на твою должностную инструкцию. На время работы координатором ты подчиняешься непосредственно мне. Это ясно?

Таким взглядом к стулу можно пригвоздить при желании. Причем не уверена, что в переносном смысле.

— Ясно.

— Ну вот и подчиняйся. — Гроу отвернулся, давая понять, что разговор окончен. — Приготовились!

Из павильона я вылетела с горящими глазами и желанием подпалить высокопосаженную драконью задницу. Чем подпалить? Да не важно чем.

Подчиняться ему!

Я ему подчинюсь. Я ему сейчас так подчинюсь!

Вообще-то для режиссерских нужд имелась кофемашина, но возвращаться в девятнадцатый павильон мне в ближайшие пять-десять минут было строго противопоказано. Поэтому я сунула руки в карманы и направилась в сторону ресторанного двора, который заметила по пути сюда. Идти было не так долго, особенно если быстрым шагом, а ускорение у меня развилось знатно. В мыслях Гроу уже несколько раз откусил голову дракон, раз пять он его затоптал и еще четыре — хватанул за причинное место.

Занимаясь занимательной арифметикой, я дошла до ресторанного двора. Кафе почему-то было открыто только одно, остальные начинали работать уже после полудня. Оно было выполнено в ретростиле, столики представляли собой старинные флайсы, а официантки одеты, как в начале прошлого века.

Сама не знаю, зачем я сюда приперлась. Не собираюсь же я покупать Гроу кофе? А вот себе точно не помешало бы.

— Один кофе, пожалуйста, — сказала я, доставая мобильный. — Без сахара. Без сливок.

Пока девушка готовила напиток, мой взгляд притянула бутылочка с соусом из перца гранко. Симпатичного оранжевого цвета, по виду он напоминал джем. Ядренее этого перца, наверное, только тоньяс, смешанный с жидкостью для аккумуляторов флайсов.

— Можно мне вон ту приправу?

— Куда? — Официантка, которая ставила пластиковый стаканчик на подставку, посмотрела на меня большими глазами.

— В кофе.

— Но...

— Желание клиента — закон. — Я поспешно забрала свой стаканчик. — Еще один кофе. Без сливок. И приправы пару ложечек.

Судя по всему, официантка мой коварный замысел разгадала, потому что уголки ее губ дернулись. Подозреваю, у каждого в жизни было начальство, которому хотелось налить соуса гранко в кофе (ну или в задницу через воронку, но последнее гораздо сложнее). Пока варился напиток, я переступала с носка на пятку, потягивала свой кофе и оживала. Есть мне с утра почти не хочется, а вот ближе к обеду можно перекусить: я заметила симпатичные сэндвичи... Правда, потом обратила внимание на цену за симпатичные сэндвичи, и глаза у меня стали размером с драконьи яйца.

Нет, я понимаю, что здесь звезды обедают, но все-таки... Сто тэррингов за сэндвич?! Для сравнения, в «Гритлэйн» бургер стоит десятку. Самый дорогой.

Кофе, кстати, тоже вышел недешево, но за такой и заплатить не жалко.

Когда драконов напиток был готов, я расплатилась и вышла из кафе. Обратно добежала быстро, непрестанно бултыхая кофе в стаканчике, чтобы соус не осел на дно. Мало ли как себя ведут соусы, попадая в жидкую среду.

Судя по выражению дракономорды, Гроу моего отсутствия даже не заметил.

— Приготовились!

— «Танцующая для дракона», сцена четвертая, дубль второй.

Его драконейшество сцапал стаканчик из моих рук, сделал глоток...

В шатре уже снимали сцену возвращения Теарин после выступления.

Хорошо, что у меня был планшет, в него я и уткнулась. Потому что желание непристойно заржать, глядя на покрасневшую физиономию Гроу, было слишком велико. Ну, просто как есть дракон: ноздри раздуты, глаза-

щелочки, того и гляди дыхнет огнем. И дыхнул бы, если бы не боязнь запороть дубль, где Теарин беседует с братом.

— Стоп!

Великий Режиссер медленно, очень медленно повернулся ко мне.

Так и представляю, как из ушей у него вырываются струйки дыма.

— Льда принести? — поинтересовалась я.

От продолжения разговора меня спас тот же хмурый мужик, который так и не перестал быть хмурым. Он подался к Гроу и что-то ему сказал, а я вернулась к наброскам. Ближе к вечеру надо будет созвониться с Нилом, передать ему все. И пожелания от Великого Режиссера заодно, если мы с ним раньше друг друга не поубиваем.

Внимание привлек паренек, который играл брата Теарин. Совсем молоденький, заметил мой взгляд и подмигнул. Я подняла большой палец вверх: из всех тусующихся на площадке звезд на меня дружелюбно смотрел только он. По сути, ничего удивительного, Гроу меня так чудесно представил. Не сказать, чтобы я испытывала сильное желание с кем-то пообщаться, но...

— А это наш Дири! — Голос раздался у меня из-за спины, и я обернулась.

Невысокий седой мужчина нес на руках звереныша. Не представляю, откуда они это чудо взяли, но виаренок был потрясающе похож на того, что появлялся в записях Теарин. Черный, с янтарно-желтыми глазами и по-детски пушистенький. Моя Бэрри была чуть поменьше, когда я ее взяла.

Звереныш не вырывался, сидел смирно, но стоило мужчине его отпустить, как он рванул в сторону шатра на разъезжающих лапах, пытаясь раскрыть крохотные, пока еще неокрепшие крылышки. По дороге подлетел ко мне и ткнулся носом в джинсу: видимо, почувствовал запах Бэрри. Впрочем, его тут же от меня оторвали могучей режиссерской рукой и отнесли в шатер.

Появление зверя на съемочной площадке вызвало всеобщее оживление. Похоже, Гроу всерьез задался целью точно воссоздать записи. Жаль, что с виаренком будет всего одна сцена (ну или две), потому что Теарин все равно сбежала, а Дири остался в их передвижном цирке.

Сцену снимали пять дублей: Гроу постоянно не нравилось то одно, то другое. Зато Дири верещал от восторга, потому что его постоянно тискали, повторяя заученные реплики, и, глядя на него, я не могла перестать улыбаться.

Виары вообще крайне забавные и дружелюбные. Правда, считается, что даже у домашнего виара инстинкты в любой момент могут взять верх, а

такой зверь способен наброситься на человека. Именно поэтому в пятимесячном возрасте виарятам вживляют кристаллы, подавляющие их волю и делающие менее агрессивными. Кроме того, у владельца есть кнопка, нажатие на которую пресечет любую агрессию, если такая случится.

Проще говоря, убьет зверя.

Я от установки кристалла отказалась: не хочу, чтобы Бэрри мучила эта дрянь. От них возникают головные боли, животное становится вялым и апатичным, проще уж тогда плюшевого дракончика купить.

— Снято! — Голос Гроу выдернул меня из мыслей о виарах. — Перерыв. Смотрим туда. — Он ткнул наискосок, где огромное электронное табло показывало время и температуру. — Ровно через пятнадцать минут всех задействованных в сцене одиннадцать жду здесь.

Я оторвалась от созерцания часов, но прежде чем успела опомниться, к Гроу подлетела Мелора. Наградила меня взглядом сверху вниз, как испачканную барную табуретку, и отвернулась.

— Джерман, он меня достал, — заявила она, указывая на парня, который играл брата Теарин. Голос у нее оказался по-женски высокий и не по-иртхански визгливый. Хотя, может, это секретное оружие. Будь я драконом, свалила бы в пустоши, только чтобы его не слышать.

— Серьезно, Мел? — поинтересовался режиссер.

— Серьезнее некуда. Он делает все, чтобы вывести меня из себя!

— Ну, так достань и ты его, в чем проблема?

— Ха-ха, очень смешно.

К счастью, эта парочка удалилась, а я, сунув руки в карманы, отправилась знакомиться с тем, кому было равным счетом по чешуе, что я сестра Леоны Ладэ, то есть Леоны Халлоран. Читай с виаренком, который возился в шатре рядом с мальчишкой. Нисколько не стесняясь нацеленных на меня взглядов, присела и протянула руку к пушистому зверенышу. Тот миготом ткнулся обжигающе горячим носом мне в ладонь и завирчал.

Парень покосился на меня. Он был рыжий, как и положено Сарру. Настолько рыжий, что глазам больно, на светлой коже выделялись веснушки, а брови казались штрихами пламени.

— Жаловалась, да? — поинтересовался как ни в чем не бывало. Будто его это совсем не волнует.

— Ага, — не стала скрывать.

— Ларрка драная.

— Не очень-то уважительное отношение к собственной сестре, — заметила я.

Хотя втайне была с ним согласна. Терпеть не могу тех, кто наушничает, еще со школы.

— Была бы у меня такая сестра, я бы ее придушил, — фыркнул парень, а потом протянул мне руку: — Ленард.

И с этим тоже. Откуда взялось желание придушить Мелору, я понять не могла. Вот вроде не делала мне ничего плохого, а придушить все равно хочется.

— Танна. Можно просто Танни. — Я пожала его ладонь. — А этого как зовут?

На самом деле звереныш был старше того, что описывала Теарин, но с малышкой вообще сложно. В детстве у них самый озорной возраст, не всегда получается уследить, не то что добиться чего-то на съемках. Тут бы с этим сладить.

— Дири. — Мальчишка потрепал виаренка между ушей. — Его сразу так называли, чтобы привыкал.

— Будем знакомы, Дири. — Я протянула руку, и в это время виаренок решил взлететь.

Я услышала чей-то крик за спиной, но отпрыгнуть не успела: десять кило малыша врезалось в меня со всей силой. Стой я на ногах, может, еще и удержалась бы, но я сидела на корточках. Ленард бросился ко мне, даже за руку успел схватить, увы, тщетно. Мы всей кучей повалились прямо в декорации. Парень снизу, я на него, а сверху довольный до виарьего визга Дири, который плюхнулся мне прямо на грудь. Пока мы возились на покрывалах, пытаюсь распутаться, сверху прозвучало резкое:

— Что вы здесь устроили?!

Я наконец-то столкнула десять кило милоты с груди и приподнялась на локтях. Сквозь очки на меня смотрел тот самый лысый хмурый мужик, который соседствовал с Гроу.

— Упс... — протянул Ленард.

Я и без него поняла, что это не взгляд, это лазерный прицел, от которого даже очки не спасают. Парень вскочил и подал мне руку, которую я с радостью приняла.

— Вы на съемочной площадке, эсса Ладэ. — Последний раз на меня так смотрела эссерда Броджек, школьная директриса. Она ненавидела меня за сам факт существования в ее школе (ну и самую чуточку за беспорядки, я была трудным подростком). У этого, видимо, я вызывала похожие чувства, потому что даже лысина его сверкала от возмущения, не говоря уже о глазах. — Надеюсь, не стоит напоминать, что это значит?

Ну... отчитывал он, в принципе, в точности так же, как Броджек. По

классической схеме, когда чувствуешь, что на тебя вылили ведро с помоями, стоишь и обтекаешь. Особенно учитывая, что на меня смотрели все. Второй раз за пару (или сколько там) часов меня выставили безответственной раздолбайкой.

Перед глазами стояло треугольное лицо эстерды Броджек, ее ногти-стиллеты, которыми во сне она, видимо, доставала сердца из груди нерадивых учеников.

«Я вынуждена позвонить твоей сестре, Танни, — говорила она. — Прямо сейчас».

И кривилась, как будто разжевала незрелый лимон. Этот тоже кривился, насколько подвижность его лица позволяла. У меня вообще было такое чувство, что он переборщил с омолаживающими уколами.

— Не стоит, — ответила я. — Я просто подошла погладить Дири.

— В результате помяли костюм актера и нарушили схему декораций, — процедил он. Как его еще не скрючило от злости, непонятно. Возможно, дело было в подчеркнутой сухости, которая в этом типе чувствовалась во всем: от плотно сжатых губ до острого носа, от элитной одежды до кончиков ботинок. Я уже молчу про оправу его очков. Рядом с ним, таким снобом, и находиться-то было неловко, не то что одним воздухом дышать. — Ваше родство с местром Халлораном совершенно точно не позволяет вам игнорировать установленные на съемочной площадке правила, включая технику безопасности. Если такое повторится, я лично свяжусь с вашим руководством в «Хайлайн Вайнерз». Это понятно?

К лицу прилила кровь.

— Местр Халлоран не имеет ко мне никакого отношения, — процедила я, сжимая кулаки.

— Рон, — за спиной неожиданно раздался голос Гроу, — какого дракона здесь происходит?

— Здесь развлекается твой координатор, Джерман. — Он показал на разбросанные подушки, в одну из которых зубами вцепился Дири и возил ее по полу.

— Нет, это я понял. Мне не совсем понятно, при чем тут Халлоран?

— Но ты сам говорил...

— Вот именно. Я говорил. Один раз. Мне кажется, этого вполне достаточно.

Все, с меня хватит. Пошли они оба на... юг, в общем, в океан к драконам. Пусть сами разбираются.

Я рванула к выходу с такой скоростью, что мне мог позавидовать

беговой виар, но проскользнуть мимо постановщика не удалось: его пальцы сомкнулись на моем запястье с такой силой, что я чудом не улетела назад. От прикосновения по коже взметнулись искры, словно меня замотали в оголенный провод.

— Руку убери, — прошипела, глядя ему в глаза.

Этот драконогад даже не моргнул.

— Всенепременно. Рон, — Гроу развернул меня лицом к остальным, — давай договоримся так: если тебе хочется набить на языке мозоль, ты занимаешься чем-то более приятным, чем треп по поводу Халлорана в адрес моего координатора. Это ко всем относится.

Пальцы на моем запястье разжались.

— Я здесь не просто так, Джерман, — процедил очкастый. — Благодаря твоему координатору нарушена схема декораций и дисциплина на съемках. В мои обязанности входит...

— Уж точно не то, чем ты сейчас занимаешься. — Гроу шагнул вперед.

Между ними разве что молнии не били, и то, подозреваю, исключительно потому, что купол слегка экранировал от электричества. Особенно когда Рону указали на разбросанные подушки.

— До начала съемок четыре минуты.

Очкастого знатно перекосило, тем не менее он отвернулся и принялся отдавать распоряжения. В шатер тут же прибежали ассистенты, которые привели в порядок подушки. Мужчина, что принес Дири, поставил на пол миску с водой, а когда тот напился, подхватил виаренка. Я же сунула руки в карманы и направилась прогуляться, когда меня догнал Ленард.

— Не обращай внимания, — сказал он. — Это Ронхард Гайер, исполнительный продюсер. Тот еще дерьможуй.

Какое точное определение!

— Спорим, тебя мама не учила, что ругаться плохо? — поинтересовалась я.

— Учила. — Ленард расплылся в улыбке. — Спорим, ты не такая зануда, какой хочешь казаться?

— Спорим, я вообще не зануда?

— Ленард Харинсен! — Жесткий голос дерьмож... исполнительного продюсера заставил парня остановиться. Он пожал плечами.

— Ладно, Танни, еще поболтаем. Не бери в голову, о'кей?

— О'кей, — сказала я.

Не очень-то и хотелось, голова у меня одна, а в ней и так слишком много мусора.

Мысли о мусоре настигли меня ровно в тот момент, когда за спиной

раздался смех. Я обернулась и увидела местрель Ярлис, которая возвращалась на съемку. В общем-то, надо было сразу догадаться. Это высокое хихиканье, напоминающее прыгание стеклянных шариков в трясущейся банке, больше никто не мог издавать.

Обернувшись, я увидела рядом с ней актера, который играл Эргана. Мелора смеялась, запрокинув голову, и волосы рассыпались по ее плечам шелковыми волнами. С такой укладкой можно было не волноваться, что их растреплет ветер или даже смоем цунами. Костюм Теарин был роскошный, что и говорить: плотно облегающий высокую грудь лиф, шаровары с тонкими вкраплениями золотых нитей и широким поясом, подчеркивающим талию. А еще шлейф, тот самый шлейф, с которого сыпались огненные искры.

Точнее, будут сыпаться. Благодаря нам.

Когда работаешь над спецэффектами, в магию происходящего на экране верится смутно. Точнее, верится-то оно верится, но воспринимается немного иначе. Вот только с историей Теарин это почему-то не срабатывало.

Я вдруг представила это удивительно ярко: падение в полыхающий обруч, стремительно сменяющаяся обжигающим жаром прохлада и бурлящий в крови адреналин. Рывок вниз — и горящая под ногами земля. Огненный танец, который она отмеряла шагами, и текущие в песке ручьи пламени.

Настолько ярко, что сердце билось в ритме барабанов, чей ритм на время выступления становился твоей жизнью. Точнее, жизнью Теарин.

Очнувшись, наткнулась на внимательный взгляд Гроу. Такой, от которого барабаны почему-то зазвучали громче, а по венам, как по узорам на арене, побежало пламя. На миг показалось, что мы снова отрезаны от мира, от павильона, запертые в той ВИП-ложе. Что я чувствую вкус его губ, подчиняющих мои глубоким поцелуем, что под пальцами перекачиваются мышцы, а в бедро упирается его твердая плоть. Пальцы скользят по щеке, чтобы мгновение спустя грубо потянуть за волосы, а потом меня опрокидывают на спину...

Твоего. Дракона.

Ой, не тому я насыпала льда в трусы, не тому. Себе надо было насыпать.

Мысленно дала одной озабоченной девице затрещину и вернулась на свой раскладной стульчик.

Рисовать.

ГЛАВА 6

Танни

Не считая мелких неурядиц, день прошел удачно. То, что теперь на съемочной площадке все знают, что я «та самая Ладэ», как-нибудь переживу. Хочу я трахнуть Гроу планшетом по голове за все сразу, наверное, не считается. Почему рядом с ним у меня напрочь отказывается голова, а я сама превращаюсь в оголенный провод, думать не хотелось. Но не хотелось — не значит, что не думалось.

В частности, о том, с какой радости он сегодня взялся меня защищать. Сначала приложил мордой об асфальт, потом поднял и платочек подал. 3-3-защитничек.

Помнится, одна психолог с умным видом заявила, что меня тянет на плохих мальчиков, чтобы закрыть тему Лодингера. После этого я закрыла ее тему, потому что на плохих мальчиков меня не тянуло. Меня тошнило от одного вида богатеньких мажоров, развлекающихся с девочками направо и налево, не говоря уже о том, чтобы кому-то из них дать.

Что касается Гроу, меня тянуло к этому плохому мальчику. Под этого плохого мальчика... В общем, ассоциативный ряд был достаточно широким и очень неприличным. Если верить Лэм (лучшей подруге моей сестры, которая в свое время пережила примерно то же, что и я с Лодингером), лучший способ от чего-то избавиться — это сделать и забыть.

На этой мысли мне захотелось побиться головой о стену. Ну или о столешницу.

Побиться я ни обо что не успела, потому что мобильный разразился «Ледяной бурей» — новым хитом, который лился из каждого флайса, динамика, унитаза (нужное подчеркнуть). Фервернская певица, чье имя сейчас гремело на весь мир, взорвала этой песней все, что только можно. Кстати, тоже ир்தханесса, Сибрилла Ритхарсон.

— Привет, — сказала я Шири, которая почему-то решила не включать видеосвязь.

— Привет! Как твой первый рабочий день?

— Здорово.

Ну, если можно так выразиться.

— Класс. Ты уже дома?

— Только вошла. — Я действительно только вернулась, прыгая на

одной ногой и пытаюсь вытряхнуть себя из обуви. Зубы Бэрри клацнули в миллиметрах от моей пятки: она с чего-то решила, что я с ней играю, и обиженно рыкнула, когда получила по носу. — А что?

— Может, встретимся где-нибудь?

Я глянула на часы: время детское, половина девятого. В принципе, почему бы и нет. В Зингсприде я вечерами или танцевала, или шлялась по набережной, или рисовала, или с Бэрри играла в «перетяни веревочку». Пора бы уже обрастать друзьями, а то скоро колючками зарасту.

— Не вопрос.

— Чудесно. Рядом с набережной есть кофейня «Крутящийся шар». Представляешь где?

— Ага. Часа через полтора устроит?

— Супер.

— Тогда заметано.

Мы с Бэрри трусцой пробежались по парку (надо было видеть ее глаза, когда я снова собралась уходить). Не спасла даже косточка из вяленого мяса, специальное лакомство для виаров, которое продается в зоомагазинах. Эта страсть у нее от отца, у того даже уши сворачивались, когда он вяленое мясо видел. Бэрри немного поспокойнее, иногда я даже начинаю думать, что меня она любит больше, чем еду.

— Вррр, — сказала виари, когда я застегивала сандалии. И ткнула меня носом под коленку.

— Я к тебе вернусь, — потрепала виари между ушей, — если будешь себя хорошо вести.

— Вррр! — Глаза стали еще больше и грустнее.

— С еще одной вяленой косточкой.

Виари тяжело вздохнула и плюхнулась прямо в прихожей, положив морду на лапы. Это у нас называлось «почувствуй себя полной сволочью и убейся». На мне не сработало, потому что я привычная, а еще потому, что мне ну очень нужно развеяться и перестать думать о Гроу.

Добралась быстро: аэроэкспрессы до набережной ходят каждую минуту, даже вечером — через две. Учитывая, что Зингсприд — тот самый город, который не спит в принципе, очень актуально. Станция была совсем рядом с кофейней, отличалось это заведение тем, что располагалось на длинной тонкой игле, врастающей в землю. Внутри иглы ходили лифты, ну а сама кофейня, разумеется, была выполнена в форме шара. И да, она крутилась медленно, даже тот, кого укачивает во флайсах, здесь может быть совершенно спокоен за свой вестибулярный аппарат. Зато панорама Зингсприда шикарна.

Свободных мест в «Крутящемся шаре» практически не бывает (из-за туристов), но столики освобождаются достаточно быстро. Самыми крутыми, конечно, считаются те, что у прозрачных стен, и вот за такой попасть как раз сложнее всего, в порядке живой очереди. Брони здесь нет.

Когда я поднялась, у вышеобозначенной очереди было два хвоста. Один, подлиннее, на те самые столики у стен. Несмотря на то что они платные, желающие там посидеть не переводились. Второй, покорооче, тянулся к простым, и стоявшая в самом начале Шири помахала мне рукой.

Я подошла к ней, и нас почти сразу же пропустили в зал.

Шары здесь были повсюду: свисали с потолка на тонких нитях, напоминая перевернутое вверх тормашками кафе, расплывались пузырящимися узорами под ногами, поблескивали в орнаменте стен.

— Как добралась? — поинтересовалась коллега, когда нас усадили за столик и я загрузила меню.

Даже не глядя, ткнула в сырный раф, от вкуса которого умом можно тронуться. Именно здесь, больше его нигде таким не делают. Как у них это получается, большой вопрос. Шаманят, наверное.

— Быстро, на аэроэкспрессе. А ты?

— А я за рулем.

Надо бы и мне флайс купить, что ли. В Мэйстоне у меня был, но при переезде я его продала, а здесь... пока еще не сподобилась. Вот закончится испытательный срок, и займусь.

— Как тебя отпустили?

Собственно, мы с Шири никуда не выбирались по вечерам именно потому, что ее будущий муж против. Ему нужно, чтобы она всегда была рядом с ним, чтобы, когда он приходил с работы, Шири сидела дома, в кино и кафе они выходили только с общими друзьями, одну он ее в принципе не отпускал.

Коллега отмахнулась:

— Расскажи лучше, что у вас вчера произошло с Лэргом? Он сегодня весь день как штормовая туча.

— У нас... ничего не произошло.

Подумала и заказала себе еще сэндвич, потому что забыла поесть.

— А... — Шири задумчиво посмотрела сквозь зал. Огромный, как плато в Зингспридской пустоши. — Понятно.

Ответить я не успела, потому что нам принесли кофе. Еще одно из преимуществ этой кофейни в том, что здесь все делается в считанные минуты. Оно и понятно, в общем-то: с таким наплывом посетителей крутиться надо очень и очень быстро.

— Зато у меня вчера было приключение, — заметила коллега, когда я осторожно, через трубочку втянула крепкий ароматный напиток с ярко выраженным сливочным вкусом.

— Мм? — поинтересовалась я, наслаждаясь кофе.

— Я переспала с Гроу.

Я не выплюнула кофе исключительно потому, что успела его проглотить. В общем, да. Что я там говорила по поводу «сделать и забыть»? Такой способ тоже сойдет. Мне мигом захотелось пнуть Гроу в причинное место.

Чтоб его скрючило, похотливое чешуйчатое!

— Так получилось, — добавила Шири, потягивая свой напиток. Таким тоном можно рассказывать, что ты разбила стакан или тарелку, но никак не о том, что переспала с кем-то за пару месяцев до свадьбы.

Вот только когда она подняла глаза, они подозрительно блестели. Короче, девушка, которая «потрахалась и забыла», выглядит несколько иначе.

— Ты что, пьяная была?

— Нет. Злая. — Коллега закусил губу, но потом все-таки продолжила: — Мы с Джарсом поругались, — пробормотала она и всхлипнула. — Сильно. А Гроу... оставил мне визитку.

Когда только успел, ящер озабоченный. Хотя, судя по тому, как от них искрило в переговорной, у Шири не было шансов.

— Так, — сказала я, понимая, что этот разговор не для кофейни. — Давай-ка сходим на пляж.

— А кофе? — всхлипнула Шири.

— Кофеин в больших дозах вреден. И вообще, ты видела, что там творится за дверями? Уступим очередь какой-нибудь... — Я чуть не сказала влюбленной парочке, но вовремя прикусила язык. — Туристке, которая завтра, может, уже уедет.

Быстренько достала карточку, приложила ее к планшету, оплачивая заказ за двоих с чаевыми, и выдернула коллегу из-за столика. Шири особо не сопротивлялась, и я подозревала, что перед встречей со мной она накачалась успокоительными по самую рыжую макушку. По которой сейчас отчаянно хотелось настучать. Но еще больше (каюсь, руки горели) хотелось накостылять Гроу. Нет, не так. Я все-таки определилась с желаниями: трахнуть по голове планшетом. А потом еще коленом по драконодостоинству со всего размаха. И не только коленом, но и...

Так! Все! Хватит!

До пляжа мы добирались в молчании, только когда спустились и

устроились прямо на остывшем песке, разложив под пятками курточки, Шири прорвало. Захлебываясь слезами, она рассказала о том, как после жуткой ссоры с будущим мужем вылетела из дома. Как бродила по городу, пытаясь успокоиться, а потом рылась в сумочке, чтобы найти зеркальце и привести себя в порядок. Вместе с зеркальцем нашла визитку Гроу.

А Гроу, видимо, не очень хорошо расстался с Мелорой после моего выпада про тусы. Не думаю, что он бродил по городу, чтобы утешиться, но два одиночества встретились.

Действительно, какая ему разница. Мелора, Шири... Главное, что двуногая и с хорошей фигурой.

— Он сказал... в общем, сказал, что можем потанцевать, а потом... мы трахнулись прямо в клубе.

Шири продолжала рыдать, поэтому я обняла ее и прижала к себе. Давно я никого не обнимала, поэтому вышло неловко, но коллега не отстранилась. Напротив, вцепилась в меня, как в спасательный круг, и зарыдала еще громче. Я гладила Шири по спине (примерно так я поступила с Бэрри, когда виари подхватила лихорадку паррс, и пришлось везти ее в ветеринарную клинику), смотрела на огни, бултыхающиеся в раскинувшемся перед нами океане. На поблескивающий щит, оберегающий побережье от водных драконов. Слушала рокот волн и молчала. Потому что не знала, что сказать.

Я вообще не сильна в утешениях и советах.

Вот Леона — другое дело, у нее всегда находились нужные слова, а главное, правильные. Когда Лодингер выставил меня шлюхой перед одноклассниками, сестра чуть ли не за шкуру притащила меня домой, и мы вместе расколотили подаренную им приставку. Когда я узнала, что она мне не родная (ее мама погибла во время налета, а моя ее удочерила), Леона сидела со мной в подземке и вспоминала, как мы встречали поезда, когда ждали маму с работы.

— Пр-р-ости, что вы-валила эт-то все, — вдобавок к рыданиям Шири начала икать. — Но я про-сто... н-не знаю, к к-кому пойти. У нас все... друзья общие, ем-му тут же дол-ложат. Не знаю... что... делать дальше.

— Расскажи все Джарсу.

— Рассказать?! — Шири подняла на меня покрасневшие глаза.

— Если ты хочешь и дальше строить с ним отношения.

— Д-да он меня... и... слушать не станет.

— Если любит, то станет.

— А если...

— А если ты ему не расскажешь, можешь сразу забыть о свадьбе. — Я отстранилась и серьезно посмотрела в заплаканное лицо. — Потому что эта дрянь будет тянуть тебя назад, и чувство вины сожрет с потрохами. Потому что ты будешь ненавидеть себя за то, что сделала, а его — за то, что не удержал, когда убегала из дома.

Шири моргнула. Даже заикаться перестала.

— Но он же меня не простит.

— Может быть, не сразу. Но если любит, простит обязательно.

— Ты серьезно так думаешь?

— Серьезно.

— Ты бы такое простила? Ну... если бы у тебя был парень, и...

— Не знаю, — ответила честно.

Я и правда не знала. Хотя иногда мне в голову приходили идиотские мысли о том, что если бы Мик оказался не такой абсолютной сволочью, какой он был, если бы он действительно поспорил на меня, а потом влюбился... если бы пришел и попросил прощения, смогла бы я такое забыть? В первые дни после той мерзости я даже представляла наши разговоры.

А значит, хотела простить.

— Но я думаю, что любимым нужно давать второй шанс. Особенно если они этого хотят. Ты же хочешь?

— Хочу, — выдохнула Шири, и в глазах ее снова заблестели слезы. — Очень!

— Тогда дуй домой и во всем сознавайся.

— Я боюсь.

— С Гроу трахаться не боялась?

— Ой, — сказала Шири и отстранилась.

— Ну, прости. Я привыкла называть вещи своими именами.

Какое-то время мы сидели, глядя на пенящиеся в темноте волны, идущие одна за другой. Невысокие, но купаться пока все равно нельзя, хотя вода здесь круглый год теплая, не то что в Мэйстоне. Потом мне надоело сидеть, я откинулась на спину, глядя на рассыпавшиеся по небу звезды. Их здесь было ничтожно мало из-за огней, а вот в пустоши, наверное, — бескрайнее море. Снова вспомнила Теарин и ее желание оказаться рядом с драконами. Мне такое не светит.

В наше время даже многие иртханы драконов видят только в учебных аудиториях или по визорам.

Не думать о драконах. Не думать о драконах. Не думать о драконах.

О таких двуногих, похотливых... драконосамцах.

— Ладно. Судя по всему, ты права. — Шири потерла ладони и поднялась. — Поеду домой. Попробую поговорить.

— Вот и супер.

Я вытряхнула песок из волос и последовала ее примеру.

Лифт на аэроэкспресс — станция — стрела поезда — станция — дом.

Захлопнув дверь, прошла на балкон, вытащила мобильный и увидела два пропущенных от Леоны. Оказывается, не услышала звонки из-за шума океана.

«Привет, — написала сообщение, — не спишь еще?»

В ответ телефон зазвонил так яростно, что мне стало страшно. Что там такого неотложного, что не может подождать до утра?

— При... — начала говорить, но закончить, увы, не успела.

— Танни! — Голос сестры внушал серьезные опасения, а выражение лица (изогнутая бровь и взгляд драконицы) и подавно. — Что происходит между тобой и Гроу?!

Ы-ы-ы.

Примерно так в этот момент звучали мои мысли, особенно учитывая, что мне почти удалось про него забыть. Ключевое слово — «почти», потому что как только я выбрасываю из головы это похотливое драконокогтистое с сомнением размером с Даармархскую пустошь, кто-нибудь обязательно стремится мне об этом напомнить... Стоп.

Что?!

— Ты о чем? — поинтересовалась, глядя на сестру.

В ответ мобильный коротко пикинул сообщением со ссылкой. Ткнула в нее и обнаружила статью, в которой мой профиль красовался аккуратно рядом со столиком Мелоры Ярлис и драконосамца в самом расцвете сил и желания.

М-да. Похоже, папарацци в ресторан все-таки пробрались.

— Танни! — донесся грозный голос Леоны. — Я жду!

Снова включила видео: сестра, видимо, устроилась на диване в спальне их с Рэйнаром городского пентхауса. За окном виднелась ночная панорама Мэйстона, и я вдруг отчетливо ощутила, как мне ее не хватает.

— Мы работаем вместе.

— То есть как работаете вместе?

Прежде чем я успела ответить, из динамика донеслось:

— Привет, Танни.

Пол-лица Рэйнара, поцеловавшего сестру в щеку, на миг мелькнуло перед камерой.

— О чем разговариваете?

— О Гр...

— Работе.

О «гработе». Наверное, так можно мою работу назвать, да.

— Рэйнар, дай нам пару минут.

Небо, дай мне сил!

Никогда не привыкну к тому, что правитель Аронгары говорит мне: «Привет, Танни!»

Хотя могло быть и хуже. Леона вон вообще с ним сексом занимается.

К счастью, Рэйнар ушел, а Леона чуть развернулась, демонстрируя мне Лаувайс (аналог зингспридской Вайовер Грэйс).

— Как?! — почему-то шепотом спросила Леона.

— Что — как?

— Как ты умудрилась вляпаться в Гроу?!

Ну да, очень точное слово. К ситуации подходит. И вообще.

Рассудив, что рассказывать сестре о ночном клубе не стоит, решила сразу перейти к делу.

— «Хайлайн» выиграл тендер на создание спецэффектов для фильма о Теарин Ильеррской.

Леона непечатно выразилась.

Ну, непечатно для первой леди, разумеется. Вообще-то она образец и идеал: ее фото во всех СМИ демонстрируют элегантную женщину, исполненную чувства собственного достоинства. Сейчас уже никому в голову не взбредет тыкать ей происхождением (Леона — полукровка, а если быть точной, тричетвертировка, но это детали). Зато я помню ее такой, как сейчас: с рассыпавшимися по плечам влажными после душа светлыми волосами и без макияжа. Наверное, этот образ просто мне ближе.

— И ты хочешь сказать, что в ресторане вы обсуждали рабочие моменты?

— Ну... можно и так сказать.

— Какие именно?

Страстью уточнять и все контролировать она, похоже, заразилась от мужа. Тот тоже любитель знать все (хотя его положение обязывает).

— Сценические костюмы.

Разговор про трусы был? Был. Чем не сценический костюм?

Леона прищурилась:

— Танни, ты недоговариваешь.

Это еще одна причина, по которой я все говорю в лицо: врать у меня получается паршиво. С другой стороны, зачем мне врать? Мы вроде как взрослые люди.

— Я танцевала ему приват.

— Что?!

— А в ресторане мы просто вспомнили этот момент.

Судя по выражению лица, сестра пыталась понять, шучу я или просто рехнулась.

— Ты, прости, что?! — Ее тон не просто давил, намертво впечатывал в пол.

— Слушай, для замужней женщины ты слишком много интересуешься Гроу.

— Я интересуюсь тобой. Держись от него подальше, Танни. Поняла?

— С чего бы? — Я неожиданно разозлилась. — Потому что я твоя сестра?!

Каждый раз, когда мы с ней общались, мне выдавали перечень цеу, которые надлежало строго и неукоснительно исполнять.

— Потому что мне небезразлично, что с тобой происходит. — Леона, судя по голосу, тоже начала заводится. Это у нас с ней семейное.

— Да ну? По-моему, тебе небезразлично, что будет с твоей репутацией.

Слова вырвались сами собой, и остановить их я уже не могла. Равно как и отменить тоже: у сестры в глазах полыхнуло пламя. Самое что ни на есть настоящее, стихийная магия ир்தханов называется огнем и различается по цвету (в зависимости от того, чем ир்தхан управляет). У Леоны вот оранжевый, и когда он заполняет радужку, зрачок вытягивается в вертикаль. Смотрится диковато... и завораживающе.

— Можешь думать все что угодно, — процедила сестра. — Но если я тебя увижу рядом с ним...

— То что?

— Узнаешь.

Звук отбоя, погасший экран.

Я выразительно швырнула телефон на постель и прошла в спальню: благо в студии долго ходить не надо. Все, что есть в моей квартире, — это рабочий стол со всем необходимым оборудованием, кровать, кухня и пилон. Ну и стереосистема, вмонтированная в стену так же, как и шкаф для одежды. Ничего лишнего, в общем.

Подняла мобильный и снова заглянула в статью.

«Недавняя встреча Джермана Гроу и Мелоры Ярлис не задалась. Вероятно, из-за очень активной поклонницы, которая приблизилась к их столику и что-то сказала. После этого они разговаривали на повышенных

тонах, и местрель Ярлис поспешила покинуть ресторан».

И Гроу тоже поспешил. Потрахаться с Шири.

Подавив желание шваркнуть телефон о стену, вернулась на кухню, чтобы сделать себе смузи и заесть сэндвичем. Желудок ненавязчиво напоминал о том, что его надо бы покормить, то же самое упорно делала Бэрри, которая ходила за мной по пятам и заглядывала в глаза.

— Сегодня разгрузочный день, — сообщила я.

И уселась на высокий табурет, к которому немедленно подошла виари. Грустно вздохнула и положила морду мне на колени.

— Вррр!

Та ее часть, которая была похожа на отца (желтый глаз и рыжие подпалины в белоснежной шерсти), отчетливо напомнила мне о нем. И как весело было на нашей с сестрой небольшой кухне в квартире, где последние годы жили мы с Имери. Марр вел себя непристойно и никогда не стеснялся тащить еду со стола, за что я на него постоянно ругалась. Бэрри в этом плане другая: видимо, благородная кровь матери говорит. Эрри, виари Рэйнара, по характеру напоминала ир்தханов и смотрела на всех сверху вниз, но в доир்தханской эпохе... в смысле, в доир்தханской эпохе в нашей с Леоной жизни было гораздо теплее.

Или просто мне так кажется.

Желание позвонить и извиниться я затолкала подальше. В конце концов, не я все это начала.

Бэрри снизу тяжело вздохнула, и я сунула ей половину сэндвича. Есть по вечерам все равно вредно. И вообще. Надо ее выгулять уже и идти спать. Завтра у меня очередной испытательный день на «гработе».

И ни одной больше мысли о Гроу.

Ни е-ди-ной.

Рабочее утро началось с явления Витхара Даармархского. Ну, то есть не с него лично, конечно, а с актера, который будет его играть. Роста в нем было под два метра, но больше всего поражал взгляд: хищный, пронизывающий, словно достающий до глубины сознания. Назвать этого парня красавцем в классическом смысле не получалось, но в нем было гораздо большее. По-мужски резкие черты, в чем-то даже отталкивающая подавляющей властной силой внешность. Словом, ни отнять, ни прибавить, как из записей Теарин вылез.

Наверное, актер и должен быть таким. Чтобы в образ верилось безоговорочно.

— Шею не сверни, Зажигалка, — сообщил Гроу, проходя мимо меня. Че-го?!

— У меня имя есть, — бросила я ему в спину.

— Серьезно?

— Серьезнее некуда, Повелитель ледяных кубиков.

Режиссер остановился, словно в стену влетел. И медленно обернулся. Наградил меня таким взглядом, что любая другая на моем месте сразу же испарилась бы, растворилась, разложилась на атомы (нужное подчеркнуть). Я же сунула руки в карманы и приподняла брови.

Хочет называть меня Зажигалкой, будет Ледяным повелителем.

А Гроу (набл его знает зачем) направился ко мне. По-прежнему медленно: приблизительно так мог выходить из пещеры дракон, почуявший добычу. Как ни прискорбно ощущать себя добычей, но именно так я себя в этот момент и почувствовала. На миг даже захотелось развернуться и выйти подышать воздухом, ну или сказать, что у меня прихватило живот. Тем более что походка у него была пружинистая, но сильная, вот реально дракон.

— Сегодня после съемок зайдешь ко мне в кабинет, — четко проговаривая каждое слово, произнес он. Многообещающе. И добавил: — Зажигалка.

Ответить мне просто-напросто не позволили, потому что развернулись пятой точкой. Стремительно, с грацией хищника, готовящегося перегрызть глотку нападающему со спины. В общем-то, я была бы не против, если бы одним исполнительным продюсером на съемочной площадке стало меньше, но, наверное, в ближайшее время мне не обломится. Дерьмож... Ронхард Гайер наградил меня убийственным взглядом, словно мысли мои читал. Я ему вернула похожий.

Не умру, не надейся.

— Джерман, у нас проблема, — сообщил он. — В Лархарре...

Что там произошло в Лархарре, я не услышала, потому что сзади раздалось:

— Бу! — И Ленард выскочил из-за моей спины, довольный, как обожравшийся вяленого мяса виар.

— А локтем в ребро? — поинтересовалась я.

— Да ладно! Ты можешь ударить ребенка?

— Не такой уж ты и ребенок, — фыркнула я. — Одиннадцать лет уже.

Это мы выяснили вчера за ланчем, точно так же как и то, что ему отдали предпочтение именно по настоянию Гроу. То есть Гайер и другие настаивали на другом, более раскрученном актере, но Гроу выбрал именно

его. Среди двадцати шести претендентов, хотя в копилке Ленарда до этого была только одна эпизодическая роль в сериале. Учитывая, что Гроу был еще и генеральным продюсером, остальным пришлось смириться.

— А... Рихт классный, — сказал он, проследив мой взгляд.

— Кто?

— Рихт Паршеррд, он из Лархарры. — Ленард указал на того, с кого началось утро.

То-то мне его внешность показалась несколько странной: слишком смуглый, разрез глаз миндалевидный, а сами глаза — как костры Огненных земель. Пожалуй, именно они делали его по-настоящему похожим на ирхана.

— Гроу лично ему звонил, чтобы пригласить на кастинг.

Ну, зашибись, не режиссер, а одно сплошное противоречие.

То пинками звезд разгоняет, то нераскрученному актеру звонит.

— Все по местам!

— Сегодня снимаем сцены с Даармархским, — произнес Ленард. — Подозреваю, что это на весь день. Там по эмоциям убиться можно, так сильно.

— А ты тогда зачем здесь?

Заметила, что он пока не в гриме и без костюма.

— На всякий случай. Если получится отснять раньше, декорации опять переделают, и будем снимать побег.

Побег мы начали снимать вчера, но так и не закончили. Сначала у Гроу случился спор с Гайером, затем с Мелорой, а потом у Мелоры началась истерика.

Шатер сегодня был перестроен: более плотная ткань, факелы на подставках и совершенно другая обстановка. Не знай я, что мы в павильоне номер девятнадцать, решила бы, что оказалась совсем в другом месте. Например, в Огненных землях, в шатре, где Даармархский словами припечатал сначала директора передвижного цирка, а потом Теарин. К слову, директор реально напоминал Гайера. Разве что лысым не был, но это легко можно поправить. Лично я могу. Плавным движением пера по планшету Гайер превратится в того отвратительного типа.

Хм... с удовольствием посмотрела бы, как ему говорят: «Пошел вон».

— Приготовились!

Я быстренько упала на свой стул и осознала ошибку: сегодня приехала вовремя, зато забыла дома куртку. Той куртки, конечно, было — кусочек джинсовой ткани и три заклепки, но чтобы сидеть под мощными кондиционерами — самое то. Кондиционеры здесь и правда нереально

мощные, чтобы грим не расплывался и актеры не сдохли под аппаратурой и светом. Аппаратура, кстати, тоже.

Ладно, перебыюсь, хотя кожа покрылась противными мурашками.

— Рон, ты куртку для Ладэ заказал?

Я чуть не подпрыгнула.

— А должен был?

— Не ты, — любезно объяснил Гроу. — Твоя ассистентка.

Исполнительный продюсер скрежетнул зубами. Ну или это он просто слишком резко на стул сел.

— Завтра будет.

— Круто.

Прежде чем я успела дослушать их негромкий разговор, мне на плечи легла режиссерская куртка с его запахом. Резковатым и терпким, как недешевые сигареты, тем не менее горящие дымом.

Э-э-э... Это вообще что только что было?

Прежде чем я успела поинтересоваться, Гроу уже плюхнулся в свое кресло и скомандовал:

— Полетели!

— «Танцующая для дракона», сцена восьмая, дубль первый.

Наверное, никогда не привыкну к тому, что сцены снимаются не по порядку. Сначала более поздние, потом более ранние, и все это вперемешку. Вчера не успела почитать продолжение записей Теарин (настроения не было), но, насколько поняла, можно расслабиться и получать удовольствие. Нам бы с Даармархским разобраться и с побегом.

Режиссерская куртка мешала мыслить здраво, запах его сигарет и кофе напрочь отключал мозги, поэтому сосредоточиться на происходящем было значительно сложнее. Отказываться от нее я не собиралась исключительно потому, что не хотела превратиться в гигантский пупырышек и заработать насморк. Первые дни в Зингсприде я лезла под все кондиционеры разом и ходила красноносая, как алкоголик. Ладно хоть тогда у меня проектов не было, потому что работать с насморком и температурой — сомнительное удовольствие.

Директор цирка застыл перед Даармархским в состоянии глубокого полупоклона, в том самом, из которого очень просто бухнуться на колени. Как раз в тот момент, когда полог отодвинулся и вошла Мелора-Теарин.

— Теарин, с тобой хотят переговорить. — Мужчина разогнулся и шагнул было к ней.

— Пошел вон.

Честно — мне самой захотелось выйти, но я окончательно залипла на

актера, который играл Даармархского. С моего места был виден только профиль: резкий, властный, а от взгляда, устремленного на Теарин, побежали мурашки. Особенно когда он произнес:

— Подойди.

Мелора шагнула к нему, расправив плечи и вздернув бровь.

— Стоп!

На этот раз Гроу даже из кресла не поднялся, и она повернулась к нему во всем своем великолепии.

— Что не так?

— Что? Например, твое выражение лица.

Мелора закатила глаза:

— Что не так с моим лицом, Джерман?

— Если бы она смотрела на него так, как ты, он бы ее трахнул прямо в этом шатре и забыл.

Слева кашлянул исполнительный продюсер.

— Да нормально я на него смотрю!

— Ты не смотришь, ты бросаешь ему вызов.

— Теарин тоже бросила ему вызов. — Мелора сложила руки на груди. — Разве нет?

— Не физиономией. Поведением. Достоинством. Ты в курсе, что такое достоинство?

— Знаешь что, Джерман...

Исполнительный продюсер кашлянул еще раз, а я предпочла переключиться на Даармархского. Точнее, на Рихта Паршеррда: он сидел обманчиво расслабленный, в позе хозяина жизни, словно все происходящее его совершенно не касалось. Взгляд глубоко посаженных карих глаз (уж не знаю, линзы ему поставили или свои такие) был цепким и жестким. Темные волосы падают на плечи, в вырезе рубашки виден грим шрама.

Интересно, откуда он у Даармархского взялся? Если он сильнейший иртхан Огненных земель.

Задумавшись об этом, упустила момент, когда Гроу с Мелорой перестали дракониться.

— «Танцующая для дракона», сцена восьмая, дубль второй.

— Теарин, с тобой хотят поговорить...

— Пошел вон. — Спустя несколько секунд: — Подойди.

Он действительно был хорош. Нереально хорош. Не знай я, что передо мной обычный человек, легко бы приняла за иртхана. Все в его внешности, манере держаться, разговаривать, смотреть говорило о непререкаемой власти, о том, что этот мужчина привык, чтобы ему подчинялись. Чтобы

перед ним падали ниц.

— Назовите свое имя. — Мелора вскинула голову.

Мне же захотелось закатить глаза. Потому что вот ни капельки она в этот момент Теарин не напоминала.

— Сто-оп.

Гроу выскочил из кресла и направился в шатер.

— Давай так. Заставь меня назвать свое имя.

— Тебя?

— Меня. — Он сложил руки на груди.

Мелора глубоко вздохнула, сверкнула глазами. Зелеными-зелеными, на цвет ее линз нельзя было не обратить внимания, он был очень ярким. Ее родные темные я помнила хорошо, они стали очень большими, когда я сказала про тусы.

— Назовите свое имя. — Мелора взглянула на Гроу.

Он медленно опустил палец вниз.

— Назовите свое имя.

— Не-а.

— Ты издеваешься?

— Я здесь не за этим. Мне надо, чтобы все, кто сидит там, поверили. — Он ткнул в нашу сторону, очевидно намекая на зрителей.

Мелора сложила руки на груди:

— У тебя комплекс перфекциониста.

— Комплекс у меня разовьется, если такое «назовите свое имя» выйдет в прокат. Комплекс неполноценности. Даже она сделает это лучше. — Палец Гроу почему-то был нацелен на меня.

— Ну да, — фыркнула Мелора. — Обязательно.

— Танна, иди-ка сюда.

Наверное, я бы осталась на месте, если бы иртеханесса в эту минуту на меня не посмотрела. Насмешливо, свысока, и взгляд ее говорил: «Иди сюда, девочка, и облажайся на глазах у всех». Возможно, я бы даже не шелохнулась, если бы в эту минуту не вскочил исполнительный дерьможуй.

— Джерман, мы теряем время. Может, еще уборщицу позовешь?

Мне отчаянно хотелось показать меганепристойный жест Гайеру и Мелоре. И Гроу за компанию, который снова решил макнуть меня физиономией в лужицу.

Я отложила планшет с милой улыбкой и поднялась.

Сердце колотилось в груди как сумасшедшее, когда я шла к шатру под десятками взглядов. Казалось, вся съемочная группа предвкушает

бесплатный цирк, особенно те, кто вчера провожал меня приподнятыми бровями и перешептываниями. Не нужно было особо напрягаться, чтобы понять, о чем они говорят. Точнее, о ком. Особенно учитывая, что один такой разговор (в туалетной кабинке) я все-таки услышала краем уха. Там фигурировало «родиться под крылом дракона» и «Халлоран везде пропихнет».

Стоило поравняться с драконобесподобием, его взглядом прошило навывлет.

— Я тебя слушаю, Танна.

В этом «Танна» было что-то гораздо более непристойное, чем даже в издевательском «Зажигалка». Настолько непристойное, что по телу прошла огненная волна, собираясь на коже покалывающими искрами. Я прошла мимо Гроу, остановилась в паре метров от Рихта. Встретила взгляд Даармархского, чувствуя, как внутри собирается пламенный шар напряжения. Расправила плечи и выдохнула:

— Назовите свое имя.

На съемочной площадке повисла такая тишина, что даже пыль оседала со звуком тяжелого рока. Даармархский не пошевелился, глядя мне в глаза, а вот у меня даже волосы зашевелились от такого. Особенно когда Рихт угрожающе произнес:

— Ты смеешь мне приказывать, девочка?

Не знаю, как Теарин, но я чуть инфаркт не заработала. Даже не сразу вспомнила, что я на съемочной площадке и что спина горит не потому, что Даармархский решил превратить меня в барбекю. Только когда совсем рядом раздалось:

— Надеюсь, вы это снимали.

Думаю, не стоит уточнять, кто это сказал.

В эту минуту Рихт мне подмигнул, и я выдохнула. Повернувшись и встретила взгляд Гроу из-под приподнятых бровей. Ладно бы только его, Мелора окатила меня кислотной ненавистью, от которой, кто повпечатлительнее, растворился бы без следа. Гайер стоял, сдвинув брови и пытаясь вколотить меня в пол собственным авторитетом, Ленард улыбался, остальные сохраняли нейтралитет. Хотя и пялились на нас с Рихтом.

— Вот примерно так, — заметил его драконейшество, повернувшись к Мелоре, — я это вижу.

Мелора показала ему неприличный жест.

— Ты закончил? Мне продолжать?

— Джерман, ты что творишь?! — прошипел Гайер.

— Снимаю, Рон. Приготовились!

Пока все готовились, вернулась на место и сползла на свой стул. Сердце отстукивало барабанный ритм, я чуть не выронила планшет, когда Гроу совсем рядом скомандовал:

— Полетели!

Летали мы долго, до самого обеда, хотя обед все время сдвигался. Сцена с Даармархским постоянно буксовала — то на моменте, когда Теарин на него смотрела, когда узнала его имя, то когда он объявил, что она станет его наложницей. Мелора переигрывала, Гроу прерывал дубль за дублем, Мелора огрызалась, Гроу в долгу не оставался. Искры по площадке летели такие, что обо мне все забыли, чему я была несказанно рада. Потому что понять, что со мной творится, с какой радости меня вообще потянуло в этот шатер, я не могла.

Я пришла сюда драконам хвосты дорисовывать, на испытательный срок, но это чувство — дикое, волнующее, пьянящее, когда я замерла под взглядом Рихта, — объяснить не могла. У меня до сих пор кончики пальцев подрагивали, когда вспоминала об этом.

Очнулась я на мысли, что куртка сползла с моих плеч, а сама я не отрываясь слежу за съемками. Слежу, вцепившись в планшет, под пристальным взглядом Гроу.

Гм.

Уткнулась в экран и сделала вид, что интересуется меня исключительно координаторская работа.

— Стоп! Перерыв! Полтора часа на обед. — Гроу поднялся. — Ленард, на сегодня можешь быть свободен.

И без того было понятно, что к сценам с братом мы сегодня уже не вернемся.

— Поедешь домой? — поинтересовалась у парня.

— Наверное. Хотя могу с тобой в кафе посидеть.

Я была не против, а очень даже за: мне надо было поговорить о том, что сегодня произошло. Вчера мы облюбовали себе небольшое кафе, куда не добирались самые именитые. Нас подкупили недорогие (если так можно выразиться о кухне в самом сердце «Гранд Пикчерз») ланчи, в которые входил салат и сэндвич на выбор, плюс кофе или содовая. Я выбрала кофе, Ленард — содовую (без ланча), и мы устроились за дальним столиком. Вообще в ресторанах съемочного городка можно встретить кого угодно — вот и сегодня мимо прошли два космодесантника и одна девица в маске.

— Ну у тебя и лицо, — сказал он, глядя в мою серьезную физиономию.

То, что она серьезная, я поняла, когда посмотрелась в стол. Покрытия

здесь были похожи на зеркальную глазурь, из-за чего мне неожиданно захотелось пироженок. Давно ведь не хотелось. А может, уровень стресса превысил все допустимые нормы, и теперь мне срочно нужно было заесть его сладким.

— Это было ужасно?

— Ужаснее только Мелора, — хихикнул Ленард. — Прости. На самом деле это было круто. Я даже слегка завис.

Круто для девочки, которая ничего не умеет, да.

— А что вы с Мелорой не поделили? — спросила, чтобы отвлечься.

— Она хотела протащить на роль Сарра знакомого актера. Вроде как они снимались вместе в одном фильме и неплохо общались... Хотя я не представляю, каким надо быть моральным уродом, чтобы неплохо общаться с ней.

Я фыркнула.

— В общем, когда она узнала, что буду играть я... Меня на съемочной площадке и так никто всерьез не воспринимает, а она делала все, чтобы я не выдержал и сбежал сам. На вводном инструктаже заявила, что сериальные мышки долго не задерживаются в серьезных проектах. Ну и все в том же ключе в гримерных, во время пробных съемок. Я сначала терпел, а потом начал огрызаться. — Ленард отхлебнул содовой. — В общем, как-то так.

— Не бери в голову, — вернула ему его же совет. — Гроу лучше знать.

Ой, не думала, что такое скажу. Ой, не думала.

— Тем более что не важно, сколько у тебя за спиной проектов. Важно то, чего ты хочешь добиться. Ты очешуенно играешь.

— Правда? — Ленард просиял.

— Правда, — сказала серьезно.

Сцены с ним, как ни странно, действительно не казались мне скучными. А еще было искренне жаль, что вчера я на съемки смотрела сквозь пальцы.

— А ты давно рисуешь? — Кажется, парень смутился.

— Двадцать лет.

— Ой-е...

— Ага. Но поначалу получалась такая хрень...

Ленард не выдержал и расхохотался.

— Здесь не занято?

Когда к тебе подходят под два метра ростом и еще метром в плечах, поневоле приходится задирать голову. Рихт возвышался над нашим столиком, положив руки на спинку свободного кресла. Они здесь, к слову,

были мягкие и удобные, в таких утонешь и не заметишь. Его пальцы сжимались обманчиво мягко, а смотрел он исключительно на меня.

— У нас не занято? — поинтересовалась я у Ленарда.

— Не-а, — заметил тот. — Но я лучше пойду.

— Э-э-э... — пробормотала я, когда мальчишка вскочил.

— У меня дома еще уроки. И отдохнуть не помешает. Пока-пока.

Уроки!

Эта мысль настолько меня прибила, что я даже пропустила момент, когда Ленард вылетел за дверь, а Рихт устроился в соседнем кресле. Только сейчас осознала, что помимо съемок Ленард еще и учится, наверняка дистанционно, иначе бы просто не смог сниматься. А Мелора травила мальчишку, который даже ответить ей толком не мог. Школьника.

М-да.

— Вы сейчас в какой Вселенной? — поинтересовался Рихт, листая меню.

— В школьной, — фыркнула я. — А вас что привело в это простенькое кафе?

— Вы.

Ы.

Вот так просто, да. И даже в рифму.

— Ты шикарно сказала сегодня.

— Мм... спасибо.

Я все еще не представляла, как вести себя с ним. В отличие от Гроу, этот мужчина выглядел гораздо более приземленным (вне съемочной площадки), и в глазах у него слово «идея» горело исключительно, когда он входил в роль. Поразительно, но между тем человеком, что был сегодня в шатре, и тем, что сидел напротив меня, пролегла грандиозная пропасть.

— Прониклась Теарин?

— Наверное. — Я вернулась к недогрызенному сэндвичу. — Ты тоже классно сказал. Я чуть не обделалась.

Рихт поперхнулся водой, которую ему принес официант, а потом рассмеялся. Смех у него был низкий, рокошущий, под стать голосу.

— Да, — сказал он, отсмеявшись. — Определенно, что-то необычное в тебе есть.

— Необычное?

— Драконочудинка, как говорит моя младшая сестра.

Он общался так, словно мы были знакомы лет десять (не говоря уже о том, что с ходу перешел на ты), и я решила, что пусть так и будет.

— Ты только что окончательно разрушил образ Даармархского.

— Да? — Рихт приподнял бровь. — У Даармархского тоже была сестра.

— И она так говорила о Теарин?

— Нет. Она ее ненавидела.

Прежде чем успела сказать, что спойлера мне не надо, сама хочу почитать, в спину вонзился взгляд. Такой лазерный луч, который прошел между лопаток и впаялся в стену под голографической картиной, где водный драконенок резвился в заливе. Взгляд, от которого по кончикам пальцев побежали искорки, и, наверное, можно было даже не оборачиваться. Но я все-таки обернулась.

И увидела Гроу.

ГЛАВА 7

Танни

Вот можно мне было хотя бы поесть без явления его драконейшества?

Сама себе задала риторический вопрос и даже ответить не успела, потому что Гроу решительно направился к нам. Некрасиво как-то поворачиваться к начальству спиной, но я повернулась.

«Пожалуйста, — подумала я. — Пусть он ищет Рихта».

Пусть даже это несправедливо по отношению к такому нормальному парню, которому даже еду еще не успели принести.

В следующий миг Гроу бесцеремонно вторгся в мое личное пространство. Проще говоря, положил руку на спинку моего кресла, слегка коснувшись пальцами плеча. От прикосновения плечо прошило огнем, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что творил его взгляд. Мои волосы и затылок не дымились только по какой-то счастливой случайности.

— В следующий раз перед тем, как убегать, — Гроу выделил последнее, — оставишь контакты моему ассистенту. Мне не с руки бегать за тобой по всему городку.

Нет, ну нормально, а?

Посмотреть на него так, чтобы не свернуть шею, было проблематично, поэтому пришлось слегка развернуться. Заодно отодвинулась от драконьих пальцев.

— Вообще-то, я тебя не просила бегать за мной по всему городку. Что-то срочное?..

— Зайдешь ко мне через двадцать минут.

Чего?!

— Я как бы обедаю.

— Ты как бы доешь свой сэндвич, вот эти три зеленых листочка с одним орешком, и доберешься в мой кабинет через двадцать минут. Все ясно?

— Джер. — Рихт взглянул на него. — Может, хотя бы через полчаса? К тебе еще дойти надо.

Я думала, что Гроу сейчас пошлет его в пустошь, как в свое время Гайера, но он только вскинул брови.

— Через полчаса, — сообщил резко.

После чего развернулся и так же быстро оставил нас одних.

— Спасибо, — сказала я, когда стеклянные двери сомкнулись за режиссерской спиной.

— Обращайся. — Рихт снова подмигнул.

Вот это подмигивание, пожалуй, было тем маячком, который превращал его из Даармархского в себя самого. Прищурившись, посмотрела на мужчину, который с независимым видом рассматривал меня.

— Слушай, — сказала я, — ты, кажется, нашел к нему подход. Поделишься?

— Я знаю его маленький грязный секрет. — Рихт чуть подался назад, чтобы официантка могла поставить на стол бокал вина. — На самом деле он просто в хорошем настроении.

Это он-то?! В хорошем настроении?! Сегодня?!

Знать не хочу, что бывает, когда он в дурном.

— Жаль, — сказала я, возвращаясь к сэндвичу и трем зеленым листочкам с одним орешком, которые в местном кафе гордо именовали салатом. Да уж, на такой диете ни одна звезда не поправится, даже если очень захочет.

— Не контакт? — как ни в чем не бывало поинтересовался Рихт.

А с кем у него контакт?

— Что-то вроде.

— Он специфический, Танна. Но, в общем-то, нормальный парень. Получше многих, кто крутится в шоу-бизнесе.

Не знаю, я по такой шкале не сравнивала.

— Лучше Танни.

— И правда лучше. Тебе больше идет. — Рихт улыбнулся. — Злишься из-за сегодняшнего? Он знает, что делает.

Ну, я не сомневаюсь. Несмотря на то что недавно нечто подобное сама говорила Ленарду, снова захотелось треснуть Гроу планшетом по голове. Он совершенно точно знает, что делает, и, начиная с понедельника, только и занят тем, что выставляет меня полной дурой.

— То есть я не выглядела по-идиотски?

— А тебя это волнует? — Рихт прищурился.

— На самом деле нет.

— На самом деле, если бы ты выглядела по-идиотски, я бы тебе не ответил.

— То есть твоё воспитание и желание помочь девушке в беде тут ни при чем?

— Совершенно ни при чем.

Уголки губ дрогнули.

— Так и запишем: Рихт Паршеррд — бесчувственный мерзавец. Девушкам в беде не помогает, держит компромат на Джермана Гроу, за что тот взял его на главную роль.

— Танни, ты никогда не хотела стать журналисткой?

— Кем хотела, уже стала, — хмыкнула я, сложив руки на груди.

— Художником по спецэффектам.

— Ага.

— И все?

Рихт пристально на меня посмотрел.

Прежде чем я успела спросить, на что он намекает, официантка принесла ему какое-то покрытое ковром из специй блюдо, на которое мне даже смотреть было страшно. То есть попробуй я такое съесть, хотя бы ложечку, у меня желудок через три минуты растворится. Но в Лархарре специи в чести — они ими приправляют все, что можно, что нельзя, и даже то, что совсем нельзя. Под этим убийственным слоем обнаружилось мясо с кровью.

Вроде как стейк, если по-нашему, только в окружении овощей и чего-то еще.

— Хочешь попробовать? — проследив мой взгляд, поинтересовался Рихт.

— Нет, я жить хочу.

Он снова рассмеялся, и этот смех странным образом отозвался во мне. Давно я не смеялась вот так, в унисон, а раньше... пожалуй, разве что с Имери.

Осознание этого накрыло меня защитным куполом и стукнуло по темечку сигнальным звоночком опасности: ближе нельзя. Поэтому я заткнула рот остатками сэндвича, прожевала последний листочек и перешла к кофе. Заодно и к мыслям о Гроу, который неожиданно решил перенести вечернюю встречу на дневную. Хотя... как посмотреть. Учитывая, что скоро уже половина пятого, наверное, ее со спокойным сердцем можно назвать вечерней.

И что ему так неймется?..

Вот же!

— Рихт. — Я покрутила чашку на блюде. — Ты знаешь, где вон там... — Ткнула в сторону высотки «Гранд Пикчерз». — Кабинет Гроу.

— Разумеется. Поднимаешься на сто восемнадцатый этаж, сворачиваешь к приемным, потом по линии указателей в сторону переговорных...

Ы-ы-ы...

— А можешь мне это нарисовать? — Я достала планшет и загрузила программу. — Иначе я точно что-нибудь перепутаю.

И опять опоздаю, а это точно никому не надо.

— Не вопрос. — Рихт отложил приборы, подтянул планшет к себе. — О, «Бейдрхел А900». Старичок, но хороший.

— Это подарок сестры, — заметила я и осеклась, но мужчина уже взял в руки перо.

— Значит, смотри. Сто восемнадцатый этаж... — Он крупно написал цифру 118. — Ты зайдешь со стороны восточных лифтов, поэтому тебе сюда... — Я следила за его руками: одна поддерживала планшет, другая порхала, управляя пером. Почему-то глядя на них, легко было представить художника или... пианиста. Я только сейчас поняла, о ком мне напомнили эти длинные пальцы: Дрэйк Беркинс, лучший друг Леоны. В свое время он играл в клубе, в котором она выступала. В клубе, где сестра познакомилась с будущим мужем. — Вот так. А потом...

Стрелочки появлялись на схеме одна за другой, в очередном завитке лабиринта Рихт нарисовал коробку: видимо, символизирующую кабинет Гроу.

— Спаси... — начала было я, но не закончила: мужчина пририсовал голову дракона, торчащую из двери. И цифру 1181.

— ...бо, — булькнула я, чуть не подавившись кофе.

— На здоровье, — на удивление серьезно ответил он. — Тебе спасибо за веселый обед.

О да, обед у нас однозначно вышел веселым. А главное, Рихту каким-то загадочным образом удалось меня смутить. Особенно когда он поднялся, чтобы отодвинуть мне стул, и тем самым в очередной раз подтвердил суть разницы менталитетов. В Аронгаре женщина за такое вполне может огрызнуться, если не заявить о домогательствах. Несколько лет назад вообще до паранойи с этим доходило, сейчас уже стало лучше. Нужно как минимум запись или свидетелей предоставить.

— Как-нибудь повторим, — небрежно ответила я, закинула на плечо сумку и подхватила планшет. — Дракон шикарный.

Рихт подмигнул, а я выкатилась на улицу, на ходу допивая кофе, и покатила дальше. Буквально, то есть на каре, чтобы успеть: время в обществе Даармархского пролетело незаметно. К восточным лифтам подбежала за пять минут до назначенного времени, по коридорам пролетела вихрем. Вроде даже не опаздывала, только перед дверью с номером 1181 замерла. Вспомнила, что по деловому этикету стучать не положено, поэтому и не стала. Шагнула под значок фотоэлемента и

оказалась внутри, чтобы увидеть сидящую на коленях Гроу Мелору.

Сидела она... в общем, совершенно не опасаясь помять костюм, за сохранность которого так радел Гайер. Гроу тоже не боялся ничего ей испортить, судя по тому, как знатно мял ее задницу. Звякающий смех местрель Ярлис и негромкое, хриплое, от которого все внутри не то сжалось, не то полыхнуло:

— У тебя дико возбуждающий смех, ты в курсе?

Явно намекали на то, что меня:

а) не ждали вовремя

б) либо вообще забыли про время

в) уже помирились и

г) помирились бы еще круче, если бы я не вошла.

Прямо тут, на столе, ага.

Щелчок двери и мои шаги пришлись ну очень не вовремя: Мелора дернулась и обернулась.

— Тебя стучать не учили? — прошипела она.

— Стучишь у нас ты на всех подряд. — Я сунула руки в карманы, сражаясь с желанием вцепиться ей в волосы и постучать головой о стол. Не знаю, откуда это желание возникло, но с каждой секундой становилось все крепче.

— Ты вообще что себе позволяешь?!

— Мел. — Гроу поднялся и развернул ее в сторону двери. — У меня деловой разговор.

Иртеханесса передернула плечами в такт раздувшимся ноздрям. Мимо меня прошла, подхватив шлейф, чтобы не замараться, видимо. За спиной закрылись двери, но руки из карманов я так и не вынула. Теперь мне хотелось постучать о стол головой Гроу, который эту самую голову наклонил и, прищурившись, указал на ближайшее кресло. Так, проходя, а сам достал сигареты, щелкнул зажигалкой и затянулся. От этого небрежного жеста тряхнуло так, что на миг даже дыхание перехватило.

— Ты трахаешь все, что шевелится?

Это получилось неожиданно. Ну очень. И совсем не по-деловому, но, наверное, я даже не жалела. Потому что в памяти возникло залитое слезами лицо Шири и язвительное — этой заразы, которая издевалась над мальчишкой и которая только что вымелась из кабинета с явным сожалением о том, что не успела ему дать.

Прищур Гроу стал прицельным:

— Ревнуешь, Зажигалка?

— Нет, просто интересно. У тебя мелороярлит в особо тяжелой форме

или просто половое недержание. Хотя... скорее второе.

— С коллегой пообщалась?

Взгляд его искрил, если так можно выразиться. Огня не было, но я чувствовала сгущающееся напряжение, несмотря на разделяющие нас несколько метров. От этого напряжения потряхивало меня саму, и чесались руки.

— Ты вообще в курсе, что она замуж собирается?!

Гроу затянулся и выпустил дым:

— Замуж собирается она, а не я.

Наверное, если бы он этого не сказал, я осталась бы на месте или, может быть, даже просто спокойно прошла и села в предложенное мне кресло. Сейчас же медленно приблизилась к нему и сообщила прямо в смуглое лицо:

— Судя по твоему характеру, тебе даже замуж не светит.

Сумка с плеча поехала очень некстати, я отвлеклась, чтобы ее подхватить, и влетела прямиком в Гроу. Точнее, это он меня в себя впаял, затушив сигарету и резким быстрым движением притягивая за талию. Запах дыма, острый, терпкий, как девяностодевятипроцентный шоколад с крупинками соли, врезался в сознание с той же силой, что я в его драконейшество. Его рука на талии обожгла, рассыпая по телу искры, от которых стало нечем дышать, особенно когда пальцы будто играючи пробежались по позвонкам. Сумка с глухим «шмяк» все-таки свалилась к ногам.

— Руки убери, — процедила я, чувствуя, как меня ведет от его близости.

— Повторяешься, — насмешливо выдохнул он мне в губы.

В губы, которые горели именно от того, что он их не касался.

Впрочем, лучше бы и не касался, потому что когда грубые подушечки пальцев скользнули по контуру рта, низ живота пронзило острой, невыносимо сладкой вспышкой предвкушения. Мне определенно что-то нужно делать с мозгами. А еще с этим запахом, от которого я слетаю с катушек, и с горячим, твердым (если не сказать, каменным) желанием, упирающимся мне в бедро.

Это Мелора ему наерзала?

Мысль оказалась отрезвляющей и болезненной, дракон знает почему. Я оттолкнула его руку и посмотрела в глаза: темные, в которых зрачок видно исключительно потому, что его окружает едва различимый зеленый контур.

— Не повторяюсь. Рассаживаю виаров по полочкам. Давай уясним

сразу и навсегда: лапать ты можешь кого угодно, но не меня. Ага?

— Не ага, — хрипло произнес он. — Девочка Танни, которая очень любит хороших парней, но подышает рядом с ними со скуки.

— Завидуешь? — хмыкнула я. — Правильно, завидуй. Потому что тебе не светит, даже если ты останешься последним мужиком на планете.

— Это ты только что придумала? — Гроу положил ладонь мне на затылок, и от этого жеста перед глазами вспыхнули искры.

Хотя, может быть, они вспыхнули от его близости: теперь я чувствовала не только низ, но и верх. Каменные, словно литые мышцы, силу, которая ощущалась в каждой точке соприкосновения наших тел. Дыхание сбилось, и я поняла, что мой мозг окончательно сдает позиции нижней части женского существа.

И что вечером побегу к Шири рассказывать свою печальную историю. Мы выпьем кофе, обнимемся и поплачем.

Наверное.

Ну или я опять что-нибудь разобью.

— Нет, — уперлась ладонями ему в грудь. — Это называется хороший вкус, он у меня от сестры.

Вот теперь перед глазами действительно полыхнуло. Ярким зеленым светом, а еще силой огня. Такое бывало, когда Леона выходила из себя и ее магия впивалась в кожу раскаленными иголочками. Сейчас же чувство было такое, что меня завернули в игольчатый коврик, по которому пустили ток. Зрачки Гроу разрезали радужку напополам, заливая ее зеленью. Во мне не было ни капли огня иртыханов, но сейчас пламя бежало по моим венам, стирая все, что нас окружает.

Стол, кресла, стены, потолок отодвинулись и размылись в пространстве. Черты лица Гроу стали более резкими, хотя казалось, куда уж резче. Волна звериного притяжения прокатилась по телу, заставляя судорожно выдохнуть и дернуться, когда горячая жесткая ладонь легла мне на живот, а губы впились в мои. Грубые, сильные, подчиняющие.

Вкус сигарет и кофе, запах туалетной воды с холодными нотками. Я целовалась, как в первый и последний раз, впитывая его вкус и пламенно-острый жар, от которого сама превратилась в факел. Вцепилась в его плечи, когда щелкнул замок на джинсах (не сразу поняла, что моих). Всхлипнула, чувствуя, как пальцы Гроу скользнули в раскрывшуюся молнию и под белье. От резких, сильных движений темнело перед глазами, дыхания не осталось: оно превратилось в пепел или его выпил он.

Я задыхалась, плавилась и горела от жестких прикосновений и судорожно выдохнула, когда все закончилось.

Моргнула, когда по губам бесстыдно скользнули пальцы, пальцы с запахом и вкусом моего желания. Не сразу поняла, что произошло, когда Гроу застегнул на мне молнию.

— Отвечаю на твой вопрос, Танна. Нет, я не трахаю все, что шевелится.

Пару мгновений просто молча моргала, глядя на него, а потом отступила назад. Сердце все еще бешено колотилось, я же пыталась собрать в кучу мысли, эмоции, чувства... Но все они плавились и рассыпались, как горящий небоскреб в спецэффектах. Огнеупорные стекла раскалялись, чтобы потечь предупреждающими слезами. От жара стонал металл, и этот жар выжигал во мне воспоминания, звенящие насмешливым голосом Мика: «Знаешь, зачем я подарил тебе эту приставку? Потому что секс с таким, как я, тебе светит только в виртуальной реальности».

Я отступила назад, врезалась в стол, а потом вылетела из кабинета.

Бежала по коридорам, не разбирая дороги, пока не наткнулась на ведущий к дамской комнате указатель. В туалет почти влетела, чудом не сбив с ног какую-то эссу. Она оглянулась, но ничего не сказала. К счастью, все кабинки оказались свободны. Ткнула во внутреннюю блокировку, которой пользуются уборщицы: «Туалет закрыт на гигиеническую обработку», рванула к раковинам, врубила горячую воду на максимум. Шипение, от соприкосновения с прохладным воздухом ввысь взметнулось облако пара, зеркало затянуло непрозрачной пленкой. Вместе с моим отражением, к счастью.

Видеть припухшие от поцелуев губы и свои шальные глаза сейчас было выше моих сил, но я все-таки провела ладонью по стеклу. Смазанный штрих отразил посветлевшую почти до сиреневого радужку. Это особенность цвета моих глаз, доставшаяся от матери: когда я спокойна, он фиолетовый, когда, как сейчас...

А как сейчас?

Меня не колотило только потому, что я вцепилась в края раковины и в ладони втекал холод ее краев. Губы действительно были откровенно припухшими. Бессовестно.

Я облизнула их и чуть не взвыла от вкуса, от желания, все еще пульсирующего между ног.

Резко, до упора, повернула кран на холод и плеснула в лицо воды. Раз, другой, третий. Щеки не желали остывать, а дыхание — становиться спокойным, зато разум понемногу прояснялся. Танни с мозгами скептически оценила отражение и выдала:

— Дура!

Удар ладонями по краям был такой острый, что боль плеснула в предплечья и потекла по рукам, отрезвляя. Я лупила ни в чем не повинную раковину до тех пор, пока не перестала чувствовать. Руками, сердцем...

Вообще.

Только после этого закрыла кран, глубоко выдохнула и...

Поняла, что сумка с планшетом осталась в кабинете.

Ну, класс.

Постояла еще немного, выравнивая дыхание и убеждая себя в том, что при встрече с Гроу ни одно животное не пострадает. В конце концов, я могла ему врезать, когда он меня лапал? Могла. Не врезала? Сама виновата.

Отражение скептически созерцало меня, а я его. Торчащая из заколки щетка волос, которые со времен школы стали значительно длиннее и которые все равно особо никто не видел. Я собирала их в прически, скручивала в жгуты, неизменно оставляя лишь несколько торчащих прядей. Не молодая женщина, а пацанка. Что во мне вообще от женщины, кроме отметочки в документах? Может, Айра и права была со своими намеками, потому что, глядя на меня, вообще сложно представить рядом мужчину.

Щелкнула заколкой, освобождая плотно стянутый на затылке жгут, и волосы рассыпались по спине до талии. Вообще-то, это было на спор: однажды мы с Имери договорились до того, что я никогда не смогу отрастить волосы длиннее, чем до плеч. Она поставила свою юбку, которая мне очень нравилась, а я пообещала отдать ей Бэрри, если не отращу их до задницы. В общем, благодаря Бэрри теперь у меня не короткие разноцветные огрызки, а длинные разноцветные пряди. Разумеется, с «до задницы» я ходить не стала, регулярно посещала стилиста, но распущенными все равно не носила.

Надо было в Зингсприде сразу отрезать под корень. Все равно толку ноль.

Размышления о волосах, воспоминания об Имери, о теплых посиделках, несмотря на холода Мэйстона, подействовали на меня как-то странно. Мне вдруг захотелось бросить все и свалить обратно: туда, где привычная жизнь, друзья, знакомые и родные, где простые и понятные будни фрилансера. Но бросить все и свалить — значит признаться в собственном поражении.

Вопрос только в том, кому они нужны, такие победы.

Я еще пару раз глубоко вздохнула и отправилась вызволять планшет из плена Гроу. Чем ближе подходила к кабинету, тем сильнее меня потряхивало, но я убеждала себя в том, что мне все равно еще с ним работать. Полтора месяца.

Потом я больше никогда его не увижу, и слава драконам.

Полтора месяца, Танни.

На этот раз я постучала. Громко и выразительно, с трудом удержавшись от желания пнуть дверь ногой. Шагнула под фотоэлемент, но дверь не открылась.

Я помахала рукой. Попрыгала туда-сюда. Подергала ручку.

Безрезультатно.

Дверь была абсолютно, бесповоротно и окончательно заперта.

Ну, класс!

Учитывая, что я умудрилась скинуть в сумку заодно мобильный, и карта тоже осталась там, топать пришлось пешком.

По дороге в открытых декорациях снимали романтическую сцену, парочка на фоне пальм целовалась так самозабвенно, что меня даже передернуло. Я сунула руки в карманы и обошла съемки по пологой дуге. В смысле, мне все равно пришлось бы их обходить, но этих я обошла с особенным удовольствием.

Домой хочу.

Эта мысль становилась все ярче, ярче и ярче, я пыталась с ней справиться, но она лезла мне в голову, распахивая остальные.

Хочу домой.

К Бэрри.

Обнять и плакать, ага. Именно так мы зачастую о друзьях и вспоминаем. Отличный пример — Шири.

Мысленно дала себе затрепину, для верности — сразу две. Сейчас точно не время киснуть и изображать из себя жертву. Никто меня не заставлял лезть языком ему в рот, и уж точно никто не вынуждал позволять забираться мне в трусы.

С такими оптимистичными мыслями я добралась до павильона номер девятнадцать и... замерла. Наверное, во мне все еще жила девчонка, которой по школьной сети добрые одноклассники прислали видео со мной в главной роли. Я обернулась и увидела Мика: эту ухмылочку на его губах и приподнятые брови. Они наблюдали за мной, все они, он и его компашка.

Я хорошо помнила, как стало нечем дышать, и это чувство, что сижу за партой абсолютно голая. Никогда ничего не боялась, но в ту минуту мне захотелось съежиться. Кабинет расширялся до размеров необъятной Вселенной, учительница продолжала что-то вещать, но строчки на учебном планшете, повторяющие голографическую доску, замельтешили и начали расплываться. Я не вскочила и не выбежала из класса только потому, что вцепилась в стул.

Сиди. Сиди. Сиди.

Это единственное, о чем я тогда думала, а кабинет продолжал расширяться, и дышать становилось нечем. Примерно так же, как и сейчас.

Я снова отвесила себе затрещину и шагнула в двери. Съёмки, разумеется, уже начались, но я даже не успела подойти, когда раздалось:

— Стоп!

Гроу поднялся из кресла, обернулся. А потом подхватил мою сумку с пола у своих ног и сунул мне:

— Это твое.

С тем же успехом он мог швырнуть сумку на стул, глядя сквозь него. В полной уверенности, что в следующий раз стул примет его задницу с распростертыми объятиями: точно так же, как любой на этой площадке утрется в ответ на любое дерьмо и будет делать все, что он скажет.

В этот момент я отчетливо поняла, что не хочу иметь с ним ничего общего. Вот вообще. Ни одна работа в «Хайлайн Вайнерз», ни одна даже самая крутая работа не стоит того, чтобы это терпеть.

Мило улыбнулась и толкнула свой стул ногой. С такой силой, что он со скрежетом отъехал метра на полтора от режиссерского. Опустилась на него и достала портативный 3D-проектор: незаменимое в моей работе устройство. Собственно, используется для того, чтобы срочно проверить трехмерное изображение.

Съёмки продолжались, но я почти не поднимала головы, целиком погруженная в творчество. Давненько не рисовала с такой скоростью: перо летало по планшету, полностью исключив меня из реальности. Волосы окутали плечи и спину волнами, не позволяя окончательно замерзнуть, но, наверное, даже превратившись в глыбу льда, я не остановилась бы.

Дракон получался достаточно устрашающим, темно-красным (такие водятся в Мэйстонских пустошах), особое внимание я уделила прорисовке зубов и пасти. Запустила программу анимации, которая позволяла как можно быстрее оживить то, что ты сотворила. Разумеется, на нормальную проработку у меня ушло бы значительно больше времени, и все могло получиться куда интереснее, но что имеем, то имеем.

Я подняла голову: в шатре Мелора снова пыталась убедить Даармархского, что не станет его наложницей. Паршивенько пыталась, но мне, в общем-то, было без разницы.

Я ткнула кнопку, и дракон начал медленно вылезать из 3D-проектора. Поначалу этого даже никто не заметил (поскольку я теперь сидела не на линии с Гроу и Гайером, а все наблюдали исключительно за съёмками). Первым обратил внимание ассистент оператора, потом — кто-

то еще и еще... Дракон, подчиняясь анимации и моим рукам, потянулся к Гроу и раскрыл пасть над его головой. Натуральную такую пасть, не в полный размер, но достаточно реалистичную.

Это увидела повернувшаяся Мелора, глаза ее расширились.

После чего дракон сделал «ам».

Голографические зубы сомкнулись на шее режиссера, заглотив его голову по самые плечи.

Тишину разорвал какой-то сдавленный звук справа, а потом зазвенели рассыпавшиеся стеклянные шарики местрелевского смеха. Полное осознание случившегося накрыло съемочную группу спустя пару секунд. Мелора заткнулась, но Гроу уже повернулся ко мне. Медленно-медленно, с башкой, по-прежнему запертой в пасти дракона.

— Дико возбуждает, — сказала я, встретив его взгляд. — Правда?

Поднялась, подхватила вещи и направилась к выходу.

Не оборачиваясь и не оглядываясь.

Поверхность перил под босыми ногами казалась нагретой. Обманчивое впечатление, особенно когда двигаешься, раскинув руки, впитывая прикосновения металла всей ступней от кончиков пальцев до пятки.

«Учитесь держать равновесие. Равновесие — залог удачного танца».

Так говорила наша инструктор по танцам. Женщина, от которой были новички, середнячки и старики, потому что натаскивала она нас как на соревнования.

В зале мы танцевали на движущихся круговых платформах, парящих над полом. Падать с них было не сказать что приятно, но не смертельно: внизу были разбросаны маты. Еще мы танцевали на брусках, на трехметровой высоте.

«Твоя тяга к экстриму, Танни, — это компенсация нерастраченной злости. Точно так же как танец на пилоне — скрытое проявление глубоко подавляемой сексуальности».

Это была еще одна причина, по которой я рассталась со своим психологом, она слишком много мудрила. Танец для меня был просто способом чувствовать себя живой, дышать полной грудью, парить над пропастью. На высоте в сорок шесть этажей я вскинула руки и плавно ушла в сторону. Музыка втекала в меня через наушники, а я ее продолжала.

Прогиб — и плавное прикосновение пальцев к перилам.

Всплеск — и волосы рассыпаются за спиной, когда я поворачиваюсь лицом к панораме. Огни Мэйстона рассыпаются на сотни километров над

океаном...

Огни Мэйстона.

Дерьмо.

Уже сейчас я понимаю, что ничего не получается. Не получается, как раньше: движения кажутся рваными, не хватает ритма, и даже высота кажется слишком приземленной. Мне не становится легче даже в танце, и вот это уже совершенно точно дерьмо.

Вытягиваюсь в линию на носочках: руки — стрелой к полотну неба, кончики пальцев вонзаются в перила. Так и замираю.

Глубоко дышу, впитывая легкую прохладу. Ветер играет волосами, тело звенит натянутой струной.

Я-не-буду-думать-о-Гроу.

Это просто то, что нужно оставить за спиной и забыть. Подумать о том, что делать дальше.

Я не успела доехать до дома, когда мне позвонил Нил и с глубочайшим сожалением, как он выразился... Хотя нет, даже в исполнении Нила это сначала звучало примерно так: «Таннидраконатвоегозаногутычтотворишь?» Я и сама не могла ответить, что я творю. В моей жизни мужчин было примерно как народу в аэроэкспрессе в час пик, и ни на одного из них я так не реагировала.

Все они проходили мимо, потому что советы Лэм «сделать и забыть» в моем случае не работали. Меня не тянуло на эксперименты, и уж совершенно точно меня не тянуло на «потрахать для здоровья» или просто зазорный одноразовый секс. Все мои романы заканчивались, не начавшись, так что совет Имери завести себе постоянного парня, чтобы попасть к ней на свадьбу, был весьма в тему.

Надо было не на волосы в свое время спорить.

Мысль об этом оказалась такой обжигающе острой, что я чуть не свалилась с перил. Выдохнула, опустила руки и следом спустилась сама.

Мик поставил приличную сумму на то, что «переспит с этой психованной дурой в день ее рождения». Случись ему облажаться, он должен был выйти во время урока на середину класса и во всеуслышание заявить, что он лузер. А потом, в подтверждение своих слов, месяц кататься до школы на общественном транспорте и ходить в отстойной одежде. Чтобы согласиться на такое, самому модному и известному парню школы нужна была стопроцентная уверенность в том, что я ему дам.

Видимо, у меня на лице это было написано. Точно так же, как и сегодня.

Все, хватит.

Наушники отправились в карман шорт. Я спрыгнула на пол, чувствуя, как пружинят ступни, еще раз основательно потянулась и вернулась в квартиру. Бэрри лежала у балконной двери, привычно положив голову между лап.

— Ну а ты что скажешь? — Я опустилась рядом с виари и скрестила ноги.

Подумала и вытянулась по полу над скрещенными ногами. На манер Бэрри: между раскинутых рук, оказавшись нос к носу с ней.

— Хочешь вернуться в Мэйстон?

— Вррр?

От обманчиво прохладной светло-серой носопырки исходил жар. Теплообмен виаров — это вообще что-то невероятное, они как ходячие горелки в чешуйках и шерсти. Я вдруг вспомнила пушистый комок счастья по имени Дири, и сердце сжалось.

Ладно, так уж и быть. По нему скучать можно.

По Ленарду тоже немного. И даже по Рихту самую малость.

Удивительно, но офис «Хайлайн» у меня таких чувств не вызывал. С этими людьми я проработала два с половиной месяца, но никакой ностальгии по поводу «не сложилось» не испытывала. Или мне просто хотелось так думать?

Привычка запихивать грандиозные проблемы в зад... гм, в общем, глубоко туда, где они меня не достанут, тоже появилась после Мика. И ведь срабатывало же: я так через кучу своих заскоков перешагнула, в том числе через годы, когда мы с Леоной понемногу отдалялись друг от друга, потому что оказались в разных мирах. В принципе, это нормально: у нее своя жизнь, у меня своя, мы даже разных рас оказались, но поначалу всякое думалось. В общем, с этим я справилась, а значит, справлюсь и с остальным.

Например, с тем, что я снова безработная.

То есть, тьфу, свободная!

Надо будет завтра залезть в базу и поискать заказы. Нил, конечно, ругался страшными словами, но не думаю, что он будет делать мне гадости. Он вообще оказался на удивление адекватным и, когда страшные слова у него закончились, действительно выразил сожаление. Кстати сказать, искреннее.

Ну или мне так показалось.

Какая, в общем-то, теперь разница.

— Так вот, — философски заметила я. — Теперь, когда мне не надо снова вставать в такую рань, мы можем вести свободный образ жизни. Я

буду с тобой чаще гулять и...

Протянула ей руку, и Бэрри шмякнула мне лапу прямо в ладонь.

Жирную лапу в соусе и...

— Ах ты, скотина летучая!

Виари как ветром сдуло. Она сорвалась с места и понеслась в сторону кухни, где я опрометчиво оставила на столешнице коробку с пиццей. Пиццы, разумеется, не было, коробки тоже: виари сожрала ее вместе с картоном. Мысль о том, что ужинать нечем, придала мне скорости, и пушистой заднице досталось подхваченной на бегу футболкой.

— Сколько раз я тебе говорила: со стола — нельзя!

— Вррр!

Скрежеща когтями на повороте, виари зацепила хвостом мой стул, от чего он отлетел к стене и перевернулся.

— А ну, стой! Стой, я кому сказала!

Вся в папочку! Временами...

Мы нарезали по квартире круги и зигзаги, и кажется, Бэрри это даже нравилось. До той минуты, пока я обманным маневром не отступила, а потом ринулась наперерез. Не ожидавшая такой подлнки виари затормозила и взвиркнула.

— Попалась? — рыкнула я.

Но воспитательный процесс провести не успела, потому что в этот момент раздался звонок в дверь.

Мы с Бэрри подпрыгнули одновременно: она — от неожиданности (в гости ко мне никто не ходил, а трезвон этот напоминал звук сирены во время налета), я — в общем-то, тоже. Кого вообще принесло ближе к полуночи? Разве что соседи решили выразить мне свое веское недовольство за то, что мы с Бэрри немного побегали по квартире.

Ладно, разберемся.

По дороге я вспоминала относительно вежливые слова и прикидывала, как бы поточнее объяснить, что воспитательный процесс в случае с виарами очень важен, но, главное, в это время бегать еще можно. С этой исчерпывающей систематизированной информацией, готовая во всеоружии, распахнула дверь и увидела Гроу.

К такому жизнь меня не готовила. В смысле к режиссерской морде в ночи.

Я с силой толкнула дверь, но недостаточно быстро: нога Гроу успела влететь между ней и стеной. Дверь автоматически распахнулась на полную, а он шагнул ко мне.

Вот не собиралась я его бить, правда, но поняла это, только когда кулак

летел в режиссерскую скулу. Гроу перехватил его в миллиметрах от лица, вывернул руку мне за спину и толкнул к стене. Рычание Бэрри оборвалось приказом:

— Сидеть, блохастая! — А потом мне вывернули вторую руку.

Видимо, чтобы наверняка.

— Еще драться будешь?

— А ты проверь, — процедила я.

— Как-то не тянет.

Резко дернулась и тут же поморщилась от боли: захват у него был что надо. Дракон бы с ним, с захватом, но меня от его близости по-прежнему накрывало, как виара от залежей вяленого мяса. После того, что случилось, после того, как он морально меня размазал, мой идиотский организм самым необъяснимым и иррациональным образом реагировал на его запах и жесткую близость.

— Мне больно! — прошипела я.

Захват стал слабее, но недостаточно, чтобы получилось ему вломить. Это уличный обманный приемчик, которому меня научил один парень из старой компашки. Ты вроде как отпускаешь, оставляя под контролем несколько точек, которые по-прежнему заблокированы. Если нападающий рыпнется снова, ему не обломится.

— Готова к конструктивному диалогу?

— Нет! — рыкнула я. — Так и будешь меня держать?

— Как ты смотришь на то, чтобы сыграть Теарин?

Че-го?!

Вот теперь он действительно меня отпустил, я развернулась и выдохнула ему в лицо:

— Ты больной?!

— Многие говорят, что да. — Гроу облокотился о стену с таким видом, словно мы с ним беседовали, случайно встретившись на какой-нибудь авеню. — Что скажешь?

— Отпусти Бэрри. — Бросилась к виари, которая сидела рядом с нами с самым несчастным видом. Представляю, что она должна сейчас чувствовать: хотела меня защитить, но не смогла.

— Отпущу, когда мы поговорим.

— Не собираюсь я с тобой разговаривать, — процедила. — Вали отсюда.

— Да, ночь предстоит долгая, — заметил Гроу и прошел в квартиру, обогнув нас с Бэрри.

— Ты совсем очешуел?! — рыкнула я. — Мне полицию вызвать?

— Валяй, вызывай. — Он подошел к окну и приподнял жалюзи. — Пресса будет в экстазе.

Он реально больной.

Мысленно представила, как дракон отгрызает ему голову. Настоящий. И... нет, мне полегчало. Ткнула в блокировку двери и повернулась к нему.

— Что мне сделать, чтобы ты свалил?

— О, совсем другой разговор. — Он повернулся ко мне лицом. — Согласиться, разумеется.

— Я не стану с тобой связываться, даже если ты останешься последним работодателем на планете.

— Это мы уже проходили.

— Вот поэтому и не стану, — сообщила я. — Еще вопросы?

— Ладно, Танна. Мы оба перегнули.

От такого заявления я даже на миг замерла.

— Согласна?

Согласна.

Наверное. Только ничего это не меняет.

— То есть ты думаешь, что после всего, что случилось, просто придешь, сообщишь мне это все светским тоном, и я поведусь на твоё бла-бла? Ты ради этого устроил весь этот цирк? Хотел, чтобы меня вышвырнули из «Хайлайн Вайнерз», чтобы потом явиться со своим шедевральным предложением?

Гроу приподнял брови:

— Зачем мне это? Ты бы все равно согласилась.

Ну да, ну да.

— Да ладно? — поинтересовалась я. — Это тебе мужская интуиция подсказала?

— Ты сама, Зажигалка. — Он шагнул ко мне, оказавшись лицом к лицу. — Во время приват-танца в клубе. И вчера на съемочной площадке.

— Ты. Ни чешуйки. Обо мне. Не знаешь, — жестко улыбнулась.

— Да ну? Тебя зовут Танна Ладэ. Ты не куришь. Твоя сестрица замужем за самым известным хреном Аронгары, но тебе не нравится жизнь рядом с ними, поэтому ты сбежала в другой город, чтобы показать, какая ты крутая.

Мои руки впечатались в грудь Гроу с такой силой, что любой другой отлетел бы назад, этот же едва заметно дернулся и перехватил мои запястья. Мышцы у него на груди были просто каменные, и эти ощущения-воспоминания тут же впечатались в меня, прокатившись по телу волной огненной ярости.

— Отвали! — прорычала я.

— Тебя прет от экстрима. — Гроу зажал наши руки между нашими телами. — Поэтому ты нарываешься, откровенно и со всеми. Искательница острых ощущений Танна Ладэ.

— Повторяй мое имя почаще, — процедила, чувствуя, что меня колотит. — А то я уже начала думать, что ничего, кроме Зажигалки, твой мозг обработать не в состоянии.

— А еще ты любишь танцы. И очешуенно танцуешь. Никто не сыграет ее так, как ты.

Последние слова рычанием прокатились по телу, собираясь мурашками на затылке.

Мозг, ау! Танни Ладэ вызывает мозг.

Мозг откликнулся, поэтому я посмотрела Гроу в глаза и с милой улыбкой сообщила:

— Дверь там. Виари не забудь отпустить.

Как ни странно, он меня отпустил и даже направился к двери.

— Жду тебя завтра на съемках. К семи, если хочешь успеть с гримом. Блохастая, свободна.

Один пристальный взгляд и слова, холодные и пустые, но виари тут же подскочила на месте и рванула ко мне.

— Жди, — бросила я ему в спину. — Поседеешь и ссохнешься от стручка до пяточка.

Испытывая смутное желание разрешить Бэрри откусить ему то, что у него между ног, опустилась и обняла ничего не понимающего зверя.

— Сам ты блохастый, — сообщила я, когда дверь за режиссером захлопнулась.

Виари обиженно вирчала, а я чесала ей щеки. Когда мы обе успокоились, на всякий случай подошла к двери и включила ночную блокировку (мало ли, вдруг Гроу передумает и вернется). Но он реально больной, если думает, что вернусь я. Совсем больной, если считает, что я смогу сыграть Теарин.

Перед глазами раскинулась темная высота ночи, в которую мне предстояло падать. А ведь я реально могла бы...

Нет.

Ну не-э-эт.

Не с ним. Не в этой жизни.

Я покосилась на стол, где лежал ридер. Подскочила к нему, включила и выбрала файл с записями Ильеррской. Ткнула в кнопку «удалить», после чего выскочило окошко: «Вы действительно хотите удалить файл?

Отменить действие будет невозможно».

— Действительно, — буркнула я.

Швырнула ридер на стол и отправилась заказывать себе новую пиццу.

ГЛАВА 8

Даармарх, Огненные земли Теарин

В лагере по-прежнему царила суета. Изредка, когда на меня обращали внимание, я отвечала улыбкой, стоившей мне огромного внутреннего напряжения, потому что под перекинутой через руку накидкой был спрятан вещевой мешок. Потому что здесь я больше не могла чувствовать себя спокойно.

Шатры были разбросаны повсюду, в ночи они напоминали светлирхов (пещерных насекомых, чьи огромные крылья сияли в темноте). Я сновала между ними, искоса наблюдая за мечущимися в огнях тенями. В каждой из них мне чудились хаальварны, иртханы-воины из свиты Даармархского. Глупость, конечно: я была больше чем уверена, что он забудет обо мне уже завтра. Просто потому, что таких, как я, у него могут быть сотни. Большинство родителей с радостью отдадут своих дочерей в наложницы правителя Даармарха, ведь это неслыханная честь.

А если от наложницы родится сын-первенец, получишь хорошее вознаграждение. Полукровки в цене из-за своей силы, они становятся отличными воинами, а если ты сын правителя, всегда существует возможность заключения брака с иртханессой. Ребенок от вашего брака будет принят в общество, потому что по силе своего огня приравнивается к чистой крови. Чуть позже, глядишь, и обратит возмужавший бастард внимание на предков, которые так успешно устроили его судьбу, и будешь ты жить припеваючи до конца дней своих.

Темнота играла мне на руку, мои одежды укрывали меня в ней, словно мы были единым целым. Оказавшись за пределами лагеря, я устремила к городским стенам, когда услышала за спиной окрик Наррза:

— А ну, стой!

Побегу сейчас — и все будет потеряно. Поэтому я остановилась и медленно обернулась. Распорядитель приближался ко мне с перекошенным от гнева лицом: выбеленные сединой волосы все еще блестели после укладки воском. Глаза, глубоко посаженные, цепкие, которые оценивающе пробежались по мне, когда я впервые пришла к нему с Сарром, сейчас сверкали от ярости.

— Ну и что ты можешь мне предложить, а, красавица? — спросил он

меня при первой встрече, похабно щурясь.

— Себя, — коротко ответила я.

— Вот как... — Он потянулся к моей руке, но я отняла ее быстрее, чем длинные сухие пальцы коснулись бы моих.

— Именно так. У меня есть идея, которая поможет вам заработать очень много денег.

Идея огненного шоу пришла ко мне в тот день, когда я побывала на его представлении. Акробатические трюки использовали многие, но в ту минуту я смотрела на них с остальными зрителями и думала о том, что получится, если в шоу добавить новой высоты и огня. Высоты, на которую раньше не поднимался никто из артистов, и пламени, которым люди восхищаются, к которому неосознанно тянутся, даже рискуя обжечься. Такого точно не было ни в одном представлении, на подобное решиться могли лишь самые отчаянные. Что ж, пожалуй, именно такой я в тот момент и была.

Мне нужно было как можно скорее выбраться из Ильерры и увезти оттуда брата.

— Ну, рассказывай свою идею, — развалившись на стуле, произнес Наррз.

В глазах его читалось недоверие к тому, что я могу предложить что-то дельное, но я не собиралась говорить ему обо всем сразу.

— Мне нужны гарантии, что я буду у вас выступать.

— Шустрая какая...

— В том шоу, идея которого вам будет изложена мной. Первый год я готова работать за еду и жилье.

— А если мне не понравится?

— Вам понравится, — уверенно сказала я.

Уверенность и идея — это все, что на тот момент у меня оставалось.

И Наррз согласился (видимо, хватка дельца подсказала ему, что из меня выйдет толк). Он пригласил Эргана, который был постановщиком акробатического шоу, и при нем дал слово, что, если моя идея будет одобрена, я буду исполнять трюки в предложенном мной номере и получу вместе с братом жилье и пищу.

С тех пор в огненном шоу мы раз в год меняли расположение каскада обручей, полосу препятствий и порядок испытаний (например, однажды канаты были натянуты по диагонали, и по ним мы спускались вниз), но суть оставалась прежней.

Пламя. Высота. Танец.

— Куда это ты собралась, Теарин? — Наррз приблизился, ощупывая

меня взглядом.

— Прогуляться, — ответила как можно беспечнее.

— Неужели?

— Да, хочу посмотреть город. За несколько дней, что мы здесь, так и не получилось выбраться.

— Одна? — Допрос продолжался.

— У меня свидание с Эрганом, — спокойно встретила яростный взгляд. — Это теперь запрещено?

Если Наррз сейчас отправит проверить шатер Эргана, его он не найдет.

— Нет. — Он скривился. — Не запрещено.

— Вот и чудесно, — собралась уже было идти дальше, но распорядитель шагнул ближе.

— Что под накидкой?

— Я не обязана тебе докладывать, Наррз.

Развернулась, чтобы уйти, довольно резко. Вещмешок качнулся (тяжелый!), плотнее перехватила его, и в этот момент из него донеслось:

— Вррр!

Я замерла, но вряд ли Наррз это услышал. Потому что прошипел мне в спину:

— Брата с собой на свидание тоже возьмешь?

Что?

Похолодев, медленно обернулась, вопрос застыл на губах. За спиной распорядителя возникли четверо хаальварнов, прямо перед ними стоял бледный как полотно Сарр.

Мир перед глазами покачнулся, чтобы снова выровняться.

Расправив плечи, я смотрела на воинов Даармархского, пока один из них не выступил вперед:

— Следуйте за нами.

«Нет, — мелькнула в голове мысль. — Нет. Не может быть».

Я расправила плечи, дернув плечом, когда один из воинов попытался ко мне прикоснуться.

— Не трогайте.

— Ваши вещи, — жестко произнес мужчина.

Он был выше меня на полголовы, но, конечно, не столь высок, как Даармархский. При мысли о том, что снова придется смотреть ему в глаза после неудавшегося побега, все внутри перевернулось. Тем не менее я ничем не показала своего страха, протянув стоявшему рядом мешок. Дири тревожно завопил внутри и заверещал.

— Что это?! — взвыл Наррз. — Ты меня еще и обокрала?!

Бросился было к нам, но хаальварн преградил ему путь мечом.

— Там моя собственность...

— На этих землях все собственность Витхара Даармархского, человек. Не забывайся!

Наррз побледнел (в свете по-летнему удаленных лун это было видно еще лучше) и отшатнулся:

— Прошу прощения, местр.

Хаальварн не удостоил его ни ответом, ни взглядом, только кивнул мне в сторону лагеря.

— Позвольте, я заберу виаренка, — попросила я.

Он покачал головой, вытряхнул Дири из мешка и, успокоив приказом, подхватил на руки.

— Прости, — еле слышно пробормотал Сарр, когда я подошла. — Я... попался.

Веснушки на его лице сейчас выделялись особенно ярко, и от этого сжалось сердце. Какой же он еще мальчишка.

— Ничего страшного, — улыбнулась. — Мы сделали все, что могли.

Как же мне сейчас хотелось притянуть его к себе или хотя бы взять за руку, но... нельзя. В нашем мире он уже мужчина, для него это унижительно, если женщина посмеет коснуться его первой на глазах у хаальварнов, и тем более оскорбительно, если начнет утешать.

Успела заметить удовлетворенную улыбку на лице Наррза и отвернулась. Чем ближе мы подходили к лагерю, тем напряженнее становилась царящая в нем тишина. Разом стихли все звуки, сборы прекратились — это было заметно даже издалека. Тишину нарушало лишь наше дыхание, вмиг ставшее очень громким, сильный шаг хаальварнов и звон кольчужных рубах, которые воины не снимали даже в мирных походах. Черное с бронзой, цвета Даармарха.

Я старалась смотреть прямо перед собой и не думать о том, что нам предстоит. Тем более что думать все равно особо не получалось: мысли разбегались еще до того, как я увидела фигуру Даармархского у центрального костра лагеря. Сопровождающие правителя хаальварны (их было не менее десятка) расположились за его спиной полукругом. Актеры столпились чуть поодаль, по другую сторону, непонимающе переглядываясь.

Только когда заметили меня и Сарра, по рядам пронесся едва различимый вздох.

Взгляд Даармархского вонзился в меня, и я сжала пальцы так, что ногти впились в ладони. Только не опустить голову, только не сжаться,

пусть даже очень хочется. Нельзя показывать свои чувства. Нельзя...

Нельзя.

Мы приблизились вплотную, теперь нас разделял только костер. Пламя плясало на песке, взмывая в воздух и придавая лицу иртхана странную, пугающую привлекательность. Этот взгляд: темный, как сама ночь, словно огненной удавкой обернулся на шее. Я почувствовала, что мне нечем дышать и что таэрран разгорается еще ярче, хотя давно привыкла не обращать внимания на ее жар. Всей кожей ощущала волнение за спиной, чувствовала, как рядом, едва сдерживаясь, замер брат.

«Молчи, — подумала я, — заклинаю тебя. Молчи, Сарр».

Одного взгляда на него хватило, чтобы он понял: пальцы, сжатые в кулаки, дрогнули и расслабились. Только ноздри едва уловимо раздувались, выдавая ярость и напряжение.

— Ты послушалась моего приказа, девочка.

Голос Даармархского, сильный и яростный, прокатился над всеми, вжимая в землю.

— Я всего лишь желала сохранить свободу, — произнесла я.

— Твоя свобода отныне принадлежит мне. И не тебе ею распоряжаться. — Он перевел взгляд на брата. — Подойди.

Я почувствовала, как позвоночник охватывает огненный вихрь. Несмотря на запертый огонь, несмотря на то, что пламя внутри себя я чувствовать не могла, сейчас словно окунулась в костер. Дыхание перехватило.

— Нет! — вырвалось у меня. — Это я предложила побег, я хотела увести его из лагеря, я...

— Ты действительно совершила ошибку. — Иртхан даже на меня не взглянул. — И за нее ответишь сполна.

Как во сне я смотрела на побледневшего еще сильнее Сарра. Он решительно направился к Даармархскому и остановился в двух шагах от него.

— Ты готов ответить за поступок своей сестры? — Удивительно холодный голос для мужчины, в котором живет сокрушительное пламя.

— Готов, — спокойно ответил Сарр. Только плотно сжатые губы выдавали его напряжение.

— Преклони колени.

Нет. Нет. Нет-нет-нет, пожалуйста, нет.

Даармархский определенно знал, что делает, когда говорил, что за свою ошибку я отвечу сполна. Сердце колотилось как сумасшедшее, когда я бросилась к нему, закрывая Сарра собой.

— Пожалуйста, — прошептала, с трудом сдерживая охватившие меня чувства, глядя ему в глаза. — Пожалуйста, я приму любое наказание...

— Ты еще не поняла? — произнес Даармархский. — Это твое наказание, девочка. Будешь препираться — сделаешь только хуже. Отойди.

— Отойди, Теа, — глухим эхом отозвался из-за спины Сарр. — Пожалуйста. Отойди.

Именно это и отрезвило.

Медленно, чувствуя странную дрожь во всем теле, я отступила. Сарр оглянулся на меня, а потом опустился на колени, и у меня потемнело перед глазами. Ноги стали слабыми, тело тяжелым, особенно когда с пальцев Даармархского сорвался огонь, впиваясь в шею моего брата пламенной вязью таэрран. На миг в памяти вспыхнула совсем другая картина: помост на площади, где мы частенько прогуливались с мамой перед сном. Залитые ослепительным дневным светом камни и многоликая толпа в противовес закатному солнцу и уютной тишине. Я поднималась по ступенькам, где на переносном троне меня уже дожидался Горрхат.

Несколько шагов, резкий тычок в спину — и я падаю к его ногам. Падаю на колени, потому что руки связаны за спиной, вывернуты до боли, и это большее, на что меня хватает. Ненавистное лицо оказывается близко, толпа ревет, а с губ Горрхата срывается шипение:

— Не захотела стать женой — будешь моей подстилкой, Теарин. Пока не надоешь...

Пламя предателя впивается в кожу, плавит дыхание, запирая бушующий внутри огонь. Я чувствую, как в груди затихают отголоски родной силы, ставшей моей сутью пять лет назад. Таэрран уже охватил шею, но с губ все равно срывается рычание, я бросаюсь вперед и впиваюсь в волосатую ладонь зубами. Кожа рвется, во рту солоно, вопль Горрхата оглашает площадь, а следом за ним — чей-то крик из толпы:

— На плаху этого урода!

За спиной поднимается шум. Пощечина обжигает щеку и выбивает искры из глаз, я падаю на спину, выплевываю кусок мяса и кожи. Кровь течет по его руке, заливая белые с золотом одежды правителя Ильерры, которые ему не принадлежат.

— Ты сгниешь заживо, дрянь! — шипит Горрхат, прижимая пострадавшую руку к груди.

Хаальварны, некогда присягавшие на верность моему отцу, утихомиривают взбесившуюся толпу, а я смотрю в бескрайнее, раскинувшееся надо мной небо.

«Когда-нибудь я вернусь, — думаю я. — Когда-нибудь ты ответишь за

все, что сделал».

Это проносится перед глазами так ярко, так быстро и так остро, что, глядя на застывшего у ног Даармархского брата, я первые несколько секунд пытаюсь понять, что случилось. Пламенеющий на шее Сарра узор впивается в мое сердце, оборачиваясь вокруг него огненными лентами.

Снять таэрран может только тот, кто ее нанес. Мою — Горрхат. Сарра — дракон, что сейчас возвышается над притихшим лагерем. Я смотрю на него, и дыхание понемногу возвращается. Пусть рывками, глоточками едва остывшего от жары воздуха, плавящегося от взгляда Даармархского, но все-таки возвращается. Меня трясет, и лишь одна мысль заставляет оставаться на месте.

Сарр.

Если я сейчас что-нибудь сделаю, Сарр останется в таэрран на всю жизнь. Его огонь никогда не проснется.

Нет, я не могу этого допустить.

Поэтому, когда Даармархский смотрит на меня, покорно опускаю взгляд.

Можно запереть огонь, но погасить пламя нельзя. Пока есть воздух, пока я дышу, я буду гореть. А значит...

Ты ответишь за все, что сделал.

Бескрайняя Даармархская пустошь раскинулась на все четыре стороны Огненных земель. Разбитая только ньязирсами^[8] между городами, некогда разобщенными и принадлежащими разным государствам (небольшим, как Ильерра), ныне объединенными под властью Даармархского.

Ильерра сохранила независимость из-за удаленности от основных транспортных путей (она лежит за Восточной горной грядой) и потому, что никакими особыми ресурсами не располагает. Казна государства держится на торговле тканями и зерновыми, поля которых расположены в долинах. Точнее, так было при моем отце, сейчас Горрхат поставляет на рынки украшения из драконьих клыков, кости и закаленную чешую. Ильерру сотрясают налеты, но она держится, потому что Горрхат силен. Как ни жутко это признавать, его сила действительно велика из-за крови драконов, которую он вливает себе постоянно. По огню с ним может сравниться разве что Даармархский.

Ненавижу.

Ненавижу обоих.

Запрокинув голову, привалилась к борту повозки, глядя на усыпанное звездами небо. Мы выехали той же ночью, что, по сути, разумно. Для тех,

кто путешествует под землей, время не имеет значения, для тех, кто на поверхности (только иртхан с силой Даармархского способен на такое решиться), ночь — единственная возможность передвигаться в этих краях. Днем раскаленная под солнцем земля сотворит то же, что и разъяренный дракон: медленно поджарит.

— Теа. — Сарр едва касается моей руки. — Если бы я знал, чем все закончится, поступил бы так же.

Мне не хочется, но я улыбаюсь:

— Знаю.

— Если бы не Наррз... — Брат сжимает кулаки. — Чтоб его наблы сожрали!

Сарра действительно перехватил распорядитель и поднял шум, привлекая внимание хаальварнов, которых Даармархский отправил за мной.

— У них будет несварение, — говорю я.

Говорю и думаю об Эргане. Что будет, когда завтра на центральной площади он нас не дождется? Увидимся ли мы еще? Не знаю. Сейчас я просто рада, что отправила его самым первым и что его не было в лагере, когда все случилось.

Дири возится у меня на коленях, но потом снова затихает: я все-таки выкупила его у Наррза. Швырнула ему деньги в лицо и забрала звереныша, который так отчаянно стремился ко мне, что даже залез в мешок. Я тоже не хочу с ним расставаться, потому что сейчас, когда запускаю пальцы в пушистую шерстку, становится немного легче. А когда он зевает во всю виарячью пасть, обнажая мелкие клычки, которые еще будут меняться, улыбаться мне и правда хочется. Уже по-настоящему.

— Эй, — говорит брат, подается ближе и сжимает мою ладонь, — мы обязательно что-нибудь придумаем, слышишь? Я найду способ тебя освободить.

Глаза его сверкают яростью не мальчика, а мужчины. Этого я и боюсь: однажды кто-то из нас не выдержит и сорвется, и что тогда сделает Даармархский, даже подумать страшно. Таэрран на шее брата в ночи выделяется особенно ярко, и она — напоминание о моем своеволии. Чем дальше, тем больше я убеждаюсь в том, что лучшего наказания Даармархский придумать не мог. Это ошейник, который привязал меня к нему, и я пойду за ним туда, куда он позовет. Потому что в жизни Сарра обязательно будет и пламя, и свобода.

Я найду способ избавить брата от таэрран.

Пока мы вместе, все будет хорошо.

Пока мы вместе, мы стоим друг за друга, и так было всегда.

Эта странная мысль посещает меня все чаще, с каждой минутой я словно оживаю. Не могу унять волнение, нарастающее все быстрее по мере того, как мы углубляемся в пустоши. Когда я была маленькой, отец брал меня с собой несколько раз, чтобы показать мне драконов. Я влюблена в хищную мощь этих зверей, в их внутреннее пламя, которое даже в спокойном состоянии бурлит так, что передается тебе.

— Думаешь о драконах? — Сарр улыбается.

Он сидит напротив меня, и в глазах его мерцают веселые искорки.

— Да. Хочу снова их увидеть.

Справа и слева раскинулись пустоши, испещренные наростами скал. В этих краях высоких гор нет, но даже тех, что есть, — достаточно. Они узорами подрезают небо, и, несмотря на то что пока лишь скрежещут колеса и хрустит пыль под когтями виаров, я знаю, что это спокойствие обманчиво. В любую минуту свет от двух лун закроет огромная тень, а над землей прокатится рычание. Звериная суть незамедлительно рванется на этот зов, зов драконов, благодаря которым и появились первые иртханы.

Я никогда не видела отца обернувшимся, зато видела Горрхата — в день, когда он совершил оборот, чтобы подтвердить право на власть. Это была огромная черная тварь (никогда раньше ни об одном драконе я не думала так), золотое пламя которой бушевало с такой силой, что воздух раскалился в считанные секунды.

Интересно, каков Даармархский?

Сейчас он восседает на иссиня-черном дрангхатри. Выносливый зверь под ним идет ровно: два метра в холке, покрытый шерстью, напроочь лишенный чешуи, с крохотными зачатками крыльев, которые начинают трепетать, когда дрангхатри раздражен или в ярости. Выживают они исключительно за счет силы ног, острых когтей и умения цепляться даже за отвесные скалы. Их родина — высокогорье, где они обитают в не занятых драконами пещерах. Этого зверя, в отличие от виара, невозможно приручить. Попытки были, но все они заканчивались неудачно. Даже потомство удерживаемых в неволе пар отказывалось становиться домашним. Это единственные существа в мире (не считая подводных северных драконов), которых невозможно удержать приказом.

Только их желанием.

Если дрангхатри вышел к иртхану по своей воле, значит, к своим он уже не вернется, на всю жизнь останется с ним.

Поймала себя на мысли, что невольно люблюсь этим хищным зверем с сильными длинными лапами, вытянутой мордой и удивительно умными

глазами, прикрытыми тонкими заслонками прозрачных век. Это еще одно их отличие от остальных и преимущество во время драки: у дрангхатри неуязвимы глаза, даже во сне они кажутся открытыми именно из-за этой необычной особенности. Глаза невероятного бирюзового цвета.

— Красивый, — кивнул Сарр.

Красивый, это правда. Но подходить к нему может только владелец, поэтому за своим дрангхатри иртханы ухаживают сами, ни прислугу, ни даже хаальварна он не примет.

— Очень, — подтвердила я.

Почувствовала пристальный взгляд Даармархского и спокойно встретила его.

— Ближайшее ущелье через четыре часа пути, — произнес он. — Там мы остановимся на день.

Значит, уже после восхода. На юге светает рано, но солнце еще не успеет раскалить землю.

В тот момент, когда я об этом подумала, по скале скользнула тень. Одна, другая, третья. Оглушительные раскаты рычания прокатились по земле, драконы взмыли ввысь, чтобы развернуться, а потом устремились к нам.

Дири рванулся и оглушительно заверещал, от прокатившейся над землей мощи перехватило дыхание. Виары забили крыльями, порываясь взлететь, но приказы хаальварнов тут же их успокоили. Повозки остановились, Даармархский спешил и быстро направился навстречу пикирующим драконам.

Дрангхатри остался на месте, только шерсть на холке встала дыбом. И я его понимала: мне многое доводилось видеть в своей жизни (однажды отец даже общался с драконом при мне), но никогда раньше я не чувствовала такой силы, собранной в одном месте. Одуражающей, властной, вызывающей желание рвануться навстречу. Слиться, стать ее частью, единым целым.

Зов зверя.

Вокруг Даармархского раскалялся воздух, хаальварны стеной выстроились за ним. Я видела, как вспыхивает огонь в их глазах, Сарр вцепился в борт повозки, напряженно вглядываясь в происходящее. Я с трудом удерживала Дири, но сама не могла отвести глаз от зрелища, представшего перед нами. Под лапами драконов задрожала земля, раскаляясь, пошла трещинами. Клубы пыли взметнулись ввысь, на мгновение отрезая от нас Даармархского.

Рычание — возбужденное, яростное — прокатилось над пустошью,

огненно-красный дракон (тот, за которым шли остальные) выдохнул струю пламени. Этот вихрь разорвал ночь, окрасив ее всеми цветами огня, ударил в землю у ног ирхана, выжигая ее до угольной черноты. Тонкие струйки дымились, ввысь взлетали горящие язычки, но Даармархский шагнул вперед, и огонь расступился, уступая движению его рук. Мгновение — и ночь снова стала ночью, только осыпающиеся во тьме искры напоминали о том, что случилось.

Дракон пригнулся к земле, раздраженно взбивая хвостом пыль. Треск крошащейся земли и камня, скрежет когтей. Двое других, готовые напасть в любую минуту, понемногу расходились в стороны. Хаальварны стояли неподвижно, словно в землю вросли, Даармархский же замер напротив дракона.

— Назад, — произнес он.

Приказ, лишенный всяких эмоций, но полный ментальной силы, данной нам от рождения, прокатился над пустошью эхом. Мощь его голоса отозвалась во мне, я не отпрянула лишь потому, что сама замерла. Сознание на миг отключилось, делая меня спокойной, свободной и готовой слиться с его волей. На моих глазах дракон послушно шагнул назад, подчиняясь приказу.

— Ты свободен.

Яростно сверкнули оранжевые глаза, тем не менее дракон остался на месте. Только кончик хвоста неуловимо подергивался.

— Мы не причиним вам вреда. Мы просто хотим пройти.

Даармархский протянул руку, и зверь, по-прежнему раздувая ноздри, осторожно наклонил голову. Прекрасный в своей мощи: огромный, с шипастым гребнем и сверкающей сталью пластин чешуей. Не восхищаться им было невозможно, но даже он сейчас признавал власть стоявшего перед ним. Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, после чего дракон оттолкнулся от земли, рычанием поднимая за собой остальных. Хлопанье крыльев слилось с оглушительным гортанным зовом, бьющимся о скалы и рвущимся в небо.

Я смотрела на уходящих за скалы зверей, не в силах сдержать дрожь во всем теле. Первобытную, отзывающуюся на каждый огненный вздох. Хаальварны рассредоточились, расступаясь и пропуская Даармархского. Дири уже не бился в моих руках, только моргал и вирчал. Даже лизнул мне руку, когда я попыталась его погладить, оставив от разгоряченного шершавого языка красный след на запястье.

— Ты видела? — возбужденно прошептал Сарр, глядя вслед уходящим драконам. — Видела?!

Глаза брата сверкали, казалось, он уже забыл о том, что с нами случилось.

Разумеется, я видела. Слышала. Чувствовала.

Мощь иртхана до сих пор билась во мне звериным зовом. Это была сила чужого мужчины, которого я ненавидела и на которую откликалась так яростно, как никогда и ни на кого. Осознание этого отозвалось в сжатых до боли пальцах огненно-остро, пламенной волной прокатилось по телу.

Даармархский скользнул по мне пристальным взглядом, быстро взлетел в седло, и дрангхатри устремился вперед. Мы двигались между вырастающих в пустошах наростов скал и соединенных между собой зубцов гор, напоминающих обкромсанные городские башни. Я чувствовала присутствие драконов, больше чувствовала, чем замечала, — то и дело по пустоши прокатывались волны огня. За нами следили, но больше не приближались. Не пытались напасть. Виары волновались, отмечая близость сильных и опасных сородичей фырканием и хлопанием крыльев. Дири не спал, постоянно озирался по сторонам и пытался вылезти из повозки. Только дрангхатри оставался невозмутим: так же, как и его владелец.

До ущелья мы добрались ко времени, когда обе луны уже откатились нам за спину, а солнце только-только начало окрашивать небо в нежные краски рассвета. Сарр все-таки задремал на пару с виаренком, а вот я не спала, не получалось. Зато насладились открывшейся мне красотой природы: нетронутыми огнем деревьями, жмущимися к защитницам-скалам, крошкой выбеленного, а не выжженного камня и свежестью, от которой кружилась голова.

— Саолондарское ущелье, — сказал Даармархский. — Чуть дальше расширяется и переходит в долину. Увидишь одну из полноводных рек Огненных земель Царру.

В долине мне бывать еще не доводилось, что же касается рек, с ними в Огненных землях все сложно. Непересыхающие можно перечесть по пальцам руки, и одна из них как раз течет в Ильерре. Но с Царрой, величавой рекой, о которой слагают легенды, нашей Ранхее не сравниться.

Восхищение, всколыхнувшееся было при мысли о том, что мне предстоит увидеть, перекрыл огненный взгляд иртхана, вплавляющийся в меня, заставляющий все внутри откликаться на его пламя. Я обхватила себя руками и отвернулась.

— Тебе придется разговаривать со мной, девочка, — произнес Даармархский в ответ на мое молчание. — О своеволии, которое я тебе позволяю здесь, в Даармарх-Аринте придется забыть.

Иртхан направил дрангхатри вперед: пройти сквозь узенькую ленту

ущелья рядом с повозкой не представлялось возможным. Я же положила руки на бортик и устроилась поудобнее, глядя на уходящий ввысь камень, не пускающий сюда солнце. И драконов, благодаря чему в ущелье росли деревья, раскрашивая серость скал в зеленый. Зеленый — цвет жизни. Чуть дальше каменные стены расходились вширь, там и решено было разбить шатры для отдыха.

Проснувшийся от голосов Сарр растерянно заозирался, а потом ткнул меня локтем в бок.

— Эй! Ты чего меня не разбудила?

— Ты так сладко спал, что просто рука не поднялась.

Брат нахмурился: терпеть не может, когда я его дразню.

— А еще на тебе спит Дири.

— Что?!

Сарр покосился на свою руку, которую виаренок использовал в качестве подушки, и бесцеремонно выдернул ее из-под головы звереныша. Тот обиженно взвиркнул и перевернулся кверху пузом, предлагая его почесать. Как раз в эту минуту к нам приблизился один из хаальварнов: тот самый, что разговаривал со мной в лагере и сопровождал к Даармархскому. При свете дня было видно, что он очень молод: возможно, из-за непривычного для Огненных земель светлого цвета волос и льдистоголубых глаз. Такая внешность свойственна северянам, а они у нас появляются крайне редко. Хотя бы потому, что для этого нужно пересечь океан.

Океан, полный водных драконов.

— Пока ставятся шатры, можете привести себя в порядок. Если пройти чуть дальше, — мужчина указал в сторону продолжавшего расширяться ущелья, — есть река и немного деревьев. Если пожелаете, могу вас сопровождать.

— Нет, спасибо.

Привести себя в порядок я смогу и без провожатых, а сама постановка вопроса — пока ставятся шатры — почему-то меня несказанно разозлила. То ли дело было в бессонной ночи, то ли в обращении Даармархского (словно ничего и не случилось), но мне захотелось швырнуть в иртхана чем-нибудь тяжелым. Например, походным котелком, который уже устанавливали на распорки над костром. Желательно со всем содержимым.

— Кто первый? — спросила у Сарра, который возился с Дири и зевал.

— Давай ты. — Он всегда мне уступал.

— Я быстро. — Подхватила мешок, который лежал рядом, и выпрыгнула из повозки.

Хаальварн уже распрягал виаров, топающих и поводящих носами на запахи еды, я же быстро зашагала в указанном направлении.

Для себя я уже решила, что отдыхать буду в повозке и что ноги моей не будет в шатре Даармархского. До его дворца, располагающегося в Аринте, столице Даармарха, еще добираться и добираться. А значит, буду использовать любую возможность побыть от него подальше. Конечно, когда мы остановимся в пустошах, в шатре будет прохладнее, чем под тентом в повозке, ну да ничего. Переживу как-нибудь.

Оставив за спиной лагерь, я направилась дальше. Чем ближе к деревьям, образующим небольшую рощицу, тем свежее становился воздух. Услышав шум реки, невольно ускорила шаг: окунуться в воду хотелось невероятно. Смыть с себя пыль, усталость, а заодно и случившееся ночью. Как бы я ни старалась убедить себя в том, что ничего не могла поделать, таэрран Сарра жгла меня раскаленным клеймом.

Конечно, могла.

Могла не пытаться сбежать.

Могла принять волю сильнейшего и покориться сразу. Любая на моем месте поступила бы так. Любая была бы счастлива, но... у отца не было наложниц. У деда тоже и у прадеда. Они были счастливы с женами, они не приглашали в постель других женщин, потому что любили тех, кого выбрали пламенем однажды и навсегда. Отец часто говорил, что я тоже смогу выбирать сама — того, с кем захочу связать свою жизнь.

Но мне не пришлось.

Шагнула в тень деревьев, на ходу распуская волосы. Если сейчас не вымыть из них всю пыль, потом будет просто невозможно расчесать. Реку уже было видно: прозрачная, она поблескивала прохладой воды, еще не прогретой солнцем. Невольно ускорила шаг, выбежала на берег (низкий, пологий) и остановилась как вкопанная.

Чуть поодаль по пояс в воде стоял Даармархский.

К счастью, спиной ко мне.

Капельки стекали по смуглой коже, под которой перекачивались литые пластины мышц. Широкие плечи и сильные руки, тяжелые от воды волосы, ставшие еще темнее. Искры солнца в них казались предвестниками пламени, запертого в его теле. Пламени, истинную мощь которого я чувствовала сегодня ночью. Да что там, Даармархский сам был пламенем: мощным, неукротимым и яростным, способным спалить дотла в считанные секунды. В каждом его движении клубилась сила, даже когда он стоял обманчиво спокойный, расслабленный... нет, назвать расслабленным его было нельзя. Звериная суть сейчас ощущалась в нем особенно остро,

именно она влекла мою сделать шаг.

Ближе.

Еще и еще, чтобы коснуться кончиками пальцев контура мышц, стирая капельки и чувствуя горячую кожу. Прижаться всем телом, вдохнуть его запах...

Осознание этого ударило с такой силой, что на миг потемнело перед глазами.

Мне нельзя здесь находиться. Нельзя к нему приближаться.

Нельзя.

Медленно, не оборачиваясь, отступила. Тихо. Еле слышно, почти не дыша.

— Ты всерьез считаешь, что я тебя не чувствую, девочка?

Сильный голос ударил в сознание так же яростно, как и зов зверя. Даармархский обернулся — стремительно, движением хищника. Мощная грудь, расчерченная оплавленной кожей, как молнией, и стальной пресс. Резкий, по-мужски грубый подбородок, уже тронутый легкой щетиной, вертикальный зрачок дракона в человеческом облике. Иртхан шагнул на берег, разрезая течение и открывая моему взгляду темную поросль волос, уходящую ниже. Туда, где стремительно набирало силу мужское желание.

Даармархский был большим.

Везде.

Мысль об этом заставила все внутри содрогнуться. От желания, что бежало по венам: иррационального, животного, дикого.

Такого же, как моя суть.

Даармархский в два шага преодолел разделяющее нас расстояние, рывком притянул к себе. Уперлась ладонями ему в грудь, и тело пронзило от удовольствия: прохладная от воды кожа под пальцами, сводящий с ума мужской запах и ответное желание зверя. Вжимающееся мне в бедро, бьющее силой в собственническом захвате, дымящееся в каждом выдохе и в алом пламени глаз.

— Ты так сладко пахнешь. — Низкий голос-рычание, от которого низ живота свело невыносимо острым предвкушением.

На кончиках пальцев, скользящих по моей щеке в обжигающей ласке, сверкнули искры. Это и отрезвило: огонь, текущий сквозь них, перед глазами снова собирался в таэрран на шее моего брата.

— Нет! — выдохнула я, с силой отталкивая его и отступая на несколько шагов.

Меня вело от разрозненности чувств человека и зверя. Драконица рычала, раздирая изнутри когтями неудовлетворенного желания и

стремления покориться, я же отчаянно, всеми силами старалась этого избежать. Мой дикий взгляд — всецело дикий, пусть даже лишенный огня, — отразился в его глазах. В вихрях алого цвета, раскаливших темную радужку, мой выдох слился с его хриплым:

— Она выбрала меня, девочка. И ты знаешь это не хуже меня.

— Она — не я! — прорычала ему в лицо. — Я вашей не стану! И уж тем более вы никогда не станете для меня первым.

Глаза Даармархского полыхнули так, что в лицо мне плеснуло жаром. Одно движение — и я снова оказалась прижата к сильной груди, мои волосы сгребли в горсть, заставляя запрокинуть голову.

— Теперь, — этот взгляд, скользящий по моим губам и щекам, втекающий в меня, заставляющий дрожать от желания и содрогаться от ненависти, — ты только моя, девочка. Лучше тебе запомнить это сразу.

Дыхание коснулось моих губ, ир்தхан почти ласково ослабил пряди, позволяя поднять голову. От прикосновения пальцев к затылку словно молнией ударило, из груди выбило воздух. Резкий поцелуй ожег губы, и рычание вырвалось приглушенным. Попыталась оттолкнуть — тщетно, Даармархский просто развернул меня спиной к себе. Жесткие пальцы дернули поясok туники, ладонь скользнула под нее, накрывая грудь и сжимая сосок. Болезненно остро, чтобы потом погладить чувствительную вершинку.

— Ненавижу! — хрипло выдохнула я, когда ладонь скользнула под шаровары.

И задохнулась от сводящего тело желания.

От невозможности почувствовать его в себе: то, что сейчас упиралось мне в ягодицы. Скольжение горячих пальцев там, внизу, заставляло откликаться каждую клеточку тела. Рваться из его рук и так же отчаянно желать продолжения. Дыхания не хватало, захват мешал вдохнуть полной грудью, напряженные соски касались вмиг ставшей невероятно грубой ткани туники.

Пальцы скользнули внутрь одним резким, болезненным движением, и я закричала.

Закричала от дикого, извращенного удовольствия. Оно бежало по венам, заставляя рычать и биться от стремительных и сильных движений, задающих ритм моему наслаждению. Дрожь отзывалась внизу живота пульсацией, расходящейся кругами по ставшему безумно чувствительным телу. Я сгорала в этой полубезумной страсти, раздирающей меня на части своими противоречиями, пока дыхание не оборвалось новым криком.

Не человеческим, звериным.

Чувствуя, как все внутри сладко сжимается, до боли кусала губы и снова вскрикнула, когда он жестко меня освободил.

— Если твоя ненависть всегда будет такой, девочка, — свой запах я сейчас чувствовала особенно остро, — то я не против.

Рванулась, и на этот раз он меня отпустил. Резко, почти оттолкнул от себя. Стремительно развернулся, короткий бросок — и Даармархский рывком ушел под воду.

Чтоб ты там захлебнулся!

Я подхватила первый попавшийся камень и швырнула ему вслед, чувствуя, как дрожат ноги. От слабости, от наслаждения, от пережитого, до сих пор пульсирующего во мне огненными разрядами.

Пошатываясь, подхватила мешок и ушла в лес, села под скалой у растущих в ряд деревьев, обхватила колени руками и запрокинула голову. Небо было высоким, без единого облачка, ближе к полудню солнце раскалит его до белизны. Ближе к Аринте и растительность изменится, станет более выносливой, с широкими покатыми листьями и шероховатыми толстыми стволами, способными выдерживать даже самую невыносимую жару.

Даармархский был прав: моя ненависть будет такой.

Никогда рядом с Эрганом я не испытывала такого, и ни с одним человеком такого испытать не смогу. Это — власть-притяжение, это — животное стремление попробовать жар друг друга, такое иртханесса может почувствовать лишь с иртханом, и наоборот. С тем, кто способен разжечь пламя, заставить его взметнуться до небес неукротимым огнем. В наложницы выбирают обычных женщин (многие из них очень ярко откликаются на звериную суть) именно потому, что однажды принявшие друг друга огни уже не отзовутся на другие.

Все иртханы наполовину звери, наполовину люди. Пожалуй, первое даже больше, ведь именно кровь драконов позволила нам стать на одну ступень с ними. Именно кровь драконов заставила тех зверей в пустоши отступить, в Даармархском они признали лидера. В зверином мире все решает сила и власть, в зверином, но не в человеческом.

Моя драконица тоже признала его власть. Не просто признала, почувствовала в нем пару, захотела стать его. Должно быть, в ту минуту, в повозке, когда над нами прокатилась волна его ментальной силы.

Признала она, но не я.

Рано или поздно я найду способ обрести свободу, которую у меня уже никто не отнимет.

Рано или поздно, а пока...

Стоит брать пример с пальм.

Потому что все, что нас не сожгло, нас закаляет.

Оттолкнувшись от земли, пружиной взлетела на ноги. Ближайшая ветка кренилась к земле, именно она стала мне опорой, помогая взобраться на дерево. Одна, другая, третья, все дальше от земли. Перекинуться на соседнее дерево текучим пламенем, а после — ухватиться за выступ в скале.

Мелкие камни опасно посыпались вниз, но мне не привыкать к риску. Проверив ногой небольшую выбоину, отпустила последнюю опору ветки, прикинув ящеркой к камню.

На высоте эмоции ярче. Отступает все лишнее, остается только дыхание, биение сердца и жизнь. Однажды я на спор взобралась по отвесной стене дворца к себе в окно. Когда об этом узнал отец, он хотел приказать меня выпороть (первый и единственный раз), но в тот день вмешалась мама. Белая как мел, она попросила меня больше никогда так не делать и уговорила отца оставить меня в покое.

Только она могла по-настоящему унять его гнев.

Мамочка.

Теплое пламя мое.

Ее убили вместе с отцом. В ту же ночь.

Камень под пальцами звенел, я едва касалась его прохлады. Поднимаясь все выше, выше и выше к небольшой, бугрящейся зубцами площадке, устланной мхом. Я не смотрела вниз, только вверх — к разогретому небу, только туда, где солнце начинало свой ежедневный бег. Глаза слезились от яркого света, дыхание подхватывал ветерок, играющий волосами. Надо было их завязать.

Мысль об этом сейчас показалась неестественно смешной.

Подтянувшись, я оказалась на уступе, выпрямилась и вытянулась от носочков до макушки, чтобы почувствовать тело. Оно только-только начинало оживать после тряски в повозке и произошедшего на берегу. Последний, кстати, отсюда отлично просматривался над верхушками деревьев — полоска реки, смятая течением. Даармархский, вспарывающий ее широкое полотно резкими, сильными гребками уверенного пловца. Отвесные скалы на другом берегу.

Отвернувшись, раскинула руки, позволяя солнцу лизнуть лицо. А потом ушла в сторону на крохотном отрезке устойчивой земли под ногами, спиной к обрыву. Рывок отозвался во всем теле, заставляя его звенеть в ритме перебираемых, до предела натянутых струн прайнэ.^[9] Плавное движение вправо — и я стекаю вниз. Волосы взрывают вихри каменной

пыли, когда выпрямляюсь.

Музыка мне сейчас не нужна, она бьется внутри меня, моя собственная.

Это музыка тлеющей искры.

Медленные, льющиеся движения — скользящая вдоль бедра рука, и я — следом за ней.

Вспышка!

Резкий рывок, и я вскидываю руки. Ветер подхватывает волосы, расправляя их вихрями за спиной.

Это музыка набирающего силу огня.

Потоки воздуха обтекают меня, жар солнца впитывается в кожу, но все это не важно. Я уже живу в танце, я двигаюсь в ритме сердца, в ритме пламени, которое, даже запертое внутри, не перестает быть огнем. Все быстрее, быстрее и быстрее, на пределе сил — из тягуче-длинных переходов в резкие, короткие рывки. Огонь втекает в кончики пальцев, когда я тянусь раскрытыми ладонями к солнцу, пыль взлетает в воздух, чтобы осесть искрящейся крошкой на волосах и ресницах.

Закрытые глаза, все ближе и ближе к краю.

Это музыка бьющего в небо пламени.

Я не вижу, я чувствую, когда носок туфельки ловит пустоту, и отступаю.

Ненадолго, чтобы рвануться вперед: сквозь волну плеч, груди и живота, выбрасывая тело в пустоту над пропастью и замирая на границе баланса. На той точке, когда одно неверное движение может столкнуть меня вниз.

Каменная крошка стекает по скале ручейком.

Сейчас, стоя над пропастью, я всей грудью впитываю сладкое дыхание жизни и снова горю, несмотря на то что мой огонь заперт.

Взгляд скользит по верхушкам деревьев, по ленте реки.

Замирает, наткнувшись на Даармархского: оттуда, снизу, он смотрит на меня. Даже с такого расстояния этот взгляд влечет натянутым до звона арканом, но я делаю плавный шаг назад. Последним движением разрывая воздух и обрывая эту связь.

Под ногами — опора, я чувствую ее всей поверхностью стоп сквозь мягкую подошву туфелек. Они приспособлены именно для этого, в огненном шоу они были незаменимы, вот и сейчас пригодились.

Под ногами — уверенность, сила, втекающая в меня через вековой камень.

Дыхание понемногу выравнивается, сердце замедляет свой бег. Тогда

выдергиваю шнурок туники, стягиваю волосы за спиной и начинаю спускаться. Теперь камень под пальцами не поет, он дрожит от силы, что я вливаю в него, от собирающейся во мне, текучей и первородной. Мое преимущество — в танце, в огне, сокрытом внутри.

Как бы глубоко он ни был заперт, для Даармархского я никогда не стану обычной наложницей. Звериное естество иртехана тянется ко мне точно так же, как и моя драконица к нему.

Это его слабость и моя сила.

Мешок лежал у подножия скалы: там, где я его и оставила. Подхватила, закинула на плечо и зашагала к берегу. Деревья расступились, открывая мне Даармархского во всей красе, но я не остановилась. Подошла ближе к воде, сбросила туфельки и принялась раздеваться. Ставшая свободной туника скользнула по плечам, когда я стянула ее через голову. Спустя мгновение к ней присоединились шаровары.

— Красивый танец. — Хриплый голос за спиной прокатился по телу дрожью. — Мне понравилось.

Обернулась через плечо, чтобы встретить его взгляд: ласкающий, жаркий, текущий по коже жидким пламенем. С трудом справилась с желанием обхватить себя руками, дернула поясок, и волосы окутали тело.

— Я танцевала не для вас.

Взгляд Даармархского потемнел еще сильнее, а я медленно, словно в продолжение танца шагнула к реке. Две стихии схлестнулись, обжигая мое тело, я же сложила ладони лодочками и текучим рывком пущенной из арбалета стрелы разом ушла под воду.

ГЛАВА 9

*Зингсприд, Аронгара
Танни*

Может, я и рухнула с высокой скалы, но в шесть утра уже торчала в аэроэкспрессе. Шесть утра в аэроэкспрессе, идущем в центр, напоминает нашествие зомби (цель у которых не мозг, а любое свободное место), и я не была исключением. Такая же красноглазенькая, с «осмысленным» выражением лица и совершенно точно не понимающая, зачем я вышла из дома в такую с... рань.

Впрочем, в Зингсприде утро начинается гораздо раньше, чем в Мэйстоне, точно так же как и вечер, поэтому солнце уже вовсю раскаляло хвост поезда, летящего между небоскребами на огромной высоте. Я смотрела на него, отчаянно стараясь не зевать и не думать о том, светит ли мне кофе. Все, что я успела дома, — это сходить в душ, вытащить полусонную Бэрри на прогулку (она тоже явно не понимала, что за чешуйня происходит) и выскочить на остановку.

М-да. Кому-то определенно надо больше спать.

На новой станции в вагон ввалилось гораздо больше народу, чем допускала его вместимость, поэтому сплющило меня основательно. Причем одной ногой я умудрилась оказаться между тощим, беспрестанно зевающим парнем в наушниках и солидным мужчиной в возрасте, а вторая служила опорой. Хотя упасть мне все равно не грозило, я цеплялась за растущую с потолка петлю-подвеску с такой силой, словно от этого зависела моя жизнь. Не хотелось, чтобы меня унесло от двери, потому что через несколько станций мне выходить.

Одноименная остановка «Вайшеррские холмы», от которой еще вприпрыжку скакать до «Гранд Пикчерз», а потом искать примерную и все такое. Наверное, я до конца не могла поверить, что еду туда. Вероятно, на трезвую голову такое решение не принимают, но назвать меня трезвой можно было относительно. Судя по тому, что я собиралась отдаться Гроу... ну ладно, я собиралась отдаться не ему, а истории, которая въелась мне под кожу, так оно и есть.

Я пьяна.

Я пьяна Теарин Ильеррской.

Женщиной яростной, огненной, настолько живой, что ее образ

пламенем срывался со страниц записей. Танцующей в ту минуту, когда любая другая повесилась бы и мирно раскачивалась на той самой ветке, с которой она взлетела на опасную высоту.

В эту минуту я вдруг отчетливо поняла, что действительно хочу ее сыграть.

Или, по крайней мере, попробовать.

— Эй, вы там заснули, что ли! — Меня пихнули в спину так, что я чуть не поцеловала стоявшего впереди мужчину в затылок. — Выходите или как?

— Или как, — буркнула я, усиленно моргая.

Учитывая, что спала я от силы час, и то исключительно потому, что уже не могла не спать. Закрыв записи Ильеррской, я еще недолго пялилась в пустоту, потому что мне хотелось ругаться грязными словами. Это в нашем мире я могу нарисовать дракона и свалить в закат. В том мире и в те времена у женщины было чуть больше прав, чем у табуретки.

На следующей станции меня бодренько вынесло людским потоком прямо в кондиционированный воздух закрытого перрона. Стальные нити протянулись от него до земли, по ним сновали капельки лифтов, в один из таких я и нырнула. Чувствуя, как впервые за последние часы меня посещает одна умная мысль.

Какого дракона ты творишь, Танни?

Нужно было мирно спать в своей постельке и не думать о всяких глупостях.

Не думать о том, что... Что?

Что я не смогу сыграть Теарин?

«Никто не сыграет ее так, как ты».

Этот голос тоже въелся под кожу: точно так же, как обжигающий, срывающий крышу поцелуй со вкусом кофе и сигарет. На этой мысли я чуть не повернула обратно, но вовремя напомнила себе, что я иду туда не ради Гроу. Не ради «Гранд Пикчерз» и ее миллиардов, которые кинокомпания рассчитывает заработать на этом фильме. Ради Теарин.

Удивительно сильной женщины, оказавшейся во власти чешуйчатого драконорыла с раздутым до небес самомнением. Иду, потому что хочу прикоснуться к миру, в котором живет моя сестра, почувствовать себя (пусть даже ненадолго) его частью.

Почувствовать горящий в Теарин огонь.

Почувствовать частичку этого огня в себе.

Хочу танцевать и гореть вместе с ней.

Шагнула в раскрывшиеся двери высоты и протянула охраннику

документы (пропуск сдавали в конце каждого рабочего дня). Статуя компании (или статуя основателя?) взирала на меня с высоты своего роста: в меру строго, не в меру пафосно (видимо, не забыт мой трюк с кроссовкой). Вайшеррская улыбка на его лице сверкала белизной зубов, и в тот момент, когда я вглядывалась в нее, со стороны хромированной стойки донеслось:

— На вас не выписан пропуск, эсса Ладэ.

Что за...

— То есть как не выписан? Я вчера сдавала рабочий, но...

— Ваш рабочий пропуск был закрыт. На временный заявок не оставляли.

Охранник выразительно смотрел на меня, я — на него. Наверное, спросонья до меня просто долго доходило, что он не шутит.

Ну, супер. Класс. Зашибись в полете с переворотом.

Я стянула карточку со стойки и вылетела за двери. С этой стороны отлично было видно те самые холмы, имя которых гремело на весь мир и давно стало нарицательным.

Ну и что это вообще было?

Гроу, помимо мании величия, страдает еще и склерозом? Или это был реверанс за дракона? Ну в самом деле, почему бы и нет. Есть такая девочка Танни Ладэ, которая очень любит танцевать и которая наверняка поведется на чешуйню о том, что может сыграть в кино (какая же дура не мечтает сыграть в кино). Проснется она рано утром вся в мечтах и розовых соплях, приедет на киностудию...

Так, стоп.

Я прервала полет мысли, пинком отправив дракона Додумайся Фиг Знает До Чего на землю, и вытащила мобильный. Пару секунд скептически созерцала экран мобильного, после чего пролистала контакты до номера Ширил.

Прости, Шири, но выбора у меня особого нет.

— Танни? — Голос коллеги говорил о том, что я нагло украла у нее часа полтора законного сна.

— Сейчас ты захочешь меня убить еще сильнее. Мне нужен номер Гроу.

— Что?!

Я подождала пару минут, пока Шири высказала все, что думает, после чего сообщила:

— Слушай, мне он реально нужен. Я сейчас торчу под дверями «Гранд Пикчерз» без пропуска.

— Ты разве не уволилась?

М-да, быстренько новости расходятся.

— Уволилась, но это к делу отношения не имеет. Так у тебя сохранился номер?

Шири снова выругалась.

— Сохранился, Ладэ, — прорычала она. — Надеюсь, вечером ты позвонишь мне, чтобы все объяснить.

И отключилась, прежде чем я успела сказать, что обязательно позвоню, если не попаду в тюрьму. Потому что при мысли о том, что это была маленькая месть большого постановщика, во мне просыпалось кровожадное чудовище.

Мобильный пикинул сообщением, и я набрала номер.

Надеюсь, он спит. А еще лучше — трахается, и сейчас у них самый ответственный момент.

На последнем я чуть не выронила телефон (придет же в голову такое!), но все-таки поднесла мобильный к уху.

— Надеюсь, у вас очень серьезный вопрос, — донеслось хрипкое из трубки.

Хрипкое и очень-очень недоброе.

Судя по всему, спал.

— Очень, — сообщила я. — Потому что я сейчас стою у «Гранд Пикчерз» и думаю, почему на меня не выписан пропуск.

Шорох (не то извилин режиссера, не то простыней), грязное ругательство и емкое:

— Пару минут, — немного поумерили мой пыл.

В трубке что-то щелкнуло, и наступила тишина удержания вызова.

Судя по всему, Гроу либо реально страдал склерозом и сейчас вспомнил о том, что произошло, либо он тут ни при чем. А кто при чем, хороший вопрос. Вообще его реакция на произошедшее была достойна как минимум уважения: если меня так разбудить, я пару минут только соображать буду, о чем речь и кто мне звонит.

Гм...

Это он меня так с ходу узнал, что ли?

Особо подумать на этот счет не успела, потому что мобильный снова ожил.

— Путь свободен, Зажигалка. — Самодовольные нотки в хриплом голосе (еще бы, он уже решил, что я с потрохами его) заставили чудовище нервно шевельнуть хвостом.

Хотя, наверное, если я — она, то внутри меня не чудовище, а

чудовища.

— Риинский дракон тебе Зажигалка, — сообщила я в трубку. — И к слову, я еще не решила окончательно. Сегодняшний день за твой счет, так и знай.

Оставив великого режиссера досыпать с этой мыслью, решительно шагнула за двери. На этот раз охранник даже мне улыбнулся открытой, располагающей улыбкой. Его коллеги за стойкой многозначительно переглянулись, из чего я сделала вывод, что Джерман Гроу не каждый день лично звонит по поводу пропуска.

— Хорошего дня, эсса Ладэ, — пожелали мне.

— И вам хорошего дня, эстерд Соркс.

По такому поводу можно даже побыть милой и вежливой. Настроение у меня вообще стремительно шло в гору, особенно пока я сама шла по дорожкам съемочного городка. Солнце растекалось по крышам павильонов, но большинство из них еще оставались в тени. Свежесть — та самая, которая весенне-летним утром «по-зингспридски» ударяет в сознание и бодрит не хуже, чем кофе, заставляла дышать полной грудью. И я дышала, чувствуя, как раннее утро втекает в меня удивительной и необъяснимой силой. Пожалуй, так себя я чувствовала разве что в детстве, когда вскакивала, едва начинало светать.

Летом я вставала раньше, чем мама. У нас в квартире особо было не развернуться, а из окна, в общем-то, не на что смотреть (в нашем районе дома были натканы так тесно, что все виды терялись даже на самых высоких этажах). Впрочем, мы жили всего лишь на девятом, в квартирке размером чуть больше загона для виаров. И все равно я взлетала на подоконник, распахивала окно и не могла насытиться этой свежестью.

Однажды я обернулась, а мама стояла и смотрела на меня с улыбкой. Мама, которая вечно хмурилась, потому что забот было слишком много, и она всегда торопилась, потому что отца нужно было собрать на работу, Леону — в школу, а меня — в садик.

Мама...

Возможно, поэтому я так отчетливо остро чувствовала утрату Теарин.

По сути, когда мама умерла, я тоже лишилась обоих родителей.

Тряхнула головой, отгоняя ненужные воспоминания. Определенно сегодня какой-то странный день. Начать хотя бы с того, что я даже без наушников.

Без кофе.

И не сплю.

Чем ближе я подходила к павильону, тем острее чувствовала

нарастающее покалывание в кончиках пальцев, да и во всем теле, пожалуй. Чувство, сравнимое с тем, когда я танцевала на перилах или на подвесных поручнях во время тренировок. Тело казалось легким и разве что не искрило, как провод под током.

Ладно.

Как я и сказала Гроу, это всего лишь «проба пера». Ничего серьезного. Да и о чем серьезном можно вообще говорить? У меня даже планшета нет.

То есть контракта.

Да, мне однозначно нужно больше спать.

Следуя указателям, свернула в коридор, ведущий к гримерным. Не совсем отдавая себе отчет в том, что делаю, вцепилась в ремень перекинутой через плечо сумки и тут же его отпустила. Вытерла вспотевшие ладони о джинсы, сжимая и разжимая пальцы, остановилась перед дверью, где пока еще было тихо.

Да что ж меня так накрывает-то?

Я когда на собеседование к Нилу ходила, так не волновалась. Ну ладно, будем честны, я вообще мало по какому поводу волнуюсь. А тут...

Надо водички попить, что ли.

Глубоко вздохнула и подошла к кулеру, зажатому между диванчиками для отдыха. Опрокинула в себя содержимое стаканчика залпом и закашлялась, когда ледяная вода обожгла горло. Как раз в ту минуту, когда раздался стук каблучков и раздраженный голос Мелоры:

— ...Представляешь? А я должна все это терпеть!

Она влетела в небольшой холл вместе с невысокой светловолосой женщиной, которая едва за ней поспевала. Зажимая телефон между щекой и плечом, местрель Ярлис рылась в сумочке.

Наши взгляды встретились, и Мелора остановилась, словно впечаталась в стену. Следом за ней женщина, очевидно, ее ассистентка.

— Я перезвоню, — раздраженно бросила иртханесса. Глянула в сторону сопровождающей, и ту сдуло в гримерную. Только щелчок замка напомнил о том, что здесь был кто-то, помимо нас.

Мелора убрала телефон в сумочку, а потом медленно приблизилась ко мне. Очень медленно.

— Ладно, Танни, давай начистоту. — Она указала на диванчик и опустилась на него с грацией, с которой обычно садятся модели в рекламе.

— Танна, — сказала я и сложила руки на груди. — Можно эсса Ладэ.

У нее шевельнулись ноздри, будто она принюхивалась — загрызть меня сразу или чуть попозже. Платье алого цвета, смягченное нитками

белого золота украшений, туфли на шпильке, укладка, макияж. Местрель Ярлис выглядела так, будто собиралась на предпоказ, а не в примерную.

— Как скажешь, — холодно сказала Мелора. К снисходительным ноткам в голос примешалось раздражение.

Еще бы, ей приходилось смотреть на меня снизу вверх, потому что я так и не села.

— Джерман — человек искусства. — При всем при этом местрель Ярлис умудрялась говорить свысока. Мне же захотелось плюнуть ей на макушку. То ли потому, что она сказала «Джерман», то ли потому, как она это сказала: понизив свою визгливую верещалку до суперпупермегаиртханского голоса, от которого драконы должны выстраиваться ровными шеренгами. — Поэтому у него... бывают перепады настроения.

Ну, с этим не поспоришь. И все-таки что-то мне подсказывало, что конструктивного диалога у нас не получится.

— Ты знала, что после этого фильма он собирается уйти из бизнеса? — Мелора приподняла свои идеальные брови и улыбнулась, можно подумать, мы были лучшими подружками и собрались за чашечкой кофе. Я же пыталась переварить новость и не выдать своей реакции отвисшей до груди челюстью. Гроу уходит?! — Так я и думала. Поэтому кроет его в два раза больше, чем обычно. В том, что касается режиссуры, он гениален, но еще он живет сиюминутными порывами. Можешь мне поверить, я достаточно его изучила.

Иртханесса поправила свое без преувеличения роскошное платье, которое на ее коленях собиралось волнами, а не складками, как у всех нормальных людей.

— Ему нужна звезда, которая сделает этот фильм. И видишь ли, Танна, это не ты. Поэтому послушай моего совета: уходи по-хорошему, пока он тебя не размазал окончательно. Потому что, когда Джерман попросит меня вернуться, тебе будет очень-очень неприятно.

Что со мной не так, если на имя Джерман у меня шерсть на загривке дыбом?

— Да ну? — Я сунула руки в карманы. — Это как сейчас тебе?

Глаза Мелоры сверкнули, а идеальный маникюр впился в сумочку с такой силой, что на ее месте я бы заорала от боли. Ноздри иртханессы дрогнули, на миг делая ее похожей на противную наблиху. Жаль, клыки из пасти не торчат в разные стороны, то-то было бы зрелище.

— Я тебя предупредила, а дальше как знаешь. Только учти, что фамилия Ладэ в этом случае вряд ли тебе поможет.

Кто бы сомневался, что мне ткнут моим происхождением.

— Ты не актриса и никогда ею не станешь.

— Честно? Ты тоже.

Мелора вскочила, в глазах полыхнул огонь. Самый что ни на есть настоящий: красненький такой, а вытянувшиеся зрачки стянулись в тонкие нити.

— Ты что себе позволяешь?!

— Не больше, чем ты. — На каблуках она была прилично выше меня, поэтому я выразительно смотрела ей в подбородок. Неохота голову задирать.

— На эту роль нужна ир்தханесса, — прошипела она мне в лицо, — ты не представляешь себе, что такое чувства ир்தханов. Не представляешь и никогда не сможешь представить, не говоря уже о том, чтобы почувствовать. Ты знаешь, что такое огонь?

Злая улыбка растеклась по ее лицу, как несвежая помада.

— Нет и никогда не узнаешь. Потому что ты человек. В тебе нет ни единой искорки, которая делает нас теми, кто мы есть. Ты никогда не почувствуешь Ильеррскую так, как я. Никогда не переживешь ее взлеты и падения. Ты — пустышка, Ладэ. Никчемность, выползающая наверх исключительно за счет того, с кем спит твоя сестра...

Я поняла, что произошло, когда ладонь уже впечаталась в местрелевскую скулу. Мелора ахнула и отступила назад, прижимая пальцы к щеке. Глядя на меня широко раскрытыми глазами.

— Ты... — прошипела она. — Ты меня ударила, тварь!

— И еще раз ударю, — сообщила я. — Если снова раскроешь свою пасть в адрес моей сестры.

— У меня съемки по контракту! — Мелора отняла пальцы от лица. — Я тебя засужу!

— Ага. — Я кивнула. — Только для начала тебя засужу я. За оскорбления.

— Думаешь, кто-то тебе поверит?!

Глаза ее полыхали так, что в коридоре раскалился воздух.

— Проверим? — спокойно встретила ее взгляд.

Внутри поднималось тихое бешенство, хотя ладонь горела и пульсировала. Оскорблять Леону не имеет права никто, даже эта высоковырожденная прищка. Пару мгновений Мелора молча смотрела мне в глаза, а потом помчалась по коридору и скрылась за поворотом, взметнув своей модной юбкой огненный торнадо.

Ну, класс.

Третий день на съемочной площадке, а я подралась с бывшей исполнительницей главной роли. Если продолжать в том же духе, завтра на месте девятнадцатого павильона будет зиять большая воронка, а в глубине, в обломках аппаратуры горкой возвышаться тела. И над ними — Гроу с флажком.

Ладно, во всем этом определенно есть плюс: я точно знаю, в какую гримерную мне сейчас нужно. Туда, куда убежала ассистентка мегеры. То есть Мелоры.

Глубоко вздохнула и шагнула за дверь.

Гримерные раньше мне доводилось видеть только на картинках, ну и еще в Мэйстонской опере, когда я оказалась за кулисами. То, что моему взору открылось сейчас, больше напоминало лабораторию по созданию образов, в которой зеркала, освещение, всякие прибабасы для макияжа и грима расположились в художественном беспорядке. Стоило войти, и все, как по команде, повернулись ко мне. Ассистентка Мелоры выбежала за дверь, а я помахала оставшимся:

— Привет.

— Привет. — Одна из девушек, коротко стриженная, с выбритым затылком и бирюзовой бабочкой на виске, отделилась от команды молчаливого созерцания. — Значит, это не прикол.

Судя по тому, что в обморок никто падать не собирался, все были уже в курсе.

Гм...

Ну, оригинально. Получается, Гроу поставил всех в известность раньше, чем меня?

— Не будем терять время. — Она протянула мне руку. — Гелла Кархарн, руководитель гримерной команды Ильеррской, с остальными познакомишься по ходу. Садись.

— Танни Ладэ, — пожала ее руку и уточнила: — Куда?

Зеркала обтекали гримерную по дуге, стулья стояли повсюду.

— Сюда. Пока. — Она указала на центральный. — Посмотрим, что можно сделать.

— Ничего! — воскликнул мужчина, чьи волосы волнами стекали до лопаток. Сколько раз в неделю он делает им спа, я даже уточнять не хотела, потому что они блестели, как после салона красоты. В точности так же блестела его серебристая рубашка из мокрого шелка. — Гелла! Ты посмотри на эти огрызки...

Он подскочил ко мне (я даже сесть не успела) и сцапал торчащую над головой прядку.

— Бирек, не ной, — отмахнулась она.

— Что значит — не ной?! Это же кошмар! А это?!

Тонкие пальцы ухватили сиреневую прядь.

— Если ничего не получится, возьмем парик. — Гелла надела мне на плечи, роняя в кресло и глядя на мое отражение: — Хм... Давай пока попробуем оттеночным, на это уйдет меньше времени.

В эту минуту я осознала, что сейчас мне придется расстаться с цветными прядями.

— А может, лучше парик? — спросила я.

Бирек посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Парик — это крайние меры, — отмахнулась Гелла. — Когда уже совсем ничего нельзя сделать. Так что расслабься и получай удовольствие.

Я бы с удовольствием расслабилась, но, когда вокруг меня началась суеда колориста и остальных, мои внутренности подобрались к горлу и не желали сползать вниз. Организм припомнил мне бессонную ночь мягким (пока еще) головокружением, легкой тряской рук и всего остального. Перед глазами, помимо собравшихся, замельтешили черные мошки, и пришло оно.

Осознание.

— У кого-нибудь есть сценарий? — поинтересовалась я.

Получилось жалобно.

— Что? — задал логичный вопрос Бирек, который превратил мои волосы в жижу непонятного цвета и усиленно массировал ее теми же движениями, как Дрэйк играл на пианино.

— Сценарий, — сказала я. — Или роль Теарин. Как это по-умному называется?

После этого в примерной повисла тишина, которую первой нарушила Гелла.

— Гроу, — процедила она, — и его стрессотерания в действии.

Она сдула падающую на лоб длинную прядь бирюзового цвета и повернулась к девочке, которая подавала и убирала все, чем из меня пытались сделать Ильяерскую.

— Чэрс, будь добра, сбегай в примерку к Паршеррду. Объясни ему ситуацию и спроси, не сможет ли он с этим помочь.

Через пять минут у меня была роль Теарин, за что я была искренне благодарна Гелле и Рихту. Обратиться к нему было простейшим решением, но до него еще надо было додуматься. Меня же сейчас хватало исключительно на нечленораздельные междометия, никак не связанные между собой. Пройдет каких-то жалких два с половиной часа, и я окажусь

перед камерами.

Ы.

Вы серьезно?

На этой мысли я чуть не слетела с кресла, сказала себе: «Раньше надо было думать» и только усилием воли приколотила себя обратно.

Не сказать, чтобы это помогло надолго. До окончания маникюра, во время которого я пыталась вчитаться в текст и запомнить то, что мне предстояло говорить, я еще пару раз подумывала, не сбежать ли. Останавливало одно: тогда Мелора окажется права, поэтому я пустила корни в сиденье и читала, читала, читала. То ли от волнения, то ли потому, что я не выпалась, запоминалось плохо. Ну как плохо... могло быть и хуже, конечно. Если бы Рихт не отдал мне свой планшет с репликами Ильеррской.

Что бы мне точно сейчас не помешало, так это разговор по поводу огня. Что такое огонь иртханов? Как его чувствуют? Что ощущают во время его отсутствия?

Как ни парадоксально, у меня была ходячая энциклопедия семейного пользования. Вот только при мысли о том, что придется позвонить Леоне и сказать, что я согласилась играть в фильме Гроу, мне становилось еще больше не по себе. Точнее, мы вроде как в ссоре, но после такого заявления она будет забыта, Леона приедет в Зингсприд и откусит мне голову по самые плечи. Как тот дракон, да. Поэтому консультацию с сестрой решила отложить до лучших времен: может, Рихт в курсе и сможет мне как-то помочь. Ему все-таки этого драконоподобного уroda играть, должен же он знать, как работает огонь.

Или нет?

Когда мои руки оставили в покое, они выглядели идеально. Когда высушили волосы, у меня отвисла челюсть. Они напоминали нечто среднее между рагранским черным деревом и горьким шоколадом. Насыщенный яркий цвет придавал моему успевшему загореть лицу какую-то экзотичную яркость. Я не могла перестать разглядывать себя, пока под чутким руководством Бирека волосы укладывали и переплетали золотистыми нитями, сооружая прическу Теарин.

— Учи роль, — сказала Гелла, заметив, что я то и дело поглядываю в зеркало.

В зеркала то есть.

То есть кошусь то вправо, то влево и вообще.

— Сейчас возьмемся за макияж, и читать ты уже не сможешь.

— Макияж?

— Он самый. И роспись по телу. Готовься.

Ы.

Когда с прической было покончено, меня выдернули из кресла. Чэрс опять куда-то убежала, а вернулась уже вместе с парнем, который нес в чехле костюм Ильеррской.

Костюм, дракона твоего за ногу, Ильеррской!

Ы. Ы. Ы.

Даже если этот день станет моим позором, я все равно буду горда, что опозорилась в этом вот...

Постойте-ка. У Мелоры Ярлис совершенно точно другой размер, не будем о груди, у нее в принципе другой размер одежды. И обуви. И...

— Раздевайся! — скомандовала Гелла.

— Он будет мне велик.

— Да ну? — Она скептически вздернула бровь.

В костюм меня заворачивали трое, и сел он идеально. Когда я говорю идеально, это значит, что в последний раз на мне так сидели исключительно памперсы, и те за счет застежек-липучек. Туфельки тоже легли по ноге, как на меня шили.

Как на меня... что?!

Эта мысль прилетела подбитым драконом по голове в ту самую минуту, когда Гелла выдала очередное распоряжение:

— Макияж!

— Линзы! — раздался чей-то крик.

Спустя несколько мгновений мои глаза сверкнули зеленью.

Лицом занималась Гелла, еще три девушки — росписью рук и виднеющейся в вырезах туфелек кожи ног. Я же стояла и мысленно прокручивала в голове свалившиеся на меня факты.

Костюм (особенно такой) за ночь не сошьешь. И не перешьешь тоже.

Размер ноги Мелоры, конечно, мог совпасть с моим, но я не верю в такие совпадения. Значит, обувь делалась на заказ. Факт.

Гроу в клубе пригласил меня станцевать приват. Факт.

Гроу выдернул меня вчера во время съемок, чтобы я озвучила Теарин. Факт.

Туфли. Мои туфли, которые я забыла в VIP-ложе!

Это что получается, он уже тогда решил, что я буду танцевать Теарин?

Я не выругалась только потому, что вокруг меня плясали четыре человека и еще столько же за этим наблюдали. Гелла забралась на стул, чтобы не мешать девушкам, а мне — не пришлось садиться. Сама я стояла враскоряку, раскинув руки в разные стороны (хвала танцам, на одной из

тренировок мы застывали так на полчаса), иначе сейчас кое-кто просто хлопнулся бы в обморок.

Кондиционеры работали на полную, гримеры тоже, я же мысленно ругала Гроу страшными словами.

Координатор, значит?!

Начать с низов, значит?!

Да чтоб тебе дракон голову отгрыз! Обе.

Р-р-р!!!

От карандаша слезились глаза (особенно когда красили нижние веки), от запаха косметики хотелось чихать. (Это кто-то каждый день делает? Серьезно?) Потом Гелла занялась шеей и грудью, пока две другие девушки заканчивали спину по пояс брюк и живот. Когда меня наконец оставили в покое, я не поверила своему счастью.

Еще ни слова не сказала, а уже чувствую себя так, словно весь день трудилась в поте лица. Ноги ноют, шея затекла, руки и плечи вообще не чувствуются.

Не работа, а дерь...

Гелла отступила от зеркала, и я залипла.

Наверное, в прошлом, в те времена, когда иртханы оборачивались драконами, когда вздумается, Теарин Ильеррская была...

Именно такой.

Ничего общего с женщиной, отражающейся в зеркалах, у Танни Ладэ не было.

Длинные блестящие волосы, в которые вплетена золотая нить, перехваченные ею же. Лиф с плотными бретелями, подчеркивающий грудь, и шаровары, шлейф, опаленный огненным узором, словно перетекающим с него на кожу и впитывающимся в нее, раскаляющим, как отражение запертого внутри Ильеррской огня. Мое лицо больше не было моим: губы стали полнее, брови — темнее и четче, глаза — выразительнее. Да что там, благодаря умелым рукам Геллы у них даже разрез изменился. Я понимала, что это всего лишь видимость, но не могла отвести от зеркала взгляд.

Так бы и стояла, наверное, если бы в гримерную не шагнул Рихт.

— Надеюсь, вам пригодился мой планшет, — произнес он.

А потом увидел меня и замер.

Мужчины смотрели на меня по-разному (по большей части сквозь или с интересом в стиле «детка, я вижу, что ты не прочь перепихнуться побыстрому»). Конечно, были и такие, как Лэрг, и много других, но никогда раньше на меня не смотрели так. Взглядом, скользящим по коже с предвкушением желанного прикосновения.

Восхищенно.

Горячо.

Откровенно.

Впрочем, подозреваю, что я и сама пялилась на Рихта примерно так же. Вчера.

Эту мысль нарушила Гелла, которая приподняла брови и поинтересовалась:

— Что скажешь, Паршеррд? Если ты, конечно, в состоянии что-нибудь сказать.

— Гелла Кархарн, ты волшебница.

Она фыркнула, а Рихт уже повернулся ко мне:

— Собственно, хотел сказать, что нас уже ждут.

— Кто?

Глупее вопроса не придумаешь, но это было все, на что меня хватило. Мои глаза стремительно увеличивались в размере, потому что вот прямо сейчас мне нужно было выйти за эту дверь, пройти по коридорам съемочного павильона и оказаться под прицелами видеокамер.

Гелла развернулась (как-то слишком резко, пожалуй), а Рихт кивнул:

— Пойдем, Танни.

Я пошла. На подгибающихся полусогнутых, хотя со стороны это выглядело как обычная походка. По крайней мере, очень на это надеюсь.

Только оказавшись у двери, повернулась к сотворившим из меня Теарин.

— Спасибо, — сказала искренне.

Бирек выразительно моргнул, Гелла фыркнула:

— Удачи, — бросила отрывисто и снова отвернулась, словно все происходящее ее совершенно не касалось и не под ее чутким руководством только что произошло мое невероятное преобразование.

Оказавшись за дверями, я почувствовала себя еще более странно. Наверное, такое чувство бывает во сне, когда ты думаешь: «Что за чешуйня творится?» — но продолжаешь поступать так, как поступил бы на самом деле, если бы с тобой случилась такая чешуйня. Хотя кто его знает.

— Не волнуйся. — Голос Рихта выдернул меня из сюрреалистичного мыслепотока. — Если что, я буду поблизости.

— И пристрелишь меня в случае особого позора?

— На территорию съемочного городка запрещено проносить оружие.

— Какое упущение!

— И не говори.

Я фыркнула, а Рихт неожиданно остановился, и я чуть в него не

влетела, но вовремя успела затормозить.

— Танни, у тебя все получится.

— Ты в этом так уверен?

— На девяносто девять процентов.

— А, то есть на один ты все-таки сомневаешься?

— Исключительно потому, что кто-то сейчас поджал хвостик.

Что-о-о?!

— Это ты вроде как про меня, да? — Я сложила руки на груди.

И тут же их опустила, в панике оглядывая сгибы локтя и запястья.

— Не переживай, эта краска так просто не стирается.

— Да уж вижу, — буркнула я, повторно рассматривая себя на предмет опасных разводов.

— А даже если и стирается, Гелла и ее команда поблизости. — Он шагнул ближе.

Аромат его парфюма, соединяющийся с образом Даармархского (что-то острое, резкое, опасное, напоминающее о зыбучих песках и черных ночах Лархарры... или Огненных земель), подействовал как удар под дых. Наверное, стоило отступить, но я не хотела, несмотря на то что всегда очень трепетно относилась к поползновениям в сторону моего личного пространства.

— Чего ты боишься, Танни?

— Того, что я не актриса? — фыркнула и подавила желание обхватить себя руками. — Не знаю. Я даже не знаю, что такое огонь. Пламя иртхана. Ты в курсе, как это работает?

— Могу только догадываться. — Рихт развел руками. — И вдохновляться записями Ильеррской.

— То есть с Гроу об этом ты никогда не говорил?

— А должен был? Я ловлю образ, как чувствую, и смею надеяться, что получается у меня неплохо.

— Неплохо?! — Я вскинула брови. — У меня такое чувство, что ты один из них.

— Ты сама это сказала. — Он хмыкнул. — Необязательно быть иртханом или иртханессой, чтобы гореть.

«Скажи это Мелоре», — подумалось мне, но вместо этого я спросила:

— Ты знал, что Гроу хочет меня на роль Теарин?

— Нет. — Рихт покачал головой. — Но сейчас я этому рад. Приятный получился сюрприз.

Да уж, сюрприз. Точнее и не скажешь.

Рихт возвышался надо мной, как Даармархский над Теарин, исходящая

от него сила вливалась в меня уверенностью. Глядя на стоявшего рядом мужчину, я подумала, что будет справедливо ему об этом сказать. Сейчас.

— А знаешь, ты прав. Пойдем и сделаем это.

Он улыбнулся: жесткое лицо мгновенно преобразилось, в уголках глаз собрались лучики морщин.

— Так-то лучше, Танни Ладэ.

Ответить не успела, меня обожгло и тряхнуло с той же силой, с которой могло бы, случись мне схватиться за оголенный провод. Словно золото узора превратилось в пламя и сейчас текло по коже, по рукам, животу и груди, перекидываясь на лицо и на шею.

Шея. Что-то с ней не так.

Дурацкая мысль, когда тебе не хватает воздуха под пристальным взглядом Гроу.

— Если вы закончили, — он вскинул брови, — то прошу на съемочную площадку.

— И тебе доброго утра, Джерман. — Рихт усмехнулся.

— Утро будет добрым, когда двое претендентов на главные роли вытряхнут свои задницы из кишки коридора и займутся делом.

Не дожидаясь ответа, его драконейшество развернулось к нам пятой точкой и слинял.

— Что это с ним? — поинтересовалась я.

Риторический вопрос, понимаю.

— Не с той ноги встал?

— Ты правда знаешь его страшную тайну?

— Нет. В жизни не встречал более скрытного типа.

Мы направились следом за Гроу и вскоре оказались в сердце павильона. Там, где я впервые познакомилась со съемками, как они есть. Сейчас каждый шаг отдавался в сердце, чем ближе, тем отчетливее. Все взгляды стекались к нам, собирались и концентрировались в общем напряжении, от которого сгущался воздух. Я чувствовала его столь же остро, как самоё себя. Я то впадала в протрацию, то вспоминала разговор с Рихтом и вытаскивала хвостик, чтобы им помахать. Хвостик отзывался вяло, особенно когда вперед выступил Гайер.

— Ты действительно это сделаешь? — поинтересовался он, оказавшись лицом к лицу с Гроу. Громко. Так, чтобы слышали остальные, и они услышали. — Запорешь проект из-за собственной придури?

Ни за что не подумала бы, что так подумаю, но сейчас я была ему искренне благодарна. Все внимание мигом переключилось на них: исполнительный продюсер, источающий праведный гнев, и обманчиво

расслабленный режиссер. Ключевое слово — «обманчиво», не рискнула бы я сейчас к нему подойти.

— Отвечая на твой первый вопрос — да, я это сделаю. Уже сделал. — Гроу шагнул к нему ближе. Еще немного, и у них бы случилось лобовое столкновение. Буквально. — Второй, как я понимаю, был риторический, Рон. К слову. Напомни, я делегировал тебе полномочия связываться с руководством «Хайлайн Вайнерз»?

Выражение лица Гайера стало еще более сухим. Самую малость сверх — и захрустит, как водоросли в пластинках.

— Я взял на себя обязанность сообщить...

— Что касается пропуска, — Гроу перебил его, покачиваясь с носка на пятку, как пустынный ^[10] перед броском, — для Танны Ладэ. Мне кажется, или я просил тебя позаботиться, чтобы он был восстановлен?

У Гайера дернулся кадык, глаза посветлели:

— Я не считаю это правильным решением, Джерман.

— Я не считаю, что ты здесь нужен, Рон.

Уголки губ Гроу дрогнули, но от этого его лицо стало еще более хищным. Исполнительный продюсер побелел от ярости:

— Ты это сейчас серьезно?

— Серьезнее некуда.

Пару минут они смотрели друг другу в глаза, после чего Гайер развернулся и стремительно направился к выходу. Его шаги еще не успели затихнуть, когда режиссер указал нам в сторону шатра.

— Особое приглашение?

Рихт нахмурился, но все же шагнул на площадку. Я последовала за ним и чуть не влетела в шлагбаум выставленной руки.

— Сегодня я смотрю, на что ты способна, — сказал Гроу. — Если мне понравится, вечером подписываем контракт. Если нет — извини.

— О'кей, — сообщила я, чувствуя, что желание душить, крошить и кусать возвращается. — Встречное предложение. Сегодня я играю Теарин и пытаюсь понять, нравится ли это мне настолько, чтобы терпеть твои закидоны. Если понравится, вечером подписываем контракт. Если нет — извини.

Отодвинула его руку и решительно направилась к шатру. Один из ассистентов ткнул мне в сторону полога, из-за которого Теарин предстояло появиться, там я и замерла.

Настолько погруженная в свои мысли, что даже отмашку Гроу прозевала.

Зато услышала щелчок и четко поставленный голос:

— «Танцующая для дракона». Сцена восьмая. Дубль первый.

Для меня отодвинули полог, и я шагнула на съемочную площадку. Оказаться под прицелами взглядов, которые десятками цепляются за тебя, и видеокамер — то еще удовольствие. Когда все освещение концентрируется на клочке, где стоишь ты, а сбоку застыли светоотражатели. В этот момент из головы у меня вылетели все мысли и все слова, которые нужно говорить.

Играющий Наррза повернулся ко мне:

— Теарин, с тобой...

— Стоп.

Гроу поднялся. Даже не глядя в ту сторону, я всей кожей чувствовала его приближение. Рихт тоже поднялся и подошел ко мне. Не знаю почему, но в эту минуту стало немного легче.

— Я не совсем понял, Паршеррд, ты здесь зачем?

Приподняв брови, режиссер внимательно посмотрел на него сверху вниз. Как он умудряется это делать, будучи на голову ниже, хороший вопрос, но Рихт не отступил.

— Джерман, это ее первый день. Надеюсь, ты это понимаешь?

— Я знаю свою работу, Рихт. Надеюсь, ты это понимаешь?

Их взгляды скрестились, но в отличие от разговора с Гайером в этом противостоянии не было подавляющего напряжения. Гроу смотрел на Рихта, а мурашки бежали почему-то у меня. Такие огненные, как виары из мультика «Чудной микромир». Нет, это точно какое-то помешательство.

— Понимаю, — сказал Рихт и не двинулся с места.

— Вот и чудесно. — Гроу сунул руки в карманы и повернулся ко мне на пятках: — В чем проблема?

Вопрос был без подковырки. Без наезда. Вообще без каких бы то ни было требовательных ноток или недовольства.

Возможно, поэтому и ответила прямо:

— Я растерялась.

— Смотри сюда. — Гроу взял меня за плечи и развернул лицом к съемочной группе. — Эта часть зала тебя вообще не должна волновать. По большому счету, когда ты выходишь оттуда, тебя не должно волновать даже падение метеорита на Зингсприд или сирена налета. Понимаешь, о чем я?

Кивнула.

Хотя понималось слабо: нормально разговаривающий Гроу, который к тому же так и не выпустил мои плечи, действовал на меня как-то странно. Разбегающееся от его пальцев тепло втекало в узор, с каждой минутой раскаляя его все сильнее. Настолько, что перехватывало дыхание и казалось, что я вот-вот полыхну костерком в ночи. То есть в павильоне.

— Этот мир остается за пределами до той минуты, пока я не скажу «стоп». Что-то упало, кто-то умер — все это остается за чертой. Все, кто тебя интересуют, находятся там. — Он наконец-то соизволил меня отпустить и указал нам за спину: — Даармархский, Наррз и шатер, в котором решается твоя судьба. Не ее. Твоя.

По сути, она сейчас и решается, подумалось мне.

Только немного иначе.

— Если всем все понятно... — Он почему-то задержал пристальный взгляд на Рихте. Такой пронзительно острый, и актер ответил ему тем же. — ...Продолжаем. Приготовились.

Гроу махнул рукой и направился в сторону режиссерского кресла, а я за шатер. Точнее, за декорации. Или все-таки за шатер? Если верить тому, что он сказал, за спиной нужно оставить все, что я сейчас чувствую. Я, Танни Ладэ, за этим пологом стану Теарин Ильеррской.

Изгнанной иртханессой, лишенной рода и родины.

Иртханессой, тем не менее сохранившей в себе единственное, что отнять не удастся никому: дыхание свободы в собственном сердце. В сердце, полном огня.

От волнения снова вспотели руки, и я вовремя поймала их на подлете к шароварам. Не знаю, насколько это стойкая краска, но такое обращение она вряд ли выдержит. Точно так же, как и костюм.

У меня все получится, у меня все получится, у меня все получится!

— Полетели.

— «Танцующая для дракона». Сцена восьмая, дубль второй.

Главное, чтобы не сто сорок второй.

Дурацкая мысль пришла ну очень не вовремя.

Отодвинутый полог, шаг внутрь...

Как в кольцо телепорта. Огонь от факелов перекинулся на кожу, раскаляя узоры. Я смотрела на Наррза и на Даармархского, вспоминая чувства Теарин. Переплавляя их в себе и стараясь не думать о том, что осталось за чертой. Зацепилась взглядом за Рихта и... оказалась в Огненных землях.

Мужчины, который выступил, чтобы меня защитить, больше не было. Передо мной сидел Даармархский: широкий размах плеч и пристальный цепкий взгляд. Жесткий, тяжелый, пламенный. Я осталась одна.

Сама за себя.

Так же, как Теарин.

— Теарин, с тобой хотят поговорить...

— Пошел вон.

Суетливо поклонившись, Наррз поспешно отступил к выходу и вылетел из шатра.

— Подойди.

Хриплый голос отозвался внутри ураганной силой. Взгляд Даармархского обжигал, заставляя плавиться до предела натянутые нервы.

Моя реплика. Моя реплика. Моя реплика!

— Назовите свое имя. — Я вскинула голову, отражая его подавляющую силу.

— Ты смеешь мне приказывать, девочка?

— Я имею право знать, кому подчиняюсь.

Рихт не пошевелился, ни на тон не повысил голос, но ответ вдавил меня в землю:

— Витхар Даармархский.

Опасное пламя в глубине глаз (покаяться могла, что сейчас я вижу разгорающийся в темной радужке огонь иртханов). Пусть даже эта наша работа, точнее, работа художников по спецэффектам...

— Сто-оп! — окрик Гроу со стороны съемочной группы. Обернувшись, увидела, что он даже не садился: стоял рядом с одним из операторов, сунув руки в карманы. — О чем задумалась на этот раз?

Прежде чем успела ответить, он уже шагнул ко мне. Вплотную.

От запаха сигарет меня вышвырнуло в реальность с той же силой, с которой могло отбросить крылом дракона.

— С чего ты взял, что я вообще о чем-то задумалась?

— По лицу видно. Реакция становится заторможенной, ты перестаешь быть Теарин и становишься Тайной Ладэ. Знаешь, насколько разница ощутима?

Это он сейчас намекнул на то, что иртханесса из меня, как аэроэкспресс из ржавого флайса?

— Никаких мыслей о том, что будет. — Гроу смотрел мне в глаза. — О том, что было. Ты проживаешь ее жизнь, а не свою. Кино — это врата в другую реальность, в другое время, в другие чувства. Думаешь, зрителям охота застрять между мирами?

— Ничего я не думаю, — огрызнулась.

— Есть две причины, по которой человек уходит из зала (не считая протухшего бургера, который просится наружу, или срочного звонка). Первая — тошнотворно скучный сюжет, но это не про Ильеррскую.

Да уж, даже у меня, привыкшей к ритму современной жизни, язык не повернулся бы назвать историю Теарин скучной.

— Вторая — то, что делаешь ты. Недоверие зрителя заполучить очень

легко, разрушить уже невозможно. Если я хоть на мгновение не поверю в то, что ты чувствуешь или делаешь, если я хоть на мгновение перескочу из Огненных земель в Зингсприд, я встану и уйду. Просто потому, что Зингсприд мне доступен каждый день двадцать шесть часов в сутки. Я прихожу сюда за ее чувствами. За его. — Гроу ткнул в Рихта. — За их пламенем, за жизнью, к которой могу прикоснуться во время просмотра. За опасностью, которой лишен в настоящем, за страстью, которая заставляет кровь кипеть, за огнем, который не могу почувствовать сам. В кинозале я хочу стать его частью, гореть вместе с ней. Намокшие угли никому не нужны.

— Это, типа, сейчас был комплимент?

— Это, типа, сейчас был опыт. Пользуйся, пока я добрый. — Гроу отвернулся и на сей раз на моих глазах устроился в кресле. — Приготовились.

Глубоко вздохнула и снова вернулась за полог.

Наверное, все правильно. Все так и должно быть, ведь я никогда не училась на актрису, и не может у меня все получиться с первого раза. А что, если не получится вовсе?.. Люди годами учатся и даже после этого подолгу ходят на кастинги, чтобы получить эпизодическую роль.

— Полетели!

«Ты не актриса и никогда ею не станешь».

Голос Мелоры ворвался в сознание: насмешливый, полный снисходительности и превосходства.

«Когда Джерман попросит меня вернуться, тебе будет очень-очень неприятно».

— «Танцующая для дракона», сцена восьмая, дубль третий.

«Если мне понравится, вечером подписываем контракт.

Если нет — извини».

Ярость полыхнула огнем, стирая все сомнения и неуверенность.

Ну уж нет, если я и уйду отсюда, то исключительно по своей воле. И останусь, если захочу. На своих условиях!

Я — Танни Ладэ.

Отодвинутый полог.

Я — Теарин Ильеерская.

Жар факелов плеснул на кожу, когда я шагнула в шатер.

— Теарин, с тобой хотят поговорить...

— Пошел вон.

Скользнувшая мимо тень, с тем же успехом мог бы пробежать поджавший хвост набл.

— Подойди.

Приказ, отмеченный властью. Приказ, от которого кровь становится лавой и закипает в венах, тем не менее я отвечаю:

— Назовите свое имя.

— Ты смеешь мне приказывать, девочка?

Если пламя может сочетаться со льдом, то только в этом мужчине.

— Я имею право знать, кому подчиняюсь.

— Витхар Даармархский.

Замешательство, плеснувшее в сердце, отражается на лице. Я не могу поверить, что передо мной величайший правитель в истории Огненных земель. Витхар Даармархский, объединивший столько государств под своей властью.

Короткий жест, указывающий мне на место у его ног.

Все еще потрясенная, приближаюсь. Он смотрит на меня: прицельно, пристально, жестко. Смотрит изучающе, выжигая пламенем остатки уверенности, которую я пытаюсь собрать в себе по кусочкам. Поднимается — стремительно, как песчаная буря с единым порывом ветра. Пальцы ложатся на мой подбородок, заставляя запрокинуть голову. Смотреть ему в глаза невыносимо и жарко, сквозь это прикосновение в меня вливается опасное пламя. Пламя, которого я сама лишена.

— Я спрошу всего один раз. — Его сила вплавляет в землю, но я по-прежнему не отвожу глаз. — Кто. Когда. За что.

Тишину разрывает голос:

— Стоп! Снято!

Я даже не сразу понимаю, что произошло, до меня не сразу доходит, почему Даармархский мне улыбается. Только когда прихожу в себя, вижу вскинутую руку Гроу — большой палец вверх и слышу команду:

— Перерыв пятнадцать минут.

Сердце бьется как сумасшедшее, гоняя по венам кровь, но я даже дышу через раз.

Он сказал: «Снято»?

Мне не послышалось?

У меня получилось?

У меня получилось!

— Танни. — Рихт улыбается. — Скажи уже что-нибудь.

— Ы, — говорю я.

— И на том спасибо. — Теперь уже он откровенно смеется. — Кофе хочешь? Я попрошу принести.

Мне бы чего покрепче. Бокальчик тоньяса, например. И можно без

льда.

Последнее вырывается сквозь плотно сжатые губы сдавленным смешком, а потом я делаю то, что меньше всего от себя ожидаю: приподнимаюсь на носки и целую его. По-настоящему, крепко и яростно.

В губы.

Это похоже на помешательство, потому что ответ Рихта больше напоминает порыв ураганного ветра. Меня подбрасывает в раскаленный огнем Даармархского и Теарин воздух, а вокруг текут потоки прохлады кондиционера. Мы же стоим в воронке зарождающегося смерча, в самом ее эпицентре, и, кажется, теперь я начинаю понимать, откуда берутся ураганы. Особенно когда за спиной словно крошится льдом голос Гроу, и столкновение стихий окончательно вышибает из меня дыхание.

— Я понимаю, что вхождение в роль проходит с определенными сложностями, но все нерабочие моменты оставляем вон за той дверью.

Прохладный воздух скользит по губам, когда до меня доходит, что я только что сделала. Точнее, что только что сделали мы, но голова продолжает кружиться, как после катания на аттракционе. Медленно поворачиваюсь: съемочная группа все еще отодвинута на задний план, как нечто далекое и чуждое моему миру, но из всех них отчетливо выделяется Гроу. Он вытолкнул меня в Огненные земли, он же сейчас возвращает обратно. От него веет обжигающим холодом, даже зеленое пламя в глазах, как водичка из Гельеры в приятный зимний день, когда от ветра щеки превращаются в костры, а на ресницах пушится иней.

Этот взгляд растягивается в долях секунды, за которые я успеваю замерзнуть, вспыхнуть и снова замерзнуть, а потом Гроу смотрит на Рихта. Будь у него вместо глаз прицелы, вышибло бы навывлет. Ледяным лазером.

— Это понятно?

Вот даже не поймешь, как он умудряется один короткий вопрос превратить в приказ.

— Понятно, Джерман.

— Вот и чудесно.

Он развернулся и направился к выходу из павильона, и только после этого я смогла вздохнуть. Нормально так, глубоко.

Глядя ему в спину, долго и выразительно поморгала, а потом снова повернулась к Рихту.

— Слушай, этот поцелуй...

— Все в порядке, Танни. Я понимаю.

Да? А я вот ничего не понимаю.

— Если я еще пару минут постою на этом месте, я с него уже не сойду.

— Это были мысли вслух?

— Ага.

— Тогда пойдем пройдемся. — Он кивнул на выход из павильона.

Это мне сейчас идти в ту сторону, куда Гроу ушел? Нет, не хочу.

И вообще, что это только что было?

Я о поцелуе. И о Гроу.

А может, и о том, и о другом. Он же меня чуть в пол не вморозил, а следом чуть не превратил в костерок имени актерско-режиссерской дружбы, если можно так выразиться. Представила себя статуей, которая полыхает под корочкой льда. Да, хорошие бы получились спецэффекты.

— Ты сейчас о чем думаешь? — К счастью, рядом был Рихт, который все-таки увлек меня к выходу.

— О спецэффектах.

— О чем?!

Да, кто о чем, а Танни Ладэ о спецэффектах.

— Я... в общем, у меня есть такая особенность: накладываю спецэффекты на все происходящее и представляю, как это могло бы быть. Издержки профессии.

— Интересная особенность, — заметил он.

— Да, наверное, так можно выразиться.

Я избегала смотреть на его губы. Губы как губы... хотя нет, вру. Губы у него были по-мужски жесткие, сильные, и воспоминание о поцелуе до сих пор отзывалось на моих. Есть в этом что-то ненормальное: два дня подряд целоваться с разными мужчинами и оба раза... чувствовать. А что я, кстати, почувствовала?

Перед глазами вопреки всякой логике возникла физиономия Гроу и его губы, совсем другие: резкие, сухие, обветренные.

Та-ак, все!

— Танни?

— Мм?

— Ты молодчина. — Рихт улыбнулся.

— Смотри, захвалишь, — фыркнула я. — Зазнаюсь и стану как Мелора.

— Как Мелора ты не станешь при всем желании.

Мы все-таки вышли из павильона, и жара тут же окутала нас тонкой вуалью. Сейчас, пока дождей нет, здесь еще можно нормально дышать. А вот когда начнутся?..

Я невольно зыркала по сторонам, незаметненько так, но Гроу нигде поблизости не было. Интересно, куда снесло Его Ледяное

Драконобесподобие? И почему?

— В Лархарре я точно сварюсь, — решила сменить тему.

До меня понемногу доходило (уже осознанно), что у меня получилось. И что, похоже, я действительно собираюсь играть Теарин. Теперь уже окончательно и бесповоротно.

— Не любишь жару? — Рихт внимательно на меня посмотрел.

— У нас с ней сложные отношения. В Мэйстоне все-таки попрохладнее.

— В Лархарре климат другой. Более сухой, из-за этого жара воспринимается гораздо легче.

Разумеется, там по большей части сплошные пески. Интересно, что иртханы именно там появились.

— Как вообще людям такое в голову пришло — вливать в себя кровь драконов?

Кажется, я это вслух спросила.

— По сути, у них и выбора-то особо не было. — Рихт пожал плечами. — В Пустынных землях не та почва, чтобы скрываться под землей. Поэтому шаманам оставалось курить травы, надеяться на высшие силы и древних богов, ну и... очевидно, под травами высшие силы подсказали им такое решение.

Я не выдержала и фыркнула:

— Удивительно мудрые высшие силы.

Мы направились в сторону от павильона, точнее, решили его обойти. Тем более что сразу за ним начиналась дорожка, укрытая от солнца его массивной громадой.

— Если серьезно, в Аронгаре было гораздо проще. Люди действительно уходили под землю, а на территории современной Лархарры прятаться не получалось. Искали другие способы выживания, охотились, ставили ловушки. Потом вот решили попробовать перенять силу. У нас даже в курс истории включен раздел о том, как наши предки пытались сосуществовать с драконами. Правда, о доиртханской эпохе известно мало.

Да, об этом каждый школьник знает. Вся история мира начинается на территории Лархарры, где людям впервые удалось перенять силу драконов. Вернее, с нее начинается современный мир, потому что, не будь иртханов, сидеть бы человечеству сейчас под землей, изредка выбираясь на охоту.

Мы быстренько обошли павильон, и, когда вернулись, мне влетело от Геллы за то, что ходила по жаре, и за то, что «нормально поправить макияж за пять минут невозможно». Но его все-таки поправили, и потом ждали Гроу, который «задерживался», как полагается начальству, которое по

определению опаздывать не может. За это время я успела еще несколько раз прочитать следующую сцену в сценарии (разговор, где Даармархский сообщает Теарин о том, что она станет наложницей) и даже почувствовать себя в какой-то мере звездой. Потому что на меня пялились все, начиная от ассистентов и заканчивая операторами.

В общем, наверное, со временем я к этому привыкну.

Гроу явился с таким видом, словно это мы все опоздали (и заодно павильон, который отлучился в туалет, ага), в нашу с Рихтом сторону посмотрел исключительно постольку-поскольку, а после начались съемки. Никогда бы не подумала, что одну сцену с коротким перерывом на обед можно снимать полдня, но, как выяснилось, можно. К тому моменту когда Гроу скомандовал «снято», я чувствовала себя как просроченные прессованные водоросли. В смысле, сплющенной в тонкий листик и рассыпающейся после вскрытия упаковки.

Упаковку, к слову, вскрывали стилисты, за что я была им искренне благодарна. Точно так же, как за помощь с макияжем. Геллы уже нигде не было видно, но ее присутствие сейчас и не требовалось. Девушки-ассистентки с такой ловкостью превратили Теарин в Танни, что я даже поспать не успела.

— Контракт пришлю вечером, — сообщил Гроу, заглянув в гримерную, — будь любезна изучить до утра.

И свалил раньше, чем я успела пожелать ему доброго пути. При всем желании ни спорить, ни думать сейчас о чем-либо сил не было. Единственная осознанная мысль (как добраться до кровати) вряд ли имела отношение к нашему деловому сотрудничеству. Поэтому, когда Рихт предложил подвезти, отказываться не стала.

Его флайс на стоянке — темно-красный «Лаунж» последней модели напоминал о закатном солнце над песками Лархарры. Собственно, солнце уже и закатывалось в точности, как мои глаза. Я забралась в машину и устроилась на сиденье в обнимку с сумкой. До дома мы добирались в молчании: Рихт, судя по всему, понял, что проще пообщаться с аудиосистемой, поэтому включил музыку. Под мягкие и какие-то экзотические мотивы я почти соскользнула в сон.

В таком же состоянии доползла до дома, на автопилоте выгуляла Бэрри, покормила ее и себя, а потом упала на кровать. Пообещала себе, что полежу минут десять и пойду читать контракт, и закрыла глаза.

— Мне плевать, насколько он гениален, Марргент! Он. Выставил. Меня. Как мальчишку!

Ронхард Гайер поставил бокал с тоньясом на стол, если так можно выразиться. Стекло жалобно звякнуло о дерево, вся мебель в этом кабинете была из дерева и стояла в целом состоянии. Впрочем, генеральный менеджер «Гранд Пикчерз» вполне мог себе это позволить: в точности так же, как и элитные сигары. Дым, напоминающий аромат дорогого ликера «Венджер», заставлял Гайера беситься еще больше. Этот дым, тянущийся от зажатой между длинными пальцами сигары, как бы говорил: «Плевать я хотел на твои проблемы».

— Ты же сам понимаешь, Рон, я ничего не могу сделать. В переданных на экранизацию правах четко указано одно условие: режиссер Джерман Гроу.

— К наблам права! — прорычал Гайер. — Он зарвался, и ты это прекрасно понимаешь. В любом контракте четко сказано, что если кто-то не справляется со своими обязанностями...

— А он не справляется?

В кабинете пентхауса на восемьдесят шестом этаже свет был приглушен, из-за чего огни Зингсприда за панорамными окнами сияли еще ярче. Марргенту Гарренджеру недавно перевалило за шестьдесят пять, но выглядел он, как и большинство в их бизнесе, лет на десять моложе. О возрасте говорило разве что серебро в волосах, немногочисленные морщины и тяжелые складки у губ (генеральный «Гранд Пикчерз» терпеть не мог подтяжки и пластику). Тяжелый взгляд, устремленный на исполнительного продюсера, заставил того осечься. Тем не менее отступить он не собирался.

— А по-твоему, справляется? Он притащил на съемки эту девицу...

Гарренджер поднял руку, подтянул к себе мобильный и запустил через приложение проектора видеозапись.

— Танна Ладэ? Идеальная Теарин Ильеерская?

Разговор проходил в кабинете Марргента, в здании «Гранд Пикчерз». Рон хорошо знал обстановку и характерный вид: выделяющуюся на фоне города Вайовер Грэйс с восточной стороны.

— Не идеальная. Это она, — произнес Гроу.

— Слушай, — генеральный менеджер положил ладони на стол, — я понимаю, что твое прошлое и знакомство с Леоной Халлоран накладывает определенные обязательства...

Взгляд Гроу стал ледяным. Не просто ледяным, даже через голограмму Рон почувствовал исходящий от него холод.

— Халлоран не имеет к этому ни малейшего отношения. — Слова крошились, как сухой лед в измельчителе. — Это только мое решение.

Марргент приподнял брови:

— Ты сейчас говоришь серьезно, Джерман? Эта пигалица без намека на актерское образование?

На лице Марргента отразилась вся глубина скепсиса, но Гроу только подался вперед:

— Спорим, я сделаю из нее звезду, Марр?

— Спорим?

— Ага. На твою виллу в Вестер-сайд.

— И что на кону с твоей стороны?

— Не считая карьеры? Облагаюсь — получишь мой особняк в Фэнсбери.

— То есть ты настолько в ней уверен?

— Я уверен в себе.

Марргент откинулся на спинку кресла:

— Судя по твоему виду, ты уже все решил. У меня только один вопрос: что ты собираешься делать с Мелорой?

— А с ней надо что-то делать?

— Ладно, не с ней. С ее отцом. Что мне сказать ему, когда он позвонит?

— Пусть звонит сразу мне. Мелора играет не Теарин, а себя.

— На пробах ты этого не заметил?

— На пробах она хотя бы пыталась ее понять.

Гарренджер коснулся экрана, и проекция погасла. У Рона непроизвольно дернулась щека: видеть Гроу после сегодняшнего унижения не хотелось совсем.

— Ну и к чему ты мне это показал? — поинтересовался он, потянувшись за тоньясом.

Он давно знал: все, что происходит в кабинете Гарренджера, записывается. В бизнесе никогда не мешает подстраховаться, особенно в шоу-бизнесе, тем более если ты забрался так высоко.

— К тому, что я сейчас говорю с тобой не как с коллегой, а как с другом, Рон. Эта запись уже у Ярлиса, и что он будет с ней делать, мне без разницы.

Рон потер подбородок и вернул бокал на место:

— Хочешь стравить двух драконов?

Марргент развел руками:

— Я такого не говорил. Просто посчитал нужным поставить его в известность о ситуации с его дочерью.

Ну, разумеется, не говорил. Конечно, беседовал как с другом. Рон

мысленно усмехнулся: в шоу-бизнесе друзей не бывает. Только выгодные и невыгодные деловые партнеры, и первых стоит держать рядом.

— Так что пусть развлекается, пока может. За съемки все равно платит он, в случае чего мы потеряем не больше, чем каждые три месяца теряет «Маджестик» на съемках своего провального дерьма.

— Уверен, что он не связался с Халлоран?

— На все сто. Он достаточно безрассуден для того, чтобы притащить эту девицу в проект по собственной воле. Набл его знает, на что он рассчитывает. Может, на скандал, когда вскрыется, что он послал к наблу кастинг, с именем Ладэ можно весь фильм стоять столбом и моргать.

— Думаешь, Ярлис попытается на него надавить?

— Посмотрим.

Гарренджер дотянулся до своего бокала и сделал глоток, смакуя многолетний тоньяс. Этот долгий вкус Рон тоже успел оценить: выдержка под сто лет, букет, который приятно раскатать на языке. За то, чтобы увидеть Гроу размазанным по любой поверхности, однозначно стоит выпить.

— А если не Ярлис, — Марргент посмотрел на него поверх бокала, — то Гранхарсен.

— Гранхарсен? — Второй раз за вечер Рон передумал пить.

— Да, проблемы со съемками в Лархарре его рук дело.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Предполагаю. Не так давно он звонил мне с тем же вопросом, с которым сейчас пришел ты.

Исполнительный продюсер приподнял брови:

— То есть папаша связался с тобой, чтобы узнать, не хочешь ли ты снять его сыночка с проекта?

— Именно так. Не представляю, что они не поделили, но ответил я ему в точности, как тебе. А спустя пару дней случилась эта задница с Лархаррой.

Рон усмехнулся и покачал головой:

— Какая-то мелкая месть для его уровня, не находишь?

— Думаю, это не месть, а предупреждение. Не хотел бы я попасть под его месть, Рон.

Марргент усмехнулся и снова пригубил тоньяс, на сей раз исполнительный продюсер последовал его примеру. Согревающее тепло алкоголя помогло окончательно расслабиться.

— Так что нам остается только ждать. Наслаждаться жизнью и следить за происходящим издалека. — Марргент положил сигару на пепельницу. —

Когда драконы сцепятся, самое разумное — находиться как можно дальше от них.

Рон усмехнулся:

— Ты сейчас о Ярлисе или о Гранхарсене?

Марргент пожал плечами:

— Какая разница?

Разницы не было. По сути, Рону было плевать, кто размажет Гроу: отец Мелоры или его собственный, а в том, что его размажут, сомнений нет. Чистокровный иртхан против полукровки (начиная от связей и заканчивая силой) — все равно что дракон против виара. Марргент нрав, им остается всего лишь подождать и посмотреть, чем закончится карьера Джермана Гроу. В том, что она завершится печально, сомнений не было. Как бы ярко ни светила звезда, провалы всегда громче успеха. Особенно если это последний провал.

А если это вдобавок затронет эту выскочку Танну Ладэ и ее именитую семейку...

Он будет просто счастлив.

ГЛАВА 10

Танни

Читать контракт в битком набитом аэроэкспрессе — сомнительное удовольствие. Умная мысль «вызвать флайс» пришла в голову, когда двери уже запечатали меня в толпе, и я снова почувствовала себя стиснутой со всех сторон. Скрежетнув зубами, осознала, что вытащить планшет в таком положении не представляется возможным, и зависла. Между парочкой, которая обнималась и целовалась, несмотря на давку, крупными мужчинами, тощенькой девочкой с двумя косичками и брекетами и хмурой особой, которой единственной из всех нас (близукомлектовавшихся) посчастливилось держаться.

Проснулась я час назад, свежая и бодренькая, от дружественного потыкивания горячим носом в голую пятку. Бэрри недвусмысленно намекала на то, что надо бы поесть и погулять, но что самое смешное, спать мне больше не хотелось. Неудивительно, потому что свалилась я вчера около десяти. Детское время, в которое я, кажется, даже малышкой спать не ложилась.

Мобильный обнаружился в сумке, от Ширил было целых три весточки: два пропущенных вызова и одно емкое сообщение: «Танни Ладэ, ты бессовестная скотина». Именно оно заставило меня вспомнить, что я обещала ей все объяснить, а заодно и про контракт от Гроу, который нужно было прочитать до утра. Кофемашина выплюнула кофе в чашку в тот момент, когда я открыла файл. Отхлебнула и чуть не подавилась кофе, когда с приложениями мне весело открылись сорок три страницы мелким шрифтом. Пятьдесят шесть, если чуть увеличить.

Десять раз драконова задница.

Из аэроэкспресса я вывалилась взъерошенная и слегка помятая. Не представляю, что можно расписать на сорок три страницы контракта, читать которые было катастрофически некогда. Не подписав контракт, я не имела права на копию сценария, поэтому добывать роль Теарин мне наверняка снова придется у Рихта. А заодно и учить ее на лету, на бегу и вприпрыжку, пока меня будут гримировать.

Ну, либо читать контракт.

На сей раз в гримерную к Рихту я заглянула сама. Он только приехал, и... ну как бы это сказать, без грима выглядел очень современно. Вчера я

была настолько уставшая, что даже не обратила внимания на то, как ему идет рубашка-поло в сочетании со светлыми брюками. Ткань оттеняла смуглую кожу, а еще выяснилось, что длинные волосы — это не парик. Они у него действительно были до плеч: густая массивная грива, при виде которой большинство девушек от зависти удавится. Я в первых рядах.

Ко мне повернулась вся его команда, которая была ничуть не меньше, чем команда гримеров и стилистов Ильеррской. Рихт повернулся последним (он что-то обсуждал с невысоким мужчиной) и улыбнулся.

— Привет, — сказала я. — Я за контрактом.

До меня даже не сразу дошло, что я выдала. Дошло, когда он приподнял брови.

— То есть за ролью.

Драконы, да что со мной творится-то?

Рихт протянул мне планшет:

— Привет.

Планшет я взяла, но он его не отпустил. До той минуты, пока его пальцы не коснулись моей ладони.

— Я здесь сегодня на всякий случай, — произнес он.

— На всякий?

— Да, если вы снимете сцены с Сарром и Эрганом и останется время. Ну, либо если Гроу вздумается сделать перетасовку павильонных съемок.

Танни, прекращай тупить. И пялиться на него тоже прекращай.

— А, знаю. Ленард тоже так приезжал.

— Точно. Если все получится, грим делается часа три, так что... Так что сначала читай сцену первую, шестую и одиннадцатую, в которых меня нет. До обеда, скорее всего, будем снимать их.

— Спасибо. А ты чего так рано приехал?

— Потому что у тебя нет сценария.

О-че-шу-еть.

Я обняла планшет, за ним удобно было прятаться.

— Ладно. Я тогда пойду.

— До встречи. — Он подмигнул и снова повернулся к мужчине, который что-то принялся ему объяснять.

Я просочилась в коридор в направлении своей (звучит-то как!) гримерной по-прежнему в обнимку с его планшетом. Мысль о том, что Рихт приехал из-за меня, жужжала над ухом неправильным виаром. Почему неправильным, я пока думать не хотела. Лучше почитаю роль и контракт.

Если повезет, даже успею все.

Решила, что сначала буду читать роль, потом контракт, а потом (если

останется время) снова роль. Гроу все равно делает перерывы между сценами, так что можно будет поучить слова на ходу.

Влетела в гримерную и чуть не впечаталась в Геллу, сложившую руки на груди.

— Опаздываешь, — хмыкнула она и показала на запястье с часами: две минуты восьмого.

— Я за ролью забежала.

Она покосилась на планшет и дернула бровью:

— Ясно.

Что ей ясно, Гелла не объяснила, а вот мне было ясно только одно: она откровенно не в духе. Если вчера это был неиссякаемый фонтан красноречия и позитива, сегодня главная по Ильеррской отделялась скупыми короткими фразами и командами.

Я же наскоро пробежала глазами сцены и взялась за контракт. Поначалу шло стандартное бла-бла-бла от основных пунктов о неразглашении, неустойках и прочей деловой чешуе до разъяснения всяких форс-мажоров, которые могут случиться.

В разделе о внешности выяснилось, что с цветными прядями на время съемок и вплоть до мировой премьеры мне придется распрощаться. Контракт обязывал меня носить длинные волосы насыщенного темного цвета (с указанием конкретного оттенка), запрещал любые изменения внешности, включая пластику (не считая форс-мажоров, разумеется). Я не имела права вес терять, вес находить и вообще ничего с собственным весом права делать не имела. Должна была появляться в публичных местах и на официальных приемах только в образах, согласованных с Геллой, и все в том же духе.

— Глаза! — рявкнула она, и планшет пришлось отложить.

Надолго, потому что читать, когда тебе красят глаза, невозможно в принципе. Я сидела неподвижно и тщетно пыталась не рыдать. Потом не моргать. Потом смотреть исключительно вверх.

Когда я вернулась к чтению, обнаружила длинный перечень того, что мне можно, а что нельзя делать со своим здоровьем.

Нельзя было курить, злоупотреблять алкоголем и прочим, загорать (спасибо, хоть дышать разрешили) и много чего еще. Раз в неделю было необходимо посещать спа-салон, следить за состоянием кожи, волос и прочая, прочая, прочая.

Перелистнув страницу, наткнулась на следующий раздел и замерла.

В нем черным по белому сообщалось, что на время съемок у меня не должно быть близких отношений. В случае наличия постоянного партнера

мне нужно было с ним расстаться до их окончания.

И заключительным бонусом шел пунктик, что в публичных местах и на официальных мероприятиях (в том числе предпоказах и премьере) я могу появляться исключительно с Джерманом Гроу.

Очешуешь!

Примерно такая мысль посетила меня в момент, когда я прочитала эти строчки. Нет, у меня, конечно, не было парня, с которым в срочном порядке предстояло расстаться, и даже на горизонте никого не было, не считая Лэрга (а впрочем, его уже можно не считать), но... больше всего меня умиляло последнее.

Появляться с Гроу в общественных местах?!

Ага, сейчас.

Пока я об этом думала, меня сдернули с кресла для росписи по телу, и планшет снова пришлось отложить. Учитывая, что контракт я так и не дочитала (и дочитывать его, в общем-то, особо не хотелось), в голове крутилась одна сплошная нецензурщина. Такие мысли озвучивать в приличном обществе не стоит, в неприличном тоже, но я уже представила себе, как напихала Гроу в трусы льда с горкой, треснула по голове планшетом и добавила стулом. Тяжелым таким, с колесиками.

Он что, всерьез думает, что я ЭТО подпишу?

Интересно, Мелора с ним появлялась тоже по контракту?

В памяти как-то живо всплыла статья, в которой журналисты обсуждали появление Мелоры и Гроу на публике, но вот дату ее я вспомнить не могла. Равно как и то, состоялся ли их первый выход до кастинга или уже после. Учитывая, когда был кастинг, я не знала, решила вообще на это забыть.

Плевать мне, с какой радости Мелора с ним таскалась.

Я с ним появляться не стану и подписывать это соглашение по соблюдению целомудрия — тоже! Хочет видеть меня в роли Теарин, эти пункты придется убрать. Пусть вообще радуется, что я согласилась волосы перекрасить, потому что мои цветные прядки мне дороги. Как память о беспечной юности и вообще.

Нет, он не очешуел ли?!

Чем больше я думала об этом пункте, тем сильнее мне хотелось пнуть Гроу в причинное место. Должно быть, выражение лица у меня было какое-то чересчур зверское, потому что улыбающаяся ассистентка Геллы, взглянув на меня, стала серьезной. И вообще больше на меня не смотрела, старательно занимаясь росписью правой руки.

Преображение в Теарин произошло к назначенному времени, если

быть точной, за пятнадцать минут до того, как мне предстояло явиться в павильон. С планшетом Рихта в одной руке и собственным в другой я вышагивала по коридору, а шлейф тянулся за мной, как хвост дракона. Не знаю насчет силы иртыханов, но я сейчас была по-драконовски зла. Ленард, который вертелся у шатра, увидел меня, и у него отвисла челюсть. Я бы с ним с удовольствием пообщалась, но у меня сейчас была другая цель.

Цель по имени Джерман Гроу, которая маячила рядом с оператором.

Поэтому Ленарду я только помахала, кивком дав понять «поговорим потом», и решительно направилась к его драконейшеству.

— Кхе-кхе, — выразительно произнесла я, остановившись за его спиной в полуметре, ровно настолько, чтобы случайно не нарушить ничье личное пространство.

Гроу обернулся. Выразительно приподнял брови, от чего его дракономорда приобрела особенно саркастичное выражение. Из-за его спины на нас пялился оператор.

— А, Зажигалка. Ты простудилась, что ли?

Нет, я его сейчас убью.

— Это вообще что? — Провела пальцем по экрану планшета и ткнула в спорные пункты.

— Не подписала еще?

Точно убью.

— И не подпишу, пока в нем останутся эти два пункта. Ты что, всерьез считаешь, что я подпишусь на восемь месяцев целомудрия?

Ну ладно, у меня гораздо дольше никого не было, но Гроу об этом знать необязательно.

— Восемь месяцев воздержания еще никому не вредили.

— Вот сам и воздерживайся, — заявила я, чувствуя, что во мне просыпается вулканчик Танна Ладэ. — Тебе нужна Теарин Ильеррская? Тогда убирай эти пункты.

Теперь к нашему разговору прислушивался уже не только оператор. Помимо драконьей морды, которая откровенно издевалась, в спину осторожненько втыкались взгляды. Мягонько так, как шпажки в канапе.

— Ладно, — неожиданно заявил этот драконохмырь.

Ладно?

Готовая держать оборону до последнего, я даже как-то слегка растерялась.

— Обсудим вечером у меня в кабинете. — Гроу кивнул и снова повернулся к оператору.

Что?!

Вечером?!

В его кабинете?!

Да ни за что!

— А в перерывах между съемками это обсудить нельзя? — поинтересовалась я в режиссерскую спину.

— Нельзя, — отмахнулся Гроу. — Перерывы — это мое личное время, которое я тратить на тебя не намерен. Скажи спасибо, что буду тратить вечернее.

— Скажи спасибо, что я сейчас здесь. Ты мне даже сценарий выдать не потрудился.

— Подпишешь — получишь сценарий.

Убийство режиссера при свидетелях — не лучшее начало съемок, поэтому я резко развернулась и выдохнула. Потом еще пару раз и направилась к Ленарду, глаза у которого до сих пор были круглые-круглые. Остальные то ли привыкли уже, то ли смирились, поэтому смотрели поспокойнее.

— Привет, — сказала я, подходя к парню.

Точнее, к Сарру. Он был уже в гриме и выглядел... ну очень мальчишкой. Мне даже волосы ему захотелось взъерошить.

— А... а где Мелора?

Да, судя по всему, Мелора хорошо постаралась, устроив ему отчуждение от съемочной группы. Такое, что ему даже новости никто не передал.

— Она соскочила.

— Соскочила? Куда? — Лицо Ленарда приняло сосредоточенное выражение, а потом он прищурился. — Издеваешься?

— А это похоже на издевательство? — Я развела руками, демонстрируя Теарин Ильерскую во всей красе. — В общем, так получилось.

— Пять минут до съемок! — прокатилось драконорычащее за спиной.

Мощное такое, ему бы вальцгардами командовать. То есть военнообязанными иртханами, которые в случае опасности налета выдвигаются в сторону пустоши вместе с правящим.

— За обедом все расскажешь! — предупредил Ленард.

— Обязательно.

— Рихт!

Я почти подпрыгнула.

Не вальцгардами, драконами. Агрессивно настроенными в точности так же, как он сам. По крайней мере, в прищуре темных глаз мелькнуло

нечто неуловимо звериное, адресованное Рихту, который приближался к шатру. Не в гриме, разумеется, но сейчас он выглядел а-ля Даармархский. Взгляд потемнел, как угли, которые только тронь — и искры полетят.

— Я же вчера ясно сказал: к обеду.

— У меня нет права здесь находиться, Джерман?

Вот как могут два темных взгляда так разительно отличаться? У Гроу как ураганная темень, у Рихта — глубокая южная ночь. И даже не скажешь, что страшнее.

— Вопрос в том, зачем.

— Хочу проникнуться духом истории. Даже кресло свободное есть, я прав?

Рихт приблизился и указал на место Гайера, которое теперь пустовало.

— Лишние люди на съемочной площадке всегда лишние.

— В день, когда я стану здесь лишним, я уйду сам.

Гроу перекосило. Знатно так, у меня даже волосы на затылке встали дыбом. Надеюсь, что только на затылке, потому что на мою прическу убили уйму времени.

— Не станешь, — холодно процедил он и отвернулся. — Все по местам! Дири?

— Готов!

Мужчина с виаренком вынырнул буквально из подпространства: по крайней мере, я его не замечала. Видно, умение быть неприметным приходит с опытом после общения с Гроу.

— Что это с ним? — буркнул Ленард, когда мы шли к шатру.

— Климакс?

Парень подавился воздухом и закашлялся.

А и правда, что? Ленард пару дней назад просто так тут тусовался, и никаких проблем не возникало. Что они с Рихтом не поделили? Учитывая, что Гроу откровенно признавал его мастерство, если лично пригласил на съемки. Ну и четко произнесенное «не станешь» однозначно говорило о том, что он его ценит. Тогда какого цепляется?

— Слушай, — Ленард улыбнулся, — до меня только сейчас дошло. Ты ж теперь моя сестренка!

Он ткнул меня локтем в бок так, что я подпрыгнула.

— За это ты наставишь мне синяков? — Я покосилась на него.

Потом на свой бок, чтобы проверить, не стерся ли узор.

— Да ну. Ни за что не поверю, что ты такая хиленькая.

Угу. Никто не верит.

Возможно, дело в боевом настрое, потому что ни ростом, ни объемами

в нужных местах я похвастаться не могу.

— Так, я пошел в шатер.

Ага, я тоже пойду. Мне не привыкать заходить в шатры после вчерашнего.

Только сейчас я типа после танца и после предложения о замужестве.

Еще настроение надо бы словить, а то я себя чувствую как-то... Кстати, почему мы не с Эргана начали? Первую сцену с Мелорой вроде с ним снимали.

Эту мысль оборвал голос Гроу:

— Приготовились!

Готова я. Я готова. Готова, я сказала.

Танец, огонь, адреналин... Попыталась представить себя на балконе, на очешуенной высоте стоящей на перилах над городом, и мигом вспомнила, как там оказалась. Нет, мысли о Гроу — это лишнее.

— Полетели!

— «Танцующая для дракона», сцена одиннадцать, дубль первый.

Одиннадцать?!

Это после разговора с Даармархским, что ли?

Десять раз драконова задница!

К Рихту Гроу больше не цеплялся, зато он цеплялся к остальным. Ко мне, к Ленарду, даже Дири досталось, когда он не вовремя попытался уползти из кадра. Его взяли за шкурку и вернули на место с таким выражением лица, что я бы вообще забыла о всяких поползновениях.

Из всех нас виаренок к выволочкам относился проще всего: спустя две минуты после побега и возвращения он уже обо всем забыл и радостно скакал по площадке между мной и Ленардом. Перевоплощению Теарин парень был счастлив: до обеда он не дотерпел, пришлось все рассказывать по ходу и в перерывах между чтением роли и игрой с Дири. Мы швыряли зверенышу изодранный в лохмотья мяч, который принес дрессировщик (любимая игрушка, от которой нельзя избавляться), а он носился, скрежеща когтями на поворотах и задавая съемкам совершенно неправильное настроение. Особенно когда к нам присоединился грозный Даармархский, читай Рихт, и Дири скакал уже по треугольнику.

Дабы даже случайно не повредить декорации, мы отошли подальше от шатра, но к нам все равно незаметно подтянулись остальные. Ну, вроде как не к нам, конечно, просто прогуливались, но на самом деле следили, чем закончится матч. Когда Гроу вернулся с перерыва, на площадке царило абсолютно нерабочее настроение. Впрочем, стоило ему появиться, обстановка мгновенно стала рабочей. Даже Дири под его взглядом

выплюнул мяч и поджал хвост, после чего мы всей командой вернулись к шатру и продолжили.

Комплекс неполноценности я себе в этот день не заработала исключительно потому, что у меня были хорошие учителя, и к придиркам Гроу я относилась как к неизбежному злу.

Иногда его драконейшество даже удивлял. Например, когда Дири снова попытался ускакать, я инстинктивно схватила его за хвост, покрытый еще не успевшими затвердеть кожистыми шипами. Виаренок подскочил от неожиданности, развернулся и с разбега вспорхнул мне на руки, из-за чего я чуть не шмякнулась прямо на застеленный лоскутными полотнами пол. Удержал Ленард, который подхватил меня (а точнее, нас) сзади. Я успела только на него обернуться, когда услышала:

— Стоп! Снято.

Так в истории Теарин появилась дополнительная сцена, продолжить которую оказалось не так уж легко. Как выяснилось, войти в импровизацию гораздо легче, чем из нее выйти, но Гроу категорически отказался убирать дубль, где я хватаю Дири за хвост. Не говоря уже о том, что мне не влетело в очередной раз за «выпадение из реальности Теарин».

Впрочем, судя по довольной физиономии Его Ледяного Драконобесподобия, выпадения не было. Вообще по Гроу легко понять, когда что-то идет не так: он превращался в злобного дракона, как происходит разгон аэроэкспресса, за пару секунд. Если дракон был спокоен, можно было выдохнуть... ненадолго, но думать о том, что и как сделать лучше. А вот если дракон щурился и снисходительно кивал, значит, уже получилось лучше некуда.

С начальными сценами мы провозились до глубокого вечера, но отсняли все. Кроме той первой, с Эрганом, но играющий его актер сегодня на съемочной площадке даже не появлялся. До новых павильонных сцен с Даармархским не добрались, чему я, признаться, была искренне рада. Мне хватило одиннадцатой, которую я бегло просмотрела во время грима, считая, что до нее мы не скоро доберемся, и первые четыре дубля запорола только потому, что путалась в словах. Виноват в этом был частично Гроу, потому что читать сценарий, которого у меня нет, как-то проблематично.

Когда, закончив последнюю сцену, услышала: «Стоп. Снято!» — я вздохнула с облегчением.

Ненадолго, потому что в следующую минуту меня огорошили сообщением:

— Завтра в шесть утра встречаемся на четвертом терминале Зингспридского телепорта.

— Чего? — поинтересовалась я у Рихта, который не ушел со съемок, даже когда стало понятно, что ему ничего не светит.

— Будем снимать сцену в Саолондарском ущелье. Изначально планировалось, что завтра мы выдвигаемся на основные съемки в Лархарру, но там пока какие-то сложности.

Пока я выразительно моргала, пытаюсь переварить услышанное, Гроу ткнул мне в сторону выхода:

— Через час. В моем кабинете.

Через час в твоём кабинете я тебе все выскажу, подумалось мне.

И про съемки в Лархарре, и про Саолондарское ущелье, а заодно и про методы вербовки. Про сценарий добавлю еще, драконоподобное ты прямоходящее.

— Мне казалось, такие сцены уже давно снимаются на фоне, — заметила я, не особо торопясь в сторону гримерной, где меня должны были развоплотить.

— Гроу сторонник реалистичности.

— Драконов тоже ты укрощать будешь?

Рихт рассмеялся:

— Нет, драконов будет рисовать «Хайлайн».

При воспоминаниях о драконах и о «Хайлайн» у меня неожиданно возникла одна идея. Заодно и проверим, насколько Гроу хочет меня в качестве Теарин.

— Ладно, — помахала рукой пробежавшему мимо Ленарду, который явно торопился домой. — Мне, пожалуй, пора. Превращение Теарин в Танни дело не быстрое.

— Я могу подождать, — произнес Рихт.

От неожиданности даже замерла. Он смотрел на меня сверху вниз, но не так, как это делал Гроу, исключительно из-за роста. Смотрел, слегка обжигая своими «ночными» глазами, в темноте которых отчетливо выделялись зрачки. Только они и были темнее, чем эти невероятные глаза.

— Не стоит, — сказала я. — Мне здесь еще час торчать. А потом еще не представляю, сколько у Гроу. Сдается мне, я хочу переделать половину контракта.

— Он согласился переделать контракт?! — Рихт приподнял брови.

— Вообще-то нет, но иначе не соглашусь я.

— Что там такого написано?

— Что я должна принести себя в жертву Великому Богу Гроу во имя киноискусства.

Рихт покачал головой и рассмеялся:

— Не соглашайся.

— Даже не собиралась.

Удивительно, но расставаться с ним не хотелось. И сбежать не хотелось тоже, как тогда, когда я поспешно захлопнула дверь за Лэргом.

— Ладэ-э-э! — Голос Геллы прокатился по павильону, впитав в себя все оттенки язвительности. — Между прочим, рабочий день не только у тебя закончился.

Она ткнула в часы-напульсник, а потом резко развернулась на пятках и скрылась в коридоре. Я посмотрела ей вслед и пожала плечами.

— Похоже, мне правда пора.

— Увидимся завтра. — Рихт кивнул. — Удачи тебе в обсуждении контракта с драконом, Танни Ладэ.

— А тебе удачно выспаться, — фыркнула я. — Шесть утра!

— Это не самые ранние мои съемки.

Что, бывает еще раньше?

Ужас.

Мы распрощались, и я направилась в сторону гримерных, стараясь не думать о странной улыбке, которая не сходила с губ. Впрочем, стоило кое-что вспомнить, как она тут же растаяла, и в гримерку я вошла, попытавшись сунуть руки в карманы. Вместо джинсов на мне оказались сценические шаровары, поэтому ладони просто скользнули по ткани.

— Явилась, — сообщила Гелла. — Спасибо, что не завтра.

— Слушай, у тебя какие-то проблемы? — поинтересовалась я.

— Это у тебя проблемы со временем, — огрызнулась она. — До завтра, девочки.

Гелла вылетела за дверь раньше, чем ассистентки успели ответить.

Я же устроилась на стуле, искренне стараясь не думать о предстоящей встрече с Гроу. Потому что в его присутствии у меня по телу бегают огненные мурашки, мозг отключается, а пятая точка хочет приключений.

Так, ладно.

Глубоко вздохнули, глубоко выдохнули. В конце концов, я не иртеханесса, и притяжения, как у Ильеерской к Даармархскому, у меня быть не может. Значит, все поправимо.

Если не считать того, что я никогда и никого так не хотела раньше.

Эта мысль припечатала меня с силой рухнувшей скалы.

А следом прилетела еще одна: я собираюсь продать душу дракону.

Дранные наблики.

Эти дранные наблики крутились у меня в голове, пока я летела на аэрокаре по съемочному городку, пока поднималась на лифте и пока шла по

коридорам к кабинету Гроу.

Стучать не стала, даже если там находится Мелора, меня это вряд ли удивит.

Мелоры не обнаружилось, зато восседал за столом Гроу, который кого-то только что послал по мобильному. Буквально. Развернулся ко мне и указал на соседний стул, одновременно глубоко затянувшись. Сигаретный дым развеивался прямо над столом (вытяжка здесь отменная), но я до сих пор помнила его аромат: горьковато-соленый, терпкий, с нотками шоколада. Помнила отчетливо на горящих губах, которые чуть не облизнула. Во рту пересохло, а температура разом взлетела градуса на три.

Мозг.

Я сказала: «Мозг!» У меня тут деловые переговоры, между прочим.

Прошла в кабинет, устроившись на «предложенном» мне стуле, сбросила сумку на соседний.

— Прежде чем мы начнем обсуждать контракт, у меня есть одно условие.

Гроу приподнял брови, но ничего не сказал.

— Я хочу отвечать за группу, создающую спецэффекты для Ильеррской.

Он прищурился, наклонил голову и стал еще больше похож на дракона.

— А жить ты когда собираешься, Зажигалка?

— А тебе не положить ли пять тонн чешуи?

Да, какой-то у нас не совсем деловой разговор получается.

— Не-а. Поскольку ты играешь в моем проекте, мне не положить. Мне нужно, чтобы на Ильеррской ты выкладывалась на все сто.

От взгляда, который я даже пристальным назвать не могла, скорее изучающим и ленивым, по коже побежали искорки.

— Я и выкладываюсь на все сто. — Сцепила руки на столе. — Или ты считаешь иначе?

— Считал бы иначе, тебя бы здесь не было. Почему ты хочешь ее сыграть?

— Наверное, об этом стоило спросить до того, как ты меня пригласил на роль.

— Наверное. Но я спрашиваю сейчас.

Вот теперь возникло такое чувство, что меня просвечивают, как в медицинской капсуле полного обследования. Только вместо снимка ребер, позвоночника и прочих косточек выдадут заключение по Ильеррской. Хотя сдается мне, заключение он сделал еще давно. Кстати, об этом.

— Ты меня за этим в ВИП-ложу звал?

Гроу подался назад и затаился.

— Ты не ответила.

— Ты тоже.

В глазах дракона едва уловимо мелькнула искорка раздражения.

— Сложно нам с тобой будет, Зажигалка.

— Ничего, восемь месяцев потерпим. Если договоримся.

Он снова прищурился:

— Да, из-за этого. Меня впечатлил твой танец.

— А меня впечатлила Ильерская.

Наши взгляды столкнулись, и я подалась назад, повторяя его жест. Расцепить руки и тут же не закрыться снова было сложно, но у меня получилось.

— Так что насчет моего условия?

— Хочешь рисовать спецэффекты?

— Не поверишь, — хмыкнула я. — Я этим всю жизнь занимаюсь. И когда съемки закончатся, намерена заниматься дальше.

А ведь и правда Ильерская для меня — как... сцена, несколько дублей которой через восемь месяцев навсегда останутся в прошлом, а жизнь продолжится совершенно в ином ключе. Точнее, в привычном. Танцевать я буду только для себя, а вот рисовать для всех. То есть для заказчиков. Создание спецэффектов, оживающих на страницах электронных каталогов, на праздниках и мероприятиях, в кино и мультфильмах — это то, чем я хочу и буду заниматься.

— Ты удивительно продуманная девочка, Танна Ладэ.

Он умудрился произнести мое имя так, что все внутри полыхнуло. Даже отделенная от него столом, я почувствовала себя мороженкой, забытой на пляже.

— Жизнь научила, — заметила я. — Так что? Будем дальше тратить твое личное время в бесплатном режиме или ты мне потом выставишь счет?

— Не будем. — Гроу снова подался вперед. — Предположим, что я соглашусь и сделаю пару звонков.

Мне одной здесь чудится маленькое такое, незаметненькое «но»?

— В качестве жеста доброй воли.

Ну кто бы сомневался.

Дальше отодвигаться было некуда, а на последнем движении (когда он затушил сигарету) ноздри его чуть дрогнули.

— При этом оба пункта, которые тебя не устраивают, останутся в

контракте.

Не, не маленькое. Большое.

— Ну вот и как это называется? — поинтересовалась я.

— Деловой компромисс.

— Ша — значит «шантаж», — возразила я.

— Решать тебе, Зажигалка.

Он подхватил портсигар, перекатывая его между пальцами. Тонкий и плоский, как я. Сколько там вообще сигарет помещается? Три с половиной?

Позер чешуйчатый!

Вот только я почему-то не могла отвести взгляда от его пальцев, длинных и смуглых. Их захват вьелся под кожу пламенем, как свежая татуировка. Захват сильный, из которого не вывернуться, пока не отпустят, саднящий на запястьях. Почему-то именно сейчас вспомнилось, как эти пальцы скользили по моим губам... и не только, и низ живота свело от желания. Тягучей, горячей волной, прокатившейся по телу.

— Нет, — сказала я.

Получилось хрипло, низко и вообще так, словно я пару лет курила по десять пачек в день.

— Ладно. — Гроу снова как-то очень легко согласился. — Один пункт можем убрать. Но только один. Выбирай, который.

— Развлекаешься, да?

— По большому счету вся жизнь одно сплошное развлечение. — Он указал за окно, где надвигающаяся зингспридская ночь рассыпалась огнями. — Индустрия развлечений работает на нас весь год двадцать шесть часов в сутки. А мы работаем на нее. Но ты права, мы и так засиделись. Выбирай, Зажигалка.

Взгляд его стал жестким, и я поняла, что больше мне ничего не обломится. Судя по словам Рихта (да и не только его), мне вообще много чего обломилось. В случае с Гроу, который привык, что между двумя мнениями (его и неправильным) выбор даже не стоит.

Выбор, драные наблики!

Выбор между правом распоряжаться собственной личной жизнью, обязанностью появляться на публике с Гроу и возможностью стать причастной не только к жизни Ильеррской, но и к оживлению на экране целой эпохи!

Перед глазами отчетливо встали драконы, опускающиеся на землю рядом с Даармархским. Взметнувшиеся в воздух клубы пыли, рычание, от которого замирает сердце, а по телу течет огненная волна.

«Драконов будет рисовать „Хайлайн“».

Нет, драконов буду рисовать я. И не только хвосты.

Ладно, из двух зол надо выбрать меньшее.

— О'кей. Оставляем пункт, где я обязана с тобой выходить.

Надеюсь, я выбрала правильно.

— Договорились. — Гроу кивнул. — Через пару часов новый контракт будет у тебя.

Договорились?

Я точно правильно выбрала?

— Мне еще нужно его дочитать, — сообщила я.

И вытащила планшет.

Пока он загружался, его драконейшество поднялся. Стремительно, как взрывается гейзер, и так бесшумно, будто у меня полностью заложило уши. На самом деле драконы умеют опускаться и взлетать почти беззвучно. В первом случае вся сила сопротивления воздуха приходится на крылья, а во втором — на мощь отторгаемой земли в пружинящих лапах.

Вот и этот взлетел, чтоб его о скалу приложило.

И медленно так направился ко мне.

— Там больше нет спорных пунктов, Зажигалка.

— Да ладно?

Он облокотился о спинку моего стула, обжигая своей близостью и знакомым, вырубаящим инстинкт самосохранения запахом. Если бы вместе с ним еще вырубались и все остальные, но ага, щас. Меня потряхивало от ощущения драконоприсутствия, от возможности податься назад и почувствовать твердость его пресса.

М-да...

Даже если тут есть спорные пункты, я их не замечу.

— Ты мог бы не висеть надо мной? — поинтересовалась я.

— Тебя это смущает?

Смущает, хвостом тебе в лоб, не то слово.

— Раздражает, — с милой улыбкой сообщила я, обернувшись.

— Тебе в любом случае придется читать контракт заново, — хмыкнул он.

А потом развернул кресло к себе с такой силой, что я чуть не улетела в вышеобозначенный пресс.

— Совсем очешуел? — Вскочила, но Гроу так резко шагнул вперед, что я плюхнулась прямо на собственный планшет и оказалась на столе.

Прикосновение (отнюдь не невинное), когда он втиснулся между моих бедер, не позволяя даже вздохнуть, плеснуло в груди огнем. Гроу подался вперед, и я сделала то, что успела, — выдернула из-под пятой точки

планшет и сунула между нашими лицами. Судя по смачному «чмок», затормозить он все-таки не успел и в каком-то смысле поцеловал меня в задницу.

То есть в экран, на котором моя задница только что побывала.

Воспользовавшись секундным замешательством, стекла в образовавшийся между драконом и столом зазор, подхватила сумку и стратегически отступила к двери.

— Сценарий тоже присылай, — сообщила, убирая планшет. — Почитаю перед сном.

Насладились его вытянувшейся физиономией, вышла за дверь. Возможно, чуть более поспешно, чем могла бы, но в конечном итоге радоваться надо, что унесла оттуда почти не подгибающиеся ноги. А особенно — тому, что все наши выходы с Гроу будут исключительно в общественных местах. Даже если у меня рядом с ним отключится мозг, глаза-то будут на месте, а эксгибиционизмом я никогда не страдала.

Сердце бухало о ребра в таком ритме, что я чудом не подскакивала на каждом шаге до потолка.

Пока добралась до лифта, относительно успокоилась.

Привалившись к стене, выдохнула (чудо, что не огнем) и провела рукой по взъерошенным волосам, застывшим в пограничном состоянии между прическами Танни Ладэ и Теарин Ильеррской. Странно, что они не дымились, как и я вся.

Волосы в смысле.

Лифт щелкнул, выпуская меня на свободу, и я вылетела в холл, понемногу ускоряя шаг.

Определенно с этим ненормальным влечением надо что-то делать.

Вопрос только в том что.

ГЛАВА 11

Танни

— Смотри, вот здесь корм. — Я открыла ящик под столешницей, где был сложен стратегический запас корма для Бэрри. — Не забывай закрывать на электронный замок, иначе вечером найдешь обожравшуюся виари и придется покупать новый.

Корм, замок, а может быть, и ящик.

— Угу. — Шири зевнула, я же быстро выставила вперед ногу: почувствовав запах, Бэрри рванулась к его источнику.

— Сидеть, — грозно сказала я, и виари плюхнулась на попу.

— И еще вода. Это очень важно, Шири. Ты меня слушаешь?

— Да-а-а. — Бывшая (или теперь уже не очень после соглашения с Гроу?) коллега снова зевнула.

— Вот это ведро. — Я указала на миску, по размерам больше напоминающую тазик, наполненную до краев свежей водой. — Все время должно быть полным. У виаров очень высокая температура тела, поэтому им надо много пить. Иначе ей может стать очень плохо.

— Танни, ты в курсе, что должна мне до конца жизни? — поинтересовалась Шири.

И отступила, когда Бэрри попыталась ткнуться носом ей в ногу.

— В курсе, — серьезно сказала я. — Спасибо, что согласилась помочь.

— Простым спасибо ты не отделаешься. Привезешь мне из Ортахарны что-нибудь... что, я пока еще не решила... — Шири потянулась. — И это... она же у тебя не кусается?

— Не представляю, что ты должна с ней сделать, чтобы она тебя укусила.

Бэрри взидала на нас разноцветными глазами, в которых застыла грусть-тоска.

— Чучело, мы не навсегда расстаемся, — опустилась на корточки и притянула к себе этого огненного пушистого монстра.

В ответ монстр тихонько завирчала и потерлась мордой о плечо.

По сути, мы с ней никогда не расставались так надолго: на целую неделю. Именно столько Гроу отвел под съемки в Ортахарне, точнее, в заповеднике Ортахарны, где и располагалось в настоящем знаменитое Саолондарское ущелье. Еще бы вспомнить, где была вчера моя голова,

потому что о Бэрри я подумала исключительно в ту минуту, когда переступила порог квартиры. В Мэйстоне мы жили вместе с Имери, поэтому такой вопрос вообще не стоял. К тому же со своей фрилансерской деятельностью я привыкла к тому, что никуда не выезжаю.

Ладно, мне пора.

До Нэйсхилла, где расположен зингспридский телепорт, еще добраться надо, а уже пять минут шестого. Усилием воли оторвала себя от Бэрри, подхватила дорожную сумку и выпрямилась.

— Ну... вроде бы все.

— Ну, очешуешь, Танни Ладэ. Съёмки... — Шири покачала головой и сложила руки на груди. — До сих пор не могу поверить, что ты меня не разыгрываешь.

Да я сама в это поверить не могу, если честно.

Пиликнул мобильный: заранее заказанный флайс прилетел. Я улыбнулась Шири и еще раз потрепала по голове своего любимого монстра. С Марром у меня отношения как-то попроще были (нет, я его любила, конечно, и до сих пор, когда вижу этого «заслуженного гражданина республики», у нас обнимашки), но Бэрри — совсем другое дело. Она моя, а я ее, если можно так выразиться.

— Давай иди уже. Все с твоей мохнатой будет в порядке.

Перекинула вторую сумку через плечо.

— Спасибо еще раз, Шир. Подумай, что тебе привезти в подарок.

— Подумаю, не сомневайся. С твоим гонораром это будет что-то очень непростое.

Да, гонорар.

Гонорар мне полагался такой, что вчера, перечитывая контракт, я раз шесть пересчитала нолики. Мне все время казалось, что где-то не так отбиты десятичные знаки или у секретаря юротдела рука дрогнула, когда он(а) это набирал(а). Потому как разбитая на четыре выплаты сумма (аванс, середина съёмок, съёмки ближе к концу и завершение) больше напоминала состояние счета мужа моей сестры. Утрирую, конечно, богатство Рэйнара Халлорана я себе даже представить не могла, но и такие деньги раньше видела только во сне или в электронном издании «Ричест», в котором пишут о богатейших людях Аронгары.

Виари поплелась за мной к дверям, но я покачала головой, и она снова села.

Потом легла.

За спиной раздался тяжелый вздох.

Я захлопнула дверь, заскочила в лифт и спустя полминуты уже

выбежала на верхнюю парковку, подгоняемая легким ветерком, дующим с океана. Прислонившись к открытой пассажирской дверце, водитель курил и рассматривал что-то на своих ботинках. Заметив меня, выбросил сигарету в мусороприемник и отодвинул кресло, чтобы я могла бросить дорожную сумку на заднее сиденье.

Стоило флайсу оторваться от парковки и устремиться по воздушному рукаву к магистрали, я обернулась на стремительно уменьшающуюся за спиной высоту.

Сказать, что я мало путешествовала, — значит ничего не сказать.

Переезд в Зингсприд стал моей первой самостоятельной поездкой, до этого я отклеивалась от мониторов и планшета, чтобы выбраться куда-то разве что вместе с Имери. Памятная поездка в Зингсприд вместе с Леоной не в счет.

— Далеко собрались? — поинтересовался водитель, молодой парень едва ли старше меня.

— В Ортахарну.

— В гости?

— По делам.

— По делам в воскресенье. — Он прищелкнул языком.

Ага. По делам, в воскресенье.

Съемки предполагали работу без выходных, это тоже было прописано в контракте. Вот кто там говорил, что спорных пунктов больше не предполагается? То есть назначать выходные мог Гроу (по собственному желанию), а так, в целях экономии времени, работать нам предстояло в весьма напряженном графике. Вчера, читая этот пункт, я обнаружила, что заблудилась в днях.

За окнами мелькал просыпающийся Зингсприд, я же не могла перестать зевать.

Кофе попить не удалось, хорошо хоть Шири согласилась приехать в такую рань, чтобы забрать ключи. Вспоминая о ней сейчас, и впрямь почувствовала себя бессовестной скотиной: даже не спросила, как все решилось с ее парнем. Но судя по тому, что выглядела она довольной, у нее все хорошо.

Ладно, приеду — и поговорим.

По-настоящему.

Телепорт в Нэйсхилле — это семь искрящихся под солнцем светоотражающих кубов. Снаружи они казались стеклянными за счет особого покрытия, на самом деле их выполнили из специального сплава, удерживающего телепортационные волны. Эти самые волны, постоянно

активные, перебивали сигналы мобильной связи, теле- и радиовышек, поэтому в Нэйсхилле, кроме телепорта, особо ничего и не было.

Внутри кубов, соединенных между собой многочисленными переходами, располагалась куча терминалов. Не заблудиться в них помогали только голографические табло и указатели, попадающиеся чуть ли не на каждом шагу. Стоило мне оказаться внутри, как над головой под высоченным потолком мгновенно раскинулась реклама. Эскалаторы, траволаторы, лифты, аэроподъемники и толпы народу, все это находилось в постоянном движении и мельтешении.

Четвертый терминал (один из ВИП-терминалов) располагался на самом верху. Туда меня подбросил скоростной лифт, и девушка в серебристо-голубой форме попросила меня предъявить документы. Я как раз протянула ей карточку, когда за спиной раздалось:

— Привет!

— Рихт! — обернулась, встречая широкую улыбку. — Выспаться удалось?

— Относительно. — Он поставил сумку и тоже вручил сотруднице Нэйсхилла (в отличие от Мэйстона здесь телепорт назывался в честь района, а не города) карточку.

— Судя по всему, в ближайшие восемь месяцев это нам не грозит.

Особенно мне, если Гроу выполнит условия сделки. Сценарий он, кстати, прислал, и я даже успела его почитать. Начальные сцены (дальше я пока не забиралась) были очень близки к записям Ильеррской. Если не сказать больше.

Они были очень, очень, очень близки.

С тем же успехом спокойно можно было читать архивы, разве что в них не было раскадровок и расстановки камер.

— Добро пожаловать в Нэйсхилл.

Вежливая улыбка, и девушка указала в сторону широких раздвижных дверей у небольшого эскалатора.

— ВИП-зал, забронированный для терминала номер четыре. Напитки и завтрак включены в стоимость перехода. Приятного телепорта.

Ну, если не стошнит — и то хорошо. Мой организм на телепорты реагировал не самым лучшим образом, как и у большинства людей. Иртханы другое дело, они все-таки повыносливее будут, хотя им тоже не рекомендуется каждый день туда-сюда скакать. Технологию телепорта, кстати, изобрел человек, но драконы быстренько подсустились и заграбастали изобретение. В целом для нашего мира незаменимое.

— Гроу всегда так снимает, — произнес Рихт, перехватывая мою сумку

прежде, чем я успела вякнуть.

— Так — это без выходных?

Под рубашкой-поло бугрились мышцы, на которых я ненадолго залипла. Все-таки что ни говори, а фигура у него просто отпад.

— Да, для лучшего погружения в образ. Во время выходных расхолаживаешься, потом сложнее раскачаться. Особенно когда еще толком не поймал волну переключения между реальностью и образом.

Да-а-а, эта волна у меня порядком сбила... временами.

Про реальность и образы мы поговорить не успели, потому что уже вошли в зал. Просторный, с множеством диванчиков, в большинстве своем занятых: наша съемочная группа прибыла почти в полном составе. Внутри располагались аппараты с прохладительными напитками и сэндвичами. Ряды столиков у окна, видимо, относились к бару, у которого зависло несколько человек, включая Геллу и ее помощниц.

Вот это я понимаю ВИП-обслуживание!

— Всем привет!

Не успела я нацелиться на бар, где углядела кофемашину, как почувствовала на себе пристальный взгляд.

И поняла, что медленно покрываюсь инеем.

Снаружи. А изнутри превращаюсь в угольки.

Мне даже поворачиваться не надо было, чтобы понять, кто это на меня глазеет так, словно тренируется в превращении подчиненных в ледяные скульптуры, заполненные пеплом. Судя по ощущениям, я глотнула пару ложечек свежеизвергающейся лавы.

Поворачиваться не надо было, но я все-таки повернулась.

Чтобы просверлить взглядом затылок Гроу.

— Все. Собираемся, — донесся приказ. — Телепорт откроется через десять минут.

А... кофе?!

Должно быть, взгляд у меня был чересчур говорящий, потому что Рихт направился к бару.

— Паршеррд. Десять минут.

— Я слышал. Мы просто пойдем последними.

Со стороны столиков что-то звякнуло: Гелла поднялась чересчур резко.

Я же отошла к панорамному окну, которое почему-то никого не привлекало, и уставилась на просыпающийся Зингсприд. Змеились тонкими лентами аэроэкспрессы, маяк на Вайовер Грэйс погасили, а сама высотка медленно раскалялась в лучах восходящего солнца. Высотка, принадлежащая правящему Зингсприда Вэйлару Рингисхарру. Брату моей

сестры, как бы пафосно это ни звучало.

Когда все это вскрылось, ее родство с иртханами и прочее, я была в ауте. Ну, слегка. Но даже представить не могла, что мы на самом деле окажемся в разных мирах. Мир иртханов и мир людей, даже существуя рядом, разделен невидимой чертой, за которую меня никогда не пустят.

— Все в порядке? — Рихт протянул мне кофе.

— Ага.

Если можно так выразиться.

— Уже выгрузили? Отлично.

Через плечо обернулась на Гроу, голос которого тоже действовал на меня как-то странно. Низкий, с хрипловато-рычащими нотками.

— Трейлеры, аппаратура? Да, тогда можете выдвигаться. Мы тоже скоро будем.

Вспомнилось, как они с Леоной пели вместе, у них там было несколько дуэтов, но именно «Свобода» потом крутилась у меня в голове еще долго. Подозреваю, что не только у меня, потому что видеозапись крутили по всем каналам, а музыка лилась из каждого неплотно прикрытого унитаза. Эту рок-оперу дублировали во многих странах, но никто не пел так, как они.

Когда Гроу выдыхал «свобода быть с тобой», глядя на Леоу, у меня мурашки по коже бежали. И ладно бы только мурашки, во мне воздух заканчивался, словно его выжгло огнем.

М-да.

О чем я вообще думаю, спрашивается?

— Ух, успел!

К нам подлетел Ленард, перевел взгляд на Рихта с меня и обратно.

— Я тут типа лишний? У вас серьезный разговор?

— У Танни серьезный разговор с собой.

Ага, серьезнее не бывает.

— Вообще-то, я просто задумалась.

— Там народ уже в зал подтягивается. — Парень указал на постоянно открывающиеся и закрывающиеся раздвижные двери. Глаза его возбужденно сверкали. — Я первый раз телепортом, прикиньте? Нет, отец говорил, что мы куда-то ездили, когда мне было три года, но я это только по фотограммам помню.

Свой первый раз я хорошо помню: голова кружилась, как если бы меня пьяный дракон катал. Правда, впечатления пересилили, и я бодро поскакала по городу.

— Идемте, а? — Ленард кивнул в сторону телепортационного зала.

Я покосилась на Гроу, который снова говорил по телефону, и кивнула в ответ.

— Идем. — По дороге поставила блюдце и чашку на барную стойку. — Сколько с меня за кофе?

— Еще раз такое спросишь, — сурово произнес Рихт, — и я с тобой больше не заговорю.

— Ладно, завтра кофе с меня.

Он нахмурился, но ничего не сказал.

В зале (не менее просторном, чем ВИП-зал ожидания) съемочная группа бодрой шеренгой выстроилась перед кольцом телепорта. Если представить себе перевернутое озеро, получится наглядное представление о телепорте. Замкнутое в металле пространство напоминало воду, по которой скользит ветерок или зеркало из жидкого металла. За стеклом в рубке застыли сотрудники телепорта, отвечающие за технику и за сам переход, в том числе за общение с принимающей стороной. Самая ответственная должность: если что-то пойдет не так, они должны максимально быстро среагировать. Телепортационные катастрофы хоть и были крайне редким явлением, но иногда случались.

Портпроводники приглашали к медицинскому сканеру, а затем в коридор, ведущий к переходу. Я протянула документы для проверки, приложила ладонь к панели обследования: стандартная процедура перед каждым переходом. Сотрудники должны убедиться, что мое состояние в норме.

— Ух ты! — выдохнул Ленард, когда мы шагнули в коридор и пошли по мерцающим стрелочкам к гигантскому кольцу.

В зале царил полумрак: на время телепорта отключалось все освещение и аппаратура, кроме необходимой для перехода. Один за другим коллеги исчезали в зеркале, прошел дрессировщик с переноской, в которой возился Дири, за ним Гелла и ее ассистентки.

Ленарда я пропустила вперед, потому что ему не терпелось, а дальше... пришла моя очередь.

Не знаю почему, но в этот момент мне отчаянно захотелось взять кого-то за руку.

То ли потому, что я знала: тошнить точно будет, то ли потому, что отчетливо помнила идиотское чувство одиночества, когда покидала Мэйстон. Бэрри была слишком большая, чтобы мне позволили провести ее с собой, поэтому виари проводили сотрудники грузового терминала.

А Леона не успела попрощаться, потому что у нее была какая-то пресс-конференция.

— Эсса Ладэ. — Бортпроводница кивнула мне в сторону телепорта.

Стоявший сзади Рихт не то почувствовал мое замешательство, не то прочитал мысли. Иначе я никак не могла объяснить, что он накрыл мою ладонь своей, переплел пальцы и первым шагнул в кольцо.

— Добро пожаловать в Ортахарну.

Что? Уже все?

Мне улыбался молодой портпроводник уже в другом городе, а я вдруг поняла, что даже не почувствовала вязкости обволакивающего холодным желе телепорта. Зато отчетливо чувствовала тепло ладони Рихта под своей.

К счастью, он отпустил меня с той же легкой естественностью, с которой сжал мою руку в Зингсприде.

Последним из телепорта вышел Гроу, на ходу командуя, кому, куда и зачем.

Потом мы погрузились в ожидающий нас огромный аэробас (я даже не успела толком рассмотреть виды Ортахарны, пока мы бежали по зданию телепорта на парковку). Ленард запрыгнул к окну и утянул меня за собой, не переставая делиться впечатлениями. Стоило аэробасу взмыть в воздух, как Гроу поднялся со своего места.

— Сейчас мы направляемся прямиком в Саолондарское ущелье. Для тех, кто не в курсе, это заповедник на окраине города. Как вы могли догадаться, во времена Ильеррской там обитали драконы.

Да, неплохо разросся город, если поглотил даже ущелье, до которого Ильеррская и Даармархский добирались часов шесть. Ортхарна возникла на месте древнего города, возле стен которого Теарин когда-то танцевала свой огненный танец. Возникла и за несколько столетий разрослась, оттесняя драконов вглубь пустошей, за дальние горы. С тех пор ущелье, устоявшее даже во время Великого землетрясения (когда половина современной Аронгары обратилась в руины), считается заповедником.

— Съёмки в заповеднике будут проходить около недели, управимся быстрее — хорошо. После шести в ущелье оставаться нельзя, поэтому после этого времени все свободны. Для нас забронирован отель в центре, ближе к вечеру ассистенты сообщат дополнительную информацию по заселению.

Ассистенты?

— Кстати, Танна Ладэ. Твоя ассистентка Мирис Хайм, по всем вопросам (забыла сценарий, голову, бутылку воды, макияж поплыл) и с прочими заморочками — к ней. Мирис?

В самом начале аэробаса поднялась девушка. С крайне кислым выражением лица, надо сказать. Та самая, что бегала хвостиком за

Мелорой.

Вот только этого мне не хватало.

— Познакомились? Отлично. Все правила поведения в заповеднике вам зачитают на входе. Остальное в рабочем порядке. Вопросы?

Вопросов не возникло.

— Супер. Тогда, пока летим, все дружно открываем сцену семнадцать и вспоминаем все, что забыли.

Семнадцать? Это же...

Я рывком вытащила планшет и открыла сценарий.

Память меня не подвела: сцена семнадцать была о том, как Теарин плавилась под ласками Даармархского.

Э-э... а с другой мы начать не могли?

Интересоваться об этом на весь аэробас было бы по меньшей мере странно, поэтому я уткнулась в сценарий. Снимать предполагалось очень натуралистично: во всяком случае, чем больше я читала, тем круглее становились мои глаза. У этого фильма вообще какое возрастное ограничение?!

— У-у-у... а у меня этого нет, — заявил Ленард, который пялился в мой планшет. — У меня вообще облегченный сценарий.

Ы-ы-ы!

— Тебе сколько лет?! — рыкнула я, резво переворачивая планшет.

— Танни, не будь занудой!

— Я не зануда, — сообщила я.

— Да ну? Тогда дай почитать!

— Чтобы мне потом твои родители голову оторвали?

— Не оторвут, — уверенно заявил Сарр. То есть Ленард. — Мы им не скажем. Ну, Т-а-а-ан-ни-и-и...

Ну вот и как быть в такой ситуации?

Нет, я, конечно, понимаю, что у современного подростка тысяча и еще сотня тысяч способов насмотреться на всяко-разное, но это вроде как...

— Развлекаетесь? — поинтересовался Рихт, перегнувшись через спинку сиденья к нам.

— Ага. Танни мне не дает почитать сцену семнадцать.

— И правильно делает.

— Да ну вас! — Ленард надулся и отвернулся к окну.

А я почувствовала, что слегка краснею под изучающим взглядом Рихта.

Я.

Слегка краснею?!

— Почитаю еще, — буркнула я и опустила глаза.

— Не забудь планшет перевернуть, зануда, — донеслось с соседнего сиденья.

Я не нашла ничего лучше, как развернуться спиной к проходу, подтянуть ноги к себе и пристроить планшет на коленях. Вчитываться в такое оказалось крайне сложным делом, потому что мне не только реплики приходилось запоминать, но еще и ежеминутно представлять, как это вообще будет выглядеть. Точнее, как оно должно выглядеть.

Сцена семнадцатая начиналась с того момента, когда Теарин выходит на берег и видит Даармархского во всей красе. Ну и дальше по тексту. Учитывая, что это была за сцена и что мы все-таки не в порно снимаемся, действие перенесли с берега в воду. Но менее натуралистичным оно от этого не стало.

Мм... да-а-а...

И как прикажете мне это изображать?

На моменте «ладонь под туникой» я зажмурилась и помотала головой, стремясь избавиться от слишком яркой картины.

Чтоб.

Тебя.

Гроу!

Я должна была это прочитать ДО подписания контракта.

Поверх колен и головы Ленарда глянула в затемненное от солнца окно: Ортахарна не такая «высокая», как Мэйстон или Зингсприд, потому что местность здесь холмистая. Строить такие высотки, как в большинстве городов Аронгары, не получится по технике безопасности, здесь даже аэромагистралей всего две. Мы шли по верхней, но высота все равно была приличная.

— Заповедник! — воскликнул Ленард, приподнимаясь.

Я тоже невольно вытянула шею, чтобы увидеть приближающийся островок природы на окраине мегаполиса. Впрочем, островок — это слабо сказано. Островина, если не сказать островище. Обойти Саолондарский заповедник бодрым шагом можно за пару-тройку дней, включая ночи, но делать это запрещено. В него вообще запрещено углубляться, чтобы природа оставалась нетронутой. Собственно, он больше напоминает огромный парк, территория которого раскинулась на множество километров.

Сунула вспотевшие ладони между коленей.

— Знаешь, почему Саолондарский? — Рихт снова приподнялся.

— Почему?

— Есть такая легенда со времен первых иртханов: об иртхане Саолондаре и простой девушке, которую он полюбил.

Я скептически фыркнула, но Рихт все равно продолжал:

— Они познакомились на этом самом месте, где стоит ущелье и начинается река. Иртхан полюбил девушку и решил взять ее в жены, но этому браку воспротивилось все ее окружение.

Ну, разумеется.

— Ее похитили и увезли в ночь перед тем, как они должны были дать друг другу брачные клятвы. Утром Саолондар пришел в храм, но ему принесли написанное ее рукой письмо, в котором сообщалось, что она полюбила другого и хочет провести всю свою жизнь с ним. Вне себя от горя и ярости он отправился на место их встречи, обернулся драконом и парил над землей, выжигая все огнем и превращая в пепел. В миг, когда осознал, что теряет человеческий облик, пожелал обратиться в камень, чтобы не чувствовать боли предательства и не навредить ей. Саолондар опустился на землю, издал свой последний рык, от которого превратившееся в камень тело дракона раскололось на две части. Так возникло ущелье.

Почувствуй себя двоечницей, называется. Живу в Аронгаре я, а легенду Саолондара мне рассказывает Рихт.

— Никакой надежды на хеппи-энд, — сказала мрачно. — А с девушкой что стало?

— Она сумела сбежать, вернулась, но было уже поздно. Когда она поняла, что ее любимый обратился в камень, пообещала, что будет с ним вечно. Поскольку слезы рекой текли из ее глаз, она сама обратилась в реку. Если посмотреть сверху, река обнимает Саолондарское ущелье. Так что хеппи-энд все-таки был.

Убиться, какой хеппи.

— Было пророчество, что благодаря силе их любви это место простоит до скончания веков. Так и случилось, даже землетрясение не смогло его разрушить.

— Заслушаешься. — Язвительный голос Гроу выдернул меня из легкой прострации. — Но если что, уже пора выходить.

Что, уже?!

Даже не заметила, как мы сели.

Дракон меня раздери, я туда не хочу.

Вот так, нехотя, я выгрузилась вместе с остальными из аэробаса и оказалась у входа в заповедник. Пока ассистенты суетились с пропусками, осматривалась, стараясь не выдавать нарастающего напряжения.

Одно дело играть Теарин, совсем другое — возбужденную Теарин.

Ы-ы-ы.

По территории Саолондара можно было передвигаться исключительно на внутреннем транспорте, поэтому к месту съемки мы летели на открытых аэрокарах, управляемых сотрудниками заповедника. Внизу раскинулась нетронутая цивилизацией пустошь, только без драконов. Ущелье действительно чем-то напоминало застывшего зверя, расколотого на две части, а сразу за ним начинались река и зелень. Деревья, не высаженные и не выращенные людьми, растущие сами по себе.

Да-а-а, такое в нашем мире нечасто увидишь.

Точно так же, как редко бываешь в местах, по которым путешествовали еще в древности. Попыталась увидеть это место глазами Теарин: прекрасное и в то же время мрачное, потому что каждый пройденный метр отделял ее от свободы. На миг даже дыхание перехватило, когда представила раскаляющийся под солнцем камень и скрип колес повозки.

В реальности волосы трепал ветер, и я искренне пожалела, что не заплела косу или хотя бы не заколола их, как обычно. Куда они только мне не лезли: когда в очередной раз отвела хлестнувшую лицо прядку, поймала на себе взгляд Гроу. Драконы, судя по всему, так смотрят на что-то съедобное: через пристальный прищур, плавающий жертву еще до медленного поджаривания.

По телу прошла странная дрожь, и я отвела взгляд.

Мне сейчас не до мыслей о плавильных установках, разобраться бы со сценой номер семнадцать.

Трейлеры со всем необходимым уже были установлены неподалеку. Передвигать их, как выяснилось, тоже было нельзя, поэтому нам предстояло то еще развлечение. В один из таких меня загнали гримироваться. Мирис, которая ни слова не проронила со времени нашего знакомства, устроилась на складном стульчике с по-прежнему кислой физиономией.

У Геллы, впрочем, была не лучше. Бирек с нами не поехал, поэтому моими волосами занималась она. Честно, я думала, из меня выдерут все: понимаю, что ветер запутал их так, что мало не покажется, но главная по гриму Ильеррской, очевидно, вознамерилась превратить меня в лысую.

— Осторожнее можно?! — рыкнула я, когда мне на глаза в очередной раз навернулись слезы.

— Можно, — оскалилась Гелла.

И так дернула щетку, что я чудом не рассталась с прядью.

Скрипнув зубами, уткнулась в планшет, разучивая реплики и стараясь не читать то, что между ними. Почему-то мне казалось, что грим Ильеррской должен быть проще (ведь ехала она уже без узоров), но я ошибалась. «Простой» грим делался ровно столько же, сколько сложный, на мою косу угрожали времени едва ли меньше, чем на укладку, равно как и на макияж. Когда наконец принесли костюм (тунику свободного кроя с пояском, шаровары и туфельки с круглыми носами), облегченно вздохнула.

Впрочем, ненадолго.

Съемочная площадка, в которую превратили берег реки и рощицу, откуда Ильеррской предстояло выйти, вогнала меня в состояние «дышите глубже». Так же, как и устроившийся на стуле Рихт в халате на голое тело. Финальной точкой глубокого аута оказался Гроу, который рассматривал меня, стоя у камеры. Камер здесь вообще было столько, что не продохнуть: верхние радиоуправляемые, обычные, справа, слева, даже для съемки в воде.

Я поняла, что ни двинуться, ни вздохнуть не могу.

С какой-то радости (видимо, от ветра) одна прядь упала Гроу на лицо, подчеркивая хищный разлет бровей. Глаза, потемневшие на солнце еще больше, резкие черты и стильная «стальная» рубашка навывпуск. Даже под ней угадывались мышцы, твердость которых я очень хорошо помнила с ВИП-ложи.

Пальцы в карманах темно-синих джинсовых брюк, ноги широко расставлены.

Взгляд в упор.

Взгляд хозяина жизни. Как у Лодингера. Только виаров не хватает.

«Знаешь, Таннюш, что я хочу с тобой сделать?»

Камеры.

Повсюду.

Перед глазами возникла затемненная спальня, в которой я выгибалась под ласками Мика.

«Трахать тебя было даже не весело».

Понимая, что меня охватывает паника, медленно попятилась. Я не смогу это сделать на камеру.

Не смогу.

Только не на глазах у Гроу. Не на глазах у них всех.

Нет.

Успела увидеть, как медленно поднимается Рихт.

Как Гроу шагнул ко мне.

А потом развернулась и бегом бросилась назад. Мимо трейлеров в

рощицу, с которой должна была начаться сцена. Все дальше и дальше от камер, съемок и предстоящего мне интима. До той минуты, пока не зацепилась за что-то ногой и не поняла, что падаю. Прямо лицом на вздыбившиеся над землей корни.

Инстинктивно выставила вперед руки, но кончики пальцев даже не успели коснуться земли: резкий рывок назад впечатал меня спиной в быстро бегающего дракона. Очень быстро бегающего дракона, запах которого ударил с той же силой, что и наше столкновение.

— Далеко собралась? — прорычали мне на ухо.

— Пусти!

Рванулась и, очутившись на свободе, оказалась лицом к лицу с ним.

— Пожалуйста, — хмыкнул Гроу. — За то, что твоя физиономия осталась целая.

— Не за что.

Можно подумать, если бы не съемки, ему было бы дело до моей физиономии.

— Теперь, когда разобрались с благодарностями: какого набла?

Он шагнул вперед, и я подавила желание отступить. Потому что, помимо режиссерско-начальственной морды (хмурой, как небо над зимним Мэйстоном), от него исходило нечто такое... звериное. Из-за этого у меня даже волосы зашевелились на затылке, а сердце дернулось назад и вжалось в ребра.

— Никакого, — буркнула я и попыталась его обойти.

Ага, сейчас.

Он преградил дорогу едва уловимым хищным рывком. Столь быстрым, что я чудом не влетела в него.

Мне бы такую реакцию!

— Туда мы вернемся только для того, чтобы сыграть, Зажигалка. И только когда ты будешь к этому готова. Что не так?

Ну нет.

Разговаривать на эту тему с ним я не стану.

— Все так. Просто кто-то забыл меня предупредить, что в сценарии предполагаются откровенные сцены.

Желание отступить с каждой минутой становилось все более непреодолимым. Не столько потому, что его присутствие действовало на меня, как вяленое мясо на виара, то есть доводило до трясучки, заставляя прощаться со всеми доводами разума, сколько потому, как он сейчас смотрел. Смотрел так, что по коже текли волны огня, собираясь в груди пьяным обжигающим костерком, разгорающимся под его взглядом все

сильнее. Иртханы способны управлять не только драконами, но и стихией, я в курсе. Вот этой самой стихией я себя сейчас и чувствовала. Подхваченной его волей на короткий поводок.

— Что не так с откровенными сценами? — поинтересовался он.

Своим хриплым низким голосом.

— То. Я не собираюсь изображать страсть. Не могу и не стану. Ставь дублершу, что хочешь делай. Это не мое.

Гроу прищурился:

— Ты внимательно читала контракт?

Внимательно. В нем прописано, что в сценах, несущих в себе риск для жизни, на съемки приглашаются дублеры.

Не знаю, как это выглядит со стороны, но сцена угрожает моему здоровью.

Психическому.

— Слушай, я должна была прочитать сценарий до подписания контракта. Ты мне его не давал.

— Ты не просила.

— Что?! Ты, набл тебя раздери, сказал: подпишешь — получишь сценарий.

— Сценарий ты получила. Если не ошибаюсь, вместе с контрактом. ДО его подписания.

У меня зачесались руки. Сильно так зачесались, хотя, по сути, он был прав. Сценарий я получила вместе с контрактом, просто так заиклилась на последнем, что заглянула в него уже после подписания. И честно говоря, я даже не представляла, что меня так размажет при мысли о любви на камеру.

Стоило об этом подумать, как желудок сжался, а по телу прошел озноб.

Я не пойду туда.

Нет.

— Ты меня не заставишь это сыграть. Хочешь неустойку? Вычти из моего гонорара.

Развела руками.

— Значит, нет? — Гроу прищурился.

— Нет.

— О'кей. Значит, у нас два варианта, Зажигалка. Или ты срываешь съемочный день, и мы забываем нашу договоренность о спецэффектах...

— Что?!

— Или ты выполняешь без дублерши трюк с танцем. Взаимозачетом.

А?

Трюк с танцем?

Гроу развернул меня за плечо и указал на небольшой уступ на возвышении.

— Лезешь вон туда. Танцуешь. Спускаешься вниз. И я даю тебе дублершу на все горячие сцены.

Наверное, у меня мозги в этот момент отключились, потому что я кивнула:

— По рукам.

— Отлично. Расплетай волосы. — Гроу направился к берегу, откуда я только что прибежала. — В Ортахарне чуть прохладнее, чем в Зингсприде.

Да, это я успела заметить: солнце хоть и поднялось, такого пекла здесь не было. Я бы даже сказала, было слегка свежо.

— В реке будет еще прохладнее. Поэтому готовься. Теарин танцует после «водных процедур», так что тебе придется окунуться.

Сдается мне, прохладная река — это не самое страшное.

— Камеры будут над тобой, сзади и справа. Правило «не смотреть» помнишь? Поэтому просто поднимайся и танцуй.

Чтобы просто станцевать, надо еще умудриться туда влезть.

Я споткнулась на ровном месте.

— Я не читала сцену восемнадцать.

— Что?

— Я. Еще. Не читала сцену восемнадцать.

— Архивы Ильеррской читала?

— Читала.

— Этого достаточно.

Когда мы вышли на берег, вся съемочная группа пребывала в слегка возбужденном состоянии. Рихт стоял, обхватив себя руками и нахмурившись, но тут же шагнул к нам.

— Все вопросы потом. Зарх! — Гроу вскинул руку, указывая подскочившему мужчине себе за спину. — Страховку на камни, подъем и спуск, камеры и технику туда же. Перемещаемся в срочном порядке, снимаем восемнадцатую.

Рихт нахмурился еще сильнее:

— Джерман, ты вообще о чем? Эйзер только завтра появится.

— Она нам не понадобится. По крайней мере, не здесь. Танни будет играть без дублерши.

— Ты рехнулся? — угрожающе тихо спросил Рихт. — Там голые камни и страховка для каскадера.

Гроу сунул руки в карманы и шагнул к нему:

— Если мне понадобится твой совет, Паршеррд, я спрошу его. В следующей жизни. Ладэ, ты почему еще на берегу?

Наверное, его голос и вышиб меня из прострации. Окончательно.

По крайней мере, сейчас я окончательно осознала, на что подписалась: забраться вон туда и станцевать. Не успела сделать и шага, как ладонь Рихта легла на мое плечо.

— Танни, вы оба психи, но я все-таки спрошу еще раз: ты уверена?

— Абсолютно.

На самом деле уверена я не была. Мне доводилось на спор карабкаться без шлема и защиты на самый высокий скалодром Мэйстона, но здесь передо мной будет почти отвесная скала, уступ которой снизу казался недостижимым.

Рихт медленно разжал руку и внимательно посмотрел мне в глаза:

— Если ты упадешь, я его убью.

— Если я упаду, мне будет уже без разницы.

Попытка сунуть руки в карманы закончилась ничем, поэтому я решительно шагнула в воду. Сказать, что было холодно... ну, для той, кто купался в Гельере, вполне даже сносно.

— Голову запрокинь! — скомандовал Гроу.

Запрокинула, чувствуя, как тяжелеют пряди в воде.

— Достаточно. Давай назад.

Я выползла на берег, прошла мимо Рихта.

— Танни... — Он коснулся моей руки.

— Увидимся.

Не оборачиваясь, направились следом за Гроу. С каждым шагом, приближавшим меня к скале, сердце все сильнее бухало о ребра. С таким звуком, наверное, стенобитные тараны в древности крошили ворота крепостей. Адреналин, бурлящий в крови, растекался по телу: легкое покалывание от пяток до макушки эхом отдавалось на каждом выдохе. Я чувствовала, как хрустят под ногами ветки, и каждый хруст эхом отдавался во мне.

Гроу вышагивал рядом, отсюда было видно, как у камней суетится съемочная группа.

— У нас есть максимум два-три захода, чтобы снять сцену. После каждого дубля придется переделывать прическу, а через пару часов солнце уже критично сдвинется, и это никоим образом не будет похоже на рассвет. Имей в виду.

Имею. И в принципе представляю, что такое даже спецэффектами не

доработашь.

— Стартовая точка вон там. — Он указал в сторону скалы, где два деревца стояли так тесно, что сплелись ветвями. — Садись на землю, подтягиваешь к себе колени. Полминуты на раскачку, дальше все по сценарию. Все понятно?

Ы.

— Да.

Следом за нами подтянулись и остальные, включая ассистентов. На меня снова все смотрели, но уже немного иначе.

Туфельки мне заменили на абсолютно сухие, с ребристой подошвой.

— Отлично. Тогда все в том же режиме, что и в павильоне. Все на позиции.

Моя позиция начиналась там, куда мне ткнул Гроу. У подножия скалы.

— Мешок! — рывкнул его драконейшество.

И мне тут же притащили мешок, который Теарин брала с собой к реке.

Голова как-то странно кружилась (наверное, надо было попросить Мирис принести хотя бы сэндвич в гримерку), дыхание сбивалось, а перед глазами то и дело темнело.

Теарин.

Я напомнила себе о той, что пришла сюда в поисках спокойствия, но так и не смогла его обрести. Окунулась в ее чувства, в мир, который остался в далеком прошлом, хотя, возможно, она действительно сидела на том самом месте, где сейчас сижу я. Взглянула на дерево, с которого было легко перепрыгнуть на изъеденный щербинами камень.

Мне надо сделать это с первого раза, потому что на второй такой подвиг я не способна.

— Приготовились.

Сердце почему-то билось рывками.

— Полетели!

— «Танцующая для дракона», сцена восемнадцатая. Дубль первый.

«Потому что все, что нас не сожгло, нас закаляет».

Эта мысль Теарин подбросила меня на ноги. Эта же мысль заставила подумать о том, что с первого дубля у меня ничего не получится. Просто потому, что от мира Ильеррской я сейчас была безумно далека.

Тем не менее команды «стоп» не было, и я направилась к дереву. Ухватила за ветку, легко подтянулась на руках, оттолкнулась от ствола и взлетела вверх. Стоять здесь, чувствуя под пальцами живую кору, было непривычно (у нас в парках за такое полагался дикий штраф), поэтому ненадолго задержалась. Чтобы потом подняться еще выше. Еще и еще.

Щербина камня скалилась мне из-под прикрытых трещин-глаз, рядом с ней пристроилась вторая. Отсюда стартовать будет легче всего.

Я шагнула практически в воздух, хватаясь за намеченную опору, всем телом втекая в камень. Холодный — с этой стороны солнце до него не добиралось.

Помню, как впервые в жизни я забралась на крышу нашей недовысотки и подошла к самому краю. Дома в этом районе были небольшой этажности, но даже тридцать этажей показались мне тогда чуть ли не зданием «Гранд Пикчерз». Я влезла на парапет, шагнула за перила и встала на самый краешек. Всей подошвой туфелек ощущая удерживающую меня зыбкость.

А потом медленно пошла вдоль ограждения.

В тот день я пообещала себе, что пройду по краю и не упаду: так гораздо проще было справиться с тем, что случилось.

С тем, что мама ушла и больше никогда не вернется.

Когда поднимаешься, только вверх и стоит смотреть: все, что внизу, неизменно будет тянуть тебя за собой. Обратно потянет даже осознание того, что ты держишься за очередную выбоину в камне кончиками пальцев. Поэтому я поднималась, не задерживаясь: видела следующую возможность ухватиться — хваталась — взбиралась выше.

Если бы о том случае узнала сестра, мне бы влетело не по-детски. Леона быстро повзрослела: из светловолосой девчонки с тугой косой, за которую я любила цепляться, а потом очень быстро убегать и строить сестрице рожи, превратилась даже не в девушку, в женщину. С той минуты, когда мой папаша решил, что ему слишком тяжело о нас заботиться, и слился в неизвестность, а мы остались одни.

Ветер подхватил волосы и швырнул мне на лицо в тот миг, когда я почти дотянулась до края уступа. Дыхание перехватило, пальцы скользнули по острой крошке, и я замерла.

«Потому что все, что нас не сожгло, нас закаляет».

Это были жуткие дни.

Жуткие для меня, потому что я лишилась и отца тоже. Представляю, какими они были для Леоны: ей нужно было думать о том, чем кормить меня, что поесть самой, как заплатить за мое обучение и за квартиру. Как совместить работу в магазине и выпускной класс.

Если мы пережили такое, как так случилось, что я позволила этому дерьму по имени Лодингер превратить мою жизнь в скопище страхов и комплексов?

Плавнo подтянулась и взлетела на уступ.

Вытянулась в струну, сбрасывая напряжение из тела, позволяя себе почувствовать свободу от всей той дряни, что годами копилась во мне, затягивая все глубже и глубже, мешая дышать. Обернулась к реке: отсюда она просматривалась хорошо, сверкающая на солнце лента, напоминающая летящий над городом аэроэкспресс.

Каждая клеточка тела пульсировала от бурлящего во мне адреналина. Кровь кипела, гулким эхом билась в висках, и тогда я отвернулась. Запрокинула голову, позволяя солнцу ударить в глаза, раскинула руки и окунулась в звучащую во мне мелодию. Это однозначно было что-то тяжелое, потому что резкое движение руки и уход в сторону отозвались в теле рывком, подхваченным волной танца.

«Ты и я. Завтра вечером. Что скажешь, Танна?»

Пошел ты!

Я не сказала ему так сразу, когда Лодингер впервые ко мне подкатил, зато говорила сейчас. Движениями, больше напоминающими зигзаги в ритме каких-то дикарских плясок вокруг костров. Яростью вскинутых рук и вонзающихся в небо кончиков пальцев, звенящих от напряжения.

Разворот — и из-под ребристой подошвы сыплется каменная крошка, подхватываю ветер и втекаю в него вслед за летящими в сторону волосами.

«Завтра твой день рождения, Таннюш. Что ты хочешь в подарок?»

Пошел ты!

Падение вниз, когда я прогнулась в спине и стекла прямо в каменную пыль, хрустящую под ногами. Водопад волос на мгновение отрезал меня от мира, а затем взмыл ввысь и рассыпался сотнями сверкающих нитей. Я двигалась вслед за ними, взлетая и опадая, как сорвавшаяся с инструмента натянутая струна, беспорядочно вспарывающая воздух в ритме собственного звучания.

Набирающего силу, скорость и ритм, все быстрее подталкивающего меня к краю уступа. Все ближе, ближе и ближе — туда, где обрыв уводит на землю к стремительно уходящему вниз скользкому камню.

«Секс с такими, как я, тебе светит разве что в виртуальной реальности».

Пошел ты!

Выпад — и рывок вперед вслед за руками, в движении расходящимися в стороны для баланса. Текучей волной замираю на границе, удерживающей меня над пропастью. Пропастью, в которую так легко соскользнуть.

Движение вправо.

Выдох.

Из-под туфелек осыпается каменная крошка, а я улыбаюсь.

Знаю, что этого не было у Ильеррской, но сейчас мне так хорошо, как никогда раньше. Сердце стучит в груди, его ритм отдается в каждой клеточке тела, собираясь на кончиках подрагивающих пальцев.

Движение влево.

Вдох.

Что-то хрустит под стопой, носочки чуть проваливаются вниз, но я легко возвращаю их назад, удерживая едва уловимый в таком положении баланс. А потом срываюсь на вихрь, бегущий вдоль кромки обрыва, когда поворачиваюсь к нему спиной, умираю и возрождаюсь.

Снова и снова.

Мне хочется кричать, смеяться и плакать, и в каждом движении мой ответ Лодингеру.

Да пошел ты!

Дыхание подхватывает ветер, и я рывком отбрасываю себя от края.

Рвется невидимая нить, и вместе с ней рвется что-то во мне, отдаваясь в ушах еле слышным звоном. Замираю и стекаю вниз прямо в каменную крошку и пыль. Ладони дрожат, как и я вся, но именно они меня держат, не позволяют окончательно рухнуть на уступ.

А впрочем...

Медленно вытягиваюсь на боку, повторяя изгибами тела какую-то неведомую мне странную фигуру. Дыхание медленно восстанавливается, я понимаю, что дубль бессмысленно запорот, а команду «стоп» я наверняка упустила, когда танцевала, но мне уже все равно. Настолько все равно, что не хочется ни шевелиться, ни что-либо говорить, ни спускаться.

Но спуститься все-таки надо, потому что у нас с Гроу соглашение.

Может, я и не была Ильеррской, но я выполнила трюк без дублерши.

Волосы путаются, поэтому я выдергиваю пояс туники и плотно заматываю их, чтобы не мешались. А потом шагаю к краю и начинаю спускаться.

Отсюда кажется, что внизу никого нет, а камень под пальцами просто гудит. Хотя, возможно, это я сейчас напоминаю улей или высоковольтные провода. Во мне столько энергии, столько силы, что спуск кажется до невозможности легким. Не знаю почему, но сейчас чувствую тепло даже через одежду, это тепло отзывается во мне, бьется о камень, сводит с ума.

Первозданная дикая мощь.

Стихия танца, по сравнению с которой даже самое высокое пламя не всегда кажется ярким.

Перекидываюсь на дерево, по веткам стекаю на землю, но внизу

действительно никого нет. Единственное, за что цепляется взгляд, — мешок с вещами, бесформенной кучей валяющийся внизу.

У меня глюки или как?

От дурацкого вопроса: «Эй, где все?» — удерживает только нежелание напороться на насмешки Гроу.

Подхожу. Наклонившись, подхватываю реквизит и в этот момент слышу:

«Стоп. Снято!»

— Танни, может, слезешь с перил? — поинтересовался Рихт, сложив руки на груди.

Поскольку появляться вместе где бы то ни было нам нельзя по контракту, вечером он пришел ко мне в номер.

— Тебя это беспокоит? — фыркнула я.

— Меня беспокоит то, что я дал тебе подняться на уступ.

— А ты мог этому помешать? — Я приподняла брови.

— Мог. Наверное.

Рихт приблизился и оперся ладонями о металлические перила.

— Да ладно тебе. Здесь даже не высоко.

Он покачал головой.

— И вид отсюда классный.

— Для этого обязательно сидеть на перилах?

Неожиданно для себя перекинула ногу через ограждение и спрыгнула на балкон.

— Спасибо, — произнес он.

— Всегда пожалуйста.

Раньше и не подумала бы спускаться, а сейчас... что-то изменилось. Во мне.

Может, после того, как услышала «Стон. Снято!».

А может, после того, как с тихим жужжанием за мной опустилась камера. Передо мной тоже. И сбоку.

Выступивший из-за изгиба скалы оператор и его ассистенты выглядели слегка бледными и вспотевшими. У главного тряслись руки, остальная вывалившаяся за ними толпа просто пялилась на меня и синхронно моргала. А может, и не моргала вовсе, этого я в ту минуту точно сказать не могла: по ощущениям, мои ресницы подтянули за невидимые ниточки, из-за чего глаза стали больше и выразительнее.

Надеюсь, что не как у виаренка из того мультика, над которым я работала.

Рихт тоже был среди них, и он единственный стоял в отдалении.

Хотя нет, не единственный. Гроу прислонился к дереву, сунув большие пальцы в карманы джинсов. Обманчиво расслабленный, но под снайперским прицелом его взгляда меня чудом не зашвырнуло обратно на скалу. Огненным гейзером, не иначе.

— Как ты вообще на такое решилась? — поинтересовался Рихт.

— Гроу пообещал мне дублершу на сцену номер семнадцать. — Я облокотилась о перила, глядя на раскинувшийся внизу город.

Сегодня Ортахарну посмотреть не удалось: сразу после съемки танца меня отправили домой, то есть в отель. В номере я упала на кровать и проспала часов восемь, разбудил меня звонок Рихта, с которым мы договорились встретиться ближе к вечеру (после съемок он хотел с кем-то пересечься в городе).

— Что не так со сценой номер семнадцать?

Гроу тоже это спрашивал.

Точнее, спрашивал до того, как я поднялась на скалу, после просто сообщил, что на сегодня я свободна и по всем интересующим меня вопросам могу обращаться к своей ассистентке. Поскольку ни она, ни я не грезили продолжением общения, я решила отложить все до завтра.

— Мне казалось, что я с ней не справлюсь.

— А теперь?

Хороший вопрос.

На том уступе я оставила большую часть своих страхов, они выгорели из меня на краю обрыва или во время танца, от которого дымилась аппаратура. Это один из операторов так сказал, съемочная площадка вообще гудела от обсуждения случившегося, но я мало что запомнила из звучащих вокруг меня разговоров.

Разве что еще комментарий Гроу:

— Супер.

И поднятый вверх большой палец.

Наверное, в его исполнении это была самая грандиозная похвала, которую только можно себе представить, а потом над заповедником громыхнули аплодисменты. Гроу указал мне за спину, и я развернулась лицом к съемочной группе: усиленные пространством овации разносились над нами, находя подтверждение в восхищенных улыбках. Не хлопали разве что Мирис и Гелла. Первая вообще слилась со скалой, вторая сунула руки под мышки, как если бы пыталась их там удержать.

Потом развернулась и направилась в сторону трейлеров, при этом чудом не снесла Рихта.

— Думаю, дублерша мне не понадобится.

— На сцену номер семнадцать?

— Вообще.

— Ты сейчас про сцены с Даармархским, я надеюсь?

Город под нами не был похож на все, что я видела раньше.

Мне здесь не хватало высоты и возможности дотянуться до неба. Хотя сдается мне, дотянуться до неба можно даже с земли. Если очень постараться.

— Нет.

— Танни.

Рихт повернулся ко мне, я это чувствовала. Его взгляд скользил по моему профилю, по крайней мере, мне это так представлялось. А может быть, по плечам и ниже: танец над обрывом разбудил во мне что-то новое, какую-то особую чувственность. По сравнению с ним все предыдущие попытки потанцевать казались жалкими потугами старшеклассницы, дергающейся в своей комнате под тяжелую музыку.

— Скажи, что ты это не серьезно.

— Я это серьезно.

Повернулась к нему, чтобы встретить пристальный взгляд: глубокий и пронзительный.

— Ты хоть понимаешь, какой это риск?

— Когда я соглашалась на Теарин, я хотела стать ею.

В другое время и с кем-то другим я бы и не подумала объясняться, но рядом с Рихтом все было иначе. Сейчас все было иначе.

Мне больше не нужно было никому ничего доказывать, в том числе и себе.

Я просто хочу пройти ее путь вместе с ней.

— Ты сумасшедшая, — наконец выдохнул он. Когда осознал, что я действительно не шучу.

— Есть немного, — фыркнула. — Но если это тебя утешит, прежде чем пойти с таким заявлением к Гроу, я намерена прочитать сценарий.

— Да ты что? — Рихт покачал головой.

— Обязательно прочитаю, — кивнула.

Мы еще немного поболтали о грядущих съемках, а потом он ушел.

В Ортахарне времени на два часа меньше, чем в Зингсприде, поэтому спать мне не хотелось от слова «совсем». Впрочем, я выспалась днем, но это были детали. Главное, у меня впереди вся ночь, чтобы прочитать сценарий и архивы Ильеррской, потому что, как бы ни было велико искушение, подписываться, не зная, на что, я больше не намерена.

Выключила свет, оставив балконную дверь открытой: несмотря на тянущуюся с улицы прохладу, запечатываться внутри не хотелось. Уселась на кровать, захватив бутылку воды из мини-бара, подтянула к себе планшет. Немного посмотрела на отражение ортахарнских огней в панорамных стеклах, а потом сорвала мобильный с настенной зарядки.

До того как я поднялась на эту скалу, для всех я была просто сестричкой Ладэ.

Когда спустилась, имя Танна Ладэ уже не нуждалось в представлениях. По крайней мере, для большинства участников съемочной группы.

Пролистала до номера Гроу, написала: «Спасибо» — и нажала «отправить».

Очень быстро, потому что боялась, что передумаю.

Подтянув колени к груди, задумчиво смотрела на темный квадрат плазменной панели на стене. Минуту, две или десять.

Не знаю.

Не ждала же я, что его драконейшество мне ответит?

Фыркнув своим мыслям, покачала головой и снова подтянула к себе планшет. Загрузила сценарий и архивы Ильеррской в режим быстрого просмотра, и в этот момент экран мобильного засветился.

В сообщении было всего два слова:

«Обращайся, Зажигалка».

ГЛАВА 12

Даармарх, Огненные земли Теарин

Любая дорога рано или поздно подходит к концу, но эта показалась мне бесконечной. За время путешествия сквозь пустоши драконы кружили над нами не раз, но вниз больше не спускались. К счастью, Даармархский ко мне не приближался, нам с Сарром даже позволили спать в повозке, над которой натягивали плотную ткань. Лишь изредка я ловила на себе его взгляды: тяжелые, огненные и понимала, что дни покоя — это просто отсрочка. Почему он не трогал меня сейчас, оставалось загадкой, которую мне решать не хотелось.

Я наслаждалась отпущенной мне свободой, каждой ее минутой. Слушала рычание, ночами бьющее в землю, когда драконы подходили близко. Смотрела, как ночь озаряют всполохи огня, и чувствовала себя безгранично счастливой. В такие минуты их пламя становилось моим, я парила вместе с ними, все выше взмывая в небеса или пикируя вниз, чтобы исторгнуть яростный рев, раскрывающий всю глубину звериной мощи.

Спустя восемнадцать дней, миновав пробитый в скале ход, мы въехали в широко раскрытые ворота Аринты. Издалека город, надежно укрытый за кольцом гор, даже не было видно, зато сейчас он готовился раскинуться передо мной во всей красе. Площадь перед воротами, с которой начиналась столица Даармарха, представляла собой камень, вокруг которого смыкались высокие стены с защитными укреплениями: для встречи незваных гостей. Хаальварны выстроились шеренгами, образуя живой коридор.

Их можно было принять за статуи, даже несмотря на то что плащи подхватывали порывы ветра. Стоило Даармархскому приблизиться, их приветственный возглас («Хаарх!») «подхватили» вскинутые копья, образовавшие над головой правящего защитный частокол. Вторая рука каждого из воинов покоилась поверх кольчуги на сердце: этот жест означал, что каждый из них готов отдать за своего повелителя жизнь.

— Теа! — Сарр вцепился в бортики, когда наша повозка поравнялась с воинами. Глаза его возбужденно сверкали. Вопреки тому, что с каждой минутой приближения к Аринте он все больше и больше мрачнел, сейчас я всей кожей ощущала его волнение и нетерпение. Могу себе только представить: когда погиб отец, Сарр был еще совсем ребенком, воинская

обязанность и долг иртехана обошли его стороной, поэтому сейчас он напряженно впитывал каждую деталь, каждый жест, каждое выражение на застывших лицах мужчин.

Стоило повозке войти в живой коридор, копыта ударились о землю, ладони хаальварнов легли на щиты, стоявшие у их ног.

Глубоко вздохнула, стараясь отрешиться от предстоящего.

За сквозной аркой слышался шум: стоило хаальварнам распахнуть перед Даармархским ворота, с городской площади хлынули возбужденные голоса. К копытам дрангхатри полетели живые цветы, в воздух взвились бесчисленные яркие ленты. Мужчины, стянувшие головные уборы, женщины с малышами на руках, девушки и парни помоложе, дети и старики: казалось, вся Аринта стеклась на площадь, чтобы встретить правящего. С каждой минутой гудящее многоголосье нарастало, пестрая толпа, приветствующая Даармархского, становилась все плотнее. Сдерживали ее только воины, не позволяющие приблизиться к иртехану и к его сопровождению.

Когда правящий вскинул руку, на миг воцарилась тишина, а потом город взорвался криками и овациями. Девушки заливались краской, стоило Даармархскому взглянуть в их сторону. Он едва ли обращал на это внимание и уж тем более не выхватывал кого-то одного из толпы, но глаза их все равно сияли. Чистой, искренней радостью, восторгом, которые нельзя подделать. Иногда взгляды цеплялись за нас, и тогда на лицах читалось недоумение, вопросы, неприкрытая зависть.

А ведь любая из них с радостью стала бы его наложницей.

Мысль об этом отзывалась глухим раздражением.

— Теа? — Сарр коснулся моей руки, и я поняла, что непроизвольно вцепилась в бортик повозки.

Перед въездом в город я просила у Даармархского возможности войти отдельно в сопровождении хаальварнов, но он отказал. Сказал, что в Аринту у меня два пути: либо в повозке, либо перекинутой через седло дрангхатри.

Как ни крути, вещь.

Но так хотя бы без именной принадлежности.

— Все в порядке, — коротко улыбнулась и разжала пальцы.

Ни к чему лишний раз нагнетать, Сарр и так готов броситься на Даармархского. Я читала это в его глазах уже несколько раз и даже представлять не хотела, что будет после.

К счастью, скопление народа мы миновали достаточно быстро.

Вправо и влево растекались бесчисленные улочки, плотно застроенные

домами в два-три, а иногда и в четыре этажа высотой. Я почти не обращала внимания на проплывавшие мимо виды, полностью сосредоточившись на возвышавшемся над городом замке.

Замке, величие которого было неоспоримо.

Сооружение высотой с треть горы, на которой было построено. В небо ощерились башни, готовые вот-вот проткнуть своими иглами стягивающиеся к закату облака. Огромная арка, над которой возвышается основное строение. Даже отсюда от такого вида захватывало дух, а по мере того, как мы приближались, внушительная громада начинала давить. Возможно, потому, что ей предстояло стать моей клеткой.

— Да, к Аринте не подберешься, — выдохнул Сарр.

Сначала я не поняла, о чем он говорит, но брат вскочил прямо в повозке и указал вперед. Выпрямившись в полный рост рядом с ним, увидела океан.

Замок Даармархского возвышался на скале прямо над водной стихией.

На суше столица была отрезана от возможного риска нападений горной грядой, а здесь... я даже не представляла, кому взбредет в голову штурмовать город с океана. Водные драконы гораздо более агрессивные, чем те, что обитают на суше. Так распорядилась природа: в океанских глубинах очень много хищных рыб размером с небольшой дом, ядовитых тварей, способных уничтожить одним прикосновением острого, как лезвие меча, плавника, и прочих опасностей.

— Здесь можешь пойти пешком.

Голос Даармархского прозвучал слишком неожиданно. Давно он подъехал к нам?

Подъехал и спешил, стоял рядом с повозкой, поглаживая всхрапывающего дрангхатри по холке. Зверь повел носом в нашу сторону, ударил копытом, выпустив из-под него острую крошку камня.

Вскинула голову, чтобы оценить подъем к замку: дорога, ведущая к центральной лестнице, была достаточно крутой. Особенно в самом начале, но мне ли бояться крутых подъемов. Легко оттолкнувшись от бортика, прыгнула с повозки. Сарр подхватил Дири и последовал моему примеру. Шагнул было ко мне, но одного взгляда Даармархского хватило, чтобы на плечо брату тяжело легла рука одного из хаальварнов. Тех, что остались внизу, несколько воинов уже поднимались вверх, чтобы предупредить о нашем прибытии.

Взгляд Сарра сверкнул огнем, но я уже отвернулась.

Пусть думает, что для меня все просто. Только так я могу его уберечь.

Шагнула к тропке, ведущей вверх, но голос Даармархского протянул

по спине огненной плетью:

— Попрощайся с братом, девочка.

Сердце остановилось. Ну или мне так показалось, потому что когда я замерла у подножия горы, все чувства замерли вместе со мной. Обернулась, чтобы встретить взгляд стоявшего напротив дракона.

— Он отправится в казармы, — произнес Даармархский. — Будет учиться воинскому мастерству, а если все сложится хорошо, впоследствии и контроль над пламенем и драконами.

Если все сложится хорошо.

Намек был более чем прозрачный, но сейчас я не хотела об этом думать. Обошла иртехана и направилась к Сарру, который выглядел немного растерянным, но не потерянным, и уж тем более в его глазах я не нашла страха или неприятия. Это главное. Сколь бы ни была велика моя ненависть к Даармархскому, возможно, так будет лучше. Постоянно находясь при мне, Сарр рано или поздно наделает глупостей, а во время обучения вся его ярость будет уходить в тренировки на выносливость и уроки обращения с оружием.

— Теа... Я не могу оставить тебя одну, — выдохнул он, стряхивая с плеча ладонь хаальварна и шагая ко мне. Растерянность сменилась решимостью, и я улыбнулась.

— А я буду не одна. — Протянула руки, и Дири немедленно расправил крылышки, царапнув Сарра перепончатым ребром по подбородку.

— Самка оцехарры!^[11] — выругался брат и тут же прикусил язык.

Я смотрела на него, стараясь не думать, на сколько мы разлучаемся. Что лишь во власти Даармархского устроить нашу следующую встречу или ее запретить. Старалась не думать о той минуте, когда счастливый отец пригласил меня в комнаты, которые они делили на двоих с мамой. Я до сих пор помнила его лицо: пряча улыбку в густой бороде, он забрал меня прямо с урока изящного письма, и мы вместе шли по коридорам дворца. Я знала, что у меня вчера ночью родился братик (об этом поутру мне сообщила взволнованная няня), и вот ближе к обеду папа пришел за мной.

У родительских комнат стояли хаальварны, а мне вдруг стало не по себе. Что, если теперь меня будут любить меньше? Я родилась первой, вобрав большую часть силы родителей, но теперь у отца появился наследник. Тот, кто встанет на защиту Ильерры и нашего народа, кто будет повелевать драконами и займет трон, когда папа решит отойти от дел. Возможно, именно поэтому я немного замедлила шаг.

Заметив нас, хаальварны расступились, и отец толкнул тяжелые двери. Мы прошли через просторную светлую комнату в бело-золотистых тонах.

Покои, где отдыхала мама и мой новорожденный брат, были отделены от нее струящейся тканью, сверху донизу украшенной нитями с камнями. Сегодня их подняли, поэтому штору отец отодвинул бесшумно.

Взял меня за плечи и мягко подтолкнул в сторону огромной кровати, где под дымкой приподнятого балдахина я увидела маму. Она полулежала на подушках, уставшая, но счастливая. Лицо ее светилось: пожалуй, никогда раньше я не видела ее настолько светлой. Мама держала брата на руках, а заметив меня, приподнялась:

— Теарин!

Я никогда не отличалась спокойным нравом, но сейчас, глядя на них, почему-то замерла. Из оцепенения меня вытолкнул голос отца:

— Иди же. Поздоровайся с братом.

Он указал в сторону кровати, и я подошла. Неуверенно взглянула на маму, а когда она улыбнулась, забралась прямо к ней.

— Смотри. Это Сарранден.

Она осторожно отогнула край атласного одеяльца, и мне открылось сморщенное крохотное личико. Под светлой, удивительно тонкой кожей проступали голубые жилки. Пушок на голове был огненно-рыжим, как будто пламя с маминых волос перекинулось на брата, глаза закрыты, а ресницы... Я таких ресниц никогда и ни у кого не видела. Не ресницы, а настоящие опахала!

Это вот и есть будущий правитель Ильерры?

Потянулась к нему, осторожно коснулась пальчиком крохотной щечки... и тут же отдернула руку, но мама по-прежнему улыбалась. Подошедший отец, опустившийся на край кровати рядом с нами, тоже.

Все страхи в этот момент отступили, особенно когда отец легко приобнял меня.

Я поняла, что буду любить братика всегда. А родители будут любить нас, не делая между нами разницы.

И они действительно не делали.

Все это вспомнилось настолько отчетливо, что сейчас, оказавшись в Аринте, пламенеющей от заката, я вздрогнула.

— Теа, ты уверена? — Сарр то ли глубоко вздохнул, то ли шмыгнул носом.

Для всех, наверное, первое, но я бы не поручилась. Слишком уж подозрительно сверкали его глаза. Глаза цвета весеннего неба.

— Уверена. Удачи тебе, — решительно подалась вперед.

Чтобы забрать Дири конечно же, но вместо этого на миг прижалась к брату.

— Мы обязательно увидимся. Обещаю, — прошептала еле слышно. И было даже все равно, услышит это Даармархский или хаальварны. Задержавшись на миг в дыхании или в мгновении этих полуобъятий, отстранилась.

— И тебе, — пробормотал брат, пряча глаза.

Я же спустила Дири на землю, развернулась и направилась к подъему. Не оборачиваясь и не оглядываясь, мимо всхрапывающего дрангхатри и его хозяина, хотя в глазах застыли слезы, а в груди лед. Вот уж не думала, что обо мне, которая всегда жила пламенем, можно будет такое сказать.

Сейчас было можно.

Мы не говорили об этом с Сарром, но я знала, что его терзает. Пройдет немало времени, прежде чем он сумеет себя простить за то, что сейчас происходит со мной. Пусть даже он мог защитить мою честь лишь ценой собственной жизни, пусть даже это была бы неоправданная, глупая жертва.

И во всем этом виноват Даармархский.

Ненавижу!

— Не боишься потратить все силы в самом начале подъема? — низкий голос из-за спины.

Обернулась, яростно хлестнув косой воздух.

— Не боюсь. В случае чего перекинете меня через седло.

Дрангхатри прижал уши, словно понял, что говорят про него, хотя на самом деле уловил мою ярость. А вот Даармархский усмехнулся:

— Снова дерзишь?

— А вы хотели покорную наложницу? Покорную, готовую распластаться у ваших ног по первому зову? Не надоест в первый же день?

Меня окатило пламенем, ир்தхан прищурился:

— Не испытывай мое терпение.

— Даже не думала, — спокойно встретила его взгляд. — Ведь у вас такой короткий поводок: жизнь и пламя моего брата.

Развернулась и быстро зашагала вперед, чувствуя, как все внутри полыхает. Запертое пламя? Сейчас я готова была испепелить весь этот замок, ругая себя за несдержанность, которая может отозваться Сарру, и проклиная тот день, когда Даармархский оказался в числе зрителей огненного шоу.

Принесло же!

Резкий рывок — и я чудом не полетела назад, к подножию горы. Только лишь потому, что оказалась впечатанной в мощную грудь, в которой глухими сильными ударами билось сердце. Этот ритм отдавался во мне, как пульс барабанов во время танца. Даармархский плотно прижимал меня к

себе, вторая ладонь легла на мою шею.

— Когда мы наедине, — произнес он, — можешь дерзить. Пока что мне это нравится, девочка.

Хриплый голос прокатился по телу рычащими раскатами, заставляя драконицу подобраться и зарычать. Ее желание отразилось во мне бесстыдным огнем, побуждающим податься назад. И я не стала отказывать, скользнула телом по телу, чувствуя, как пламя Даармархского волной обрушивается на нас двоих. Расслабленными ладонями скользнула по каменным бедрам, ягодицами ощущая его наливающееся силой желание.

— Когда мы наедине, — выдохнула хрипло, — можешь делать со мной все, что хочешь. Пока что мне это нравится... Витхар.

Свобода вышла неожиданно острой. Настолько, что разгоряченный воздух Аринты показался дыханием ледников. Даармархский развернул меня лицом к себе, сквозь жесткие черты проступало нечто неуловимо звериное. Я видела заострившиеся крылья носа и резкие скулы, разделяющий радужку зрачок, вытягивающийся в вертикаль. Сдавившие мой подбородок пальцы удерживали от силы мгновение, потом они разжались.

— Сегодня ночью, — произнес он, — придешь ко мне.

Что?

Сегодня?!

Уже?

Иртхан обошел меня стремительным резким движением, как молния разрывает тьму грозowych небес. Дрангхатри последовал за ним, взметнув копытами землю и едва не затоптав Дири. Я едва успела подхватить виаренка и отскочить в сторону. Желание пнуть эту скотину (такую же, как его хозяин) осталось лишь желанием. Прижимая жалобно вирчащего звереныша к груди, решительно зашагала наверх.

Подъем действительно оказался достаточно крутым, и даже, несмотря на то что мне не привыкать к физическим нагрузкам, на площадке у лестницы остановилась, чтобы перевести дыхание. Дрангхатри принял под уздцы хаальварн, один из тех, что сопровождал нас в пути. Зверь недовольно всхрапнул, едва уловимо дернулись крылья, но Даармархский погладил его по морде. Положил руку на вздрагивающую холку и что-то негромко сказал, после чего дрангхатри покорно последовал за воином.

Я же подняла взгляд: ступеней, уходящих ввысь, было никак не меньше трехсот. Преодолеть их с виаренком на руках будет еще тяжелее, поэтому снова отпустила Дири. На этот раз он не убегал вперед, поднимался вместе со мной. Даармархский шел впереди и, к счастью, не

оборачивался. Не останавливался и не замедлял шага, и это тоже было к лучшему.

На балконе, являвшемся одновременно и входом во дворец, правителя Огненных земель встречали хаальварны. И не только.

Чуть поодаль, у раскрывшегося пастью дракона входа стояла миниатюрная девушка. Хрупкая, как тростинка, облаченная в одежды стального цвета, придававшие ее светлым волосам удивительный платиновый оттенок. Платье обтекало изящную фигурку, расстилаясь за спиной красавицы шлейфом. Стоявшая рядом спутница полностью терялась на ее фоне, сливаясь с громадой замка. Если вторая девушка держалась в тени, то первая расправила плечи и вскинула голову, всем своим видом показывая, что она здесь хозяйка.

Но...

— Здравствуй, брат.

Она ответила на мой вопрос раньше, чем я успела его себе задать.

Брат?!

— Здравствуй, Хеллирия.

Удивительное тепло в голосе, лишенное рычащих ноток или жестких интонаций правящего.

— Рада твоему возвращению!

Хеллирия улыбнулась и в этот момент увидела меня. Тонкое, с изящными чертами лицо вмиг утратило свою привлекательность. Брови изумленно приподнялись, во взгляде отразилось непонимание и раздражение.

— Кто она, Вит?!

— Моя наложница.

Глаза Хеллирии расширились, она снова скользнула по мне взглядом, цепляясь за таэрран. Словно не могла поверить в увиденное и понять, как такое вообще возможно.

Ну что же, когда-то он должен был это сказать. При ней, при всех собравшихся здесь хаальварнах и прочих свидетелях. Помимо сестры и сопровождающей ее девушки, которая отразила эмоции Хеллирии, как зеркало, здесь собрались еще трое мужчин в нарядах, указывающих на их принадлежность к высоким семьям. Один был совсем молодым, двое других в возрасте, и все они смотрели на меня. Отвечая на эти взгляды, я вскинула голову подобно светловолосой иртханессе и спокойно встречала каждый.

Сестра Даармархского поджала губы. Хотела что-то сказать, но промолчала, словно само мое присутствие ее оскорбляло.

— Ронхэн, отведи эту девочку к Мэррис. Пусть подготовит ее для сегодняшней ночи.

— Ты хочешь, чтобы моя нэри^[12] сопровождала твою...

— Не забывайся, Хелли. — В спокойный голос ввинтился металл. — Ронхэн.

Девушка отделилась от скалы и кивком головы пригласила следовать за ней. Выражение ее лица я уловить не успела, но то, как быстро она повернулась ко мне спиной, однозначно говорило о ее чувствах.

Щеки вспыхнули пламенем.

Неужели недостаточно было во всеуслышание заявить, кто я такая? Нет, нужно было всем сообщить о том, что меня ожидает.

Сегодня!

Сегодня...

Чтобы все об этом знали.

Мысленно обрушив на голову Даармархского тележку драконьего навоза, я направилась за Ронхэн, Дири потрусил за мной. Нэри брезгливо подобрала подол, когда мы с ней поравнялись: не знаю, кого она больше опасалась коснуться, меня или его. На всякий случай отогнала виаренка. Стоило мне оказаться внутри, как своды дворца обрушились на меня холодом и бесконечной властью Даармархского.

Светлый камень, оттененный природными прожилками, родовой герб: парящий бронзовый дракон на черном фоне. Дыхание перехватило от открывшейся мне роскоши, пусть я и выросла во дворце, такого раньше не видела. В этом холле запросто можно было обернуться драконом, а сквозь двери, в которые мы вошли, вырваться в обличье зверя. Уводящая наверх лестница по ширине едва ли уступала той, по которой мы поднимались к замку, именно над ней возвышался герб. Стены украшали тяжелые гобелены с сюжетами из истории иртханов: на один я, честно говоря, засмотрелась.

Этот мне доводилось видеть в отцовской библиотеке. Назывался он «Рождение первого иртхана». Мужчина, чье лицо было искажено мукой выжигающего его кровь первого огня. Выгнувшись дугой, он отчаянно цеплялся за жизнь, пытаясь принять в хрупкое человеческое тело сокрушительную магию зверя. Его обступили другие шаманы, кружащие вокруг в пляске, которая должна завершить ритуал. Ввысь рвалось пламя костра и огня, что сжигало тело человека, чтобы возродить его иным.

А ведь на самом деле множество шаманов погибло, сгорев в первородном огне.

Но потом одному удалось выжить и...

Легкое покашливание выдернуло меня из мыслей, возвращая в реальность. Нэри Хеллирии стояла, сложив руки на груди и раздувая ноздри. Сдается мне, будет продолжать в том же духе — они у нее порвутся и придется зашивать.

Немалых усилий стоило удержать этот комментарий в себе, я вернула ей взгляд свысока и направилась следом. Теперь уже не отвлекаясь на обстановку, стараясь смотреть исключительно на Дири и одергивая его, когда пытался убежать вперед. Видимо, из короткой памяти виара уже стерся эпизод с дрангхатри, и теперь он был готов к новым приключениям.

Лестницы, коридоры, переходы... Закатное солнце окрашивало стены в бронзовые тона, подчеркивая цвета Даармархского, затемненные коридоры освещали настенные лампы с пляшущим внутри пламенем. Магическим, потому что масла внутри не было, только огонь.

Несмотря на жару, что царила снаружи, внутри было ощутимо холодно. Особенно там, где не было места солнцу: камень поглощал тепло, не позволяя разогревать это место даже стихийной магии.

Мы пересекли небольшой переход, свет в который втекал из арочных окон, расположенных по обе стороны, и я услышала рокочущий голос океана. Остановиться и насладиться видами мне не удалось: Ронхэн вытянула руку и указала в сторону высоких дверей.

— Мы пришли.

Сквозившее в этом жесте презрение полоснуло заточенным лезвием. Нэри смотрела на меня сверху вниз: очевидно, ее оскорбляла сама суть приказа Даармархского. Чтобы ир்தханесса благородных кровей наведальась в крыло к наложницам, сопровождала одну из них... Фу, какая мерзость!

Все это настолько явственно читалось во взгляде Ронхэн, что внутри само по себе полыхнуло пламя.

— Откройте мне двери, — припечатала я.

Глаза нэри удивленно расширились, будто она не могла поверить в то, что услышала.

— Ты забываешься, — процедила она, когда обрела дар речи. — Иди туда немедленно, или я...

— Это вы забываетесь, нэри Ронхэн. Дворцовый этикет говорит о том, что сопровождающий должен проводить вновь прибывшего туда, где его встретят и примут. Но даже если вы с ним незнакомы, — я очаровательно улыбнулась, — у вас приказ повелителя Даармарха. Будьте любезны его выполнить.

Вот теперь ее лицо исказила злоба: настолько, что оно побелело, оттеняя черные волосы, заплетенные в красивую толстую косу.

— Ты пожалеешь, — прошипела Ронхэн, резко развернулась ко мне спиной и направилась к дверям.

Предположим, один враг у меня уже есть, но враг явный лучше тайного. Тем более что это все равно было делом времени: Хеллирия явно не в восторге от моего появления, а позволять обращаться с собой, как с тряпкой, здесь нельзя. Сожрут и не подавятся.

Вслед за Ронхэн я шагнула в просторный зал, откуда доносилась негромкая мелодия. Стоило нам войти, как она стихла, и воцарилась тишина. Все девушки повернулись ко мне, исключением не стала и высокая женщина с густыми, убранными под сетку и вуаль тяжелыми волосами.

— Мэррис, — процедила нэри, выплевывая каждое слово, — это новая наложница местра. Он велел подготовить ее к предстоящей ночи.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и вышла, напоследок хлестнув по мне яростным взглядом. Я почувствовала его, но не обернулась, сейчас мне гораздо важнее было понять, что из себя представляет Мэррис. Среди собравшихся она выглядела старше всех. Темнокожая, с пухлыми чувственными губами и четко очерченным бронзой экзотичным разрезом глаз, женщина смотрела на меня, словно оценивая. Другие девушки тоже изучали, кто-то исподтишка, кто-то открыто, особенно одна из наложниц. Ладонь ее застыла над струнами прайнэ, будто она обратилась в статую.

Любопытство, косые взгляды, вздернутые брови и искривленные уголки губ не шли ни в какое сравнение с тем, что горело в глазах этой девушки.

Ярость, злоба, отчаяние — смесь пострашнее яда пустынников.

Я молчала, поскольку право говорить первой здесь явно было закреплено за темнокожей красавицей.

— Ну что же, — произнесла наконец Мэррис, — как тебя зовут?

— Теарин. — Я слегка склонила голову в знак приветствия. Приложила руку к груди (знак, что мои слова идут от чистого сердца) и добавила, обращаясь к остальным: — Добрый вечер.

Но ответа не дождалась.

— Красивое имя. Теа-рин. — Мэррис раскатала его на языке. — Пойдем, я покажу, где ты будешь жить, а после отведу в купальни. Девушки, продолжайте.

Струна надрывно дернулась, и вместо начала мелодии вышел жалобный звон.

Напряженный, как только что обиженный рваным ударом прайнэ.

Я не обернулась, прошла мимо вслед за Мэррис. Залитая солнцем комната напоминала перевернутую чашу, украшенную орнаментом вдоль

куполообразного потолка. Здесь преобладало золото и кремовые тона, интерьер же был с упором на темно-красный. Напротив дверей, в которые мы вошли с Ронхэн, располагались точно такие же, пройдя через них, я и Мэррис оказались в коридоре. Не таком темном и мрачном, как большинство замковых, а за счет многочисленных арочных окон еще и гораздо более теплым.

— Полагаю, вещей у тебя не так много. — Она кивнула на мешок, который я перекинула через плечо.

— Нет.

— Хорошо. Все равно они тебе вряд ли уже пригодятся.

В ответ на мой молчаливый вопрос Мэррис сдержанно улыбнулась:

— Здесь у каждой-наложницы свой цвет и наряды, которые дозволено носить строго по определенному поводу и в определенное время суток.

Я приподняла брови. Пересчитать не успела, но девушек в комнате было не меньше десяти. Судя по тому, каковы аппетиты Даармархского, наложницы здесь ходят расплывшейся радугой.

Интересно, какой цвет достанется мне?

— Цвет определяет местр, — сообщила Мэррис.

Ну, разумеется.

— Когда он его назовет, все твои наряды будут созданы в этих тонах. Чуть позже я расскажу, какие и куда можно носить, но не сегодня. Сейчас тебе нужно успеть привести себя в порядок и поужинать. Ты наверняка голодна?

Участия в ее голосе было чуть. Скорее больше вежливого интереса в силу своих обязанностей, но и открытой враждебности я не уловила. Точно так же, как снисходительности или пренебрежения.

— Да, — ответила искренне. — Очень.

— Не обращай внимания на девушек, — неожиданно произнесла Мэррис.

Я взглянула на нее, и красивое скуластое лицо озарила улыбка.

— Они немного напряжены и удивлены твоему появлению.

Что, среди желающих разделить ложе с правящим давно не было пополнения?

Вопрос я удержала в себе, и к счастью. Портить отношения с этой женщиной не в моих интересах. К тому же она совершенно точно не виновата в том, что Даармархский меня сюда притащил.

— В ближайший месяц начнется отбор, — пояснила она, оправив струящийся шлейф платья, который подхватил ворвавшийся в коридор ветерок.

— Отбор?!

Эта варварская традиция, когда среди нескольких сильных иртеханесс правящий выбирает будущую жену?

Мне еще сильнее захотелось искупать Даармархского в навозе. В Илье́рре такое упразднил еще мой прапрапрадед, который заявил, что отбор вполне можно провести во время негласных встреч и приемов при дворе. Всяко лучше, чем унижать будущую правительницу разными испытаниями, проверками и прочей гадостью. Но Илье́рра — не Даармарх, она даже не на Огненных землях, хотя и цепляет их клочок.

И кто знает, какие порядки теперь установил в стране Горрхат.

Под пристальным взглядом Мэррис вернулась в реальность. Она смотрела не то на таэрран, не то на мой подбородок. Хотя даже оцехарра не поставила бы на второе.

— Да. — Мэррис явно не разделяла моего удивления и чувств. — Сразу после завершения отбора и объявления победительницы наложниц распустят. Такова воля местра.

Отбор.

Отборы длились от нескольких месяцев до полугода: в зависимости от того, сколько невест приглашали, какое количество испытаний назначали и сколько времени правитель посвящал общению с претендентками. Ровно столько мне нужно продержаться, чтобы потом забыть Даармархского как страшный сон.

Я думала об этом, чтобы не думать о другом. О том, что мои уже полностью подсохшие волосы украшают сверкающими нитями, делающими их еще темнее. О том, что облегающий лиф подчеркивает полушария груди, притягивая к ним взгляд каплями рубина, вплавленными в золотые оковы. Браслеты на предплечьях и струящиеся рукава с разрезами. Длинное платье стекало на пол, юбка раскрывалась лепестками: этот наряд дожидался меня, когда я вернулась из купальни.

Под платьем, ставшим моей второй кожей, больше ничего не было.

Ужин в порядке исключения принесли в комнаты (как объяснила Мэррис, наложницы всегда завтракали, обедали и ужинали вместе). Отступали от общих правил лишь в дни, когда Даармархский хотел разделить трапезу с одной из девушек или отдавал особые распоряжения. Сегодня из-за меня как раз был такой случай.

Впрочем, он и так меня достаточно выделил.

Отдельные покои.

Первая ночь после возвращения.

Возможность оставить себе питомца.

Мэррис рассказывала все это, пока мы шли к покоям, где мне предстояло жить и где предстояло встречать Даармархского. Наверное, надо было порадоваться, что не придется делить комнаты с другими девушками, но сил на радость у меня не осталось. Я чувствовала себя сухой как трава, которая случайно пробилась через камни и угольную крошку посреди выжженной пустоши. Что будет, если ее коснется дыхание дракона, я представлять не хотела. Не время поддаваться таким настроениям.

Отведенные для меня покои состояли из двух половин, одна из которых выходила на балкон, другая предсказуемо оказалась спальней.

Роскошной спальней.

Помимо огромной кровати, укрытой под балдахином, и столика с невысоким зеркалом в позолоченной раме, здесь был шкаф для нарядов длиной во всю стену. Двери его (складывающиеся, как крылья дракона) по высоте уступали разве что ведущим в музыкальный зал. Большая часть шкафа была во всю высоту, от пола до потолка, справа и слева располагались многочисленные полочки и шкафчики для обуви и драгоценностей. Оставалось лишь догадываться, сколько нарядов и драгоценностей мне полагается, если для них отвели столько места.

— Мы почти закончили, эссари, — негромко произнесла служанка и, склонившись, отступила.

Вторая девушка последовала ее примеру, указывая на зеркало во весь рост. Медленно поднялась и подошла к нему, чтобы увидеть незнакомую молодую женщину в объятиях шелкового огня. Словно раскаленная докрасна ткань обтекала мое тело, подчеркивая все его изгибы, тем не менее оставляя пространство для любых самых смелых движений.

Завтра с меня должны были снимать мерки, а где откопали это платье — большой вопрос. Лично я, если бы знала где, там же и закопала бы. Без слов становилось понятно, что этой ночью Даармархский хочет не только меня. Он хочет, чтобы я для него танцевала.

Одна лишь мысль об этом отзывалась отчаянным, яростным протестом.

Танец для меня всегда был олицетворением внутренней независимости, победы над таэрран, над обстоятельствами, над любыми невзгодами. В танце я всегда была свободна, и каждое движение, каждый выдох, каждый рывок или плавный текущий переход никогда не были для меня вынужденной обузой или тем более принуждением.

Я танцевала, следуя зову сердца.

Не по просьбе или по приказу, искренне, раскрывая всю себя. Принимая бушующее вовне и освобождая запертое внутри пламя. Да что там, в эти минуты я сама становилась сумасшедшим, плавящим тело огнем.

Пламенем моей жизни.

Можно ли танцевать иначе? Не знаю.

И не стану.

Служанки склонились еще ниже и замерли: не нужно было даже оборачиваться, чтобы понять, что пришла Мэррис. Очевидно, удостовериться, что я готова к предстоящему и не наделаю ли глупостей. Не знаю, доложили ли ей о Сарре (во дворцах сплетни расходятся достаточно быстро), но глупости я делать не собиралась.

Не в том я сейчас положении.

— Вы свободны. — Грудной сильный голос управительницы гарема заставил служанок тенью скользнуть мимо нас.

Она сложила руки на груди, окинув меня оценивающим взглядом.

— Хороша, — подвела итог.

Пришла Мэррис с длинной вуалью, пламенеющей в тон моему наряду.

— Будь осторожна. — Она шагнула ко мне, закрепляя на моих волосах обруч и позволяя дымке окутать плечи. — Из всех девушек ты вторая, кто удостоился отдельных покоев. И единственная, кто удостоился их с первого дня пребывания здесь.

— Первая — девушка, что играла на прайнэ?

Она взглянула на меня: пожалуй, гораздо более внимательно, чем мне бы того хотелось.

— А ты проницательна, Теарин. — Темные глаза Мэррис сверкнули. — С ней будь особенно осторожна, Ибри ревнива и мстительна. Помимо прочего, у нее началась привязка к огню.

— Спасибо, — произнесла искренне.

Кем бы она ни являлась и какие бы обязанности ни были возложены на ее плечи, этого Мэррис мне точно не должна была говорить. Привязкой к огню называли случаи, когда наложницы на животном уровне «подсаживались» на яростное пламя и звериную суть иртхана: как на дурманящие травы, только гораздо серьезнее. Начиналось все достаточно безобидно с огненной страсти, впоследствии же перерастало в одержимость, зависимость, сводящую с ума и заставляющую женщину безоглядно стремиться к близости с одним-единственным мужчиной. Разрыв такой связи протекал довольно болезненно, далеко не каждая была способна с ним справиться.

Никому не было никакого дела, что случится с этой женщиной после

расставания, но «привязавшиеся» наложницы представляли серьезную угрозу как для себя, так и для окружающих.

— Враанасха,^[13] — ответила Мэррис, склонив голову. Указала в сторону смежной комнаты, через которую можно было попасть в коридоры. — А теперь ожидай.

Она вышла, и я, потрепав по голове сонного Дири, последовала за ней.

Эта комната была в два раза больше, чем спальня. Пестрые ковры и раскиданные по ним разноцветные подушки, мягкие диванчики со спинками-валиками и такими же подлокотниками. Тяжелый столик уже был накрыт, вазы с фруктами и кувшин с вином поблескивали в неярком свете магических ламп.

Ожидать.

Представила, как сажусь на диванчик, позволяя ткани раскрыться, соблазнительно оголяя ногу, и перед глазами потемнело. Воздух сгустился, стал вязким, как марево, клубящееся над жерлом проснувшегося вулкана, и я бросилась на балкон. Вылетела в мраморную обитель, в шум океана, ревущего под скалами. Пенящегося, рассыпающегося над собственной тьмой брызги, тщетно вгрызающегося в камень.

Над Аринтой стянулись тучи, поэтому сейчас в темноте не было видно почти ничего.

Настолько темным мое будущее мне не представлялось еще ни разу, настолько неясным оно не было еще никогда.

Прильнула щекой к холодному мрамору колонны, увитой лозой.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, глубоко вдохнула соленый воздух, напитанный влажностью. Вдохнула, но выдохнуть не смогла, потому что на плечи поверх вуали легли ладони Даармархского.

Легли по-мужски тяжело, властно, и это прикосновение отозвалось внутри меня самой настоящей бурей. Близость ирлхана, его пламени заставила драконицу заурчать. Подчиняясь, признавая сильнейшего, впрыскивая в мою кровь огненный дурман стремления стать с ним единым целым. Ощущение каменной груди и живота сквозь тонкую дымчатую ткань (спина у платья была открыта) напоминало прикосновение к раскаленному камню, который зверь только что опалил дыханием. Желание податься назад, вжаться в него, почувствовать эту сокрушительную мощь было таким нестерпимым, что я вырвалась из его рук и отошла к перилам.

Коснулась ладонями мрамора, унимая животную дрожь. Позволяя холоду втекать в меня, остужая разум. Шаги за спиной были едва слышны, даже удивительно, как этому мужчине удавалось ступать столь бесшумно. Тем не менее я чувствовала его каждой клеточкой тела: отчаянно,

проникновенно, до глубины своей звериной сути, тянущейся к нему.

— Нравится? — проследив мой взгляд, поинтересовался Даармархский, указывая на бушующий океан, во тьму которого вплеталось опасное кружево волн.

Мы с ним стояли рядом, касаясь друг друга ребрами ладоней. Эта близость отзывалась жалящими искрами, но мне придется научиться с ними справляться. Достаточно просто не думать о них и не позволять им разгораться в пламя.

Надеюсь, что этого будет достаточно.

— Его мощь можно сравнить разве что с силой дракона.

Пожала плечами:

— Хрупкость хрустальных озер Ильерры мне нравится гораздо больше.

— Ты бывала в Ильерре, девочка?

Прикусила язык. Если кто здесь и самка оцехарры, то это я.

— Разумеется, — ответила как можно более небрежно. — С нашим представлением мы много где побывали.

— Далеко же вы забирались.

— Бродячих артистов кормят ноги.

— Вот как. — Низкий рычащий голос бил с той же силой, с которой может ударить волна. — Повернись, я хочу видеть твои глаза.

Вскинула голову и подчинилась, кончиками пальцев по-прежнему касаясь перил. Мне казалось, что стоит их отпустить, и я отпущу себя. Ее. Нас. Позволю поддаться этому наваждению, которое сводит с ума и заставляет зверя тянуться к зверю.

Даармархский медленно раскрыл вуаль: кольца заскользили по обручу, стирая последнюю преграду, отделяющую меня от него. Правда с тем же успехом можно было назвать преградой ширму, которой пытаешься отгородиться от дракона.

Сейчас дракон в облике человека стоял передо мной.

Стоял так близко, что у меня мутился разум.

От него едва уловимо пахло дымом костра и резкой, сумрачной горчинкой ландрэнских трав. Их добавляли в шарики для купания, которые растворялись в воде, мыло или пенные гели для волос.

Волосы ирхана еще были слегка влажными, из-за чего казались темнее и тяжелее. Резкие высокие скулы и жесткий изгиб губ, светлый лоскут шрама, уходящий в вырез свободной рубахи. Взгляд Даармархского скользил по мне в точности так же, как мой по нему: вдоль линии бровей, по губам, по ключицам — и ниже. Туда, где капли рубина обжигали кожу

ничуть не меньше, чем его присутствие. Желание коснуться губами кромки шрама — там, где здоровая кожа соединялась с опаленной, провести по тонкой границе кончиком языка, пальцами, обжечь укусом — захлестнуло с головой.

Осознание этого заставило рвануться назад, но тщетно.

Даармархский рывком притянул меня к себе, вплавляя в себя, раскрывая мои губы своими. Так резко, жестко и сильно, что дыхание сорвалось вниз вслед за вуалью, которую дракон просто швырнул за перила. Широко раскрытыми глазами я смотрела в его глаза, раскаляющиеся, как металл в тигеле. По венам прокатился огонь, отзываясь тяжестью внизу живота. Жаром, желанием, рычанием, рвущимся из груди.

Жесткая ладонь легла мне на затылок, сгребая волосы в горсть вместе с украшениями. Лишая остатков воли, разума, воспоминаний...

Была только я, и был только он. Наши звери, бьющиеся о преграды человеческих тел. Я смотрела в его глаза, залитые алым пламенем, я чувствовала, как разогревается его кожа, словно перед оборотом. Пламя ударило в меня с яростной силой: чужое, первозданное, мощное. Сминая последнее сопротивление, срывая с губ рваные вздохи и стоны.

Даармархский оторвался от меня, обжигая горячим дыханием. Еще не огненным, но близко к тому.

— Моя Теарин. — Не голос, звериное рычание.

Сумасшедший, ненормальный взгляд ударил в грудь, как выпущенная из арбалета стрела, а вслед за ним вонзилось копье памяти. Пробив навывлет, на мгновение остановив сердце.

«Теперь ты только моя, девочка. Лучше тебе запомнить это сразу».

Горячие, бесстыдные, лишаящие воли прикосновения на берегу.

Пламя костра, отбрасывающее тени на жесткое лицо, срывающийся с сильных пальцев огонь, запечатывающий силу Сарра.

Уперлась ладонями ему в грудь, с силой отталкивая.

— Не ваша, — выдохнула ему в лицо. — И никогда не буду. Я здесь только потому, что мой брат зависит от вас.

Пламя в глазах Даармархского полыхнуло сильнее. Так, что на миг стало нечем дышать, мощь сильнейшего дракона обрушилась на плечи яростным ураганом, сметающим все и вся. Воздух вокруг нас стал раскаленным, несмотря на прохладу ночи.

— Как пожелаешь, девочка. — Сейчас это было не рычание, треск углей под сапогами и шипение укрощенного огня.

Миг — и пламя в глазах погасло, ир்தхан указал мне в сторону комнат. Чувствуя, как бешено колотится сердце, направилась туда. Снова ощущая

его присутствие за спиной и пытаюсь выровнять дыхание после сумасшедшего поцелуя. Даармархский обошел меня, устроился на диване, вытянув ноги.

— Налей вина, — произнес отрывисто. — И подай мне.

Руки почти не дрожали, когда я наливала вино. Невысокий кубок с узором парящего дракона подала, смело глядя ему в глаза.

— Замечательно, — прозвучало чуть хрипло. Ноздри иртехана чуть дрогнули, раскрываясь и придавая лицу звериное выражение. — А теперь доставь мне удовольствие.

Сначала показалось, что я ослышалась, но разведенные бедра и пронизывающий взгляд из-под сошедшихся на переносице бровей весьма однозначно говорили, что нет.

— На колени, девочка, — негромко повторил он. — Я не стану просить дважды.

Перед глазами потемнело.

Схватить кувшин и обрушить на его голову, а следом — тяжеленную вазу с фруктами и... оказаться в подземелье, до конца безумно короткой жизни проклиная себя за то, что не смогла уберечь Сарра. А ведь я поклялась себе памятью родителей, что он будет жить, чего бы мне это ни стоило.

Медленно шагнула к Даармархскому, так же медленно опустилась на колени и потянулась к его брюкам.

Он перехватил мое запястье за пару мгновений до того, как я коснулась бы плотно затянутых тесемок. Перехватил так, что я вскрикнула от боли, глядя в расчерченные вертикальным зрачком глаза.

— На что еще ты готова ради брата? — жестко спросил дракон, глядя мне в глаза.

Что?

— На что еще ты готова ради брата? — повторил, выбивая каждое слово в моем сознании, как клеймо. — Теарин Ильеррская.

Вместе с последними словами ушла и возможность дышать.

Широко раскрытыми глазами я смотрела в его лицо, пытаюсь найти опровержение тому, что услышала, но не находила.

Он знает.

Эта мысль обрушилась на меня камнепадом, грозя похоронить под собой, я выдернула себя наружу в последний момент. Взгляд метнулся к ножу для фруктов, лежавшему на столике в двух шагах от меня. Резким движением, развернувшись прямо на полу, выбросила руку за ним, и пальцы почти скользнули по рукоятке, когда Даармархский перехватил

второе запястье. Я оказалась прижата к его ногам с раскинутыми руками, натянутыми, как канаты над ареной. Одно неверное движение — и мне придется попрощаться со связками. С возможностью танцевать. С любыми тренировками на выносливость и балансы.

— Вижу. На все.

Ненавистный голос за спиной.

Сердце бешено колотилось, напряжение в растянутых мышцах перетекало в меня. Даармархский свел колени и чуть подался вперед, заставляя меня прогибаться к полу. Напряжение плеснуло в плечи и спину, отзываясь болью и заставляя сжать зубы.

— Бросаться за оружием, Теарин, — произнес он, — нужно, когда ты уверена, что успеешь схватить. И ударить.

Прежде чем боль окончательно въелась в жгуты непрогретых мышц, хватка ослабла. Впрочем, сейчас я бы не рискнула дернуться, и Даармархский это прекрасно знал.

— Учту на будущее, — прошипела. — Как давно вы знаете?

— С той самой минуты, как услышал твое имя.

Ощущение сродни ледяному душу, хлынувшему на пылающие плечи, неестественно вывернутые по его воле.

Все это время он знал.

Знал в шатре, когда сообщил, что я стану его наложницей. Знал, когда вез меня сюда, знал на берегу, знал сегодня, когда заставил меня все это пережить...

Руки, удерживающие меня, разжались, и я, резко развернувшись, вскочила. Поднялся и Даармархский: неспешно, как готовый напасть дракон.

— Зачем?! — прорычала ему в лицо. — Зачем я вам?!

— Затем. — Он поддел рубиновые капли, позволяя им снова упасть на грудь. Повторил рукой вырез платья, заставляя кожу воспаляться от малейшего движения жестких пальцев вдоль кромки лифа. — Потому что я люблю красивые вещи.

Не сразу поняла, что рычание принадлежит мне, а когда поняла, было уже поздно: я бросилась на него, и Даармархский легко швырнул меня на диванчик. Обрушился следом, коленом раздвигая бедра и вторгаясь между них. Лепестки юбки предательски раскрылись, бесстыдно обнажая ноги, алые ленты расплескались по полу.

Перехватив мои руки, он прижал их к моему животу, скользя ладонями по шелку платья. Попыталась сжать кулаки, но тщетно: Даармархский надавил на запястья, заставляя разжать пальцы, и тут же сдвинул их еще

ниже.

Еще.

И еще.

Прикосновение отозвалось таким долгожданным спазмом, что я задохнулась огнем, ворвавшимся в грудь вместо воздуха. Чувствуя собственное желание кончиками пальцев, всей поверхностью ладоней, которые он удерживал, глядя мне в глаза.

— Твою ложь, — хриплый голос прокатился по телу волной, заставляя меня выгнуться от острого прикосновения: Даармархский вдавил мои руки сильнее, — слишком легко проверить.

Я дрожала от ненависти и унижения, дрожала от испепеляющего меня огня, которого во мне быть не должно. От рычания драконицы, сводящей с ума. Смотрела в заслон непроницаемых глаз, чувствуя, как внутри рождается пламя. Темное, как эти глаза, как темная ночь и глубины океана, шум которого доносился с балкона.

— Я убью вас, — пообещала яростно. — Не знаю как. Не знаю когда. Но я вас убью.

Даармархский усмехнулся, а потом оттолкнулся от дивана так стремительно, что раздался жалобный треск. Развернулся (я слышала шаги, повторяющие стук моего сердца, как бой барабанов). Дверь хлопнула с такой силой, словно в ближайшую башню врезался катапультированный снаряд. Какое-то время я лежала неподвижно, не в силах поверить, что он ушел.

Потом вскочила, срывая рубины. Застежка лопнула, обожгла пальцы и шею ссадинами, но мне было все равно. Я швырнула украшения в закрывшуюся дверь и рухнула на подушки, разбросанные на полу. Колотила их, глотая сухие слезы и сдерживая вой, рвущийся из груди. Колотила, пока не заболели ладони, пока дыхание не стало напоминать хрипы, а сердце окончательно не сбилось с ритма.

Только после этого повалилась прямо на них и в наступившей тишине услышала, как в спальне скребется Дири.

Тяжело оттолкнувшись ноющими руками, поднялась. Приблизившись к двери, распахнула ее, и виаренок с тревожным писком вылетел прямо мне под ноги. Подхватила его на руки и прижала к груди, поглаживая между ушей.

— Все в порядке, — прошептала севшим голосом. — Прости, что напугала, малыш. Все в порядке.

Даармархский узнал...

Как?! Ведь Ильерра не вела никаких дел с Даармархом, но даже если

сейчас все изменилось, для всего мира мы с Сарром были мертвы.

Осознание этого накатило вместе с внезапной усталостью, тяжелой, пробившей плотину напряжения и рухнувшей мне на плечи. Уткнулась носом в теплую шерстку Дири, чувствуя, как по телу проходят судороги и подступают слезы.

Звереныш жалобно завирчал, тоненько и надрывно, на одной ноте.

Это и отрезвило.

Опустив Дири на пол, приблизилась к зеркалу. Витые узоры обтекали его справа и слева, снизу и сверху, в отражении застыла бледная и растрепанная я.

— Соберись, — прорычала ей. — Соберись немедленно, или все, что ты сделала, будет напрасно.

Я — Теарин Илье́рская, дочь истинного правителя Илье́рры.

Надеть на меня таэрран — не значит выжечь из меня кровь драконов, назвать вещь — еще не значит, что я ей стану.

Глядя себе в глаза, мысленно повторяла это снова и снова.

Снова и снова.

Еще и еще.

Даармархский узнал во мне наследницу Илье́рры, но это еще не конец света. Возвращать нас с Сарром Горрхату он явно не собирается. Хотел бы — не потащил бы за собой в Аринту.

Мы чудом избежали смерти и столько лет были счастливы. А сколько еще будем!

Сарр раскроет свой огонь, я помогу ему, чем сумею. Мой брат обязательно обретет счастье, и когда это случится, придет черед Горрхата.

До отбора осталось меньше месяца, потом Даармархский выберет себе жену, а я стану свободна. Всего-то и надо продержаться это время.

Или сделать так, чтобы он не захотел со мной расставаться.

Эта мысль обожгла раскаленным клеймом, встряхнула.

Опираясь ладонями о тяжелую раму, смотрела на себя, пока из глаз не ушла усталость, сменившись яростью и решимостью.

Видит небо, я этого не хотела, но единственный, кто способен помочь расправиться с Горрхатом, отомстить за родителей и вернуть трон моему брату, это Витхар Даармархский.

Месяцы или даже годы рядом с ним — не вечность. Я переживу их и забуду, как страшный сон.

А вот он меня не забудет никогда.

ГЛАВА 13

*Ортахарна, Аронгара
Танни*

На следующее утро у меня болело все. Такое чувство, что каждая связочка, каждая мышца решила отыграться на мне за то, что я им устроила вчера. В общем, взбираться на скалу, а потом еще и танцевать без разогрева оказалось не самым мудрым решением. Видимо, не последнюю роль сыграла и прохладная вода в речке.

Кряхтя, как виар-долгожитель, я перекинула через плечо сумку и выползла из номера. До лифта добралась без происшествий, а когда спустилась, обнаружила, что в лобби уже собрались все наши. Ну или почти все (Гроу не было, Рихта и Ленарда тоже). Меня встречали улыбками и приветствиями, но в голове крутилась одна-единственная мысль: что я буду делать, если меня заклинит в процессе съемок.

— Доброе утро. — Таким тоном проще было сказать: «Сдохни в муках».

Мимо прошла моя ассистентка, которая должна все время быть рядом со мной. Судя по выражению ее лица, не в настроении она круглосуточно или просто злоупотребляет вырвиглазным концентратом сока лица.

— Танни! — подошедший Рихт легонько коснулся моего плеча.

— Ай, — выразительно сказала я.

— Ай? — Он нахмурился.

— Аище просто. Кажется, я вчера перестаралась.

С меня тут же сняли сумку, а его руки легли на мои плечи. Так мягко и осторожно разминая мышцы, что я сначала словила небывалый кайф и только потом слегка очелуела. Но обозначить свое отношение к происходящему не успела все равно: рядом с нами на полном ходу нарисовался Гроу, который едва не оторвал дарящие тепло и блаженство пальцы. В смысле, просто сбросил скорую помощь измученным мышцам, читай руки Рихта, с моих плеч.

— Контракт, — прокомментировал он в ответ на мои большие глаза.

— Джерман, да ей ходить тяжело после вчерашнего, — прорычал Рихт.

— Ходить тяжело? — переспросил Гроу.

А потом, прежде чем я успела взять сумку, хватанул меня. На руки, ага. Притом сделал это с той же легкостью, словно девочку пяти лет

поднял. Сзади кто-то присвистнул, у стоявших поблизости медленно, повинаясь силе притяжения, потянулись вниз челюсти. Честно говоря, я не была уверена, что не выгляжу так же.

— Что застыли? Аэробас подан!

Его Ледяное Драконобесподобие направился к выходу с таким лицом, словно каждый день носил меня на руках.

— Ты что творишь?! — прошипела я, когда обрела дар речи.

— Контракт, — невозмутимо ответил он.

Поскольку на нас глазели все (гости отеля, проходящий мимо персонал, а заодно и вся наша группа), приходилось делать лицо попроще. Интересно, если я укушу его за ухо, он тоже будет бормотать что-то про контракт или... Не успела я об этом подумать, как двери разъехались в стороны, и меня ослепило солнце.

Очки!

А следом за ним фотовспышки.

Дранные наблики!

Цензурных слов во мне не осталось, по крайней мере, пока мы шли к аэробасу и нас снимали в разных ракурсах, в мыслях крутилось одно непотребство. Особенно когда к нам подлетели репортеры и забросали вопросами, от которых в голове загудело, словно включился фен для волос.

— Что случилось?

— Так это правда?

— Мелора Ярлис оставила проект?

Гроу остановился.

— По порядку: вчера исполнительница главной роли Танна Ладэ выполнила самый сложный трюк без дублера, поэтому сегодня мне приходится носить ее на руках. По поводу правды сказать ничего не могу, потому что не имею ни малейшего понятия, что это такое. Третий вопрос снят, я надеюсь?

— Как вам удалось добиться разрешения на съемки в Саолондарском ущелье? Вам помогли?

— Разумеется.

— Кто, если не секрет?

— Личное обаяние, настойчивость и банковский счет.

— Правда ли, что у вас вышел конфликт с местрель Ярлис?

— Нет.

— В таком случае почему она ушла?

— Потому что это не ее роль.

— В каком смысле не ее?

Если у меня от такого наплыва активности и интереса случился самый банальный ступор, то Гроу держался так, словно каждый день просыпается и видит в своей постели репортеров. Хотя кто его знает, может, и видит. Эта мысль почему-то отозвалась усилившимся желанием тяпнуть режиссерское ухо. Он меня прижимал к себе так интимно, что, несмотря на раннее пробуждение и состояние плющ-плющ, внутренний термометр зашкалил. Ответное желание прижаться я списала на временное умопомрачение.

— Танна Ладэ? Ладэ?!

— У нас съемки.

С этими словами и крайне невозмутимой дракономордой он шагнул в парящий у центрального входа аэробас. Вслед нам неслось что-то вроде: «Сестра Леоны Ладэ?..» и «Как вы познакомились?»

Я же перебирала все знакомые цензурные слова, чтобы озвучить произошедшее. Их находилось не так много.

— Ты! — выдохнула я первое, что пришло мне на ум.

Знакомое слово такое, простенькое.

— Я, — невозмутимо ответил он.

— Ты ведь это все специально подстроил, да?!

Определенно я делаю успехи в разговорной речи.

— Да ну? — Гроу стряхнул меня в кресло, в соседнем оказался Ленард, и развернулся, чтобы уйти.

— А предупредить нельзя было?!

— Контракт, — напомнила эта переменночешуйчатая скотина. — Ты должна быть готова в любой момент, это раз.

— Готова?! — взывала я. — К чему?! Это...

— Не пресс-конференция, а маленькая провокация, — заметил Гроу. — О замене актрисы на главную роль уже объявили, это два. И три — сегодня после обеда у нас фотосессия, скоро запускаем первый постер к фильму.

А?! Постер?

Поскольку дар речи помахал мне ручкой и свинтил окончательно, я могла только выразительно моргать. При этом чувствуя, что брови неумолимо и стремительно тянутся к волосам.

Гроу повернулся ко мне спиной, направляясь к своему месту, а я прикидывала, сколько человек из съемочной группы (аэробас стремительно заполнялся) пострадает, если я запущу в него сумкой. Потом вспомнила, что сумка осталась в лобби, и мысленно взывала.

Да что ж сегодня за день-то такой?

— Это твое. — Рихт сунул мне ее в тот момент, когда я соскребалась с сиденья, чтобы бежать назад.

— Спаси... — начала садиться, и тут меня все-таки скрючило.

— Что, старость пришла? — поинтересовался Ленард, оторвавшийся от видеоигры.

— И тебе привет, — заметила я, осторожно пытаюсь разогнуться и нормально сесть.

— Доброе утро. Великовозрастная зануда.

Велико... что?!

— Уроки все уже выучил? — фыркнула. — А то мама телефон отберет.

— Это ты по собственному опыту?

— Можно вклиниться? — спросил Рихт.

— Можно, — буркнул Ленард. — Можешь ее совсем забирать.

Че-го?!

— Куда? — поинтересовалась Гелла, шмякнув сумку на соседнее рядом с Рихтом сиденье. — Здесь занято.

Это не съемочная группа, это дурдом какой-то.

— Махнемся? — поинтересовался Ленард и, не дожидаясь ответа, перекинул сумку на место Паршеррда. После чего перелез через меня, отдавив мне ногу, через Геллу, которую снова перекосило, вставил наушники и врубил плеер. На такую громкость, что у меня басы в ушах заплескались.

Э-э-э... Это что только что было?!

— Ленард! — Я перегнулась через сиденье и ткнула парня в плечо.

Исходя из того, что делала я это во время подъема аэробаса, вышел практически подвиг.

— Отвали.

— С подружками будешь так разговаривать! — рыкнула я.

Вместо ответа мне выразительно показали средний палец.

— Уж кто-кто, а ты мне точно не подружка.

Прежде чем я сказала все, что о нем думаю (особенно под насмешливым взглядом Геллы, из-за чего мне захотелось треснуть ее палитрой с тенями), Рихт потянул меня за руку вниз:

— Танни. Садись уже.

— Села.

— Вот и умница. Тебе сколько лет? Ведешься, как его одноклассница.

Что-о-о?!

— Ха-ха, — выразительно произнесла я. — Ты лучше расскажи, как тебя угораздило согласиться играть это членистоногое.

Сценарий я вчера прочитала. До конца. А вот записи Ильеррской совсем немного: когда уже по первым сценам выяснилось, что они во

многом не совпадают, я углубилась именно в сценарий, архивы решила оставить на потом. Но и того, что было прочитано в двух источниках, оказалось достаточно, чтобы пожелать Даармархскому медленной мучительной смерти в навозной куче дракона.

— Мне понравился образ, — ответил Рихт.

— Ты уверен, что дело не в гонораре?

— Уверен. — Он серьезно посмотрел на меня.

— Тогда я, пожалуй, пересяду.

— Мест в аэробасе нет. Свободных.

— Какая жалость!

— Слушай, ты чего так завелась? — Рихт коснулся панели управления, и спинка слегка откинулась назад. Так он мог смотреть на меня, не сворачивая шею.

— Потому что.

— Идеальный женский ответ.

— Потому что твой Даармархский урод, каких мало.

— А Теарин идеал.

— Не идеал. Она выживала, как умела.

— Он тоже, — хмыкнул Рихт. — Ты же прочитала сценарий?

— Прочитала.

Родителей Даармархского убили, когда ему было двенадцать. В Аринте и во всем Даармархе назревал передел власти. Заговорщики упирали на то, что дожидаться, пока наследник рода войдет в полную силу, нельзя. В итоге совсем мальчишка перед лицом всех родовитых иртханов призвал драконов и стал первым в истории правителем в таком возрасте. Он сам определил круг советников, которым доверял, превратил бывший дворец в дом памяти и скорби по погибшим родным и велел построить замок над городом, в который, собственно, и привез Теарин. Как по мне, так это его нисколько не оправдывало, если не сказать больше. В свое время они с сестрой оказались на грани выживания, в точности такой же ситуации, как Теарин и Сарр.

— Тогда ты все понимаешь.

— Не все. Например, я решительно не понимаю, с какой радости он издевался над беззащитной женщиной и нацепил таэрран на ее брата.

Таэрран, кстати, оказалась первым расхождением. В сценарии ее не было вообще, и когда я это читала, вспомнила, что на шее мне тоже ничего не рисовали. Вчера. В киноверсии это называлось коротко и ясно: лишить магии. Спецэффекты, пуф-шуф и магия заперта, но ни словечка о таэрран.

— Ладно, если отбросить вопрос о ее беспомощности... ты правда

считаешь, что он мог простить ей побег и своеволие перед всеми своими воинами? В мире, где постоянно приходилось отстаивать свое право на власть.

— Ага. А на берегу он не мог простить ей свою хотелку? И в спальне тоже?

Рихт улыбнулся:

— Танни, мы не всегда можем сдержать страсть к желанной женщине. Особенно если речь идет о мужчине, который не привык к отказам.

— Серьезно? То есть стоит заломить ей руки и ткнуть носом в...

— Теарин руки никто не заламывал. Она тоже его хотела.

— Не она. Ее зверюга.

— Тем не менее.

— Ладно. — Я вскинула руки. — Сдаюсь перед лицом непреложной истины «самец всегда прав». Присваиваю Даармархскому почетное звание и медальку «Пиписька неудержимая» с соответствующим символом. И погоны на...

Рихт закрыл мне рот рукой.

— Прежде чем ты окончательно разрушишь свой женственный образ...

Я легонько цапнула его за руку, и он дернулся. От неожиданности, из-за чего я его еще и лизнула. Совершенно случайно.

— Этого до сих пор не произошло?

Глаза Рихта потемнели:

— Знаешь, Танни...

— Что?

— Если ты еще раз сделаешь так, не уверен, что не заработаю орден Даармархского.

— Медальку.

— Что? — немного хрипло переспросил он.

— Медальку, — повторила я, глядя ему в глаза.

Поскольку на сей раз он смотрел на мои губы, пауза несколько затянулась. Точнее, мне показалось, что она несколько затянулась, и я отвернулась к окну. Правда, тут же повернулась снова, потому что у меня волосы на затылке зашевелились, а вместо позвоночника возник раскаленный стержень, от которого по всему телу рассыпались огненные искры.

Оборачиваться не торопилась. Хотя бы потому, что я знала, кого там увижу, и если честно, это не радовало. Вот совсем. В записях Ильеррской говорилось о какой-то привязке, и мне бы очень не хотелось думать, что у

меня вот это вот, только в начальной стадии. Потому как иначе объяснить эти искры и подпрыгивающее до подбородка сердце при его приближении я не могла.

— Что?! — Все-таки обернулась, встречая огненный прищур. — Мне нужно упасть тебе на руки при выходе из аэробаса? Или под ноги? Куда-нибудь еще?

Гроу приподнял бровь.

— Фантазии у тебя занимательные, Зажигалка, но вообще-то я по поводу фотосессии. После нее у тебя будет три часа, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок, а потом у нас с тобой ужин на высшей точке Ортахарны.

Свою отвисшую (теперь уже натурально) челюсть я ловила на уровне груди.

С тем же успехом он мог вбить мне в макушку табличку: «Занято», и главное — сделать это надо было вот обязательно при Рихте!

— Как скажешь, — заявила я. — Контракт обязывает.

И снова отвернулась. Мне искренне хотелось насыпать ему льда в штаны, а заодно и себе, чтобы не самовозгораться всякий раз, когда он ко мне приближается. И откуда это пакостное чувство, что сделано это было совсем не ради общей информации, а для того, чтобы приложить Рихта? С какой радости? Мы, между прочим, условий контракта не нарушаем, вместе нигде не появляемся, а общаться я могу с кем угодно, когда хочу и сколько хочу.

И буду!

Мало того что он мне устроил показательный вынос, так еще и...

Ужин!

Просто джек-пот, после которого Леона лично приедет на съемки и отвинтит мне голову. Так и представляю себе ее слова: «Ты ею все равно не пользуешься».

Ладно, Танни. Вдохнули.

Выдохнули.

Впереди еще съемочный день и сцена номер семнадцать...

— Сегодня снимаем шестнадцатую, — объявил Гроу. — После обеда у всех свободное время.

Кроме меня, ага...

Стоп! Шестнадцатую?! А семнадцатая ему чем не угодила? Я, можно сказать, морально готовилась, настраивала себя все утро на подвиги и свершения, две чашки кофе выпила под аутотренинг, что у меня все получится, чуть не подавилась рогаликом с камартовым фларом, когда

перед зеркалом попыталась изобразить страсть, и что... завтра все по новой?

Это как экзамены пересдавать!

— А...

— А все вопросы на месте, Танна Ладэ, — припечатали меня.

На месте так на месте.

Мы стремительно снижались, я изредка поглядывала на Рихта, который подозрительно молчал. Решила последовать его примеру, и до той минуты, пока мы не сели на территории, рассматривала заповедник с воздуха. Стоило аэробасу замереть на стоянке, указала Рихту глазами на Ленарда. Он улыбнулся и, как только Гелла отошла, напрочь заблокировал парню выход.

— Не, ну супер, — процедил Ленард, выдергивая наушники. — Вам друг друга мало, что ли?

— Мало, — сообщила я. — И мы отсюда не выйдем, пока ты не скажешь, в чем дело.

— В чем дело? — Мальчишка вскочил, подхватив сумку и раздувая ноздри. — Это ты мне скажи, в чем дело?! По-моему, ты вчера выразилась предельно ясно. Когда сказала, что у тебя нет на меня времени.

Та-ак...

— Рихт, мы тебя догоним, — сказала я.

И мысленно поблагодарила, когда он вышел вслед за остальными.

— Ждешь, пока Гроу за тобой лично явится? — поинтересовался Ленард. — Понравилось на драконе кататься?

Я сложила руки на груди.

— Когда это я такое сказала?

— Что, и с памятью еще проблемы?

— Представь себе, — плотно сжала губы. — Ну. Рассказывай.

Ленард отзеркалил мою позу. Надеюсь, не выражение лица, потому что если оно у меня такое же упрямо-зверское, то на фотосессию меня сегодня не пустят.

Поскольку отступать я не собиралась, он все-таки процедил:

— Вчера, когда с тебя грим снимали.

Ну, супер.

Вчера, когда с меня снимали грим, я сидела в трейлере в полном ауте после случившегося. Даже почти не замечала, что происходит вокруг, разве что Гелла мельтешила перед глазами, ее ассистентки и еще Мирис. Та самая Мирис, которая крутилась поблизости и изредка выходила, а потом возвращалась.

— Пойдем, — кивнула на выход.

Ленард, видимо, ожидавший другого, опешил:

— Куда это?

— Да так, пообщаемся кое с кем.

На выходе ко мне прицепился взгляд Гроу, но я его стряхнула, как колючку с одежды. Если сейчас буду думать еще и о всяких дракономордах, то у меня точно крышечку сорвет, и я отправлюсь в небытие.

Мирис обнаружилась рядом с Геллой, не представляю с чего, но у них там явно назревала антиладэйская коалиция. А вот чтобы она не превратилась в оппозицию и не перешла к боевым действиям, решать такие вопросы нужно сразу и прямо.

— Мирис, — шагнула к ним, — разговор есть.

Гелла хмыкнула и отошла, ассистентка обернулась, стянув и без того тонкие губы в ниточку. Сейчас она чем-то напоминала эсстерду Броджек, разве что у той внутри был металлический стержень, а у этой прутик. Который, по всей видимости, коннектился исключительно к пульта управления местрель Ярлис.

— Ленард вчера обо мне спрашивал?

— Спрашивал. — Как она сквозь сплавленные губы умудрялась цедить слова и при этом раздувать ноздри, как паруса, — большой вопрос.

— И почему я об этом узнаю только сейчас?

— Потому что в задачи опытной ассистентки входит распределять важное и не важное и решать вопросы, которые не несут в себе смысла, самостоятельно.

— Не знаю, как насчет опытной ассистентки, но я сама решаю, что для меня важное, а что не важное, о'кей? Имей в виду на будущее.

Развернулась, чтобы уйти, но в спину мне ударило:

— Местрель Ярлис, в отличие от вас, разбиралась в своих и чужих обязанностях.

Ладно.

У меня было веселое утро, напряженные тренировки перед зеркалом, перенос сексуального экзамена и незапланированный выход перед журналистами, который в самом скором времени аукнется мне головомойкой от сестры.

Я сунула руки в карманы, медленно повернулась и подошла к ассистентке вплотную. Мы были почти одного роста, поэтому смотреть ей в глаза было удобно.

— Местрель Ярлис здесь нет, зато есть я. И если подобное повторится, я всерьез задумаюсь, справляешься ли ты со своими обязанностями. Мы

друг друга поняли?

Лицо Мирис пошло красными пятнами.

— Да.

— Вот и чудесно.

Поскольку народ уже рассаживался по карам, я направилась к тому, в который забрался Рихт. Собственно, в него грузился актерский состав, поэтому там же сидели парни, которые играли хаальварнов. Ну и два местечка оставалось для нас с Ленардом. У Гроу был персональный, там, кажется, еще главный оператор рядом с ним наблюдался. Но про сцену семнадцать я его спрошу. Обязательно спрошу!

И какого он вообще творит — тоже.

— Э... Танни, — вышагивающий рядом со мной Ленард подал голос.

— А?

— Я типа... должен извиниться.

— Типа извиняйся, — сказала я, повернувшись к нему. — Ты серьезно решил, что я могу такое сказать?!

— Ну... я же тебе рассказывал про съемочную группу. — Ленард пожал плечами. — Подумал, что после того, что произошло... то есть после того трюка и вообще... ты теперь вроде как звезда, а я опять непонятно кто.

— Вот даже не знаю, обидеться на тебя или треснуть как следует, — заметила я. — Во-первых, от того, что я влезла на скалу и не свалилась, честное слово, сама не знаю, как так вышло, звездой я не стала. А во-вторых, я не веду себя с друзьями как драная оболочка от полуфабриката. Я могу отвечать за свои слова, но не за тот бред, который кто-то ляпнет про меня за углом.

С этими словами я гордо задрала нос и приняла руку Рихта, который поднялся, чтобы помочь мне сесть в кар. За спиной раздался тяжелый вздох, но я не обернулась.

— Танни! — Ленард плюхнулся рядом и потыкал меня в плечо.

— Чего?

— Давай мириться, а?

— Ты назвал меня великовозрастной занудой.

— А ты сказала, что у меня мама телефон отберет!

Ну ладно, это я действительно сказала. Но в ответ не произнесла ничего.

Мы взмыли в воздух и понеслись к трейлерам, и в меня ввинтились два взгляда. Один справа (укоризненный от Рихта), другой слева (виноватый от Ленарда). Я же делала вид, что люблю пейзажами, залитыми солнцем, и что дышу свежим воздухом. Воздух здесь, кстати, и

впрямь был свежий. Напоенный утренней прохладой, прозрачный, как стопроцентное зрение, пробуждающий странные чувства. Например, желание скакать виаром или, раскинув руки, лежать в траве и слушать музыку весны: стрекотание насекомых, шум ветра, жужжание пчел. Интересно, здесь пчелы есть, кстати? Наверняка, потому что на ближайшем склоне я заметила цветы. Крупные, ярко-лиловые, с нереально оранжевыми сердцевинами.

Надо будет посмотреть, что за фигня.

В смысле что это за цветы.

— В общем, я прошу прощения, — донеслось слева.

— Ладно, — сказала я, повернувшись к нему.

— Мир? — На лице Ленарда расцвела улыбка.

— Мир!

Он протянул мне руку, и я ее пожала. Настроение вообще стремительно улучшалось: несмотря на то, что учудил Гроу, на мою нездоровую реакцию от его близости, на то, что в самое ближайшее время мне предстоит с ним ужинать и объясняться с Леоной, на лице расцвела улыбка. Я прямо чувствовала, как уголки губ разъезжаются в стороны, и как ни пыталась стянуть их обратно, они все равно разъезжались.

Такой счастливой я себя не чувствовала уже очень и очень давно. Наверное, с того беззаботного времени в детстве, когда мама была еще жива и мы все вместе ходили в парк. Мягкий замороженный крем, который мы покупали в «Гритлэйн», с добавлением ягодного сиропа, аттракционы (из всех надо было выбрать только два, потому что билеты стоили дорого) и высокое-высокое небо над головой. Я поджимала ноги, чтобы зависнуть в воздухе, когда мама поднимала высоко, а Леоны вопила: «Ай, не удержу!» — хотя конечно же держала крепко. Еще крепче, чем мама.

Отец снимал нас на видео, но даже воспоминания о нем сейчас не портили общей картины. Наверное, в те минуты он всерьез считал, что нас любит.

— Танни. — Голос Рихта ворвался в реальность.

Я вздрогнула и повернулась к нему.

— Ты вся сияешь. Ты в курсе?

Это было сказано так, что у меня перехватило дыхание. Хотя, может, дело было совсем не в словах, а во взгляде: глубоком и темном. А может быть, и в том, и в другом, вместе взятом, потому что некоторые слова говорят гораздо больше, чем значат. Как и взгляды.

Ленард высунулся из-за моего плеча, присвистнул, и я ткнула его локтем в бок.

А потом мы пошли на снижение.

Если кто-то считает, что фотосессия — это приятное времяпрепровождение, он очень сильно ошибается. После трехчасовой скачки под камерами и светоотражающей аппаратурой я чувствовала себя подбитым драконом. Гроу постоянно не нравилось мое лицо (то его выражение, то я не туда смотрела, то туда, но не так, то так, но недостаточно сильно). Продолжать перечень претензий можно было до бесконечности. Судя по выражению лица фотографа, он готов был шмякнуть именитого режиссера камерой, чтобы у него в базовых настройках случился глюк и все, что «не так», разом понравилось.

Мне из всей фотосессии понравилось только платье: алое, с разрезом, в шаге открывающим бедро до самого... ну, в общем, откровенным разрезом. Перехваченное литым поясом под чешую дракона, к которому полагалось такое же украшение: обтекающее шею и спускающееся на правое плечо разрастающимися пластинами. Может, и фотографии бы понравились, но мне их никто не показал.

К счастью, в конце концов Гроу устроило все, снимки уехали, куда надо, а я в отель. Отдыхать и готовиться к выходу в свет. То есть с Его Ледяным Драконобесподобием в ресторан, где совершенно случайно окажутся папарацци и совершенно случайно об этом завтра узнает пол-Аронгары. Хотя после утренней провокации, наверное, это было уже не важно.

Свалившись в джакузи, в котором можно было включить режим аромассажа, я заткнула уши наушниками и от души добавила пены. На нее я еще утром смотрела большими глазами, прикидывая, когда получится в ней полежать. Просто пена для ванн — это моя слабость. А для фрилансера, у которого в квартире-студии весьма простенькая по современным меркам душевая кабина — роскошь и удовольствие в одном флаконе. Особенно после такого напряженного дня.

Не считая убойной фотосессии, снимали мы сегодня не очень много, но плотно и шустро: шестнадцатую (то есть сцену в ущелье) и кое-что еще. Увидев странные распорки в человеческий рост, которые стояли рядом с повозкой, я даже не сразу поняла, что это такое.

— Это дрангхатри, — сообщил Рихт. — Будущий. То есть его каркас.

На этом моменте я совершенно непрофессионально заржала. В голос.

— Прости, — сообщила, глядя в суровое лицо Даармархского, отсмеявшись. — Просто я представила, как ты на него взбираешься... И с важным видом катишься по Саолондарскому ущелью...

— Главное, чтобы не убежал, — подал голос Ленард.

Рихт приподнял брови, потому что я продолжала фыркать. Как тот дрангхатри, которому щекотали уши.

— А еще художник по спецэффектам.

— Прости, — сказала я. — Я больше не буду.

И еще долго плотно сжимала губы, особенно когда Рихт на эти самые распорки полез. Одно дело представлять себе это чисто технически, другое — видеть вживую. Этакого сурового иртхана, грозу драконов на железяках на статичном фоне, с поводьями в руках. Рихт поначалу хмурился, но потом тоже расхохотался.

Смех закончился с появлением Гроу, который всех разогнал по углам, то есть по повозкам, дрангхатри и прочим нужным местам. Его драконейшество наградил меня пристальным взглядом, от которого внутри что-то огненно трепыхнулось и снова переключилось на режим «режиссер».

К счастью. Так мне было гораздо проще его воспринимать.

С этой мыслью я на полную врубила Сибриллу Ритхарсон и закрыла глаза. Надо отдать должное, голос у иртханессы был такой, что пробирало до мурашек. Не настолько глубокий, как у Леоны, зато какой-то проникновенно отчаянный и яростный.

Всего один шаг — и я на краю!
С закрытыми глазами на пальцах стою.
Попробовать бы мне этот полет,
Но крыльев не хватит, поэтому вот...
Я просто смотрю на тех, кто умеет летать.
И мне остается просто стоять.
Раскрыть широко глаза и, раскинув руки...
Выдыхая всей грудью р-р-рычащие звуки.
Мечтая о дне, когда у меня раскроются крылья,
И все под ногами станет лишь пылью.
И я оттолкнусь от края вслед за тобой,
Чтобы в небо взлететь драконицей,
А после... упасть звездой. [\[14\]](#)

Валяясь в джакузи, можно много чего надумать. Например, то, что происходит с женщинами в привязке и как эту самую привязку распознать. В сценарии об этом не было ровным счетом ничего, то есть в разговоре с Мэррис Теарин узнает просто о влюбленной в Даармархского девице,

которая готова на все, чтобы быть рядом с ним. Читать архивы Ильеррской дальше у меня просто не было времени (то есть когда я закрыла сценарий, у меня оставался выбор: либо читать, либо спать). И почему я не додумалась взять планшет с собой в ванную?

Приподнялась было, но потом передумала и плюхнулась обратно, положив голову на свернутое валиком полотенце. Нет, после вчерашнего и сегодняшнего я однозначно заслужила отдых. Особенно перед встречей с его драконейшеством, на которого у моего организма совершенно необъяснимая и неадекватная реакция. Тем более что сегодня у меня с ним ужин, вот у него обо всем и спрошу. Пусть разъясняет для лучшего понимания древнего мира.

И для моего личного спокойствия, но об этом ему знать вовсе не обязательно.

Вода действительно вытянула усталость, а вместе с ней желание двигаться, моргать и вообще делать хоть что-нибудь. Поэтому, вынырнув из джакузи, я отправилась в кабину: бодриться контрастным душем. Взбодрилась так, что мурашки на коже выстроились шеренгами, как хаальварны. Или вальцгарды. Хотя, как по мне, одна и та же чешуя.

Стуча зубами, вытряхнулась из ванной комнаты. Открыв шкаф, где сиротливо болтались четыре сменные кофточка, курточка и одна юбка (которую Леона назвала бы широким поясом), да еще мои повседневные джинсы, всерьез залипла. Из обуви я взяла только шлепанцы и кеды, поэтому в моем случае «нечего надеть» было очень актуально. Но если так задуматься, кое-кто меня не предупреждал о совместных выходах в Ортахарне. Так что если привык появляться на публике с роскошными красотками в вечерних или коктейльных платьях...

Ну, упс.

Придется краснеть из-за собственной непредусмотрительности, потому что все его провокации угадывать я не обязана.

Я переодевалась раза четыре: ровно столько, сколько было кофточек. Не знаю с чего, но мне все категорически не нравилось. То слишком свободное, то слишком обтягивающее (было бы чего обтягивать), то слишком короткое, то слишком длинное. В конце концов, разозлившись на себя (не на свидание же собираюсь!), стянула юбку и надела джинсы. Потом стянула джинсы и надела юбку. Протянула кофточку через слегка влажные волосы, зацепила прядь, выругалась. Надела топик.

Взяла курточку.

С какой вообще радости волосы торчат в разные стороны?

Не знаю, сколько еще продолжались бы эти пляски перед зеркалом,

если бы не зазвонил телефон.

Я хватанула его раньше, чем успела понять, кто звонит: на дисплее отобразился номер Гроу.

— Готова, Зажигалка? — поинтересовался он. — Вижу, что готова. Выходи.

Вижу?!

У меня волосы на макушке зашевелились, и не уверена, что в переносном смысле. Потому что когда я обернулась к балконной двери, моя челюсть в очередной раз за сегодняшний день поехала вниз. Ладно бы только челюсть, телефон тоже выскользнул из рук и хряпнулся о расчерченную ржаво-серебристыми прожилками плитку.

Кажется, выражение «дракона мне на балкон» только что перестало быть образным: Гроу стоял, ввинтившись локтем в панорамное окно, глядя на меня сквозь затемненные стекла. Ощущение бредовости происходящего усиливалось тем, что за перилами парил зафиксированный автопилотом флайс.

Я соскребла телефон с плитки, выдернула себя из прострации и шагнула к дверям. Распахнула створки, и кондиционер немедленно отключился. Вместе с моими мозгами.

Джинсы. Рубашка навывпуск. Взъерошенные волосы.

Вот почему мужчине достаточно натянуть на себя одежду и потрясти под струей воды башкой, как виару, чтобы выглядеть на все сто для полноценной фотосессии с последующим попаданием в хит-парад? Хотя сдается мне, этот навык тоже прокачивается со временем, потому что некоторые даже в деловых костюмах с иголки умудряются выглядеть как ошипанные наблы. Гроу в «иголочках» не нуждался, у меня от одного его вида иголки впивались в кожу.

Раскаленные такие.

— Пойдем. — Он кивнул на флайс.

— Мне сумку нужно взять.

Нормальный такой разговор двух ненормальных на балконе.

— Она тебе не понадобится. Пошли.

Он вскочил на перила, едва оттолкнувшись от них пальцами. Протянул мне руку, и у меня перехватило дыхание. Я шагнула вперед, и меня буквально втянули наверх. С такой силой, что я даже понять ничего не успела: Гроу чуть отодвинулся в сторону, подхватывая меня за талию, и я невольно шагнула за ним. Улавливая баланс на двоих, чувствуя, как бешено колотится сердце, а по венам растекается адреналиновый пожар.

— За руль хочешь?

Он это серьезно?

— Хочу.

— Тогда вперед. — Гроу убрал руку с моей талии, но легче не стало.

Отпечаток его ладони еще горел на спине, на коже: там, где только что были его пальцы.

Новехонький серебристо-стальной флайс застыл перед нами, за ним переливалась огнями ночная Ортахарна. Расстояние между ним и балконом было где-то полметра, ровно столько, чтобы не зацепить фасад. Ухватившись за крышу, одним движением скользнула внутрь и ухнула на сиденье вслед за подскочившим до горла сердцем. Флайс слегка качнулся, я едва успела переползти на водительское место, когда рядом оказался Гроу.

Ткнул в панель управления, и дверь бесшумно запечатала нас внутри.

Только сейчас поняла, что все еще судорожно сжимаю вспотевшей рукой телефон и что понятия не имею, куда мы летим.

— Давай на верхнюю и за навигатором.

Экран мобильного приказал долго жить, права была Имери: стоило купить защитное стекло. Мысль мелькнула и ушла, особенно когда я коснулась панели управления и флайс стремительно взмыл ввысь. За рулем я сидела не то чтобы очень давно, но это чувство сейчас подхватило меня с силой идущего по аэромагистрالي торнадо. Нас арестуют (если поймают), подъем и спуск разрешены исключительно по воздушным рукавам. Штраф за такое впают, мало не покажется.

Ха... Когда это меня останавливало.

— Сдай чуть вперед. На этом участке у камеры слепая зона. — Гроу указал на стремительно приближающуюся аэромагистраль. — Здесь вольемся, а потом через сотню метров пойдем наверх.

Я последовала совету, чувствуя, как пальцы слегка подрагивают, словно от прикосновения к панели в меня втекала энергия флайса. Энергия города, бьющая сквозь неон, пульсирующая в огнях высоток и стягивающаяся над Ортахарной. Отзывающаяся в ритмах басов, эхом проходящих сквозь мое тело: когда Гроу включил музыку, даже не заметила.

Подходя к аэромагистрале, чуть притормозила, позволяя проскочить идущим по правилам флайсам, а потом резко и до упора прокатила палец по панели, подбрасывая нас наверх, на транспортную ленту. Мы влетели в поток стремительно под гроыхающую музыку и рычание певца, под стук сердца, бухающего в ушах, и мой совершенно ненормальный крик.

— О-о-очешуеть! — выдохнула чистый адреналин, глядя, как впереди расстилается лента аэромагистрале, ведущая к воздушному рукаву.

Сто метров на небольшой скорости, потом — резко наверх.

Коснулась навигатора, выводя флайс на верхнюю ленту.

— Следуйте семнадцать километров по обводной, потом поверните направо.

Вдавила педаль до упора, всей кожей ощущая плещущий в венах огонь, скорость, драйв. Разгон у машины оказался отличный, она втекала в воздух, стремительно смазывая Ортахарну в космические спецэффекты.

Почувствовала взгляд Гроу (горячим его назвать было нельзя, это было что-то среднее между кипящим в тигле металлом и застывшей под коркой магмой, которая вот-вот эту корку пробьет и спалит все к драконьей матери). Пламя лизнуло обнаженные ноги: и без того короткая юбка из-за всей этой акробатики задралась просто до неприличия. Я рывком одернула ее вниз и мысленно отвесила себе затрещину. Не была бы занята, отвесила бы еще и вполне натурально, и без разницы, как это выглядит со стороны.

Электронное табло с ограничениями промелькнуло перед глазами, пальцы все еще горели, когда я повела переключатель скорости вниз.

Во-от. Давно надо было так сделать, Танни.

И не только с флайсом.

Сердце все равно танцевало джумбийский танец, внутренние барабаны набирали обороты, заглушая даже бас-гитариста. Ладно, всего ничего потерпеть осталось: в ресторане будет многолюдно, и там у меня живо мозги на место встанут.

— Прежде чем мы высадимся, — я повернулась к Гроу, — какие еще сюрпризы ожидать? Папарацци под столом? Десант прямо с крыши, читай из ресторана, голышом в бассейн и съемка с флайсов всех окрестных телеканалов?

Он приподнял брови:

— Я уже говорил, что мне нравится твоя фантазия?

Отзеркалила его мимику:

— Не в твоих правилах повторяться.

— Вот именно.

В эту минуту в мою буйную головушку закрались сомнения. Очень-очень нехорошие сомнения, но очень несвоевременные.

— Напомни, высшая точка Ортахарны — это...

Гроу указал прямо сквозь лобовое стекло.

Я медленно перевела взгляд вслед за протянувшейся от его руки воображаемой линией и в очередной раз пожалела о том, что курс «география в деталях» остался для меня непокоренной вершиной. Нет, это был не небоскреб, не башня, защищающая город, и даже не местечко а-ля

«Драконий шип» (стилизованный под пещеру ресторан на естественном выступе над Мэйстоном). Впереди маячил заповедник, где мы проводили съемки, и вырастающая над Саолондарским ущельем гора Лимайна.

Гора, дракон меня раздери!

О чем думает нормальная девушка, когда видит такое?

Романтика, звездное небо, все дела.

В голове Танни Ладэ крутилось всего одно слово из семи букв, и складывалось оно из кубиков...

П. О. П. А. Д. О. С.

Первым осознанным желанием было развернуть флайс к драконьей бабушке, но потом я поняла, что просто не могу это пропустить. Самая высокая точка Ортахарны, с которой город раскинется у ног переливающейся огнями картой. Как на экране в диспетчерской центрального полицейского участка, только вживую.

— Ты как это вообще провернул? — поинтересовалась. — Хотя нет, не отвечай. Деньги, связи...

— И личное обаяние, да.

— А журналистов драконы не сожрут? — хмыкнула я. — Во сколько тебе это вообще обошлось?

— Журналистов не будет. — Гроу подтянул джинсы на коленках. — Хочешь узнать состояние моего банковского счета, Зажигалка?

Я чуть не увела флайс за сигнальные огни полосы.

— То есть как не будет?

— Никак.

— И-и-и?..

— Я просто хочу провести вечер с тобой.

И-и-и...

— Не прозевай поворот.

Я едва успела мигнуть поворотником и перестроиться: благо на верхней можно свободно гулять между полосами, желающих здесь полетать не так много.

Покосилась на Гроу, но он с совершенно независимым видом смотрел вперед. На стремительно приближающуюся границу города в обход заповедника, на пустошь, где мы... где мы — что?

Кого мы там жрать на горе будем? Кого поймаем?

И кого там можно поймать?

Эта мысль почему-то отозвалась странным, будоражащим предвкушением. Нет, я понимала, что драконов нам поймать не светит, все-таки Лимайна стоит на границе пустоши, в двух шагах от смотровой

башни. Но кто его знает...

Сама не знаю почему, сердце забилося чаще.

— А драконы там есть?

— Тебе меня мало?

— У тебя нет хвоста.

— Это как посмотреть.

Секунд пять я на него смотрела, а потом до меня дошло.

— И он тебе летать помогает?

— Вообще-то, хвост дракона — его оружие. Наравне с пламенем.

Представила себе оружие (не хвост, другое) в действии и заржала. Откровенно так, на весь флайс.

— Я уж думал, тебя подменили.

— С чего это?

— Видела бы ты свое лицо, когда я сказал, что журналистов не будет...

Гроу облокотился о спинку моего сиденья, совершенно забыв о том, что водителя во время движения отвлекать нельзя. Нельзя, я сказала! Попеременное желание вдохнуть аромат сигарет с горчинкой послевкусия на жестких губах (дались мне эти губы!) и отодвинуться подальше будили во мне нездоровую двойственность.

— А их правда не будет? — хмыкнула я. — Вообще?

— Вообще. Только ты, я и драконы.

Прежде чем я успела подумать непристойное... ну ладно, я успела, он добавил:

— Если повезет.

— Может повезти? Серьезно?

— Может. Граница пустоши в Ортахарне серьезно сдвинута из-за заповедника. Фактически драконы здесь обитают чуть ли не в черте города. Не то что в Мэйстоне или в Зингсприде.

Ого.

Хотя в принципе неудивительно. Города расстраивались, границы расширялись, пустоши отодвигались. Современный материк вообще мало чем напоминает тот, что существовал во времена Даармархского и Ильеррской.

— Кстати, о Зингсприде. Замок Даармархского стоял на Нартхарри.

Нартхарри? Гора в глубине Зингспридской пустоши, за пятой линией? Пятой линией в городе моего обитания называют места, куда вообще лучше не соваться. Да и не суется особо никто, даже экзамены правящие и вальцгарды сдают за второй, где призывают драконов и тем самым подтверждают свою силу.

— Так что не только мы отвоевывали у драконов земли, — хмыкнул Гроу и наконец-то, отодвинулся.

А я поняла, что мы подошли к границе города, и сосредоточилась на управлении. К счастью, здесь от меня требовалось только снизить скорость до минимальной и двигаться под прицелами камер о-о-очень медленно. В случае несанкционированного проникновения на территорию драконов можно схлопотать пару лет лишения свободы (в самом лучшем случае). Вообще вылет в пустоши разрешен только сильным иртвахам и только очень влиятельным. Поэтому сейчас я даже приблизительно не представляла, какова сила у Гроу.

Впрочем, если вспомнить, кто его отец...

И вообще, как у северянина с классической фервернской внешностью (рост под два метра, глаза, как льдины на фоне неба, седины в светлых волосах почти не видно) получился такой вот Гроу?

Такой вот Гроу, о которого ну очень просто обжечься.

Хорошо бы себе почаще об этом напоминать, но сейчас мне не хотелось об этом помнить. Не хотелось об этом думать: ни о привязках, ни о чем-либо еще.

«Я просто хочу провести вечер с тобой».

Знать бы еще, что под этим подразумевалось.

Вопрос про жрать, кстати, никто не отменял: я рассчитывала на ужин, поэтому ничего не ела. Как результат: сейчас от голода сводило желудок, а кишки нервно стучались друг о друга с намеком на то, что меня не помешало бы покормить.

Впрочем, стоило нам выйти из зоны камер, я забыла обо всем. Вид, который расстилался перед нами на тысячи километров: бескрайняя пустошь с изломами вспарывающих небо гор, отделенная от заповедника лишь незримой стеной защиты правящего Ортахарны. Смотровая башня на границе с городом, выделяющаяся огненной иглой чуть поодаль, была чуть ли не единственным источником освещения. Только она, две луны, наползающие друг на друга, и еще звезды. Никакой город с его огнями с этим не сравнится.

Лимайна возвышалась над всей этой красотой, и Гроу кивнул:

— Здесь медленно поднимайся вверх.

И я поднималась.

Все выше, выше и выше, до нависающего над землей выступа. Он выпирал вперед, как морда любопытного дракона, выглядывающего из пещеры. Огромный такой выступ-площадка: чем выше мы поднимались, тем отчетливее он выделялся в темноте.

— Приехали, — сообщил Гроу, перехватывая управление и сажая флайс на уступ.

Дверца поехала вверх, и я шагнула в ночную прохладу, задохнувшись от открывшейся мне красоты. И высоты.

Вниз уходила почти отвесная скала, с трех сторон раскинулась иссушенная дыханием драконов пустошь, а вдалеке, нанизанная на иглу смотровой башни, переливалась бесчисленными искрами жизнь Ортахарны. От тянущейся по коже прохлады, подхваченной ветром, перехватило дыхание. Кожа покрылась мурашками, у каждой из которых была персональная антенна-волосок для связи с космосом. А может, дело было вовсе не в ветре, потому что остановившегося за моей спиной Гроу я тоже чувствовала всей кожей.

И разделяли нас сейчас считанные миллиметры.

А, нет. Уже не разделяли.

Пальцы на плечах даже поверх курточки я ощутила так остро, что стало нечем дышать.

— Вернемся во флайс, — донеслось из-за спины.

Низкое, рычащее, хриплое. Он стоял сзади, и ритм его сердца отражался в моей груди, сворачивая мысли куда-то в ненужные пустоши.

— А что там, во флайсе?

— Там, — горячее дыхание скользнуло по моей шее, прерывая связь с космосом и даже с собственным мозгом, — еда. Много еды.

Твою...

Драконозмей он, а не режиссер.

— Ну, если еда... — подалась назад, вжимаясь ягодицами в его пах. Пальцы на моих плечах сжались сильнее, и я удовлетворенно отстранилась. — То пойдем.

Оставив Гроу наедине с собственным драконом, сунулась в машину и скептически огляделась. Много еды, говорите? Где?!

На заднем сиденье одиноко валялась куртка его драконейшества. Которую он сдернул, прижимаясь ко мне и так откровенно вплавляя меня в сиденье, что бедра вспыхнули даже под юбкой. Если бы только бедра... Я даже не сразу увидела бутылку вина, скатившуюся к спинке. Гроу подхватил ее и наклонился ниже, вжимая меня в пахнущую им кожу еще плотнее. Да что там, в этом салоне все пахло им, этой крепкой горчинкой с резким ароматом дорогих сигарет.

— Лучше надо искать, Зажигалка, — раздалось насмешливое.

Он вытащил из-под сиденья сумку, чем-то напоминающую квадратный рюкзак, и наконец-то позволил мне вдохнуть.

— Юбочку одерни.

Ладно, задница, два-один в твою пользу.

Я дернула юбку вниз с такой силой, что чудом не осталась без нее.

— Не проще было заскочить в «Гритлэйн»? — кивнула на сумку.

— Не проще. Займись. — Сумку сунули мне, предварительно вытащив из нее вакуумный штопор.

Р-р-р-омантик!

Сумка открывалась по принципу холодильника, то есть первая стенка-дверца попросту отваливалась, стоило коснуться специальной кнопочки на панели. Внутри оказалось жаркое в сохраняющих температуру контейнерах, салатики в обычных, фрукты и одноразовые приборы. Утрамбовав сумку-столик между сиденьями и убедившись, что она не свалится кому-то на штаны (а жаль), обернулась.

— Бокалы где? — поинтересовалась, услышав характерный «чпок».

— Не влезли, — заявил Гроу, падая на сиденье и взглядом указывая на соседнее. — Будем пить прямо отсюда.

Он дотронулся до панели управления, и наши сиденья откатились назад. Гроу закинул ноги на погасшую приборную доску, я подумала и последовала его примеру. В этом было что-то совершенно ненормальное: жевать вкусное сочное мясо, запивать его вином прямо из горлышка, передавая друг другу бутылку, и смотреть на раскинувшуюся перед нами пустошь.

Время, когда большая луна на небе соединяется с маленькой, называется «драконий месяц», они так и плавают по небу парой, а потом начинают расходиться до следующей весны. Есть еще «драконий взгляд» — это когда двойное полнолуние, и случается оно раз в несколько лет.

Говорят, что в «драконий месяц» драконы становятся сильнее, а «драконий взгляд» называется так потому, что луны расходятся на расстояние, кратное расстоянию между глазами зверя. Чувство такое, что с неба на тебя смотрит огромный дракон.

— А в чем проявляется сила драконов?

— Сила? — Гроу приподнял бровь.

— Ну да. В «драконий месяц». — Я отложила пустую тарелку и потянулась к фруктам.

— Сестра тебе не рассказывала?

По большому счету она мне вообще мало что рассказывала.

— Может, и говорила, — хмыкнула я. — Не помню уже.

На меня пристально посмотрели, но я сделала вид, что жую. Очень активно жую.

— В том, что во время объединения лун наше влияние на драконов ослабевает.

Э-э-э...

— То есть иртханы вроде как слабеют?

— Наоборот. В эти дни мы гораздо ближе к драконам по сути, стихия становится сильнее, а вот воздействовать ментальной магией на разум себе подобных куда сложнее.

— То есть если сейчас сюда прилетят драконы, нас все-таки сожрут?

— Нет, сейчас не сожрут. А вот в двойное полнолуние — вполне.

— Почему?

— Потому что в ночь «драконьего взгляда» ни один самый сильный иртхан не способен совладать с драконом.

Опаньки. О таком Леона мне не рассказывала.

— И много у вас еще секретов? Ну, я имею в виду, может, в календаре есть еще дни, в которые лучше отсидеться в бункере?

— Все самое страшное я тебе озвучил.

— Прямо-таки все?

— Почти. О чем ты хотела поговорить сегодня?

Поговорить во время съемок нам сегодня и правда не удалось: из-за предстоящей фотосессии все было очень насыщено.

— О сцене номер семнадцать.

Я смачно вгрызлась в маларрнелу, чтобы добраться до сочной кисло-сладкой сердцевины.

— У тебя будет замена, как мы и договаривались. На все подобные сцены.

— Вообще-то я ее не хочу. — Потянулась за салфеткой.

Маларрнела — очешуительно вкусный фрукт, но брызгается, как неисправная система автополива.

— То есть?

— То есть я хочу быть Теарин от и до. Хочу исполнять все трюки сама. Его глаза как-то подозрительно потемнели.

— И что же заставило тебя изменить свое решение?

— Теарин. Я вообще хочу быть ей, от начала и до конца, понимаешь?

— Понимаю.

— Значит, договорились.

— Нет.

— Нет?! — Я чуть не свалилась с кресла.

— Нет.

— И почему, можно узнать?

Он нажал кнопку на подлокотнике, и спинка его сиденья откинулась назад.

— Потому что исполнение трюков требует серьезной физической подготовки. Потому что я убил два дня, чтобы найти тебе замену на четырнадцать плюс. И потому что я не могу быть уверен, что завтра ты опять не передумаешь по той или иной причине.

Че-го?!

То есть вот вчера, когда я лезла на скалу танцевать, серьезной физической подготовки мне не требовалось?

— Не передумаю, — заметила я, испытывая смутное желание запустить в него полупустой бутылкой.

— Да ну?

Я выразительно посмотрела на этого драконогада, но его не проняло.

Твою чешую, он серьезно?! Он серьезно собирается поставить на мое место какую-то...

— Давай начистоту, Зажигалка. Танцуешь ты отпадно, но при малейшем намеке на сексуальность зажимаешься. Из чего я делаю вывод, что со сценами четырнадцать плюс у нас могут возникнуть серьезные проблемы.

Прежде чем я успела запустить в него бутылкой, Гроу повернулся ко мне:

— Но я готов дать тебе второй шанс.

Вопросительно приподняла брови.

— И даже больше.

Пока я раздумывала, куда лучше бить, он уже поднялся. Стремительным, текучим движением, как готовящийся взлетать дракон. Вот зараза, туда я уже не докину!

— Ну, чего сидим? — поинтересовался Гроу, глядя на меня сверху вниз. — Генеральная репетиция ждать не будет.

Генеральная репетиция... чего?!

— Может, тебе еще стриптиз станцевать? — поинтересовалась я, выразительно глядя ему в глаза.

— Я не против.

— Не сомневаюсь. Только после того, как ты мне перед всей съемочной группой споешь.

— Ну, нет так нет. — Гроу пожал плечами и направился к краю выступа, на котором устроился флайс.

У-у-ух, как же мне сейчас хотелось придать ему ускорения!

Отшвырнув остатки фрукта в тарелку, вскочила и шагнула следом за

ним.

— Ты сам говорил, что я нужна тебе как Ильеррская, — прорычала ему в спину.

Гроу развернулся:

— Говорил. Но времени на сто пятнадцать дублей каждой сцены четырнадцать плюс у меня нет.

Р-р-р!!!

— Так что или доказывай свою профпригодность... — Он приподнял брови. — Или будем считать, что этого разговора не было.

Интересно, если я столкну его вниз, сколько человек придет на слушание мне посочувствовать?!

— Ладно! — прорычала я.

Будут тебе пробы. И генеральная репетиция заодно. Такая генеральная репетиция, после которой ты и думать забудешь обо всех «пробах», которые раньше проводил. А потом... отправишься домой с чувством выполненного долга и готовым взлететь драконом, душ тебе в помощь, задница режиссерская!

Коварный план мести даже немного взбодрил (если можно так выразиться в двух шагах от него).

— О'кей, — выдохнула уже спокойнее. — Предлагаю компромисс.

Гроу приподнял брови:

— Удиви меня, Зажигалка.

— Танцуем. Вместе. Если у тебя встанет, тест на профпригодность засчитывается.

В поисках карманов руки прогулялись вдоль бедер. Карманов не нашли, а вот потемневший взгляд Гроу однозначно говорил о том, что я на правильном пути.

— Не боишься, что у тебя тоже встанет? — хмыкнул он, приблизившись вплотную.

Мне, по-моему, бояться уже поздно.

— Отсюда бежать некуда, и льда здесь тоже нет.

— Тема льда не дает покоя? — поинтересовалась.

Холодный ветер обжигал голые ноги, но даю эти самые ноги на отгрызание, мурашки по коже были вовсе не от него.

— И не только она, — хриловато-певучие нотки прокатились по телу искрящей волной.

— Избавь меня от своих сексуальных фантазий, — вскинула руки. — Так что?

Драконогад прищурился:

— Заметано. Музыка моя.

— Не вопрос.

— И выбор места тоже.

Прежде чем я успела уточнить, каким образом здесь вообще можно выбрать место (за флайсом, справа от флайса или перед флайсом), Гроу уже шагнул к нему и, легко оттолкнувшись от камня, взлетел на капот, а после на крышу.

— Иди сюда.

Мгновение — и я рядом с Гроу, лицом к лицу. То, что план мести был ну очень хреновый, я поняла, когда наши пальцы соприкоснулись. Эти совершенно ненормальные темные глаза и ладонь, сквозь которую в меня текло жидкое пламя. Сильная ладонь, жесткая и настолько крепкая, что я даже вздохнуть не успела, как меня уже впечатали в себя. Огнем пронзило от макушки до пяток, а в следующее мгновение в небо ударил его голос и музыка, от которой остановилось сердце.

Этот мир без тебя,
Как пустыня во льдах,
Как бескрайняя ночь, где нет места дыханью...

Сейчас я бы при всем желании не смогла освободить руку. Наши пальцы переплелись, и точно так же переплелись наши тела: я вливалась в него, или он в меня — не суть важно.

Я живу, я дышу,
Все, как прежде, сейчас,
Но со мной постоянно одно осознание...

Разворот — и мы шагаем по самому краю флайса, по самой кромке сверкающей в лунном свете металлом крыши. Чуть левее — и рухнем с обрыва, начинающегося из темноты пустоши. Манящий высотой, вливающий в кровь адреналин, пламя, желание двигаться в рваном ритме, подчиняясь зовущему за собой голосу: низкому и хриплому, в который врывается колючий ветер в попытке сбить его в пропасть. Вот только голос не прерывается, наоборот — набирает силу, и вместе с ним набирает силу идущий из самого сердца жар.

Эта музыка — ария из постановки «Мир без тебя».

Его исполнение, от которого в груди раскрываются огненные цветы.

Не представляю, ставил ли он ее кому-нибудь до меня, но почему-то сейчас кажется, что не ставил. И шаг назад, который я делаю, чтобы прогнуться над пропастью, и его руки на моей талии, не позволяющие упасть, текучим движением возвращающие назад, все это настолько правильно, остро, ярко, что хочется кричать. Сильные плечи под ладонями и вытягивающийся в вертикаль зрачок, от которого что-то внутри меня окончательно дуреет.

От этого или от короткого прикосновения жестких пальцев к горящим бедрам.

Моя жизнь для тебя
На года, на века.
В бесконечности лет, в переменных эпохах...
Там, где ты, там и я,
Эта правда легка:
Я с тобой навсегда, до последнего вздоха.

Это танец-прикосновение, в котором непонятно, кто ведет, но это и не важно.

Я отступаю, он шагает за мной, резко уходит вправо, и я втекаю в движение следом за ним. Кажется, дыхание уже давно существует отдельно от меня, вместе с тем, кто рычит в звездное небо эту выносящую сердце песню. Это танец-признание или танец-прощание, почему-то мне сейчас кажется, что это именно так, в ритме хлещущей над нами мелодии огня. Разбивающейся о камни, вспарывающей ночное небо и искрами фейерверка осыпающейся вниз на каждом нашем движении. Его ладони скользят по моему телу, мои — по его. Под пальцами жесткая щетина и такие же жесткие пряди волос.

Кадык Гроу дергается, когда я втекаю бедрами в его пах.
Медленно, горячо, жарко.
Я вздрагиваю, когда его ладони ложатся на мои ягодицы.
Жестко, сильно, остро.

Я тебя отпустил,
Потому что был слеп,
Потому что, увы, не готов был признаться...
В том, что чувством зовут,

Что оно для меня
Всех важнее устоев, успехов, сенсаций.

Разворот, в котором я ухожу в арку его рук, чтобы оказаться спиной к нему, вышел неожиданно острым. Чуть подалась назад, позволяя телу вливаться в его и чувствуя, как ладонь на моем бедре становится каменной, а та, что сжимает пальцы, слегка дрожит. Я впитывала дыхание Гроу, как если бы каждый его вздох проходил сквозь меня через курточку. И не только дыхание, я чувствовала его всего. Везде. Каждую напряженную мышцу сильной груди спиной, каменный пресс поясницей и все, что ниже, — чувствительными ягодицами. Мы словно сливались воедино, повторяя друг друга, каждый контур, каждый изгиб тела.

Идеально.

Даже когда я стекала по нему, чувствуя, как его жар наполняет меня, а его хриплый выдох — льющийся из динамиков голос. Когда я медленно поднималась, и горячие ладони скользили по моим бедрам.

Ты права, я сгорал,
Возрождался, но лишь
Для того, чтобы снова с тобой оказаться.
Чтобы рухнуть со скал,
Чтобы в небо взлететь
Только вместе с тобой, и уже никогда не прощаться!

Этот мир без тебя...
Мне не нужен, поверь!

Новый разворот — и мы снова оказались лицом к лицу, резкий рывок выбил из меня дыхание. И меня из меня тоже выбил настолько, что полыхнувшее в глазах Гроу зеленое пламя отразилось во мне, как мое собственное. В воцарившейся тишине расстояние между нами стянулось до точки в считанные секунды. И расширилось до границ падающего на нас неба, когда в губы ударил яростный, сводящий с ума поцелуй.

Поцелуй, от которого вспыхнули не только губы, но и я вся. Огонь, сплавляющий нас воедино, раскаленными брызгами разлетелся по коже: там, где пальцы Гроу коснулись моей шеи под волосами. Пальцы тоже горели от прикосновения к жестким прядям, которые я бессовестно сгребла

в горсть. Не удержалась, не смогла, не захотела, рухнула в этот поцелуй, врезаясь в жесткие губы ответным поцелуем-укусом. Обтекая дракона собой, чувствуя каждой клеточкой кожи малейшее прикосновение. Впитывая его, запоминая, сходя с ума от желания бесстыдно потереться бедрами о заметную выпуклость на его джинсах.

И все-таки потерлась, чувствуя, как в меня втекает хриплое рычание. Как плечи под моими пальцами становятся каменными, и кажется, сейчас тонкая ткань рубашки просто рассыплется пеплом и разлетится по ветру. А вместе с ним и я, потому что под потоками чистого пламени нельзя остаться собой.

Особенно обычной женщине рядом с ир்தханом.

Мысль ударилась силой шквального ветра, отнимая остатки дыхания, выпитого им до дна.

Судорожный хриплый вздох скользнул по губам, когда я неожиданно отстранилась. Я, он, мы... и летящие в стороны огненные брызги. Сама не поняла, как это произошло, словно что-то замкнуло в контактах, и нас отбросило друг от друга искровым разрядом. Отбросило, если можно так выразиться: его ладонь по-прежнему лежала на моей талии, мешая мыслить здраво. Точно так же, как дикий звериный взгляд, — залитая зеленью огня радужка и полоска вертикального зрачка. Тонкий нос, ставший, казалось, еще тоньше. Губы, горящие от моих поцелуев, я это даже проверила, когда скользнула по ним подушечками пальцев. Жесткая джинсовая ткань под моими бедрами (идиотская юбка опять задралась).

Пальцы Гроу прикасались к моей шее, поглаживая невероятно чувствительную кожу. По самой кромке волос, цепляя их. Животом я по-прежнему вжималась в его пах и однозначно чувствовала всю силу его желания. Отзывающегося во мне ненормальным горячим жаром внизу живота.

Мм...

Отступила, размыкая последний контакт, физически чувствуя, как сгущается пустота под пальцами, которые еще хранили ощущение его губ. Как тянет холодом по талии, помнящей властную тяжесть его ладони. С этим определенно надо было что-то делать, поэтому я приподняла брови и поинтересовалась:

— Зачет?

Зелень в глазах полыхнула так, что я шагнула назад.

Поняла, что подо мной кончилась крыша, но слишком поздно. Я даже испугаться не успела, подумала только, что полет копчиком вниз и головой назад может закончиться очень плачевно, когда мимо метнулась тень,

раздался какой-то скрежет. Меня швырнуло вперед, впечатало в Гроу, а в следующий миг мы с грохотом приземлились на капот. Он — снизу, я — сверху. Если бы я приложилась, как он, у меня бы искры из глаз посыпались, а этот только поморщился и поинтересовался:

— Кто тебя падать учил, Зажигалка?

— Какая разница, — буркнула я, испытывая странное и доселе неизведанное чувство: поинтересоваться, не отбил ли этот драконогад себе что-нибудь. А еще лучше — проверить. Но проверять, лежа на нем... нет уж, спасибо.

— Разница есть. Я бы его уволил на хрен.

А вот нечего было глазами сверкать!

Я, между прочим, хоть с драконами и общалась, так они на меня не смотрели. На меня вообще никто так не смотрел, как он сейчас: глубоко, опасно, горячо. Настолько горячо, что даже там, где мои коленки вжимались в металл между его бедер, кожа горела. А драконогад не спешил меня отпускать, прижимал к себе, скользнул ладонью вдоль спины наверх — туда, где заканчивался край топики. Грубоватые пальцы погладили обнаженную кожу между лопаток.

— Так и будем лежать? — поинтересовалась я.

Голосом на пару октав ниже обычного.

Вообще чувство было такое, что этот тягучий голос рождается даже не из груди, а из той томительной тяжести, которой отзывается во мне эта звериная ласка. Местечко между лопатками у меня безумно чувствительное, и этот драконозмей, кажется, отлично улавливал, как от каждого движения по моему телу проходит тихая дрожь. Как легкая рябь на воде, в глубину которой лучше не вглядываться.

— Почему бы нет? Меня все устраивает.

Ну что я говорила? Драконозмей!

— Меня — нет, — сказала я и попыталась сдвинуться.

— Если будешь так ерзать, Зажигалка, я тебя изнасилую, — хрипло сказал он, и я замерла.

Не то чтобы меня проняло угрозой... а нет, проняло.

Смотрел он так, что вот-вот — и за шкурку схватит. Ладно, если рукой, а то и зубами.

Осознание этого отозвалось легкой пульсацией внутри. И совершенно первобытным: каково это — цепляться за крышу машины, подаваясь назад, когда он...

Т-т-так, тормоза, Танни! Тормоза!

— Ладно, если не боишься отморозить себе задницу...

Мой голос звучал по-прежнему хрипло, поэтому я прокашлялась.

— Ты переживаешь за мою задницу? — Уголки его губ дрогнули.

— Ага, очень. В конце концов, ты обеспечение моего гонорара.

Гроу приподнял брови:

— Я уже говорил, что ты расчетливая?

Такая расчетливая, что, если еще пару минут полежу на нем, сама его изнасилую.

— Говорил. Но вообще мы остановились на Теарин и трюках.

— Значит, так. По сценам четырнадцать плюс. — Гроу смотрел мне в глаза, я это чувствовала, потому что сама смотрела через его плечо на отражение двух лун в тонированном лобовом стекле. Упираюсь ладонями ему в грудь, когда ритмичные удары сердца бьют мне прямо в ладони, — то еще удовольствие.

Такое провокационное удовольствие.

— Как и обещал, они твои. По трюкам...

Вот теперь я не удержалась: взглянула на него. Наполненные зеленью глаза потемнели до человеческих, прищур снова стал чисто режиссерским. Ну, почти.

— Пообщаешься с постановщиком трюков. Если он скажет, что ты научилась нормально падать, Теарин вся твоя.

Гроу меня практически отпустил, но нормально отжаться можно было только от него. А я до сих пор не была уверена, что он не отбил себе что-нибудь основательно, поэтому приходилось на нем лежать. И принимать как данность, что его пальцы вплетаются в мои волосы, вытягивая их на всю длину, отпускают и позволяют рассыпаться нитями на ветру. Скольжение второй руки по позвонкам наводило на странные мысли: наверное, именно так настраивают инструменты.

Под себя.

— Отлично. Когда? — спросила, чтобы перебить очередную дикость.

— Да хоть завтра.

— Он завтра приезжает?

— Завтра за ужином.

— Что?!

Вот теперь я подскочила: на коленках, чудом не ссадив кожу.

— Да, ты все правильно поняла, Зажигалка. — Гроу приподнялся на локтях. — Высотные трюки и сцены с огнем тоже ставлю я. И исполняю заодно.

В этот момент меня посетило несколько мыслей: во-первых, он точно ничего себе не отбил. Во-вторых, танцевать в огне мне предстоит с ним. И

в-третьих...

Мне не хватало адреналина, потому что я хотела забыть Мика.

А что хочет забыть он?

— У тебя это призвание такое? — поинтересовалась я.

— У меня их много.

— Да я уже заметила. — Спрыгнула на твердую землю (о счастье!), одернула решившую довести меня до ручки юбку. Не без удовлетворения отметила царапину на капоте, оставшуюся от его каблука, когда Гроу меня ловил. — Кстати, что за тема с привязкой?

— А ты с какой целью интересуешься, Зажигалка?

— Чисто с практической, — хмыкнула. — Мне нужно понять, на что способна девица, у которой съехал мозг по иртхану. Чтобы достоверно сыграть Теарин.

— В сценарии этого нет.

— Знаю. Читала. В этом сценарии вообще много чего нет.

Гроу легко оттолкнулся от капота, спрыгнул на землю и оказался рядом со мной.

— Думаешь, это моя прихоть?

Под его пристальным взглядом передернула плечами.

— Не представляю.

— Не все, что происходит в мире иртханов, можно выносить в мир людей.

— Ну, естественно. Кому понравится знать, что у тебя может съехать крыша от притяжения к недодракону.

— Не может. — Гроу сунул руки в карманы. — К недодракону не может. Ты в курсе, насколько сильнее были иртханы во времена Даармархского? Они оборачивались с полпинка, стихию могли держать на расстоянии. Именно к такому огню может быть привязка, к нашим современникам — нет. Но именно потому, что ты спрашиваешь, об этом умалчивается. Представляешь, сколько дряни на этом можно раздуть?

Примерно представляю.

Не сказать, что у меня отлегло от сердца, но спокойнее стало. Значит, сжечь мозги и заикнуться на Гроу мне не грозит. Вот только если отбросить привязку и прочее, выходит...

Нет, я не хочу думать об этом сейчас! У меня просто временное помешательство.

В общем-то, в таком ключе и про таэрран тоже все ясно. Кому охота открывать уязвимость перед людьми? Так выйдешь в таэрран на люди, и для всех это модная татушечка-чокер. А если все будут знать, что это

наказание... короче, на ир்தхane такое может отразиться не самым приятным образом.

— Стесняетесь своих дремучих обычаев?

Честно говоря, при упоминании о таэрран у меня до сих пор глаз дергался. В свое время муж моей сестры (тогда еще не муж) нацепил на нее таэрран за то, что она заставила Лодингера пробежаться с голым задом по стадиону. Ментальное воздействие на людей строго запрещено, и это, по сути, защищает нас от произвола ир்தханов, но тогда мне хотелось только одного: вломить нынешнему Председателю промеж глаз. Зная Леону, для нее это была жуть, даже когда об узоре на ее шее знали только ир்தханы. Что уж говорить, если бы знал весь мир.

— Ты сейчас о чем? — Гроу нырнул во флайс, а вернулся с фруктами и бутылкой вина. Точнее, с его остатками.

— О таэрран.

Он приподнял брови и уселся на капот.

Я подумала и последовала его примеру. Все хорошо, только пятая точка слегка мерзнет.

— Не проще ей вообще не пользоваться?

— Проще. — Гроу передернул плечами. — Но у правящих свое мнение на этот счет.

— Поэтому ты отказался войти в семью?

На меня как-то чересчур пристально посмотрели.

— В том числе.

— Ладно. Если я зацепила личное...

— Это уже давно не личное. Отец не хотел, чтобы я занимался шоу-бизнесом, считал, что это помешает первостепенным обязанностям. Я считал иначе, наши мнения разошлись.

М-да.

Дернулась от пронзивших пальцы искр, когда он передал мне бутылку. Сделала глоток, вернула ему и принялась чистить медарин. Тонкокорый фрукт, знаменитый сиреневым цветом и приторной сладостью, кислинка в которую закрадывается, только когда он начинает пропадать.

— Правда, что ты хочешь уйти?

Гроу повернулся ко мне:

— Ты никогда не тормозишь, Зажигалка?

— Очень часто, но от этого у меня потом большие проблемы. Иногда и у других.

— Ты сейчас о чем?

— Про таэрран Леоны. Это было из-за меня.

Не думаю, что это такой уж большой секрет: когда Лодингеры раздули из этой ситуации скандал, чтобы свалить Рэйнара, он в прямом эфире вынужден был заявить, за что Леона наказана и как именно. Правда слово «таэрран» там не звучало, но сути это не меняет.

— Из-за тебя проблемы могут быть только у тебя.

— Да неужели?

— Можешь мне поверить. Мы сами создаем себе проблемы, и левая пятка девятого статиста в шестнадцатом ряду тут ни при чем.

Странный у нас получался разговор. Может, дело в вине?

Или в том, что «драконий месяц» как-то странно влияет на мозги. Или в том, что рядом с ним мои мозги разжижаются.

— Твоя очередь.

— А. Про уйти.

Гроу кивнул:

— Правда.

— С чего бы?

— Иногда возникает такое чувство, что ты сделал все и больше уже не сделаешь...

— Да ладно? — скептически приподняла бровь.

— Но это не про меня. В общем-то, из-за них.

Он повел головой, я проследила его взгляд и чуть не уронила дольку на юбку.

Над черным полотном пустоши, на фоне усыпанного искрами ночного неба виднелись несколько точек. Пока еще едва различимых, но уже отсюда было видно, что из точек торчат ниточки. То есть крылышки.

— Политика и шоу-бизнес действительно не сочетаются.

Я как-то разом забыла про медарины, вино и все остальное. Дыхание стало коротким, язык прилип к небу, а взгляд — к приближающимся драконам. Летели они очень медленно: в пустошах расстояние растягивается до невообразимости. Вот и сейчас то, что казалось мне очень близким, вряд ли можно было таковым назвать.

— Не волнуйся. Сюда они все равно не подойдут.

— Я не волнуюсь.

Гроу почему-то улыбнулся, как это умеет только он. Не то действительно нормальный чело... иртхан, не то насмехается.

Крохотные драконы плясали в небе то выше, то ниже. То взмывали под самый купол тянущегося к земле неба, то падали вниз. Усилием воли заставила себя отлепиться от созерцания этой картины и посмотрела на сидящего рядом мужчину. Краями ладоней он опирался о капот, глядя туда,

где звери рвались на части между небом и землей. Беснующимися стрелами взмывали ввысь, чтобы потом рухнуть в черную пропасть и снова взлететь.

Каково это — рваться между тем, что любишь, и тем, что у тебя в крови?

Эта мысль совершенно точно была лишней, но я ее уже допустила.

И точно так же допустила совершенно непонятный короткий жест, когда Гроу тоже ко мне повернулся. Провел пальцами по моей щеке, чтобы снова коснуться губами губ. На этот раз настолько медленно, горячо и остро, что я почувствовала все оттенки вина. Кислинку и терпкость раскрывающегося огнем вкуса. Рождающегося в груди и перетекающего в дрожащие от напряжения кончики пальцев, соскальзывающие с металла.

— Иди сюда. — Он сдернул меня с капота прежде, чем я успела пискнуть.

Подтянул к себе, коленями отрезая от холода машины.

— Ты что делаешь?! — выдохнула я.

— Просто не хочу тебя отпускать.

Ы?

Это прозвучало слишком... Не как фальшивая нота, а как музыкальный акцент в напряженной сцене в кино: когда тебя впечатывает в кресло, и ты с вытаращенными глазами пялишься на экран. Сейчас я вытаращенными глазами пялилась на экран... то есть в пустоши, где резвились драконы, и отчаянно пыталась соскрести себя с обивки. То есть с Гроу.

Соскребаться не хотелось от слова «совсем».

Хотелось... а вот дракон его знает что. Наверное, просто стоять рядом с ним и смотреть на Ортахарну (потому что от драконов он отвернулся), отсюда напоминающую микросхему. И я стояла и любовалась, чувствуя, как сквозь сильные руки в меня втекает тепло. Как удары сердца врываются в мои. Кровь бежала по венам, как лава под землей: обманчиво спокойно, расслабленно, до первого разлома обугленной корки на сердце.

Разлома не случилось, случился поцелуй.

Потом еще один. И еще.

Каждый — до раскаленного воздуха и сорванного дыхания. До полной потери осознания, где находишься. До яростного вброса в реальность, где мир обретал очертания контурами его губ и лица.

Близко-близко.

А потом Гроу сделал то, чего я меньше всего ждала: просто отвез меня в отель.

Просто — без журналистов, попыток продолжить (или закончить?) то, что мы начали, или чего-либо еще. Попрощался, сказал, что увидимся завтра, и оставил меня у лифтов с одной-единственной мыслью: это, чтоб его, что только что было?

«Свидание, деточка», — насмешливо подсказал внутренний циник.

Эта мысль крутилась у меня в голове, когда я смотрела на свои припухшие губы.

Крутилась, когда принимала душ и заворачивалась в полотенце. Крутилась, когда подумывала, не позвонить ли Имери, чтобы вправила мне мозги. В тот момент, когда я почти набрала ее номер, в дверь постучали.

Решительно так, настойчиво.

Прикидывая, кого могло принести ко мне ближе к полуночи, я представила Рихта, Ленарда и даже случайно перепутавшего заказ официанта из круглосуточного отельного ресторана.

Но того, кого принесло, я представить не могла точно.

Потому что когда открыла дверь, на пороге стояла Леона.

ГЛАВА 14

Танни

Убиться об скалу.

Наверное, это совершенно нормальные мысли, если в двенадцать сорок восемь по местному в дверях твоего номера появляется первая леди. И уж точно совершенно нормальные, если первая леди — твоя сестра во всей своей неповторимой идеальности. Волосы убраны наверх, строгая прическа. Безупречный деловой костюм бледно-голубого цвета в тон глазам. И клатч цвета «металлик» под туфли.

В общем, я уже говорила про идеальность?

За спиной ее маячили два бугая, читай охрана. Хотя за спиной — сильно сказано, они застыли справа и слева от двери, их шкафообразные тени скрестились на полу коридора.

Мм...

— Что, даже не пригласишь войти?

Голос ее звучал чересчур спокойно, а глаза ледяные-ледяные.

Мне звезда.

— Да ну... не ждала я тебя ближе к ночи, — шагнула назад. — Заходи, конечно.

К счастью, секьюрити остались в коридоре, Леона же вошла в номер, цепким взглядом отметив обстановку с высоты своего положения. Подобный взгляд у нее появлялся либо когда она в бешенстве, либо когда очень устала.

Может, сегодня она просто с гастролей, а?

— Ты что творишь?!

Нет, не с гастролей.

— Кофе? — поинтересовалась, стратегически отступая в сторону мини-бара.

— Танни.

— Не хочешь кофе?

Глаза ее сверкнули.

— Мне кажется или я предупредила тебя, чтобы ты держалась от него подальше?! — Как в груди моей маленькой хрупкой сестры рождается низкое рычание, одним драконам известно. Впрочем, она еще и не такие ноты берет.

— Предупредила, — хмыкнула я и сунула руки в карманы. По счастью, в халате карманы были. — Мне кажется или я уже взрослая девочка?

— Очень, — ядовито отозвалась Леона. — Только ведешь себя, как подросток в гормональной буре.

Ну, знаете ли...

— Это ты сейчас о чем? — поинтересовалась, глядя ей в глаза. — Об утренних снимках?

— И о них в том числе! Ты каким местом думала, когда соглашалась на съемки?

— Го-ло-вой! Не поверишь.

— Да ну? И давно ты захотела стать актрисой?

— Когда захотела, тогда и захотела, — огрызнулась я.

Ненавижу, когда она так смотрит: чуть приподняв подбородок, из-под длинных ресниц. А взглядом словно бетонной плитой в пол впечатывает. От мужа, видимо, научилась.

— Чудесно. — Леона шагнула ко мне. — Только тебе, Танни, уже давно не шестнадцать. И надо учитывать, что все твои хотелки неизменно скажутся на твоей репутации, в том числе и профессиональной.

— Мы сейчас точно о моей репутации говорим? — Я приподняла брови.

— Точно. — Леона сверкнула глазами. — Знаешь, что происходит в «Хайлайн Вайнерз»? Все только и обсуждают, как ты была загадочным образом уволена, а потом снова принята на работу. Почему? Потому что Джерман Гроу настоял на том, чтобы ты работала в команде спецэффектов Ильеррской и продолжала координировать проект.

Моя челюсть осталась на месте только благодаря тому, что я закусила губу. Нет, я, конечно, помнила про выставленное Гроу условие, но то, что это произойдет так скоро...

— Теперь внимание: почему это произошло? Как ты думаешь, какие выводы сделают после сегодняшних фотограмм, где он несет тебя на руках?

— А мне не плевать ли? — хмыкнула я. — Я отличный специалист и...

— Ты полная дура! — рявкнула Леона.

Так, что за моей спиной в мини-баре что-то упало. Хорошо, если не взорвалось осколками.

— Отлично, — процедила я. — А ты сестра полной дуры. Но если ты не сбавишь тон и не начнешь говорить со мной нормально, я выставлю тебя за дверь и не посмотрю, что ты первая леди.

— В первую очередь я — твоя сестра.

— Очешуешь! И когда ты об этом вспомнила? Когда увидела кастинг к Ильяеррской или когда фотограмма с Гроу отозвалась чесоткой за правым ухом?!

— Ты заговариваешься, Танни. — Леона прищурилась, ноздри ее дрогнули.

— Я? Заговариваюсь?! Ага, десять раз. Сколько раз за последнее время ты обо мне вспоминала, не считая дня рождения твоей дочери?! Которую вы, между прочим, назвали Шайной Лириссой, совершенно забыв о том, что у тебя была вторая мать?!

После этих слов в номере повисла тишина. Такая, которую можно резать лазерным ножом, а еще лучше профессиональным резакон для огнеупорного стекла. Хотя не факт, что ее даже он возьмет. Лучше бы взял, даже разлетающиеся осколки не могли порезать, как этот взгляд: чужой и холодный.

— Значит, так, — сказала Леона. — Ты сейчас же собираешь вещи и возвращаешься в Мэйстон. Неустойку за тебя мы выплатим, если пожелаешь, будешь работать над спецэффектами. Удаленно, потому что дирекция «Хайлайн Вайнерз» пока не готова снова взять тебя в штат.

Потрясающе!

— Нет, — сказала я.

— Прости?

— ЭН. Е. ТЭ. По буквам говорю, могу написать, если у тебя совсем понималка отрубилась...

Звук пощечины оборвал мой голос, а тяжелая грань обручального кольца прилась точно по припухшей губе. Больно было не по-детски, но гораздо больнее было смотреть ей в глаза.

— Сейчас я тебе популярно все объясню, Танни, — процедила она. — Когда мы работали с Джерманом Гроу, он был моей потенциальной парой.

Наверное, с тем же успехом мне можно было врезать под дых.

Ногой.

— Чего?! — хрипло переспросила я.

— Парой, — повторила Леона. — Потенциальная пара — это когда огни иртеханов тянутся друг к другу, и если произойдет слияние, иртеханы становятся парой. У нас не было романа, но некоторые считают иначе. Возможно, сам Гроу считает иначе. Найдутся те, кто вспомнит эту историю: например, парень, которого он вышиб из проекта. Согласна, для фильма это реклама отличная, но только для фильма.

— Ты врешь, — хотела сказать я, но получилось: «Твршь». Голос

почему-то сел окончательно и отказывался подчиняться.

Вместо ответа Леона протянула мне мобильный и включила запись.

Сначала я даже ничего не поняла, только всматривалась в мельтешение в каком-то дико пафосном кабинете. До той минуты, пока не увидела вошедшего Гроу и не услышала низкий и хриплый голос. Дальнейшее слилось в какой-то странный шум, сквозь который отчетливо пробивались слова, закликивающиеся в моей голове, как на медленной перемотке.

— Спорим, я сделаю из нее звезду, Марр?

— Спорим?

— Ага. На твою виллу в Вэстер-сайд.

— И что на кону с твоей стороны?

— Не считая карьеры? Облажаюсь — получишь мой особняк в Фэнсбери.

— То есть ты настолько в ней уверен?

— Я уверен в себе.

Я остановила запись и сунула мобильный ей в руку.

Молча.

В контракте указано, что я должна появляться с Гроу на публике. Везде. Если всплывет та старая история, фильм об Ильеррской станет популярен задолго до того, как появится на экранах. Картина, где снимается «сестричка Ладэ», у которой сейчас тоже роман с Гроу, как в свое время у старшей сестры.

Отпад.

Зашибись.

И вилла в Вэстер-сайд, если одна дура сыграет Ильеррскую.

Я сглотнула и повернулась к балкону, рядом с которым недавно, несколько часов назад замирал флайс. Перед глазами Гроу снова стоял на перилах и протягивал мне руку, а потом мы летели над Ортахарной и запивали поцелуи вином.

«Сестричка Ладэ».

«Возможно, сам Гроу считает иначе».

— Танни. — Леона потянулась к моему плечу, но я отступила. Вышло как-то резко, и бедро обожгло болью: я влетела в угловую полку.

Сама не знаю почему, внутри тоже что-то жгло.

— Собирайся, — повторила она уже совсем другим тоном.

Таким, от которого мне захотелось орать стоэтажным аронгарским и швыряться всем, что под руку попадет.

— Вон, — тихо сказала я.

— Что?! — Теперь голос Леоны напоминал шипение.

— Вон. Там. Дверь. — Я указала в сторону выхода.

К счастью, рука не дрожала, хотя сердце как-то странно колотилось, сбиваясь с ритма.

Взгляд Леоны стал металлическим. Об такой точно можно убиться.

— Не заставляй меня...

— Что? — поинтересовалась я. — Упакуешь в коробочку и отвезешь в Мэйстон? Валяй, попробуй. Только когда я распакуюсь, устрою вам такой грандиозный скандал, от которого ваша пресс-служба зажмется у стены, прикрывая мокрые брюки ладошками.

Не дожидаясь ответа, направилась к балконной двери и распахнула ее. Вдохнула и поняла, что не могу. Не могу дышать. Ортахарна смазывалась перед глазами, превращаясь в поломанный калейдоскоп. В голове было пусто — ни единой мысли. В груди — ни клочка воздуха.

За спиной яростно хлопнула дверь, а я на негнущихся ногах подошла к перилам. Вцепилась в них, чувствуя, что пальцы впаялись намертво. Я сжимала их до тех пор, пока передавленные фаланги не отозвались болью, а потом распласталась по ограждению, раскинув руки в стороны. Воздух все-таки прорвался в меня: втекал в грудь лениво, с каждым вдохом сердце все сильнее вбивалось в металл. Внизу тоже что-то мельтешило, но впервые в жизни я не хотела лезть на перила и танцевать.

Потому что точно знала: сегодня я упаду.

С утра мне вообще не хотелось выползать из номера, хотелось сидеть здесь до скончания века и жалеть себя любимую, пока жалелка не сломается. Но на эту тему в Аронгаре есть очень мудрая поговорка: «Время, потраченное на жалость к себе, сравнимо с выброшенным на ветер миллиардом». Поэтому я завязала хвостик, накрашила губы (чтобы хоть чуть-чуть прикрыть след от вчерашней встречи) и выползла в коридор. Чуть не налетела на Ленарда, который замер с поднятой рукой — стучать собирался.

— Ты чего здесь делаешь? — поинтересовалась.

— И тебе доброе утро, — хмыкнул парень. — Вообще-то я просто решил зайти, чтобы одному не спускаться. Но если ты против...

Он развернулся было, но я перехватила его за локоть:

— Ленард, я просто не выспалась.

— Чего так? — Он тут же заметно повеселел. — Ночка была интересная?

Очень. Полчаса я провисела на перилах, разглядывая Ортахарну с высоты драконьего полета, потом соскреблась и пошла в номер. Где еще

часа четыре ворочалась, пытаясь прогнать идиотские мысли о том, что песня, под которую мы танцевали с Гроу, на самом деле была посвящена Леоне. Что в свое время он действительно на нее запал, поэтому так просто и легко вспомнил меня.

Действительно, почему бы нет.

Мало ли мимо него проходило девиц с разноцветными прядями? А вот сестричка Леоны Ладэ — одна-единственная.

Понимая, что надумать лишнего могу запросто, я накрылась подушкой и пообещала себе, что думать об этом не буду. Вообще. По крайней мере, пока не смогу нормально воспринимать происходящее без желания взобраться на перила и танцевать спиной к городу.

— А чего это у тебя с губой? — поинтересовался Ленард.

М-да, недокрасила, значит. Она умудрилась лопнуть и теперь болела, неприятненько так дергала даже под слоем яркой увлажняющей помады.

— А ничего, — сказала я. — Лучше скажи, с какой радости ты решил за мной зайти?

— Да просто так. — Ленард ткнул в кнопку и сделал вид, что рассматривает узор над лифтом, который под разными углами выглядел по-разному.

В общем, как-то так мы с ним на пару избежали неприятных тем.

То, что после стараний Мелоры парню не очень комфортно в съемочной группе, я уже поняла. Поэтому пообещала себе, что со своей стороны сделаю все возможное, чтобы это исправить. По крайней мере, после того заползания на скалу и танца меня уже никто не воспринимает, как сестричку Ладэ. Никто, кроме Гроу.

Мысленно дала себе пинка и привалилась к стене лифта.

Со вчерашнего вечера на меня нашло странное отупение: если раньше наши отношения с Леоной можно было назвать отчужденными, то как назвать их теперь, я не представляла вообще. И не хотела представлять, потому что... это грозило воем в стиле обделенного вялым мясом виара и потопом, которого в моей жизни не случилось уже давно. Пусть я разучилась плакать в принципе, это не значит, что мне хочется проверять, каково это.

В холле отеля мы столкнулись с Рихтом, он беседовал с ассистентами оператора.

— Привет, ребята! — первой поздоровалась я и, когда мы обменялись приветствиями, поинтересовалась: — Обсуждаете, в каком ракурсе лучше снимать сцену номер семнадцать?

— Вообще-то, чемпионат мира по гратхэнду.

— О...

— Сборная Аронгары играет в Ферверне. В Хайрмарге, если быть точным, — заметил Рихт.

— И мы прикидывали, как туда попасть, чтобы нас не уволили, — подтвердил молодой светловолосый парень, который, по-моему, управлял камерами воздушной съемки.

Мимо нас прошли две девушки, синхронно свернувшие на Рихта шею и улыбающиеся так, что сияющей белизной зубов могли затмить лампы дневного света.

— Потому что начнется он через пару месяцев, когда съемки будут в самом разгаре.

— О, у меня отец собирается! — воскликнул Ленард, у которого засверкали глаза.

— У меня старший брат с семьей, — вздохнул оператор. — Ради такого дела даже отпуск на месяц взял. Счастливые люди!

— А ты за кого болееешь внутри Аронгары, Харинсен?

— Я? — Ленард замялся, но потом все-таки ответил: — За «Вайт Пир».

— Серьезно?! Я тоже. А еще в Рагране команда достаточно сильная...

— Фервернцы всех сделают! — В разговор вклинился второй ассистент, с длинными волосами и пирсингом в нижней губе.

Судя по тому, с каким воодушевлением они принялись обсуждать сборные и гратхэнд, я здесь была уже лишней. Поэтому сунула руки в карманы, отошла к угловым диванчикам за перегородками и плюхнулась на один из них. На матовом стекле поблескивали узоры с неоновым покрытием, вечером они начнут светиться, и будет красиво. Наверное.

Поскольку вчера мы с Гроу возвращались через верхний холл, могу только представлять.

— Все в порядке, Танни? — Надо мной возвышался Рихт.

— Да ну.

— Ты хотела сказать ну да.

— Ну да, — запрокинула голову.

— Гроу сегодня отдельно прилетит. К началу съемок.

Да пусть хоть вообще не прилетает.

При мысли о том, что придется посмотреть ему в глаза с новыми знаниями, меня основательно перекорежило. К счастью, только внутренне, на лице ничего не отразилось. Пара мысленных оплеух окончательно привела меня в форму: в конце концов, вчера ничего не было. Только развесившая уши я и он, основательно нагрузивший их чешуей. С кем не

бывает.

— Танни, тебе что-то нужно? — Из размышлений меня выдернул тонкий голосок Мирис.

Какой-то уж слишком любезный.

— Кофе?

Это вчерашний разговор ей на пользу пошел или у меня глюки?

— Нет, — покачала головой. И зачем-то добавила: — Спасибо.

Мирис растянула губы в улыбке:

— Хорошо, если что-то потребуется, я всегда рядом. Кстати, аэробас уже подан, можем лететь.

— Сейчас иду, — буркнула я. И, когда ассистентка отошла, посмотрела на Рихта: — Мне кажется или она сегодня слишком милая?

— Тебе не кажется.

Рихт протянул мне руку, я приняла ее и поднялась.

— Точно все в порядке?

— Точно, — сказала я.

Мы вместе направились к аэробасу. По пути к нам присоединился Ленард с ассистентами, которые уже вовсю спорили по поводу победителя чемпионата. Они даже сели вместе куда-то в конец, а мы с Рихтом устроились вместе, рядышком. Аэробас привычно взмыл ввысь и полетел в сторону Саолондары. Вот только теперь я при всем желании не могла смотреть в окно, потому что над ущельем маячила Лимайна, а в голове — мысли о той, кого Гроу пытался забыть.

Получается, и о парах в сценарии тоже не было. Интересно, это-то они с какой радости скрывают? Не хотят, чтобы весь мир узнал о том, что у них огни сливаются, или что? И как вообще происходит это слияние огней?

Чем больше я об этом думала, тем отчетливее понимала, что ничего не знаю о мире иртханов. Вот вообще ничего, хотя моя сестра живет в нем уже больше десяти лет.

Все, хватит с меня.

«Спорим, я сделаю из нее звезду, Марр?»

Спорим. Сделаешь.

На смену апатии пришла какая-то нездоровая злость, а еще азарт.

Я сыграю Ильеррскую. Сыграю, чего бы мне это ни стоило. Так, что у Гроу все встанет, а все остальные упадут.

Все эти драконы шоу-бизнеса и прочие драконы заодно.

Может, я и сестричка Ладэ, но после этого фильма все будут говорить: «Вы знаете, что ее сестра — первая леди?»

И когда у первой леди во время просмотра челюсть пробьет огненную

ковровую дорожку и застрянет в ней, я буду уже звездой.

Звездой, до которой Гроу точно не дотянуться.

И которая ему определенно не светит.

Дверь трейлера приоткрылась, и к нам заглянула Мирис:

— Танни, я принесла тебе кофе.

Не помню, чтобы я просила.

— Это твой последний шанс взбодриться перед напряженным днем. —

Ассистентка поставила стаканчик в подставке на столик справа от меня.

Гелла скрежетнула зубами, потому что та едва не задела оставленную без присмотра кисточку для растушевки.

— А в том, что день будет напряженным, можно не сомневаться, — продолжала Мирис. — Явился Гроу, и он сильно не в духе.

Если до этого я потянулась за кофе, то сейчас резко передумала. Внутри все как-то подозрительно заledenело, потом дернулось, и я зажала руки между коленями. Сидела на высоком стуле и делала вид, что интересуется меня исключительно макияж, с которым Гелла почти закончила. Собственно, остались только губы, поэтому Мирис была права: шанс выпить кофе перед съемками у меня последний. Но я им не воспользуюсь, потому что внутри продолжала подрагивать глыба льда. Если представить себе подвешенный на ниточке айсберг, наверное, получится точная картина того, что я сейчас чувствовала.

Сама не знаю почему.

— То есть не в духе в том самом варианте, когда все от него разбегаются. Честно, я сюда сбежала. — Мирис хихикнула и присела на стул, который освободился: Гелла кивнула ассистентке на какую-то коробочку. — В общем, готовьтесь. Все. Танни, ты в порядке?

Что-то часто моим самочувствием все интересуются.

— Все отлично.

— Точно? Ты какая-то бледная была с утра. Не выпалась или...

— Со мной все в порядке!

Я рыкнула так, что Гелла вздернула бровь, а ее ассистентка подпрыгнула на ходу.

— Ну... хорошо, — пробормотала Мирис, явно стушевавшись. — Тогда я пойду. Если что...

— Да, я знаю. Непременно обращаюсь.

Гелла вздернула вторую бровь, но ничего не сказала. Между нами вообще установился холодный нейтралитет: если раньше она хотя бы изредка что-то цедила сквозь зубы, то сегодня молчала и просто делала свою работу. Отменно, надо отметить, делала, и это главное. Разбираться в

ее заморочках у меня не было ни сил, ни желания, мне бы в своих разобраться. Например, с какой стати зажатые между коленями руки подрагивают и сами собой сжимаются в кулаки. И почему при одной мысли о Гроу ниточка айсберга начинает трещать.

— Так. Кофе не пьем? — Кажется, первые слова, которые Гелла произнесла, обращаясь ко мне.

Покачала головой, и одна из девушек тут же убрала стаканчик.

Спустя несколько минут с макияжем было покончено, и Теарин-Танни посмотрела на меня из зеркала совершенно дикими глазами.

Никаких мыслей о Гроу!

Мне плевать, что он там думает, он — режиссер-постановщик, я — актриса. На этом все.

Ну да, ну да.

Этот молчаливый внутренний диалог со стороны, должно быть, казался просто зависанием. По крайней мере, именно так я и залипла: вцепившись в край туалетного столика и рассматривая себя в зеркале. Чувствуя, что меня потряхивает примерно как перед выпускным тестом, от результатов которого зависит, в какой университет я смогу поступить.

Ну и бред...

Что за бред мне вообще в голову лезет?!

Додумать у меня не получилось, потому что дверь в гримерную распахнулась.

— Вышли все.

Судя по резкому голосу Гроу, ничего хорошего никому действительно не светило. Гелла едва уловимо дернула подбородком, и ассистентки направились за ней. Гуськом, как выводок виарят за мамашей, стремясь слиться со стенкой и не отсвечивать. Я развернулась и последовала за ними, но Гроу шагнул мне наперерез, запечатывая на половине для отдыха. Там стоял диванчик и кулер, а еще автомат для льда.

Очень символично.

— Ты сказал выйти всем, — заметила я.

— Кроме тебя.

— Какая несказанная честь.

Глаза его потемнели, но я не двинулась с места. Дизайнеру костюма Ильеррской минус в личное дело за отсутствие карманов (руки сунуть некуда). Поэтому я просто сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Я говорил с твоей сестрой.

Да ты что?!

— И как оно? После стольких лет разлуки?

Слова вырвались сами, еще парочка волокон в ниточке лопнули.

— Никак.

— Правда? Мне казалось, ту песню назвать «никак» просто нельзя.

Шагнула в сторону, пытаясь подобраться к заветной двери, но он снова меня опередил.

— Танни.

Нет, это уже слишком. Слишком слышать свое имя. Слишком смотреть ему в глаза вот так. Зачем он вообще приперся?! Наверное, если бы не было этого «хочу провести этот вечер с тобой» и «не хочу тебя отпускать», было бы проще. Но проще не становилось, наоборот, внутренняя качка усилилась, и теперь меня шатало, как обкурившегося мореплавателя, сунувшегося в штормящее море к взбесившимся драконам. То, что дракон взбесившийся, видно было по дергающемуся зрачку. Когда зрачок меняет форму, самое верное решение: линять.

— Слушай, просто дай мне пройти.

— Ты отсюда не выйдешь, пока мы не поговорим.

— О чем? — Кулаки сжала еще сильнее. — О вилле в... чешую мне в зад, забыла, как его там? О том, как ты запал на мою сестрицу и хотел раздуть на этом пиар-кампанию?! Или о вчерашнем недосвидании с недодраконом?

Ноздри его шевельнулись, контур скул стал резким, а взгляд — как пятна прицела. Того и гляди, навывлет прошьют.

— О тебе. Обо мне. О нас.

Нитка треснула, и айсберг остался висеть на волоске.

Надо мной. Над ним. Над нами.

— Обо мне я говорю только с личным психологом, извини. О тебе говорить нет ни малейшего желания. О нас звучит невыносимо пафосно. — Вдобавок к кулакам плотно сжала еще и челюсти.

— Уж как звучит, Зажигалка. — Гроу по-прежнему смотрел в упор, и от этого «в упор» меня выжимало, как белье на двухтысячных оборотах. Какой там айсберг? Еще чуть-чуть — и я сама расплзусь на ниточки. — Пока еще я сам смутно понимаю, что со мной происходит рядом с тобой, но это не похоже ни на что из того, что со мной было раньше.

Ой, нет.

— Бабочки в животе? — Я приподняла брови. — От них бывает изжога.

Зрачок дернулся в вертикаль, а вместе с ним и кадык.

— Ты умеешь говорить нормально?

— Уж как говорю. — Сложила руки на груди, потому что что-то

мешало дышать. — Вчера я сполна отработала условия контракта. Что-то еще?!

Зрачок стянулся в узкую линию, от него полыхнуло так, что айсберг подбросило ввысь.

— Вот, значит, как?

Я улыбнулась. Это было больно по многим причинам (в частности, потому что потянуло ранку на губе), но все-таки улыбнулась.

— Именно так.

— Ты действительно копия сестры.

Айсберг все-таки шмякнулся на землю. Точнее, на голову мне всей своей тяжестью и разлетелся впивающимися в кожу ледяными осколками. Я с силой впечатала ладони в режиссерскую грудь и шагнула к выходу, за которым было ущелье и не было его. Не было этого взгляда: хищного, резкого, злого.

Не плевать ли мне, какой у него взгляд?!

— Сегодня вечером у нас ужин. По контракту, — ударило мне в спину. — Образ согласишься с Геллой после съемок.

Не оборачиваясь, вскинула руку с оттопыренным средним пальцем.

И шагнула под солнце в мир Теарин.

Легко сказать, сложнее сделать. До рожицы, сквозь которую мне Теарин предстояло идти на берег, я долетела на крыльях гнева, но там у меня кончилось топливо, заряд, а заодно и все остальное. Меня по-прежнему продолжало потряхивать, правда, теперь уже от злости на себя. Сорвалась, как... малолетка! Мало того что выдала ему кучу всего, о чем стоило бы промолчать, так еще и показала свое равнодушие.

Молодец, Танни!

Зачет!

К злости примешивалось нездоровое желание сбежать за ближайшую скалу: если вчера я изображала перед зеркалом Теарин, представляя себе сцену номер семнадцать, то сегодня все сомнения вернулись. Ладно, может быть, не все, но сама мысль о том, что я могу облажаться у него на глазах, заставляла все внутри переворачиваться. Шмякнувшийся на голову айсберг по-прежнему покалывал лицо иголочками льда, поэтому я отошла на приличное расстояние от съемочной группы, коснулась ладонями дерева и уткнулась в него лбом.

Мне просто надо это сделать!

Сделать так, чтобы у всех глаза на лоб повылазили, как с танцем. Вот только если в танцах я сильна, то сексуальность моя медленно, но верно стремится к нулю, а то и ниже уровня подземки.

О чем Гроу сам недавно заявил.

Я от души пнула ни в чем не повинное дерево. Потом еще. И еще.

Как мне раскрыть то, что во мне запечатано, заколочено и сверху еще придавлено арматурой для верности? И что делать, если при слове «сексуальность» у меня дергается глаз?

— Сцена номер семнадцать?

Голос Рихта.

Когда только подкрасться успел, а?

Обернулась, встречая его взгляд, глубоко вздохнула.

— Ага.

— Танни, если есть какая-то проблема, почему не сказать Гроу?

Да я лучше язык под корень себе откушу, чем скажу ему, в чем проблема.

— Нет никакой проблемы. Просто для меня это представляет определенную сложность.

— Что именно?

— Изобразить страсть.

— Это такая же роль, такая же сцена. — Рихт шагнул ближе. — Нужно просто понять, что за пределами съемочной площадки это не будет иметь значения.

За пределами, может, и не будет, а вот в ее пределах...

— Не бери в голову, — буркнула я, направляясь в сторону мельтешащей вдалеке группы.

Еще бы кто дал мне пройти: Рихт перехватил меня за плечи и внимательно заглянул в глаза:

— Ты же понимаешь, что я буду рядом?

— И это должно меня утешить?

Он пропустил мою шпильку мимо ушей.

— Когда я первый раз вышел на съемочную площадку, меня тошнило, — произнес, чуть подтягивая к себе.

— Тебя?! Не верю.

— Никто не верит. Короче, я позорно сбежал в туалет после первого дубля и...

— Фу-у-у, Паршеррд! — Я стукнула его по плечу. — Даже если ты сочинил это, чтобы меня встряхнуть, все равно фу!

Рихт улыбнулся.

— Вообще-то, не сочинил, — сказал он, и я приподняла бровь. — Мои первые съемки состоялись, когда мне было семь лет. Страх — это нормально. Особенно когда задаешь себе слишком высокую планку, а на

площадке с Гроу иначе быть не может. Но есть еще такое слово, как «команда», Танни Ладэ. Команда — это когда мы работаем вместе, и если ты оступишься, я прикрою. Перетяну кадр на себя, сыграю за двоих. Просто пойми это, и станет легче.

Мне сейчас стало. Правда.

Даже не хотелось больше сбежать за скалу или от его взгляда, и даже иглы выпускать, как переср... испугавшаяся иглорыцка, больше не получалось.

— Вчера я готовилась, — в общем-то, сказала правду. — Сегодня не успела, поэтому...

— Такие сцены лучше брать без подготовки. — Рихт внимательно смотрел на меня. — Потому что чем больше ты о ней думаешь, тем больше перегораешь.

Чем больше я о ней думаю, тем больше у меня волосы шевелятся.

Везде.

— Больше того, с одного дубля. Повторная прокрутка сбивает накал. В тебе самой. Как ты выразилась, изображать страсть не получится.

— Если бы кто-то это видел... Сеанс психотерапии от Даармархского специально для Ильеррской.

— Продвинутый курс, — фыркнул Рихт.

Он наклонился ко мне, закрывая солнце, из-за чего глазам тоже стало гораздо легче. Я облизнула губы, запоздало вспомнив, что на мне грим. Гелла убила кучу времени, чтобы замаскировать эту дурацкую трещину на губе. Надеюсь, она не видна.

Ну и о чем я думаю сейчас?

— Закончили? — рычащий голос Гроу прокатился по впивающимся в сердце осколкам высоким напряжением.

Рихт отпустил меня и обернулся: недодракон стоял, широко расставив ноги, зацепившись пальцами за карманы, кое-как держащихся на бедрах джинсов.

— Еще одно «провисание», и штраф вкачу обоим.

Рихт шагнул было к нему, но я опередила.

— Штраф? — мило улыбнулась. — За что? У нас генеральная репетиция.

Гроу прищурился:

— Не терпится зажечь, Ладэ?

От того, как он выделил мою фамилию, внутри все полыхнуло.

— Угадал, — вернула ему прищур, — аж вся горю.

Не дожидаясь ответа, резво рванула в сторону исходной точки, откуда

мне предстояло выходить. Там уже собрались все, кто нужно, вверху парила камера, помимо нее заметила еще две.

— Все на позиции, — прорычал Гроу.

Хотя все и так были на позициях: как породистые виары на выставке делали стойку, чтобы не прогневать великого режиссера еще больше. Великий наступал со спины, это я чувствовала всей кожей.

— Приготовились.

Я расправила плечи и вскинула голову.

— Полетели!

— «Танцующая для дракона», сцена семнадцать, дубль первый.

Вперед я шагнула, как в бездну. Пальцы даже почти не путались, когда я расплетала волосы, которые Гелла укладывала столько времени. Дыхание отмеряло шаги и кончилось, когда я вышла на берег и увидела Даармархского. Он стоял спиной ко мне по пояс в воде, под кожей перекачивались мышцы. Споткнувшись, словно о невидимую черту, замерла.

Капельки воды блестели на коже, потемневшие волосы казались тяжелыми и блестящими, как чешуя черных драконов.

— Ты всерьез считаешь, что я не чувствую тебя, девочка?

Разворот — стремительный, яростный — и взгляд в упор и навывлет. Широкие плечи и шрам, текущий на грудь. Ожог, оставленный пламенем, похожий на те, что каждый взгляд Гроу оставлял на моей коже. Мощная грудь и живот, покрывало воды колыхалось у самых его бедер. Мне воды здесь будет по талию.

— Подойди.

Приказ Рихта заставил двигаться.

Шаг вперед. Еще и еще.

Ступая мягко и плавно, словно в беззвучном танце, заставшем меня на самом краю, подошла к плеснувшей на берег волне. Шагнула вперед, чувствуя, как прохлада впивается в кожу, а одежда становится все тяжелее и тяжелее. Когда оставалось чуть меньше метра, рывок впечатал меня в сильную грудь. Заставляя задохнуться на диком контрасте: взрезающего меня пламени и течения, скользящего по коже.

— Ты так сладко пахнешь. — По телу проходит дрожь.

От взгляда, скользящего по лицу и губам.

От взгляда, обжигающего со спины.

— Нет!

Рывок назад, яростный взгляд на Даармархского.

Разделенная надвое, уже не пытаюсь собраться, мне бы удержаться за

одну мысль: я не должна ему принадлежать!

Вопрос только в том кому.

— Она выбрала меня, девочка. И ты знаешь это не хуже меня.

— Она — не я! Я вашей не стану! И уж тем более вы никогда не станете для меня первым.

В этот раз меня швырнуло к нему с силой урагана, противиться которому невозможно.

— Теперь, — взгляд, скользящий по моим губам и щекам, втекающий в меня жидким пламенем, — ты только моя, девочка. Лучше тебе запомнить это сразу.

Он развернул меня одним движением, проведя ладонью по телу. Когда пальцы коснулись груди, перед глазами вспыхнуло лицо Гроу. Рука на талии, обжигающая даже через одежду, низкий, летящий в бездонные небеса над нами голос.

«Этот мир без тебя... мне не нужен, поверь!»

«У нас не было романа, но, возможно, сам Гроу считал иначе...»

— Ненавижу! — выдохнула яростно.

И содрогнулась, когда ладонь Рихта ушла под воду. Он едва касался моего бедра (если вообще касался), но я плавилась в руках Даармархского, как Теарин. Плавилась, подаваясь назад и вжимаясь в него, судорожный хриплый вздох Рихта оборвался коротким рычанием.

— Стоп!

Широко распахнула глаза, выпадая в реальность.

Чтобы наткнуться на жесткий прищур и приговор:

— Переигрываешь, Ладэ.

Этот взгляд был гораздо более ледяным, чем вода, а может, водой он и был. По крайней мере, меня окатило этим бодрящим душем так, что мало не покажется. Испытывая отчаянную потребность завернуться в плед (лучше с головой), я выдернула себя из захвата Рихта и вышла на берег. Мне очень хотелось спрятаться за скрещенными руками, но я держалась.

Пока.

— Джерман, она была на высоте.

Голос Даармархского (нет, я сейчас понимаю, что это был не голос Рихта, а именно Даармархского) был низким, горловым и рычащим. Он шагнул на берег вслед за мной, выхватил из рук Мирис плед и завернул меня в него. От такого я очешуела настолько, что просто залипла. В плед.

Остальные тоже залипли, и на площадке повисла тишина.

Нарушил ее, разумеется, Гроу:

— Это мне решать, Паршеррд.

Вроде ничего нового не сказал, а у меня волосы на затылке зашевелились от низких, угрожающе-горловых интонаций.

— Она выложилась на полную. — Рихт даже не взглянул на своего ассистента, просто подхватил халат, который тот ему подал.

Глаза потемнели до черноты, черты приобрели по-настоящему звериную хищность.

— Если бы она выложилась на полную, — взгляд Гроу был по-настоящему звериным, — этого разговора не было бы.

— Может, я и не режиссер, но я прекрасно знаю, когда актриса выкладывается на полную.

— Она не профессиональная актриса. Это раз. — Гроу загнул палец, а следом второй. — И два. Ты уверен, что способен адекватно оценить чью-то игру, когда лапаешь девицу за все места?

Рихт шагнул было к нему, но я опередила. Плед упал в траву вместе с остатками самоконтроля. Озноб продирает до костей, особенно когда подул ветерок, но мне было не до него. Я действительно сделала все, что могла, больше, на что способна. Я чувствовала Теарин, и мы оба это прекрасно знали. Впрочем, не только мы: это чувствовал Рихт, это видела вся съемочная группа, все, от оператора до ассистента, во взглядах которых сейчас я читала искреннее сожаление.

— Я. Не. Переигрывала.

— Ты еще здесь, Ладэ? В гримерной тебя заждались.

— Я. Не. Переигрывала, — приподняла брови. — Но если тебе настолько нравится смотреть, как я делаю это, я повторю. Для тебя.

Вместо ответа Гроу перехватил мое запястье и шагнул в воду, рывком увлекая за собой. Все дальше и глубже, пока мы не оказались на том самом месте, где только что стояли с Рихтом.

— Ты что творишь?!

— Режим «Ильеррская», Ладэ.

Этот зверюга дернул меня на себя, впечатывая ладонь в талию и втягивая воздух судорожным хриплым рывком у самого уха.

— Ты так сладко пахнешь... — выдохнул мне в шею сумасшедше. Хрипло.

— Нет! — прорычала ему в лицо.

Чувствуя, как протест отзывается внутри иррациональным бешеным напряжением, прокатывающимся по телу горячей волной.

— Она выбрала меня, девочка. И ты знаешь это не хуже меня.

— Она — не я! Я вашей не стану! — выдохнула с истинным наслаждением. — И уж тем более вы никогда не станете для меня первым.

Пальцы сомкнулись на моем лице стальной хваткой. Я не успела сказать, что этого в сценарии нет: зелень в глазах полыхнула, как будто в пламя кто-то добавил спецэффектов.

— Теперь ты только моя, девочка. Лучше тебе запомнить это сразу, — процедил он.

А потом резко развернул лицом к съемочной группе.

Рванулась: отчаянно, яростно, но куда там. Меня впечатали в сильную грудь, вдавили, как прессом, пальцы Гроу прошлись по моей груди, цепляя сосок, и все внутри полыхнуло. Дыхание сбилось, когда пальцы продолжили контур моей груди. Позволяя себе скользнуть в эту ласку, хрипло выдохнула от прошедшей по телу дрожи. Горячее дыхание обжигало шею,двигающаяся вдоль бедра ладонь заставляла сердце сбиваться с ритма.

Нет, не вдоль...

Сейчас пальцы Даармархского скользили между моих бедер, безошибочно надавливая на самые чувствительные точки. Рука под ребрами делала мои вздохи короткими и горячими, как раскаленный над нами воздух. Сейчас я ненавидела стоявшего за спиной мужчину так же сильно, как мое тело его желало. Жаждало продолжения этих ласк, отзываясь на рождающееся в груди рычание: звериное, гортанное, низкое.

Резкое движение пальцев — и оно все-таки сорвалось.

Вырвалось в мир сквозь плотно сжатые губы, отзываясь животным криком.

Дрожью, бегущей по телу, пойманной в силки удерживающего меня Даармархского. Бьющей в него сквозь меня с каждым рваным выдохом-вдохом, с каждым мгновением наслаждения, пульсирующего внутри.

Дернулась, когда его ладонь в последний раз прошла по бедру. Мокрые пальцы скользнули по моей щеке, сгребли волосы в горсть, заставляя запрокинуть голову еще сильнее.

— Если твоя ненависть всегда будет такой, — теперь его ладонь легла на мою шею, — то я не против.

Все еще пьяная от случившегося, дрожала в его руках, когда меня накрыло очередным:

— Разницу уловила?

Распахнула глаза, и в тело вонзились десятки игл. Взгляды, взгляды, взгляды — отовсюду, и ярче всего взгляд Рихта. Такой, словно я прилюдно врезала ему под дых.

— А ты, Паршеррд?

Наверное, это меня и снесло.

— Уловила, — процедила еле слышно.

И вылетела из воды.

Драконогад, какой же он драконогад!

В трейлер меня внесло на хвосте урагана. Опираясь пятой точкой о барный стул, стянула мокрые штаны и сбила заказные туфли пинками, которыми запросто можно было их угробить. За ними полетела мокрая туника, а я принялась натягивать джинсы. Леона была права: я не актриса и никогда ею не стану. Леона, Мелора, Гроу — всем им надо выдать почетные дипломы за констатацию очевидного. Профессиональная актриса на моем месте сейчас сделала бы вид, что так и надо. Профессиональная актриса входит в роль, даже если режиссер полная задница. Профессиональная актриса плюет на собственные заморочки, чтобы раскрыть образ.

— Ладэ... — В трейлер шагнула Гелла, но я вскинула руки:

— Я сейчас не в настроении, ага? Поэтому давай просто помолчим.

— Как скажешь. — Она огрызнулась и ткнула мне в стул: — Роняй свою задницу, и будем приводить тебя в порядок.

Усилием воли заставила себя сесть, не обращая внимания на суету вокруг. Перед глазами все плыло, и только данное себе утром обещание не позволяло вскочить.

Я. Не. Сдамся.

Я. Не. Сбегу.

Я выйду и сыграю эту сцену столько раз, сколько потребуется. Сотня дублей — значит, сделаем сотню.

Гелла резко дернула влажную прядь, и я перехватила ее за локоть. Сдавила пальцы так, что она поморщилась.

— Слушай, я правда не в настроении. Поэтому давай договоримся, ты не делаешь больно мне, а я тебе. Если есть какая-то проблема, которая мешает нам общаться нормально, я готова ее выслушать. Сейчас.

Гелла резко отняла руку.

— Никаких проблем.

Кивнула.

— Вот и чудесно.

— Какого цвета у тебя платье? — Она снова дернула, но на сей раз перехватив волосы у основания.

— Платье?

— На выход. Может, есть фотки? Какой будем делать макияж? Мне нужно понять, к чему готовиться вечером.

Выход.

Ужин.

По контракту.

— У меня есть мини-юбка, джинсы и пара кофточек.

— Ты сейчас издеваешься?

— Не-а.

— Предлагаешь мне передать Гроу, что у тебя есть джинсы, пара юбок и кофточка?

— Мини-юбка, — поправила я. — И пара кофточек. Да, именно так и предлагаю ему передать.

Гелла закатила глаза, но ничего не сказала. А когда в трейлер прибежала Мирис с пледом и кофе, я не стала отказываться.

Выражение моего лица (видимо, чересчур зверское) заставило курьера немного отступить и заглянуть в планшет.

— Нет, эсса Ладэ, никакой ошибки здесь нет. Это все ваше.

«Все ваше» лежало на диванчике, а именно: непрозрачный чехол для одежды с ценником, больше похожим на номер телефона, украшения от «Ламкар», золотистые туфли с ремешками на таком каблуке, упав с которого, не сломать себе ничего будет подвигом, и клатч. Испытывая желание скрежетнуть зубами, я расписалась в получении и попрощалась с курьером, который был явно рад от меня отделаться. Стоило двери за ним закрыться, я расстегнула чехол и обнаружила длинное красное платье в пол.

Ну что я скажу: разреза на нем не было. Зато с одной стороны от подмышки к низу бежала прозрачная полоса, расширяющаяся от бедра. Золотые узоры на ней наводили на мысли о драконьей чешуе. В футляре с многолистным деревом в виде драгоценных камней (маркетологи известнейшей аронгарской ювелирной сети «Ламкар» изобрели такой вот логотип) обнаружился браслет на ногу с рубиновыми каплями и такие же серьги.

Рывком вытащила телефон, чиркнула по экрану и зашипела от боли. Треснувший экран мобильного напоминал не то мою жизнь, не то полоску между ягодицами. В общем, недалеко они ушли друг от друга, а времени заменить стекло или купить новый у меня пока не нашлось. Сунув палец в рот, уже гораздо нежнее провела по дисплею и ткнула в номер Геллы.

— Что? — донеслось спустя проигрыш тяжелого рока из трубки.

Очень милое начало разговора, да.

— Что? — повторила ее вопрос, резко ткнув камерой в сторону наряда. — Это?

— Образ. — Эта ж... енщина даже не скрывала ехидства.

— Образ?!

— Ты же просила передать Гроу, что тебе не в чем ходить. — Усмешка в ее голосе была настолько очевидной, что у меня зачесались руки. — Ну вот. Я передала. Макияж приду делать через полчаса. Оденешься сама или тебе помочь?

— Себе помоги, — процедила я и нажала отбой.

Первый порыв выбросить все из окна я отмела. Второй тоже. А вот с третьим справиться не удалось: подхватив свой «образ», который должен был превратить меня не то в современную версию Ильеррской, не то в одну из куколок, с которыми Гроу любил появляться на публике, направилась на балкон. По пути представила, как наряд летит вниз, сверкая в лучах закатного солнца, рассыпаясь на составляющие, и мне полегчало. Ненадолго.

В тот момент, когда я пыталась ткнуть пальцем в панель блокировки дверей, зазвонил мобильный. Эта песня у меня стояла на Леону, поэтому руки разжались сами собой, и образ осыпался прямо к балконным дверям. Я обернулась и застыла, глядя на дергающийся на подлокотнике телефон. В том, что сестра уже уехала из Ортахарны, сомнений не оставалось: время первой леди стоит очень дорого. Поэтому просто смотрела на вспыхивающий и гаснущий экран, пока звонок не прервался.

Подошла к дивану, открыла «пропущенные»: так и есть.

«Леона сестренка».

Да, кто бы мог подумать, что у Танни Ладэ, временами выражающейся, как водитель грузовой фуры в дешевой транспортной компании, в контактах заведется нечто подобное. Сжала пальцы так, что обтекаемый корпус впился в ладонь. Повозила пальцем вверх-вниз, глядя на контакты. До той минуты, пока мобильный не рыкнул сообщением:

«Перезвони, как освободишься».

Наверное, в рекламе жвачки «Бабл айс» было и то больше чувств, чем в этом коротком приказе.

Закусила губу, а потом резко поднялась.

Все.

К наблам!

Хватит с меня драконов.

Вдавила палец в дисплей и в кнопку отключения. Резко сдернула с вешалки джинсы, свободную безрукавку, наполовину закрывающую бедра, и курточку. Ах да. Еще очки. Подхватила сумку и вылетела из номера, шарахнув дверью так, что у меня зазвенело в ушах. На полпути к лифтам

остановилась и развернулась.

Коридор изгибался, на плитке застыли тени вертикальных плафонов, свет которых стекал вниз и поднимался вверх. Бледно-голубые стены и 3D-картины с видами Ортахарны, подсвеченные неоновым пунктиром. Я постояла, посмотрела на них и решительно направилась в сторону номера Рихта.

С ним даже поговорить по-человечески не удалось: еще два «провала» семнадцатой сцены, и Гроу погнал нас на девятнадцатую, то есть когда Теарин возвращается на берег и сообщает, что танцевала не для Даармархского. Надо отдать должное, эту сцену мы все-таки сняли. С пятого дубля. Потом сняли еще сцену с Ленардом в повозке и всякие проходные.

В процессе съемочная группа летала по заповеднику, как деревья, выданные с корнем во время урагана. За это время Гроу сцепился с главным оператором, выдал парочку штрафов, довел до слез Мирис, а на Дири, попытавшегося цапнуть его за штанину, рывкнул так, что тот забился под повозку и отказывался оттуда вылезать. Мы с дрессировщиком доставали виаренка вместе, обменявшись понимающими взглядами, а потом еще минут пять отпаивали водой и откармливали «косточками» — специальным лакомством, которое помогает предотвратить появление зубного камня.

Это не отменяло того, что с Рихтом наедине остаться не получилось, а после съемок он уехал один, отказавшись от аэробаса. Не факт, что я застаю его сейчас. По большому счету не уверена, что вообще стоило это делать, но все-таки подошла к двери его номера и постучала. Совершенно не представляя, с чего начать разговор, но главное — желание, правильно? Если его не будет...

Шаги за дверью.

Щелчок.

— Давай убежим вместе, — выпалила я. Раньше, чем успела себя остановить.

Рихт внимательно смотрел на меня: волосы завились от воды, под темно-синей сатиновой рубашкой отчетливо выделялся рельеф мышц. Он молчал, и мне показалось, что он подбирает слова, чтобы потактичнее меня отшить. Других вариантов в голову не приходило.

— Ты сегодня разве не собиралась на ужин? — спросил он наконец.

— Собиралась, — не стала скрывать.

Отвела руки за спину и оттянула карманы большими пальцами, а он неожиданно подхватил куртку и шагнул ко мне:

— Пойдем. Надо уже посмотреть Ортахарну.

— Надо, — согласилась я.

Развернулась было к лифтам, со стороны которых пришла, но он мягко перехватил меня за плечо. Вопросительно взглянула на него, и Рихт усмехнулся:

— Мы же с тобой вроде как в бегах. Будем действовать по законам жанра.

И, не дожидаясь ответа, увлек меня в сторону аварийного выхода.

По лестницам мне спускаться не доводилось о-о-о-очень давно! Хотя бы потому, что в доме, где мы жили с родителями, по ней можно было перемешаться только с прищепкой на носу, а еще лучше в противогазе и костюме полной химзащиты. В нашей высотке на Четвертом острове, где Леона снимала квартиру, там делать было нечего. Лестница как лестница, даже покурить нельзя: тут же сработает система противопожарной безопасности и вкатят такой штраф, что мало не покажется.

Рихт ушел вперед, а я уселась на перила и съехала вниз. Чуть не влетела в него, но он меня поймал и поставил на ноги. Ненадолго задержал руки на талии, а потом так же быстро отпустил.

— Ты знаешь, куда она ведет?

— Понятия не имею, — хмыкнул он.

Поэтому с тридцать восьмого этажа бодрыми прыжками мы добрались до первого, после чего Рихт сделал предупреждающий знак:

— Подожди здесь. — Он выглянул за двери, а потом кивнул мне: — Путь чист.

Путь действительно был чист, разве что в коридоре парила аэротележка, на которой громоздилась кipa грязного постельного белья. За огромными дверями напротив слышался шум стиральных машин.

— Мы в машинном отделении, Танни.

— Это хорошо или плохо?

— Хорошо, что здесь нас не увидит никто из группы...

— А плохо, что нас могут увидеть горничные или официанты.

Рихт рывком увлек меня за собой к повороту мимо служебных помещений. Мы пролетели подлинному коридору, оказавшись перед огромными раздвижными дверями, за которыми мельтешило множество людей. Над плитой клубился пар, а пахло так, что я резво вспомнила о далеком перекусе во время съемок.

— Кухня, — задумчиво произнес Рихт. — Она же тупик.

— Напрямик не пойдем?

— Мы же не в боевике.

— У меня есть это. — Я сунула руку в карман и вытащила леденец. — Если направить его прямо сквозь одежду, вполне сойдет за лазерный пистолет.

— Нет, это слишком. У нас шпионский триллер.

— В шпионских триллерах обычно громят кухню.

— Нет, Танни, ты путаешь.

Рихт увлек меня за собой обратно, и мы метнулись налево там, где раньше свернули направо. Услышали шаги и нырнули за угол: едва успели, потому что по коридору за аэротележкой с посудой прошли два официанта, обсуждающие «мерзкую девицу за седьмым столиком». Когда шаги стихли, Рихт отлепил меня от стены, и спустя пару минут мы затормозили перед небольшим холлом, отлично просматривающимся из-за угла.

— А теперь делай, как я.

Не успела даже слово сказать, как он накинул капюшон на голову: так, что осталась видна только нижняя половина лица, я напялила очки, и мы неспешным шагом прошли через небольшое служебное помещение к дверям. Не только мы, следом за нами шли еще две девушки, парень с перекинутой через плечо сумкой, а навстречу еще двое рослых мужчин. Турникет на выход работал без пропусков, поэтому Рихт подтолкнул меня вперед и помахал охранникам:

— До завтра, парни.

Они пробурчали что-то в ответ, но даже головы не подняли.

— Ты. Где. Этому. Научился?! — выдохнула я, когда мы оказались на улице и, подхваченные толпой, зашагали в сторону центра.

— Я же актер, забыла?

Чешуйчатые перцы!

— И не возразишь даже.

— А то. — Рихт подмигнул. — Куда пойдём?

— Не знаю... давай прогуляемся в центр, а там посмотрим.

Он кивнул, и только тут я поняла, что он по-прежнему сжимает мою руку. Крепко-крепко — вспотевшие пальцы, в которых отдается пульсация бешено бьющегося сердца. Адреналин бежит по венам, будоражит кровь, и я понимаю, что напрочь забыла о настроении, с которым пришла к нему. Кажется, это представление с лестницей было исключительно ради меня. Кажется...

Да нет, мне не кажется.

— Как ты вообще решил стать актером? — спросила, чтобы сбить себя с этой мысли.

— У меня четыре младшие сестры и трое старших братьев.

— Ого!

— Да. Сильно старших, поэтому, поскольку все мужские роли в семье уже были заняты, я помогал матери с сестренками. Ты себе представляешь, что такое четыре мелкие девицы, от двух до семи, которых надо занимать и развлекать? Вот я и устраивал представления. Сначала с куклами, потом, когда старшая пошла в школу, мы давали представления на пару с ней.

— Весело у вас было, наверное.

— Не то слово. — Рихт улыбнулся. — Ну а ты? У вас большая семья?

— Про мою семью, наверное, вся Аронгара знает.

— Ну, я не из Аронгары. К тому же предпочитаю, чтобы ты рассказала сама.

Солнце уже опустилось за дома, весенние сумерки затемняли высоты, повсюду вспыхивали рекламные голограммы. Я задрала голову и посмотрела на мельтешащие над нами флайсы, аэроэкспрессы и ленты ограничивающих трассы огней. Совсем рядом протянулись воздушные рукава, и я тут же опустила голову. Не хотела вспоминать о вчерашнем.

— У меня есть сестра. Старшая.

— Вы дружите?

Хотела бы я это знать.

— Когда как.

Рихт отпустил мою руку, или я ее отняла.

— Если я спросил лишнее...

— Не лишнее. Мы просто из разных миров, это ты наверняка знаешь.

— Все границы мы сами себе придумываем, Танни.

— Может, и так.

— Точно. Я долгое время снимался исключительно в эпизодических ролях, потом перешел на сериалы...

— Про любовь?

— Не только. Как-то снялся в одной шпионской истории, но ее прикрыли из-за низких рейтингов на втором сезоне.

— Так вот откуда у тебя любовь к шпионам.

— На самом деле нет. Я сходил с ума от Баррета Крэйна.

«Баррет Крэйн» — франшиза и киноэпопея, которая снимается до сих пор. Круче ее главного героя только муж моей сестры (наверное). Но не поручусь.

— Все с тобой ясно, — фыркнула я. — Значит, все-таки про любовь.

— Про любовь, — согласился он.

— Ты играл таких brutальных главных героев, в которых героиня влюбляется с первого взгляда...

— Вообще-то, злодеев.

— Что?! — Я даже очки приспустила, чтобы глянуть ему в глаза. Удалось весьма сомнительно с падающим на лицо капюшоном, а ко мне Рихт не повернулся.

— Слушай, ты и правда похож на злодея.

— Точно так же мне сказали на пробах. У, как я тогда разозлился. Думал, пошлю их всех к драконам...

— Но не послал.

— Нет, пришел домой, подумал до утра и решил: чешуя с ними, злодей так злодей. Поэтому меня ненавидит вся Лархарра.

Я сдавленно фыркнула:

— Прямо-таки вся?

— Большая часть. — Вот теперь он посмотрел на меня, и в глазах его плясали смешинки. — Ты даже не представляешь, сколько всего приятного можно узнать о себе в век высокоразвитых технологий. Мне на мэйл приходили письма в стиле: «Чтоб тебя драконы сожрали» и прочими пожеланиями всего хорошего, особенно когда я снимался в «Эвари».

Эвари, Эвари, Эвари...

— Постой-ка! Это та история про девицу, которая разрывалась между двумя парнями на протяжении пятисот серий, и один потом от такого обращения озверел?

— По сценарию он изначально был не очень хорошим. Делал пакости герою и героине. Подставил героя-партнера по бизнесу, и того чуть не посадили в тюрьму. Потом вообще похитил героиню и удерживал в подвале в цепях.

Я сдавленно пискнула:

— Ты держал девицу в подвале в цепях?

— Да, пока она не согласится стать моей.

— И как, согласилась?

Рихт укоризненно на меня посмотрел:

— Танни, это был бы какой-то неправильный сериал.

— Ладно. — Я замахала руками. — В общем, неудивительно, что тебя не любили.

— Мне даже собственная сестра сказала: «Фу, как ты согласился играть этого типа?» И это во время семейного обеда, представляешь?

— Твоя семья смотрела все фильмы с твоим участием?

— Не все. И не вся. — Рихт улыбнулся. — Братья до сих пор считают, что я не тем занимаюсь, но мне нравится то, чем я занимаюсь. Мне нравится каждая роль, которую я сыграл, пусть даже сейчас мне кажется,

что я мог бы сделать это лучше. Но, в общем-то, это я говорил, подразумевая те самые границы. К тому, что далеко не все актеры из сериалов могут рассчитывать на приглашение Джермана Гроу. Даже если у них в портфолио парочка телевизионных версий боевиков и один фильм, который вышел в мировой прокат.

— Какой? — поспешно спросила я, чтобы вытряхнуть из мыслей имя Джермана Гроу.

— «Война в его сердце». По комиксам.

— А-а-а... — Я вскинула руку. — Точно! Ты там похищал секретные технологии...

— И передавал их мировому злу, да. Поэтому, когда объявили кастинг Ильеррской, мне на почту снова посыпались письма в стиле: «Убирайся в свою Лархарру», «Ты — не он» и все в том же духе.

М-да.

— Боюсь представить, что будет, когда вылетит виарчик. То есть постер.

— Почему?

— Потому что на нем должна была быть Мелора.

— Но на нем ты, Танни. И это правильно.

Отвернулась, чтобы не продолжать тему. До центра здесь идти было недалеко (относительно, конечно), поэтому, пока я пялилась на витрины бутиков, непривычно невысокие высотки и снижающиеся флайсы, мы уже вышли на главную площадь Ортахарны. Одну из самых больших, раскидавшую здания, воздушные рукава и парковки на три километра от ее сердца (огромного маяка, возвышающегося на сорок этажей). Окружали его несколько фонтанов с подсветкой, бьющие в воздух, но не долетающие даже до середины.

Мимо нас по специально выделенным дорожкам носились парни на аэроскейтах, людей здесь вообще было море: группа подростков у самого большого фонтана сидела спиной к воде, чуть поодаль — парень и девушка, соединенные мизинцами, как пуповиной, мимо на аэророликах пролетела спортивного вида женщина с коляской. У видеогиды маяка толпились туристы с наушниками, один за другим подключающиеся к информации по беспроводной сети.

Маяк символизировал сердце. Наверху в огромной чаше горел вечный огонь, как отражение пламени иртханов, защищающих город. Когда несколько столетий назад в Ортахарне произошел налет (один из самых разрушительных за всю историю Аронгары наравне с Ландсаррским в Мэйстоне), правящий погиб, защищая город. Оставшиеся в живых

вальцгарды выводили драконов своими силами, пока не подспела помощь, но именно тогда погибло очень много иртханов.

Множество аристократических семей осталось без наследников, но они смогли отстоять город. Хотя Ортахарна была серьезно разрушена, людей пострадали единицы, и пусть моя «любовь» к иртханам была специфической, в глазах подозрительно защипало. Особенно когда мы подошли ближе, и рычащий гул, сквозь который пробивались отрывистые крики, слышные только у самого маяка, донесся как отголосок эха оставшейся в прошлом трагедии.

— Невероятно, — произнес Рихт, и его глубокий голос, полный схожих с моими чувств, резонировал так, что я срочно полезла в сумку.

— Где этот дурацкий футляр... — пробормотала себе под нос.

— Хочешь снять очки?

— Ага. Во-первых, уже темно, во-вторых... не настолько я известна, чтобы за мной охотились папарацци.

— Ну, после вчерашнего полета на руках...

— Не напоминай.

Футляр я так и не нашла (наверное, остался в номере), точно так же как не нашла в себе сил залезть в сеть, чтобы посмотреть фотографии, где Гроу несет меня на руках. Очки на мне сгущали сумерки, как бы пафосно это ни звучало, но снимать их я теперь не решилась. Все-таки полет на руках действительно растиражировали по всему миру, поэтому лучше пусть будет так. Я плотнее надвинула их на лицо, глядя на Рихта, а он смотрел на меня.

Точнее, на мои губы.

Интересно, что я почувствую, если...

— Я помню, что ты сказала про тот поцелуй, Танни, — негромко произнес он.

— Но?

— Но сейчас я был бы не против повторить его.

Рихт наклонился и накрыл мои губы своими, но почувствовать я ничего не успела. Меня рывком оторвало от него, или его от меня, а рычащее: «Отвали от нее!» — перебило все, что было до.

Пальцы Гроу сомкнулись на запястье наручниками, и меня буквально поволокли за собой.

Под шум сирены флайса с мигалками, пролетающего где-то поблизости.

Под крики со стороны маяка памяти.

— Ты-ы-ы... — Это единственное, на что меняхватило, когда я

вцепилась в его руку.

— Лучше молчи, — прорычал этот огнедышащий режиссероподобный.

Говорить при всем желании сложно, когда на тебя смотрят так, словно хотят впрессовать в камень под ногами. Ногами я и уперлась прямо в него, задавая максимальное торможение. Еще бы этот драконобуксир кто-то мог остановить, потому что из-под подошв разве что искры не полетели.

— Как ты меня нашел?! — попыталась вырваться, но тщетно.

— Ты даже не представляешь, сколько всего можно узнать, если у тебя есть связи. — Сарказм в его голосе крошился ледяными лезвиями. — И если кто-то... — кадык Гроу дернулся, — не выключил телефон, когда так торопился перепихнуться.

— Джерман, ты перегибаешь! — процедил Рихт, шагая ему наперерез.

Стремительное движение я уловила исключительно потому, что у меня вообще хорошая реакция. У Рихта тоже: он блокировал удар отточенным движением, уходя в сторону, а в следующую минуту Гроу едва на прилетело под дых... Он отпрянул, и кулак Паршеррда смазал воздух в миллиметрах от его пресса. С рычанием оттолкнув меня за спину, бросился на Рихта под визг проходившей мимо девчонки.

Почти достал, но Рихт перехватил его запястье, одним коротким движением пытаюсь увести в захват, от которого Гроу освободился с легкостью боевого танцора. Череду быстрых ударов-блоков и движений превратилась перед глазами в смазанную картину. Они друг другу не уступали: несмотря на телосложение Рихта, Гроу двигался как молния, сорвавшаяся с небес.

Бросок влево, разворот.

Скользкий удар, вспоровший воздух.

— Дракона твоего за ногу! — выдохнул кто-то.

Очередной разворот — и Рихт морщится от протянутого удара по ребрам.

Новый бросок — резкий выпад в плечо, и рычание Гроу сливается с моим выдохом.

Сжала пальцы так, что ногти впились в ладони: если я что-то и усвоила за свою недолгую сумасшедшую жизнь, так это то, что в драку вмешиваться нельзя, сделаешь только хуже. И уж тем более нельзя вмешиваться в бои без правил, а именно это сейчас и происходило.

Резкий выпад — и скулу Рихта сквозь капюшон мазнуло режиссерскими костяшками.

Миг — и Паршеррд точным рывком впечатал удар ему в ребра.

Я вздрогнула, до боли сжимая зубы и со свистом выдыхая воздух.

Удар с двух сторон по ушам заставил Рихта дернуться и отступить назад, мощный оверхед швырнул под ноги стоявшему сбоку парню. Капюшон слетел на широкие плечи, открывая его лицо, взгляд Гроу полыхнул зеленью, на мгновение затмевая огонь маяка.

— Чешую мне в зад! — заорал кто-то. — Это же...

Я бросилась к Рихту, но Гроу перехватил меня за локоть с такой силой, что я зашипела от боли.

— Идешь со мной, — прорычал он мне в лицо, рывком увлекая за собой, — или Паршеррд будет платить неустойку.

— За что?! — взвыла я.

— За нарушение условий контракта.

— Он ничего не знал! — прошипела я.

— Неужели? — Гроу облизнул разбитые губы. — Ты это докажешь, Зажигалка?

Меня колотило от ярости, дикой и первобытной, бьющейся в моих венах как отражение его огня. Вокруг нас собралась толпа, и она явно была в восторге от того, что происходило. Кажется, нас кто-то снимал на видео, а нет, не кажется... Гроу окинул собравшихся пристальным взглядом и, когда мы поравнялись с парнем, ухмыляющимся и сжимающим в руках мобильный, одним ударом вбил телефон в камень.

— Чувак... — Под полыхающим взглядом ирлхана горе-оператор заткнулся и попятился, а кроссовка дракона впечаталась в дисплей. Снова. И снова. И снова.

Пока мобильный не превратился в раздолбанный хлам.

— Представление окончено, — прорычал он. — Расходимся.

Меня снова поволокли за собой. Обернулась, с трудом сдерживаясь: Рихт медленно поднимался — кажется, ему помог тот парень, к ногам которого его уронил Гроу.

— Доволен? — процедила я, дернув руку.

Но меня не отпустили.

— Не хочешь заработать вывих, — припечатали жестко, — не рыпайся.

— Вывихнешь запястье главной героине? — поинтересовалась язвительно.

— Одному главному герою морду я уже разбил. — Жесткая улыбка и ледяной взгляд. — Ты нарушила условия контракта, Зажигалка, когда вышла в город с Паршеррдом. Этого достаточно, чтобы вкатить неустойку, которая сожрет большую часть твоего гонорара. Надеюсь, ты ознакомилась

с процентами штрафов?

В эту минуту я отчетливо поняла: вывихнет. Ради собственного драконова контракта он вывихнет мне руку, свернет шею и столкнет с Лимайны, если потребуется. Осознание этого накрыло так, что стало нечем дышать.

— Ознакомилась, — процедила я.

И заткнулась.

Не хотелось с ним говорить, не хотелось его видеть, даже дышать с ним одним воздухом не хотелось. Вот только последнее мне вряд ли удастся, потому что в салоне флайса сейчас пахло потом, яростью драки, бешенством и ледяным пламенем. От этого не спасал даже ветер, врывающийся внутрь над опущенными стеклами окон. В голове мутилось, адреналин зашкаливал, и хотелось рычать.

Я подавила желание и смотрела сквозь лобовое стекло, считая проносящиеся мимо флайсы.

Правда, постоянно сбивалась.

Флайс Гроу посадил на верхней парковке, оттуда мы вместе прошли к лифтам. Через верхний холл меня не волокли за руку, и на том спасибо. Я все сильнее сжимала зубы, чтобы не высказать все, что крутилось в голове, а крутилось там многое. Очень и очень нецензурное, надо отметить, поэтому в холле я считала носильщиков, в лифте — этажи, а в коридоре — светильники на стенах. По дороге нам попался автомат для льда, и это вызвало во мне какое-то нездоровое веселье.

Захотелось от души приложить Гроу об него головой, чтобы, как во время выигрыша, посыпались кубики и завалили режиссера по макушку, вот только ему будет без разницы. У него вместо сердца кусок льда, он с ним сроднился.

— В душ и собирайся, — резко процедил он, подталкивая меня к двери моего номера. — Как будешь готова, набирай Геллу.

Что?!

— Ты серьезно думаешь, что я куда-то с тобой пойду? — Рука замерла на ключе.

— Серьезно, Зажигалка. — Пламя в его глазах даже не думало униматься, а вертикальные зрачки напоминали готовые располосовать меня в клочья лезвия. — Не думаю, знаю. После того что ты выкинула, будешь делать, что я скажу, и по первому зову. Потому что иначе тебе придется бежать за деньгами к сестре.

Я сжала руки так, что края ключа впились в ладони.

— Так что в душ. И собирайся. — Он ткнул мне за спину. Развернулся,

чтобы уйти, и тут меня прорвало.

— Я пришла в этот проект ради Ильеррской! — выдохнула ему в спину. — Потому что хотела ею стать, потому что она одна из самых сильных женщин, которых я знаю. Ты хочешь сделать крутое кино, но чешую тебе в глотку, ты его не сделаешь! Потому что то, что мы сегодня делали с Рихтом, было потрясающе, а ты это запорол! Не из профессионализма, не потому, что мы делали это плохо, а потому, что у тебя спермотоксикоз при одном упоминании моей сестрицы!

Гроу резко обернулся и шагнул ко мне.

Крылья носа хищно раскрылись, как и зрачки. Сейчас он напоминал дракона в человеческом обличье больше, чем когда бы то ни было.

— Не путай профессионализм с сексуальной раскрепощенностью, — холодно произнес он. — Если тебе нравится делать это на камеру, это еще не значит, что у тебя получается.

Я поняла, что произошло, только когда с размаху впаяла кулак прямо в режиссерский нос. Раздался смачный хруст, и в фаланги плеснуло болью. Которая почему-то отдалась прямо в сердце.

— Лед там, — указала ему за спину в сторону автомата.

А потом развернулась и чиркнула ключом по замку, чувствуя, как в спину мне вонзается взгляд: яростный, огненный, как подхваченное ураганом дыхание дракона. Я отрезала его резким ударом двери, и во мне тоже что-то хрустнуло.

Наряд по-прежнему валялся на полу. Разумеется, убирать его было некому: горничные сегодня уже приходили. Рядом с платьем и прочим нашелся оставленный мной телефон.

Уселась прямо на пол, покрутила его в руках.

Ну и что мне сказать Леоне?

«Слушай, ты была права, забери меня отсюда»?

Пфф.

Закусила губу и вскрикнула: оказывается, во время драки я умудрилась разгрызть ранку. Да, определенно, если день начался через одно место, лучше сразу ложиться спать и не рыпаться. Одно радует, пока Гроу занят носом и медицинской страховкой, ужин откладывается. А мне, наверное, и впрямь лучше лечь спать, потому что сейчас я могу наделать много глупостей. Очень много, гораздо больше, чем уже наделала. В частности, действительно собрать вещички и свалить в Мэйстон. Точнее, сначала в Зингсприд, чтобы забрать виари, а потом уже в Мэйстон.

Пока мобильный загружался, потянулась на полу струной. Сливая ладони воедино, вытягивая носки стрелочками.

Интересно, как там Бэрри и Ширил? Позвонить, что ли?

Взяла мобильный, но он ожил в моих руках раньше, чем я успела ткнуть в контакты. Звонила Мирис, и, несмотря на то что она была последней, с кем мне сейчас хотелось говорить, я все-таки нажала «принять вызов».

— Танни... Танни, ты где?! Здесь Гроу в бешенстве, он тут всех...

— Мы уже встретились, — прервала поток сбивчивого словоизлияния.

— Встретились и?.. — Мирис на том конце провода, казалось, уже не дышит.

— Мне звезда.

Удивительно, как спокойно это прозвучало.

Мирис сдавленно всхлипнула, а потом разрыдалась.

Ну, супер.

Только этого мне не хватало для полного счастья.

— Танни... он... обещал меня уволить, слушай, можно я к тебе сейчас зайду? Я на минуточку... мне просто очень нужно с тобой поговорить...

Прежде чем я успела ответить, что мне сейчас не до разговоров, связь прервалась. Перезвонила, но Мирис не ответила. В пропущенных от нее было штук десять вызовов, парочка от Геллы, один от Гроу, и я почистила память (жаль, что со своей нельзя так же). Леона больше не звонила и не писала.

Стянула куртку, скинула кроссовки, когда в дверь постучали.

Я замерла, прижимая мобильный к груди и стараясь не думать о том, кто там может быть. Конечно же это не Леона, она уехала еще вчера. Ну или сегодня утром первым телепортом до Мэйстона.

Бесшумно, на носочках, подошла к двери и остановилась рядом.

При мысли о том, что это может быть Гроу, меня знатно перекосило, тем не менее я все-таки ткнула в видеоглазок и обнаружила перед дверью Мирис. Белобрысые волосы стянуты в хвостик, деловой костюм, руки нервно сцеплены на уровне бедер, солнцезащитные очки (видимо, из-за того, что ревела). Она топталась перед моей дверью, и мне не хватило совести просто оставить ее там. Хотя бы потому, что к нашим с Гроу теркам она не имела никакого отношения. Хватит уже того, что Рихт из-за меня встрял.

Поэтому вздохнула и распахнула дверь.

Ассистентка всхлипнула, поспешно шагнула в номер, задевая меня плечом и странно знакомым шлейфом духов. До зубовного скрежета, до одури похожим на мерзкие духи местрель Ярлис, я эту приторную сладость до конца жизни не забуду.

— Слушай, Мирис... Я понимаю, что работа с Гроу не сахар, но сегодня мне не до...

Она обернулась, сорвала очки, и меня припечатало пламенным взглядом Мелоры.

— Закрой дверь, — в сознание ударил жесткий приказ.

Приказ иртхана.

Шагнула к двери, как во сне, ладонь сама легла на ручку. Раздался легкий щелчок.

— На замок, — последовал следующий приказ.

Приложила ключ к панели.

— А вот теперь мы поговорим.

Она обошла меня по кругу, разглядывая со всех сторон, я же чувствовала себя живой куклой. Ни пошевелиться, ни сдвинуться с места, меня словно запечатали внутри звуконепроницаемого кокона, сосредоточив все внимание на звучании ее голоса. Чужая воля держала так же прочно, как арматура — это здание. Стоило мне об этом подумать, как Мелора размахнулась и вlepила мне пощечину. Таковую, от которой голова мотнулась назад, а щека вспыхнула огнем.

Это что, квест такой вечерний — «отвесь оплеуху Танни»?

Собственные мысли пробивались через дурман подчинения, но как-то вяло.

— Это за то, что посмела поднять на меня руку, дрянь. — Иртханесса процедила мне это в лицо, раздувая ноздри.

Поскольку ответить я не могла, оставалось только хлопать ресницами и внимать. Чувство было такое, что мои мозги полили фреоном и запахнули в холодильник. Я не могла разозлиться, не могла пошевелиться, вообще ничего не могла.

— Нет, если ты будешь молчать, это скучно. — Мелора брезгливо тряхнула пальцами, глядя мне в глаза. — Поэтому давай так: можешь говорить. Шепотом. Так, чтобы слышали только мы.

Мысли потекли чуть бодрее, и первую осознанную я выдала без цензуры.

Иртханесса поморщилась.

— Что он только в тебе нашел? Что они все в тебе нашли? — Иртханесса передернула плечами. — Хамишь как дышишь, внешность самая заурядная, разве что гнешься в разные стороны... Может, в этом все дело, а? Сколько раз ты ему давала?

— Не больше, чем ты.

Пусть это получилось шепотом, зато Мелору перекосило. В гриме

Мирис она и так выглядела бледненько, а с перекошенным от злобы лицом стала вообще уродиной. О чем я не преминула ей сообщить.

Впрочем, гадина довольно быстро взяла себя в руки и растянула пухлые губы в улыбке:

— Извинись.

— Извини, — покорно произнесла я, мысленно обрушив на ее голову поднос из мини-бара.

— Нет, извинись по-настоящему.

— Извини, пожалуйста. Я была не права.

— Ладно, сойдет. — Мелора махнула рукой. — А теперь мы поступим следующим образом.

Каждое ее слово отпечатывалось в сознании раскаленным клеймом.

— Сейчас я выйду из этого номера, а ты возьмешь планшет и напишешь от руки дословно: «Прости, Леона. Я так больше не могу». После чего выйдешь на балкон, залезешь на перила и просто шагнешь вниз.

Вниз.

Последнее слово ударило в сердце. Холод плеснул в ладони, растекаясь по всему телу, и впервые за все время мне стало по-настоящему страшно.

— Вниз, — повторила Мелора, а потом ослепительно улыбнулась. — Тебе не стоило переходить мне дорогу, Танни Ладэ.

— Ты сошла с ума, — едва шевеля губами, прошептала я. — Ты хоть представляешь, что...

— Представляю. — Она отмахнулась от меня. — Очень хорошо представляю, твою страсть к смертельным трюкам подтвердит любой и каждый точно так же, как твою психическую неуравновешенность. Это все детская травма, ты же долгое время ходила к психологу, правда, дорогуша? — Мелора вскинула брови, а потом шагнула ко мне вплотную. — Что, не ожидала? Наводить справки умеют все, не только твоя сестрица-шлюха, которой повезло удачно выскочить замуж. Думаешь, в мире ир்தханов ей живется весело? Да она из кожи вон лезет, чтобы ее приняли, но принимают ее только потому, что ее муж — Председатель. Для всех она просто девочка-приживалка, точно так же как и ты. Хотя о тебе в мире ир்தханов вообще мало кто знает.

Если бы она могла ударить сильнее, она бы это сделала, не сомневаюсь. Но сильнее быть не могло.

— Никто не удивится, что ты решила свести счеты с жизнью. Особенно после маленького недопонимания, — она указала на мои

губы, — которое между вами возникло. После того, что сегодня с тобой сделал Гроу. После того, как вы разругались в хлам.

— Мирис, — прошептала я.

— Все верно, Мирис очень хорошая ассистентка, — хмыкнула Мелора. — Она знает, куда смотреть. И она будет свидетелем. Расскажет, что, когда приходила сюда, ты была не в себе.

Время. Нужно тянуть время.

Когда мне позвонит Гелла? И если я не отвечу... Она позвонит Гроу.

— Ты хочешь сказать, ты знала, что ко мне приедет Леона?

— Разумеется. — Мелора вскинула брови. — Мой отец отправил Председателю интересную запись с высокого этажа шоу-бизнеса. Правда, немного подкорректированную... точнее, обрезанную. Этого оказалось более чем достаточно.

Обрезанную.

Что было на той части записи, которую мы не слышали? Странно думать о таком на пороге смерти, но я думала. Наверное, исключительно потому, чтобы не начать визжать от страха.

— И что же вы обрезали?

— О, этого ты никогда не узнаешь. — Иртханесса ухмыльнулась. — И твоя сестрица тоже. Если в другое время они со своим муженьком еще могли бы об этом задуматься, то теперь будут очень сильно заняты. Торжественными похоронами. А теперь... — Она снова улыбнулась. — Мне пора.

— Ты не...

— Ой, заткнись! — Удар в сознание, наглухо запирающий слова и жалкие крохи моей воли внутри. — Думаешь, я не понимаю, что ты пытаешься сделать? Никто не придет к тебе на помощь, Танни. Я даже не успею выйти из этого отеля, когда ты уже будешь лететь вниз. Сначала я очень хотела услышать, как ты будешь умолять... но потом поняла: мне вполне хватит того, что ты сегодня сдохнешь. Открой дверь.

Движение ключа по замку, щелчок.

— Режим «Не беспокоить».

Мои пальцы, подчиняясь ее воле, заскользили по дисплею управления. Когда на нем высветилось «не беспокоить», иртханесса удовлетворенно кивнула.

— «Прости, Леона. Я так больше не могу». Дверь на ключ. Балкон. Вниз. — Мелора подмигнула мне, будто мы были хорошими подружками, после чего нацепила очки и вихрем вылетела за дверь, продолжая театрально всхлипывать.

Я захлопнула дверь, широко раскрытыми глазами глядя, как мои руки творят неведомо что. Запирают дверь, откладывают ключ. Как ноги сами несут меня к сумке, где лежит подаренный Леоной планшет.

Леона.

«Думаешь, в мире иртыханов ей живется весело? Да она из кожи вон лезет, чтобы ее приняли, но принимают ее только потому, что ее муж — Председатель».

Я так часто думала о себе, но о ней — никогда.

Так часто говорила, что ей на меня наплевать, но сама никогда не спросила, каково ей. Конечно, зачем, если у нее такой потрясающий муж.

«Прости, Леона».

Пальцы, держащие перо, даже не дрожали, эти слова были искренними. Сердце билось спокойно и ровно, когда я выводила следующие строки:

«Я так больше не могу».

Отложила планшет и поднялась, шагнула к балкону.

Завтра эта новость будет на всех телеканалах страны: о том, что сестра первой леди выпрыгнула с балкона своего номера. Завтра эта новость убьет Леоноу. А может быть, она убьет ее еще раньше, ведь ей наверняка позвонят сразу.

Щелчок двери, и кондиционер выключился.

Я шагнула на плитку, ступая по ней босыми ногами, подошла к перилам. Ладони привычно обхватили металл, руки подбросили вверх. Я выпрямилась, встречая порыв ветра в лицо, за спиной кто-то колотил в дверь, но я видела перед собой только огни Ортахарны и бездну высоты. Впервые в жизни она не вызывала во мне никаких чувств, во мне вообще не осталось чувств, только ведущий меня приказ.

Под оглушительный грохот и звук бьющегося стекла я просто шагнула вниз.

ГЛАВА 15

Даармарх, Огненные земли Теарин — Танни

В столовой повисла тишина. Так случалось всегда, когда появлялась я: потом остальные девушки возвращались к разговорам, но самый первый момент, когда я переступала порог, неизменно был отмечен тишиной. О моем происхождении (не о том, что я Теарин Ильеррская, небеса упаси), о том, что я чистокровная ир்தханесса, награжденная пожизненной таэрран, все знали уже на второй день. Постаралась нэри Ронхэн, по собственному желанию или с подачи Хеллирии, я не знала, но меня это волновало мало. Так же, как косые взгляды наложниц и вот это молчание.

Его провоцировала Ибри.

Не считая Мэррис, она была в гареме старшей (неудивительно, потому что именно ее Даармархский посещал чаще всего), и она же считала себя вправе диктовать остальным, что им делать. Надо отдать ей должное, Ибри никогда не перечила Мэррис: возможно, именно поэтому та смотрела сквозь пальцы на ее негласное старшинство. Обо всем этом мне рассказала служанка, с которой у нас завязались достаточно теплые отношения.

Аннэри, одна из тех, что помогали мне каждый день, появилась во дворце недавно. Родители отдали ее в услужение, а если быть точной — продали. За долги. Мэррис, выбиравшая девушек в прислугу, выкупила ее потому, что та напомнила ей погибшую дочь.

Что касается меня, мне Аннэри (шустрая и проворная улыбчивая девочка двенадцати лет) напоминала о Сарре.

О нем со дня нашей встречи я не знала ровным счетом ничего: Мэррис отказалась мне в этом помочь, чем раз и навсегда провела между нами границу ровных, спокойных и холодных отношений. Вести из казарм сюда не доходили, и неудивительно. Странно было бы, если бы наложницы интересовались хаальварнами, учитывая, что за измену Даармархскому полагалась порка огненными плетьюми на глазах у остальных.

Что же касается Даармархского, он больше не приходил.

Вообще.

Ни ко мне, ни к кому бы то ни было еще, об этом тоже рассказала Аннэри (служанки шептались об этом каждый день).

— Явилась, — ядовито прошептала Ибри, стоило мне опуститься за

стол.

Над которым тут же понеслись негромкие голоса. Девушки, одетые в легкие утренние наряды, перешептывались, просили передать друг другу то или иное блюдо, шутили и смеялись, но между ними и мной словно была стена. Они напоминали пестрых бабочек, рассеявшихся каждая на своем цветке. Кто бы сомневался, что для меня Даармархский определит огненно-красный, такой, что глазам становилось больно, если долго смотреть. Как, в общем-то, и на пламя.

А бабочки и пламя, как известно, уживаются плохо.

Я сделала вид, что увлечена едой, которую служанка тут же положила мне на тарелку. Спросила, не налить ли холодной воды, но я покачала головой. Попытки подружиться или пообщаться с кем-либо из наложниц Ибри пресекла сразу же. От нее за общение со мной могло здорово влететь, поэтому к общению я не стремилась. Коротала дни, гуляя по Верхнему парку: единственное место, куда наложницам дозволялось выходить, читала или танцевала, когда никто не видит. До изнеможения, до полного упадка сил, когда не остается мыслей думать о том, как там Сарр.

Пусть разумом я понимала, что с ним все в порядке, но сердце все равно было не на месте. Он взрослый, самостоятельный, он мужчина. Через полтора года сыновья правителей уже начинают принимать решения вместе с отцом, а дети знатных вельмож становятся хаальварнами, самостоятельными воинами, которые в случае военных действий выступают наравне со взрослыми, он все равно оставался для меня младшим братом. Тем, о ком я поклялась заботиться, несмотря ни на что. Тем, из-за кого каждый вечер старательно гнала мысли о том, что мне нужно забыть про гордость и увидеться с Даармархским.

Вот уже вторую неделю после той злосчастной ночи.

— Смотри-ка, она делает вид, что нас нет, — услышала голос Ибри.

Я предпочла снова пропустить ее выпад мимо ушей.

Стол располагался в центре роскошного зала, полы которого были выложены узорчатой мраморной плиткой с рдяными прожилками. Стены, возносящиеся ввысь, украшены расписной лепниной и позолотой, огромные арочные окна выходили на океан. В этом крыле все окна выходили либо в парк, либо на океан. На воду я и любовалась, глядя, как взошедшее несколько часов назад солнце набирает силу. Впрочем, гораздо красивее океан был на рассвете, над водой плотной вуалью парила дымка, напоминающая густой туман, а после раскаленный добела шар раскрашивал небо в огненные цвета.

— Эй, ты! — Грубый окрик снова не возымел никакого действия,

поэтому сидевшая рядом девушка резко толкнула меня локтем.

А вот это мне уже совсем не понравилось: вскинув голову, я наградила ее таким взглядом, что та непроизвольно вжалась в спинку мягкого стула, с которой свисали пушистые кисточки.

— Не бойся, Риффа, — насмешливо произнесла Ибри. — Она ведь у нас иртеханесса... лишенная силы. Тебе ничего не грозит.

— Что тебе от меня нужно? — спросила я, спокойно глядя на нее.

Смазливое лицо исказилось от ненависти.

— Что нужно? — прошипела она. — Нужно, чтобы ты сказала, что произошло между вами в ту ночь! Почему он не приходит ни к одной из нас.

Она сказала «ни к одной из нас», но в этом явственно читалось «ко мне».

— Считаешь, в этом виновата я?

— Разумеется, — процедила та. Пальцы ее сжались на приборах с такой силой, что побелели. — До твоего появления местр не пропускал ни одной ночи... А после того как ты раздвинула перед ним ноги, мы теряем последние дни рядом с ним! Из-за тебя, никчемная ты...

— Ни одной ночи, говоришь? — приподняла брови. — Выходит, не такая уж никчемная.

Кто-то из девушек ахнул, Ибри побелела так, что даже ее волосы цвета древесной коры потемнели.

— Ты пожалеешь о том, что сейчас сказала! — процедила она.

Уже жалела. Можно подумать, ее ядовитые слова стоили того, чтобы так срываться, но сказалось напряжение последних дней. Невозможность узнать о Сарре. Косые взгляды и демонстративные повороты спиной, «случайно» брошенный в шею шарф, который тут же задымился, стоило ему соприкоснуться с таэрран. Я едва успела отшвырнуть тряпку в сторону: мгновенно, именно благодаря этому на шее не загорелся ожог.

— Ой, я бросила его Риффе, — сказала Ибри в тот вечер, невинно хлопая глазами, и тут же выпорхнула из зала.

Глубоко вздохнула и вернулась к еде.

— Считаешь себя выше нас? — не унималась она. — Думаешь, родилась с огненной кровью и тебе все позволено?! Но сейчас ты никто. Ты даже хуже нас, потому что тебя притащили сюда как рабыню.

Я вскинула голову, но Ибри продолжала исходить ядом:

— Ха! Думала, я об этом не знаю? Да об этом знают все. Знают, что твой братец в казармах... моет полы и чистит виарий навоз. Все это знают, кроме тебя...

Кинжал для резки фруктов просвистел над столом и вонзился в дымчатый рукав гадины. Ибри завопила, кто-то вскочил, опрокидывая стул, над залом пронеслось дружное: «А-а-а-ах!!!»

— Думай, что говоришь, — холодно сказала я, цепляя ее взгляд и не отпуская. — Огненная кровь — это не только магия, Ибри. Это то, что ты себе даже представить не можешь, и если ты еще раз заговоришь о моем брате в таком тоне, ты об этом узнаешь на своей шкуре.

Оттолкнувшись ладонями от стола, стряхнула салфетку с платья и вышла из зала, провожаемая десятками взглядов. Шла по коридорам, чувствуя, как бешено колотится сердце, сжимая и разжимая кулаки.

Думая только о том, что я и так ждала слишком долго.

Настало время поговорить с Даармархским.

Ортахарна, Аронгара

Я захлопнула мобильный, потому что читать с экрана — сомнительное удовольствие. Читать с кокнутого экрана еще веселее, глаза уставали на раз. Планшет забрали как вещдок (мобильный тоже проверяли, но уже вернули), поэтому выбирать особенно не приходилось. Либо читать, либо пялиться в окно на ночной город, либо на двух вальцгардов, застывших в моей палате по обе стороны от двери. С такими непроницаемыми физиономиями, что по ним нельзя было сказать, есть вообще кто на базе или все покурить вышли.

В Центральную больницу Ортахарны меня привезли по верхней аэромагистрале, с песнями и плясками. Буквально, потому что, сдается мне, такая суeta вокруг Танни Ладэ до этого была один-единственный раз в жизни: в родовой, когда вокруг моей шеи обмоталась пуповина. В процессе рождения, да. Не спрашивайте, как я так умудрилась, не представляю, но уже тогда надо было понять, что у меня все будет очень и очень весело.

— Ребят, может, я уже пойду, а?

Один из вальцгардов наградил меня взглядом, предполагающим, что я должна врать в аэрокойку. Может, и вросла бы, но испугать ту, кто несколько часов назад летел клювиком вниз, как мешок с ливером, практически невозможно. Теоретически, пожалуй, тоже. Самым страшным было даже не падение и не звон осыпающихся стекол, когда струи воды с нескольких этажей хлестнули вниз, подхватывая меня. Сливаясь воедино, пеленая в кокон и медленно опускаая на землю. Самым страшным была даже не суeta, когда к отелю слетались пожарные флайсы, отовсюду слышались визги, а я, стоявшая, как лишенная чувств кукла.

Зато когда ко мне подлетел Гроу и как следует встряхнул за плечи, меня накрыло осознанием. Если бы он не раздракони́л водопровод отеля с помощью стихийной магии, если бы не выломал дверь, когда решил со мной поговорить (снова), я бы валялась на этом самом месте трупом.

Не видела бы ничего творящегося вокруг.

Не дышала бы.

Сначала меня затрясло, как от прикосновения к раскуроченной панели зарядки мобильного, затрясло так, что я чудом не повыбивала себе все зубы. Гроу притянул меня к себе, и я вцепилась в него мертвой хваткой. Буквально. Подозреваю, что в тот момент мне было пофиг, в кого цепляться, но колотило меня знатно. Так, что он дрожал вместе со мной, и только когда в меня хлынуло странное согревающее тепло, трясучка начала проходить.

К моменту, когда прибыла полиция, медики, вальцгарды (почему-то всем скопом) и правящий Ортахарны с лицом объевшегося драконьего дерьма набла, я уже сидела на скамеечке, задрав голову, и смотрела на балкон, с которого сиганула. Из раздолбанного отеля уже не хлестала вода (ее перекрыли), но выглядел он немногим лучше, чем после налета. Гроу стоял рядом и курил сигарету за сигаретой, на мне была его куртка. Дым до меня почти не долетал, но, даже если бы он сейчас дымил мне в лицо, я бы не была против. Наоборот, это значило, что я жива.

За эту мысль я цеплялась, пока меня везли в больницу. Пока осматривали, пока сушили и переодевали в рубашку, предварительно вколов успокоительное, которым можно было уложить дракона. Сейчас мы ждали, собственно, Леону с Рэйнаром, адвокатов и результаты опроса прочих (в частности, съемочной группы и персонала отеля), чтобы начать перекрестный допрос, а пока меня охраняли от меня же, чтобы я еще ничего не сделала. Мерзкое это, надо сказать, было чувство: когда, вместо того чтобы взять Мелору под стражу, под стражей оказалась я. А впрочем, ничего удивительного, когда речь заходит об иртханах и людях, последние точно не в выигрыше.

Мирис предварительно допросили первой: сначала полиция на детекторе лжи, потом, с официального разрешения Председателя (в связи с чрезвычайной ситуацией), лично правящий Ортахарны с помощью ментального вмешательства. Она подтвердила, что приходила ко мне и застала в невменяемом состоянии после встречи с Гроу. Якобы я выставила ее за дверь чуть ли не пинками, после чего она выбежала из отеля, чтобы успокоиться. Мирис вообще много чего рассказала, начиная с того, как меня макнули в лужу (то есть в реку) мордой, что я весь день была сама не

своя и так далее.

И все.

Мое слово против слова Мелоры, перевесившее явно не в мою пользу.

Хотя слова там не было, Мелора сказала, что будет говорить только в присутствии адвокатов и отца и что у меня с головой не в порядке.

Когда я предложила допросить с помощью ментального вмешательства меня, правящий Ортахарны изменился в лице и сказал, что если (как я утверждаю) ментальное вмешательство со стороны иртехана все-таки было, то осуществлять повторное не стоит с точки зрения соображений моей психической безопасности. После чего слился под предлогом срочного вызова.

Поэтому я читала Ильеррскую, чтобы не начать задыхаться в моменты, когда мысленно снова шагала вниз, снова и снова падала в темноту и в мельтешащие огни. Волосы хлестали по лицу, а струи воды плетями оборачивали тело и подхватывали над землей за пару мгновений до. Рывок, выбивающий из груди воздух, подбрасывал меня вверх, а потом медленно опускал вниз под вой сирен.

То ли успокоительное оказалось чешуевым, то ли во мне было слишком много адреналина и последний его поборо.

У вальцгарда зашуршал напульсник, он нажал на дисплей и спустя мгновение кивнул напарнику.

— Местр Халлоран здесь. Через полчаса будет на месте.

Местр.

А что насчет местры?

Умом я понимала, что Леона не может не приехать, что-то внутри все равно надрывно дергалось при мысли о том, как она посмотрит мне в глаза. Так же, как все они, все, кто больше верил планшетным строчкам.

Все, кто верил в то, что я добровольно сиганула вниз.

Чувствуя, что мне снова не хватает воздуха, схватила мобильный и открыла архивы Ильеррской.

Даармарх, Огненные земли

Аннэри шмыгнула в мои покои со свертком и быстро протянула его мне. Прижала ладони к горящим щекам, худенькая девичья грудь высоко вздымалась.

— Поблизости никого, — выдохнула она. — Ибри и остальные в музыкальном зале, Мэррис с ними. Только Наэне стало нехорошо после ужина, но она не встает с постели, так что никто ничего не узнает.

Не думаю, что ей стало нехорошо: просто по какой-то причине девушку исключили из круга общения. Недавно я возвращалась из сада и увидела, как Ибри вылетела из ниши, яростно сверкая глазами. Она меня не заметила (в тени цветущих бесчисленными алыми цветами наэррвар), но, когда я шагнула в прохладу замка, в коридор, закованный в мрамор, из занавешенной парчой ниши донеслись всхлипывания. Отодвинула тяжелую ткань: одна из девушек, Наэна, рыдала, прижимая руку к щеке. Когда я попыталась с ней заговорить, она вскинула на меня залитое слезами лицо и отшатнулась, на бледной скуле пламенела, словно ожог, пощечина.

— Только попробуй кому-нибудь рассказать! — сдавленно прошипела она и метнулась мимо диким виаром.

Рассказывать я никому ничего не собиралась, равно как и вступать в гаремные разборки. А вот попасть к Даармархскому стало делом принципа. Когда я обратилась с этой просьбой к Мэррис, она с каменным лицом сообщила, что местр сам решает, когда и с кем ему встречаться, удел наложницы — смиренно ожидать изъявления его воли.

За последние дни наши с ней отношения стали еще более прохладными: Ибри нажаловалась на меня, и девушки, как одна, подтвердили ее слова, что зачинщицей случившегося в обеденном зале была я. Разумеется, Мэррис не первый день жила на свете, но тем не менее настаивала, что я должна извиниться перед Ибри при всех. По ее мнению, это исчерпало бы конфликт, по моему — подогрело бы, поэтому твердо и решительно отказалась. Когда женщина попыталась на меня надавить, сказала, что, если она не хочет однажды разнимать клубок девиц в коридоре и лечить наши синяки, придется Ибри походить с ущемленной гордостью.

После этого разговора Мэррис оставила меня в покое, но на ее помощь рассчитывать больше не приходилось: женщина привыкла, что любая ее воля исполняется беспрекословно. Возможно, именно поэтому на многие выходки Ибри закрывались глаза, стелить мягко эта змея умела как никто.

— Я подожду здесь и покараю, — произнесла Аннэри. — Если кто-то войдет, скажу, что вам тоже плохо.

— Спасибо. — Я улыбнулась и отправилась за ширму переодеваться.

В свертке были удобные брюки и лиф: из тех, что предназначены для танцевальных тренировок, каменно-телесного цвета. Во время растяжки и упражнений мы должны были выглядеть одинаково, чтобы не отвлекаться на пестрые наряды, заостряя внимание только на грации и пластике. В такой одежде я могла свободно передвигаться, она совершенно не стесняла движений. Пусть даже выглядела чуть ли не обнаженной, только так я

могла свободно исполнить то, что задумано. Учитывая, что танцевали мы по утрам до обеда, Аннэри успеет вернуть мой костюм на место, и никто ничего не заметит.

Когда я вышла из-за ширмы, девочка сидела на полу и теребила кисточки пойманной в капкан скрещенных ног подушки. Длинные косы подметали ковер, босые ноги упирались пятка в пятку. Она покусывала порозовевшие губы, но, заметив меня, тут же вскочила.

— Вы ведь не передумаете? — взволнованно спросила Аннэри.

— Нет, — покачала головой.

— Но...

— Не бойся, Ри. — Я улыбнулась такой трогательной заботе. — Все будет хорошо.

— Правда?

— Правда. — Я не удержалась и слегка дернула ее за косу. — Не знаю, что бы я без тебя делала.

Девочка зарделась:

— А я без вас.

Удивительно, но за эту пару недель мы сдружились, хотя по возрасту она могла бы быть разве что моей младшей сестренкой. Я никогда не относилась к ней как к служанке (хотя с другими девушками у меня не было таких доверительных отношений), и она отвечала мне заботой и добротой. В чем-то мы с ней были похожи: Ри оказалась здесь, потому что родители не смогли расплатиться с долгами, а я — потому что осмелилась выступить. Девочке приходилось сейчас нелегко, и мне тоже, но, коротая вечера рядом с ней (под предлогом того, что мне нужно расчесать волосы и заплести косы), я снова стала искренне улыбаться. Через несколько дней начала и она.

— Не забудьте: четвертое окно справа на втором уровне.

— Я помню, — улыбнулась.

А потом направилась к балкону.

Идея явиться к Даармархскому через окно пришла после жесткого отказа Мэррис: в конце концов, замок был построен так, что передвигаться по нему можно не только изнутри, но и снаружи. Попытаюсь выйти из крыла наложниц — меня остановит первый же наряд хаальварнов или стража, и чем это закончится, одному небу известно. Хорошо, если доложат ему, но, скорее всего, Мэррис решит проблему сама (за ней закреплено такое право). Иными словами, поставит на колени на рассыпанные бусины в общем зале. Не считая того, что это весьма неприятно, потехой для Ибри и остальных мне становится решительно не

хотелось.

Ненадолго задержалась у перил, позволяя парящему над океаном ветру подхватить выбившиеся из кос прядки. Пальцы слегка подрагивали, но не только из-за того, что мне предстояло пройти большую часть замка по стенам, просчитывая каждый шаг, чтобы не попасться на глаза страже. Костюм, особенно под покровом ночи, позволит мне слиться с камнями, но я все равно часами просиживала на балконе, запоминая, когда и где стоят хаальварны, когда сменяются. В Верхний сад выбиралась для того же: отсюда замок был как на ладони.

Аннэри выяснила, куда выходят окна спальни Даармархского. Добраться туда было достаточно сложно, в той части замка для меня начнется самое главное испытание. Потому что как перемещаются хаальварны и стража там, мне пока неизвестно.

Но даже это волновало меня не так сильно, как то, что я ему скажу при встрече.

Сотни фраз я отметала снова и снова, начало разговора казалось непреодолимым препятствием, пострашнее острых камней, о которые внизу разбивались волны. Поэтому, вцепившись в мрамор перил, я снова и снова вглядывалась в темноту волн, настраивая зрение на ночь, а себя — на то, что у меня все получится.

Понимала, что чем дольше медлю, тем больше во мне сомнений.

Оттолкнувшись, легко вскочила на перила. Цепляясь за трещину в камне, шагнула на уступ шириной в половину моей ступни и быстро подтянулась вверх.

Ветер хлестнул по обнаженной спине, но холодным он не был. Через пару метров нырнула в нишу под массивным навесом статуи, пережидая наряд, а после — вновь на уступ. Я медленно двигалась вправо, прокладывая путь кончиками пальцев. Первая часть пути не заняла много времени: пройти до вырастающей вершиной горы башни и взобраться по покатой черепице вверх. А затем мгновенно припасть к соединению скатов, протянувшемуся полосой-дорожкой, и слиться с ним, потому что внизу по коридору прошли хаальварны.

Их шаги стихли, и я снова выпрямилась. Быстро пробежала до небольшой башенки, укрылась за ней, пережидая наряд стражи на верхней стене, а потом, придерживаясь за ребро, скатилась на край стены и мгновенно спустилась на уступ, огибающий замок. Здесь было совсем темно: только шум волн, рычащих на меня, пока еще предупреждая, и шелест ветра, облизывающего стены. Сердце билось о камень, отдавало в ладони, пока я осторожно двигалась к цели. К жилому крылу, где

располагались покои Даармархского.

Сосредоточенно и четко.

Шаг за шагом.

Когда мы с Эрганом ставили шоу, он меня многому научил: никогда не смотреть вниз, даже если взгляд инстинктивно тянется туда; не смотреть слишком далеко, потому что иногда расстояние кажется непреодолимым и можно упустить что-то важное совсем рядом; не смотреть непрестанно себе под ноги, потому что есть вероятность сорваться. Направлять взгляд вперед ровно на столько, сколько тебе нужно пройти в ближайшие два вдоха и выдоха. Не слушая ничего, кроме биения собственного сердца и дыхания: они должны быть равными.

А ведь мы с ним даже не попрощались толком.

Вернулся ли он к Наррзу или сейчас ищет другое представление?

Мысль о нем отдалась резким ударом сердца, и пальцы соскользнули с кладки. Я мгновенно остановилась, выравнивая дыхание и прислушиваясь к себе. Никаких посторонних мыслей.

Этому меня тоже научил Эрган.

Последние метры дались особенно тяжело: из-за конструкции замка приходилось постоянно замирать, оценивая обстановку и высматривая движущиеся по стенам и вдоль балконов наряды стражи. Чем ближе к цели, тем больше их становилось, и перед самым выходом на крыло я замерла, осторожно выглядывая из-за поворота. Острых углов в замке было не так много, но именно этот был острым. И самым опасным: башня нависала над океаном выдвинутой стеной. Она расширялась книзу, из-за чего обойти ее можно было, только отклоняясь назад.

Прогибаясь в спине.

Взобраться наверх — никакой возможности, слишком открытое место под прицелами взглядов стражников. Я слышала их голоса надо мной и понимала, что отсюда либо возвращаться ни с чем...

Либо рискнуть.

Облизнула губы, слушая бьющийся за спиной океан. Его рычание становилось по-настоящему угрожающим, темным. Как ночь, что меня окружала, как волны, что сомкнутся надо мной, если...

У меня все получится.

«Никаких мыслей о том, что внизу, — говорил Эрган на наших первых тренировках. — Стоит тебе это представить, взгляд потянется вниз, за ним твое сознание и твое тело».

Глубоко вздохнула и шагнула вперед, чувствуя, как благодаря выступающему камню отклоняться приходится все сильнее. Я чувствовала

изгиб спины все отчетливее. На лбу выступили бисеринки пота, с каждым шагом я все плотнее вливалась в камень: до той минуты, пока не добралась до поворота.

«Самый страшный шаг — первый».

Голос Эргана эхом звучал в памяти, и, втекая в камень, цепляясь ледяными пальцами за безжизненный холод, я шагнула за поворот. Стыки камня впечатались в тело, когда я обтекала нависающую надо мной стену и не дышала. Разделенная надвое этим углом, располосованная, прогнувшаяся над беснующейся стихией.

«Держи равновесие и думай о том, куда хочешь прийти».

Сердце ударилось о ребра с яростной силой.

Второй шаг — и я на территории Даармархского. Скольжу по выравнивающейся стене, чувствуя шумно бегущую по венам кровь.

Во рту пересохло, подушечки пальцев не чувствовали холода. Когда вытянулась в параллель стене, на мгновение замерла, чтобы прийти в себя. Постояла, умиряя дыхание: сейчас оно было громче ревущих волн. А потом двинулась к скату балконной крыши, перед которой мне предстояло пройти, чтобы оказаться в нужном месте.

Изрешеченный узорами окон рукав балкона манил расплескавшимся светом факелов. Я ухватила за карнизный свес, подтянулась и взлетела на скат, чтобы услышать голоса.

На черепицу рухнула тенью, вливаясь в нее с той же яростной силой, с которой втекала в камень. Хаальварны прошли совсем рядом, я же лежала и ругала себя последними словами: расслабилась после той идиотской башни и чуть не попалась! Когда шаги поглотил рокот океана, глубоко вздохнула и принялась подниматься наверх. Если предположить, что наряды здесь расставлены по тому же принципу, то через пару минут пойдет стража. Поэтому, взлетев, сразу распласталась по крыше, дожидаясь, пока путь будет чист.

А дальше — снова стена и уступ. Осталось совсем немного: балкон Даармархского был уже виден. Окна врезались во тьму пламенем, и это заставляло сердце биться чаще: я почти дошла.

Почти дошла.

Шаги отмеряли расстояние, и я их считала про себя, стараясь не думать, как сидела на таком же вот балконе в своей комнате, во дворце отца. Тогда стража и хаальварны были мне не страшны, и я просто рассматривала мужчин, проходящих по высокой стене, огибающей внутренний двор. Потом мне становилось скучно, я залезала на перила и ложилась на них, позволяя одеждам стекать вниз. Смотрела на облака, а

выходящая на балкон няня хваталась за сердце и рывком стягивала меня внутрь.

Как же давно это было...

Наверное, в другой жизни.

Женский голос я услышала, когда еще только подходила: резкий и звонкий, раздраженный.

Хеллирия.

— Ты притащил эту девицу сюда прямо перед отбором! — Яростное восклицание ударило сильнее ветра. Раньше, чем я поняла, что говорят обо мне, раздались негромкие шаги, и сестра Даармархского вылетела на балкон. Светлые, как ледяные струны, волосы уложены наверх, изящная шея и плечи открыты, пышные рукава с разрезами обнажают хрупкие руки. Напряженные, сжимающиеся на перилах.

Вот теперь я действительно замерла: стояла Хеллирия боком, но именно с этого места, если обернуться и поднять глаза, не заметить меня невозможно.

— Это было мое решение, которое я обсуждать не намерен. — Жесткий голос Даармархского и сильные шаги вывели меня из ступора. Я осторожно двинулась вправо, стараясь почти не дышать и внимательно вглядываясь в камень под ногами: чтобы не зацепить крошку или сухой лист вьюна, оплетающего выступающие над балконом колонны. Стирая себя из поля зрения раньше, чем на балконе появится он. Он точно меня почувствует, и тогда...

— Ты разве не понимаешь, в какое положение ставишь Эсмиру?

— Эсмира мне не жена. Пока что.

— Но она моя подруга. Брось, Вит! Этот отбор чистой воды формальность, мы оба знаем, что она станет правительницей Огненных земель. Это просто вопрос времени.

— Достаточно, Хелли.

Я замерла над ними, и в этот миг мое сердце почти не билось.

Теперь Хеллирия не могла меня видеть, как и я ее. Единственное, что мне было видно (если чуть повернуть голову): кончики ее хрупких пальцев. Сейчас на моих глазах с них сорвалось серебристо-голубое мерцание и, вплетаясь в камень, побежало по перилам к вьюнку. Как зачарованная смотрела на ледяную стихию, морозным узором лежащую на листьях. Снежное пламя в самом сердце Огненных земель?! Необычная внешность Хеллирии поразила меня еще в день нашего знакомства, но мне хватало других проблем, чтобы думать о ней. Вот только... снежное пламя?! У сестры Даармархского?!

— Избавься от нее, Вит. Избавься, пока не поздно, она не доведет тебя до добра.

— Моя маленькая сестренка полагает, что я настолько уязвим? — Теперь в его голосе звучала насмешка.

Хрупкие пальцы накрыла сильная ладонь, и ледяное пламя погасло, согретое алым.

Яростным.

Сильным.

Вьюнок рядом со мной мгновенно оттаял.

— Ты даже не представляешь, на что способны женщины, брат.

— О, это я себе как раз хорошо представляю. Ведь я вырастил тебя.

Хеллирия отняла руку и, судя по глухому удару, стукнула его по груди.

— Непробиваемый!

— Поэтому этот мир избавится от меня только в тот день, когда мое пламя угаснет. — Смех Даармархского был низким и хриплым: таким же, как его голос.

— Все только и говорят, что ты на ней помешался. — Вплетенная в ее голос ядовитая горечь звенела в по-девичьи высоком голосе. — Что ты не ходишь к Ибри и остальным, что...

— Я не стану обсуждать это с тобой. Возвращайся к себе, Хелли.

— Как скажешь. — Смирения в этом голосе было ровно столько, сколько во мне под печатью таэрран огня.

Легкие шаги, за ними твердая поступь.

Тишина.

Только сейчас поняла, что почти не дышала все это время. Что даже гул океана поглотил голос Даармархского и его пламя, к которому я тянулась неосознанно, сама того не желая, отчаянно, яростно, всей запечатанной сутью.

Глубоко вздохнула, медленно стекла по стене. Ухватила за уступ и бесшумно скользнула на балкон.

Обернулась — и дыхание снова замерло в груди.

Пламенный взгляд дракона ударил в меня, чудом не отшвырнув назад.

За перила.

Одно движение — и пальцы Даармархского сомкнулись на моей шее, а я оказалась распластана по колонне. Холод камня вливался в обнаженную спину, вязь таэрран раскалилась под широкой ладонью.

— Ты все слышала.

Это был даже не вопрос, приговор. Я прочла его в алом пламени, ворвавшимся в меня с яростной силой. Огнем прокатившись по венам, оно

плавало изнутри, разрастаясь пожаром, способным испепелить дотла.

— Я пришла к тебе.

Ответ родился сам собой.

Я ничего такого не думала, даже не представляла, что с губ сорвутся эти слова, но они сорвались. Или ворвались в хриплый шепот: единственное, на что я сейчас была способна.

Ладонь, удерживающая меня, дрогнула. Он чуть ослабил хватку, но жесткий излом губ и едва уловимо дрогнувшие крылья носа по-прежнему выдавали в нем зверя. Пламя больше не жгло, я снова могла дышать, только раскаленный воздух скользил по коже. Одна-единственная ошибка — и все.

Я сорвусь.

Так же, как у той башни, огибая которую, мне приходилось вглядываться в запечатанную камнем неизвестность, слушая рокот океана за спиной. Сейчас я снова встречала каменный взгляд, вот только камень этот был раскален. Раскален настолько, что даже мрамор под моей спиной разогрелся.

— Я искала встречи с тобой. Мэррис мне отказала.

— Зачем?

Шаг — и я снова стою над пропастью, а в тело впивается острый угол камня. Этот угол — прикосновение его локтя к лифу и близость, которая мешает мне мыслить здраво.

«Держи равновесие и думай о том, куда хочешь прийти».

Сколь бы ни была велика его сила, Даармархский — мужчина. Всего лишь мужчина, и он меня хочет. Пусть даже в слова Хеллирии верилось слабо (что из-за меня он отказался от Ибри и остальных), я помнила ответ его тела в ту ночь на моем балконе. Я чувствовала сжигающий его огонь — ураганный, неистовый, — и этот огонь был единственным, что могло меня сейчас спасти.

— Из-за нее. — Я положила руку поверх его ладони, ощущая, как она каменеет еще сильнее. — Из-за таэрран. Только рядом с тобой я вновь становлюсь пламенем.

Пальцы на моей шее сжались сильнее, а потом расслабились. Чего нельзя сказать о его лице: сейчас оно было еще более хищным. Сквозь мужские черты проглядывал дракон, и раскаленная родовая печать на его груди полыхала так, что одежда начинала дымиться. Ладонь Даармархского скользнула по моей шее и ключицам обманчиво легко, а потом он отступил. Вглубь балкона, прислонившись к каменной кладке, наполовину занавешенной балдахином вьюна.

— Раздевайся, — последовал приказ.

Прямо здесь?

Я прикусила губу, удерживая готовый сорваться вопрос, но тут же исправила эту оплошность, облизнув пересохшие губы. Видеть глаза Даармархского отсюда я не могла: их почти полностью скрадывала тьма так же, как и резкие черты, поэтому просто подхватила сплошной облегающий лиф, протягивая его наверх и снимая через голову. Чувствуя, как остывающий воздух бежит по разгоряченной коже, как твердеют вершинки сосков, когда плотная ткань скользит по ним, задевая краями и освобождая внезапно ставшую тяжелой грудь.

Избавилась от легких удобных туфель, а после, положив ладони на шаровары, медленно потянула их вниз.

Он смотрел на меня, но я смотреть на него не могла. Точнее, не могла видеть его реакцию, и все, что мне оставалось, — лишь продолжать. Оставшись полностью обнаженной, выпрямилась, когда последовал следующий приказ:

— Расплетай волосы. Медленно.

Коснулась пальцами ленты, развязала ее, пропуская сквозь пальцы. Тяжелые пряди, освобождаясь одна за другой, падали на плечи и грудь, скользили по коже шелком, стекая до талии.

— А теперь танцуй, девочка, — негромко произнес он. — Танцуй для меня.

Втекающий в меня через ступни холод сейчас был и то более жарким, чем его голос, но я отмела эту мысль. Вдохнула (глубоко, позволяя воздуху наполнить каждую клеточку тела), а потом мысленно отбросила себя в свое первое выступление.

Перед глазами мелькнула возносящаяся к небесам башня, на которую мне предстояло подняться, и высота, с которой предстояло упасть. Музыка — тишина и звучание сердца, первый удар барабанов.

Я скользнула по мрамору: коснувшись пальцами колонны, отрываясь от пола и взлетая на перила. На перила или на натянутый до предела канат, по которому шагнула, раскинув руки. Ветер подхватил волосы, взметнул их, чтобы опустить на обнаженное тело покрывалом.

Удар барабанов.

И еще один шаг вперед.

Я медленно приближалась к центру, чувствуя, как от рождающегося внутри чувства разогревается кровь. Понимая, что идти нужно только вперед и не думать о том, что делаю, потому что иначе я не полечу вниз, а упаду.

Перила-канат зашатались перед глазами, и я замерла, ведомая только

своей звучащей внутри музыкой. Мягко вскинула руки, сливая воедино ледяные пальцы и теплеющие ладони.

А потом скользнула вниз на раскинувшийся плитками мрамор.

Или в рассыпающуюся искрами темноту.

Первый огненный танец навсегда отпечатался в моей памяти, поэтому сейчас я рывком ушла в сторону, прогибаясь и ныряя в невидимый обруч. Волосы расстелились за моей спиной рвущимися от огня канатами, а я выпрямилась сорвавшейся тетивой и вскинула руки, сжимая их на несуществующих брусках.

Движение влево, стремительное и плавное, когда я через бок ушла в параллель с полом, и вот я уже на земле.

Двигаюсь по волне огненных узоров, расцветающих под ногами.

Уходя в сторону от летящих в лицо искр, фонтанами бьющих передо мной, и стекая рядом с ними в прогиб. Позволяя волосам парить, когда вынырываю из него, и вихрями карусели кружиться надо мной, когда взлетаю наверх на вытянутых кончиках пальцев.

Сама не поняла, когда вокруг меня действительно родился огонь.

Плеснул на узор плитки, вытесняя остатки холода, в меня, заставляя тело звенеть напряженной, раскаленной струной.

Я шла за ним, или он за мной, едва касаясь пальцами раскрашивающих ночь искр, позволяя им уколоть пальцы, но не обжечь.

Барабаны набирали силу вместе с ритмом кружения, и то, что раньше казалось изнурительно-медленным, любое движение сейчас было коротким и резким, как вспышка. Огонь втекал в меня отовсюду, и, вскинув руки, я позволяла ему рваться сквозь меня в небо. От жара горело лицо, горело все тело от кончиков пальцев ног до вершинок сосков. Я полыхала от корней рассыпающих искры волос, взлетевших вместе со мной, когда рывком выдернула себя наверх до раскинутых в стороны, напряженных, как тетива заряженного арбалета, рук.

Лопнувшая в ту же минуту, когда ритм барабана достиг сбивающегося в груди сердца и швырнул меня на пол.

Одним движением позволяя собраться в россыпи оседающих вокруг прядей.

Подтянув к себе колени, оплела их руками и замерла.

В наступившей вокруг меня тишине я слышала только собственное дыхание и биение сердца. Дрожала от невозможности почувствовать переполнявший меня огонь, запечатанный под нерушимой вязью таэрран, когда сверху донеслось резкое:

— Да, ради брата ты действительно способна на все.

Смысл сказанных слов дошел до меня не сразу, потерялся за отголосками звенящего в теле танца.

А когда дошел, я рывком вытолкнула себя наверх и с рычанием бросилась на Даармархского.

Мои запястья сдавили с такой силой, что боль плеснула в ладони, резкий рывок впечатал меня в каменную грудь. Рванулась, задыхаясь, но тщетно: Даармархский продолжал меня удерживать, вокруг вертикального зрачка раскалялся алый ободок.

— Ненавижу! — прошипела я, глядя в это жесткое лицо. — Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

— С этого и надо было начинать, Теарин. — Рождающееся в груди дракона рычание прокатилось по телу жаром беспощадного пламени, а потом он меня оттолкнул. — Одевайся.

Дыхание прервалось, я шагнула к сваленной на полу одежде. Подхватила шаровары, натягивая их, затем лиф. Сердце билось неслышно или вообще не билось, я чувствовала, как дрожат напряженные пальцы, когда попыталась заплести косу. Заплести — и что дальше? Путь назад вдруг представился мне бесконечно долгим.

— Руку, — последовал жесткий приказ.

Не дожидаясь моего согласия, пальцы сжали так, что я вскрикнула, Даармархский увлек меня за собой в комнаты, но рассмотреть обстановку мне не удалось. Портьера, занавешивающая, как мне казалось, нишу, была безжалостно сорвана. Он вдавил ладонь в каменную кладку, раздался глухой скрежет. Подхватив мое дыхание, часть стены ушла вниз, открывая черную пасть тайного хода.

На ладони дракона вспыхнуло пламя, он рывком втащил меня за собой. Вуаль огня развевалась во тьме, освещая нам путь и заставляя тени скользить по стенам. Мы шли недолго, или мне так показалось: широкий шаг Даармархского не позволял остановиться, перевести дух или о чем-то задуматься. Он отпустил мою руку лишь на мгновение, чтобы ударить сомкнутыми пальцами чуть выше моего плеча в стену. Поклясться могу, никаких знаков отличия на ней не было, но глухой звук эхом прокатился по каменной кишке, а спустя миг что-то глухо лязгнуло, и камень вновь сорвался вниз, открывая нам путь.

Двое хаальварнов изваяниями застыли по обе стороны от выхода, третий шагнул вперед и склонил голову:

— Местр?

— Свободны, — резко ответил Даармархский, увлекая меня за собой.

Огромный каменный уступ природным балконом нависал над

Аринтой, оставив океан справа от нас. Перекинувшиеся от замка мосты: массивные, тяжелые, с арочными опорами протянулись к Даармархскому порту, точке вхождения в Огненные земли по воде. Многие ли отважились бы прийти сюда таким путем? Не знаю. Сейчас здесь были только рыбацкие суда, на которых в ближайшие безопасные воды выходили для ловли сетями неизменно в сопровождении хаальварнов. Попытки использовать гарпуны или любое другое оружие были строгойше запрещены, это могло спровоцировать водных драконов, которые не подходили к берегам Даармарха уже очень давно.

Отсюда город казался скоплением светлирхов, каким-то чудом поселившихся под открытым небом. Огни мерцали и переливались, мелькали перед глазами, превращая столицу в перевернутое звездное небо, расчерченное изломом огибающей его реки.

Меня подтолкнули к самому краю: не сразу, но я осознала, что внизу, под уступом, укрыты входы в казармы. На раскинувшемся перед ним полигоне тенями застыли двое, светловолосый хаальварн (возможно, тот самый, что сопровождал нас?) и мальчик, на ладонях которого разгоралось пламя. Упавшая на высокий лоб прядь в отблесках рождающейся стихии казалась раскаленными нитями.

Не сразу осознала, что смотрю на Сарра, который под пристальным вниманием наставника пытался сформировать огненный шар.

Пламя.

Его пламя проснулось!

На глаза навернулись слезы, которые я перехватила, плотно сжав губы. Почти не дыша, смотрела на брата, глядя, как прозрачная огненная дымка перетекает из ладони в ладонь, стягиваясь и уплотняясь.

Но ведь пламя...

Развернулась к Даармархскому, но он больше на меня не смотрел. Его тяжелыми темными прядями играл ветер, резкие черты напоминали выбитый в камне профиль. Прежде чем я успела что-то сказать, он кивнул стоявшему в отдалении хаальварну.

— Ритхарн!

Мужчина отделился от стены, рядом с которой застыл невидимой тенью, приблизился к нам.

— Местр? — негромкий вопрос.

— Распорядись, чтобы эту женщину проводили в ее покои. Мэррис и остальным сообще, что она была приглашена ко мне. Выясни, кто сегодня дежурил на западных и южных стенах, списки коридорных тоже должны быть у меня в течение часа.

Хаальварн склонил голову, а Даармархский стремительно пересек площадку, направляясь к темному зеву потайного коридора. Стоило ему пересечь границу, механизм щелкнул, и стена медленно пошла вверх. Пару мгновений я смотрела на вспыхнувший в темноте огонек, а потом вьюном ушла из-под руки попытавшегося перехватить меня хаальварна. Оттолкнувшись кончиками пальцев от земли, взмыла ввысь, стрелой метнулась в закрывающееся «окно». Едва успела: щелчок, и я попрощалась с оставшимся за спиной городом. Прокатившись по ледяному полу, замерла в двух шагах от ног правителя Огненных земель.

В ту самую минуту, когда Даармархский обернулся.

— Ты играешь с огнем, Теарин. — Рождающееся в груди дракона рычание отозвалось во мне жаром беспощадного пламени.

Я всю жизнь играю с огнем.

Стремительно выпрямилась, оказавшись лицом к лицу с ним.

— Я пришла к тебе, — повторила, глядя в расцвеченное отблесками пламени лицо.

И прежде чем он успел ответить, приподнялась на носки, врываясь поцелуем в жесткие обветренные губы.

Даармархский оторвал меня от земли легко, как пушинку. От земли, но не от себя, напротив — спину полоснуло холодным шершавым камнем, а рот — обжигающей, яростной лаской, когда он разомкнул мои губы, целуя с такой неистовой силой, словно хотел выпить не только мое дыхание.

Меня всю.

Зажатая сильным телом, я бы все равно не упала, но сейчас скрестила ноги на бедрах дракона. Чувствуя, как набирает силу его желание, как вместе с каждым сорванным вдохом в меня вливается жидкий огонь. Пламя на ладони погасло, но оно больше было не нужно, родовые узоры Даармархского полыхали так, что даже с закрытыми глазами хотелось зажмуриться. Вместо этого я сжала бедра сильнее, вплавляясь в его — напряженные, каменные, — срывая с губ уже настоящее рычание, раскатами прокатившееся по коридору.

Мои руки резко подняли над головой, вжимая запястья в стену, горячие пальцы скользнули под лиф, сжимая сосок. Болезненно-остро, горячо: так, что теперь уже я гортанно застонала ему в губы. Чувствуя, как отзывается его тело на этот ответ, вжимаясь сильнее, чуть приподнялась и скользнула ниже. По стене.

По нему.

Резкий рывок — и опора стены взметнулась ввысь, Даармархский медленно поставил меня на ноги. Сумасшедший, полыхающий алым

пламенем взгляд, дрожащие зрачки. Медленно стягивающиеся в тонкие опаленные нити.

— Хочешь поиграть, девочка? — хрипло спросил дракон.

— Хочу... — Низкий тягучий голос рождался внутри меня, отзываясь на его призыв. — Тебя.

Поцелуй-укус выбил из груди дыхание и рычащий звериный стон. Шаровары с меня сдернули так, что они жалобно треснули, одно движение — и меня снова подхватили под бедра.

Пламя, плеснувшее в тело, было таким сильным, что я задохнулась криком.

Задохнулась от яростного, жесткого проникновения, царапая ногтями миг разогревшийся камень.

Даармархский медленно подался назад, срывая с губ выдох.

Взгляд — глаза в глаза — обжигающий, острый потянул за собой, как чувственные, на грани болезненных, ощущения. Он замер лишь на мгновение, позволяя мне привыкнуть к этой растянутости, наполненности, глубине, к текущему по венам огню. Пусть даже сейчас этот огонь не был моим, он принадлежал мне. Точно так же, как мужчина, сжимающий мои бедра.

— Хочу тебя, — повторила ему в губы, скользнув кончиками пальцев по жесткой щетине.

За миг до того, как сорваться вместе с ним в пропасть.

Движения резкие, сильные, отдающиеся внутри вспышками бьющей сквозь него звериной силы, по которой я так отчаянно изголодалась, скрываясь между людей, от которой стоны перетекали в рычание, а сжимающиеся на смуглых плечах пальцы оставляли красные полумесяцы.

Я всхлипывала, падая в этот огонь, сгорая в пламени, от которого столько лет была безумно далека. Цеплялась за ускользающую реальность обрывками мерцания раскаленных родовых узоров, бликами алого огня в радужке вокруг раскрывшихся во всю ширь зрачков.

Он не отпускал моего взгляда, я не отпускала его.

Вздрагивая, рывками принимая в себя эту силу, признавая его власть.

Пальцы дракона сжались на моих волосах, выдергивая и так неплотно вплетенную ленту.

— Моя. Теарин, — прорычал он мне в губы.

Вместо ответа вцепилась ногтями ему в плечи, сжимаясь сильнее и чувствуя, как напрягаются каменные бедра под моими ягодицами. Кусала губы, чтобы не повторить за ним. Чтобы не начать кричать его имя: судорожно, в такт резким, сильным движениям, рождающим внутри

сладкие, болезненно-яркие спазмы.

— Теар-р-рин. — Губы Даармархского накрыли мои, он брал мой рот так же яростно, как меня, и ощущения этой безумной, безрассудной принадлежности отзывались в точке соединения наших тел диким, звериным наслаждением.

Врывающимся в мое тело, ударяющим снова и снова, до вздохов между поцелуями, рваных и хриплых.

Миг, когда полыхнуло внутри, превратил позвоночник в огненный стержень.

Раскаленные брызги плеснули в стороны, с шипением скатываясь по стенам, ногти скользнули по натянувшейся на груди тунике в глубокий вырез.

Замерев дрожащей струной, я снова и снова ловила губами воздух. Жар прокатывался сладкими судорогами по телу в такт непрекращающимся движениям. Содрогаюсь, сжималась на пульсирующем напряженном желании Даармархского до той минуты, пока рычание не ударило в меня последним яростным всплеском.

Пока отголоски затихающего удовольствия заставляли всхлипывать и кусать губы.

Тающие в темноте искры гасли, и вместе с ними гасли ритмы бьющего в теле огня.

Даармархский чуть подался назад, и я вздрогнула от последнего болезненно-сладкого движения. Облизнула пересохшие губы, глядя ему в глаза, скользнула взглядом по шее, на которой бешено билась жилка. Кончиками пальцев повторила оставленную собственными ногтями царапину, расчертившую широкую полосу шрама.

— Твоя, — признала еле слышно.

Чуть подалась вперед, ощущая его снова наливающееся силой желание, и он подхватил меня на руки.

Наверное, это было неправильно: позволять себе прижиматься к широкой груди, слушая глубокие сильные удары сердца. Неправильно закрывать глаза на мгновение, чтобы унять дрожь во всем теле, особенно в неожиданно ослабевших руках. Неправильно тянуться пальцами к таэрран при Даармархском, чтобы в очередной раз почувствовать обжигающую вязь, но именно это я и сделала.

Скорее неосознанно, в надежде, что раскаленные брызги, снова и снова разлетающиеся перед глазами, вполне могли бы быть им. Разорванным ошейником, не выдержавшим силы самого опасного дракона Огненных земель.

Конечно, мог бы.

Если бы я оказалась в сказке, которые так любила в детстве.

— Мне нужно будет во что-то переодеться, — сказала я. — Когда я пойду к себе.

— Когда пойдешь, — ответил он, опуская меня на низкое ложе, затопленное волнами шелковых покрывал.

В эту ночь я сорвала голос, когда кричала от снова и снова заполняющего меня огня. Позволяющего чувствовать себя отчаянно живой, невероятно сильной, способной парить над землей, раскинув забытые крылья. Падать в вихри огня, взлетать к рассыпающимся сквозь опрокинутые пригоршни звезд небесам.

Впервые за долгое время не в танце.

Ортахарна, Аронгара

Ну, хоть у кого-то секс случился.

Эта странная донельзя мысль меня посетила как-то очень не вовремя: я отвела глаза от экрана, чтобы передохнуть, и в этот момент дверь палаты отъехала в сторону, явив всем присутствующим Леону Халлоран.

Вот не пойму, какой чешуи все цепляются за мою фамилию, сестра давно уже Халлоран.

Тут я залипла окончательно, особенно когда Леона вошла, а точнее, влетела. Она и раньше-то не отличалась сдержанностью, а когда превратилась в первую леди, вообще стала неудержимой.

— Выйдите! — Негромкий голос, один взгляд в сторону вальцгардов, и тех как ветром сдуло.

Ветер, судя по ощущениям, донесся и до меня, потому что слегка продрало ознобом, а пальцы на экране, наоборот, вспотели. Леона смотрела на меня, я на нее, потом она шагнула к аэрокойке и... остановилась. Моя уверенная сестрица-ураган замерла, и выражение ее лица, привычно жесткое, за решительно сдвинутыми бровями и огненной силой глаз, на миг стало растерянным.

— Как ты? — спросила она, явно не зная, куда деть руки.

В этом я в общем-то ничем помочь не могла, потому что не представляла, куда деть себя.

Всю.

Целиком.

— Ну... не так давно выяснилось, что дракона из меня не получится.

— Я рада, — сдавленно произнесла она.

— Рада, что дракона из меня не получится?

— Что с тобой все в порядке.

— Прости меня.

Мы сказали это одновременно. Точнее, мне так показалось, потому что наше «прости меня» слилось воедино и разлепляться отказывалось. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, а потом Леона шагнула ко мне, а я к ней. Об пол что-то жалобно звякнуло, потом хрустнуло, затем что-то пронзительно запищало, но я уже задохнулась, рывком притягивая сестру к себе. Или это она обняла меня первой? Сейчас это было не важно, главным было только то, что я обнимала ее, а она — меня и что не было в мире ничего важнее этих объятий.

Не знаю, сколько мы так стояли, пока Леона, отстранившись, не прорычала:

— Как тебе вообще в голову пришло лезть вверх без страховки?!

Вот это уже больше похоже на мою сестру.

— Мне хотелось чувствовать то же, что и она.

— Хотелось?

— Ага.

Дверь распахнулась, в палату сунулась было врач, но под взглядом Леоны тут же метнулась обратно. Зато я поняла, что пищало: датчики, которые осыпались с меня бесчисленными пластинками и теперь сиротливо валялись на койке. Помимо них, на полу валялся мобильный, трещин на экране стало еще больше, но что-то мне подсказывало, что ему это особо не повредит.

— А сейчас?

— А сейчас не знаю.

Леона закусила губу и кивнула в сторону кресел и столика. Да, палата у меня была, как люкс в гостинице, с той лишь разницей, что в люксе нет столько медицинской аппаратуры и освещение немного иное.

Устроившись в кресле, я подогнула под себя ноги, дожидаясь, пока сядет она, но Леона не стала садиться. Подошла к окну, коснувшись пальцами краешка жалюзи, потом снова обернулась ко мне.

— Я не знала, что для тебя это так важно, Танни. Не знала, не подумала... наверное, в тот момент я вообще мало о чем думала, потому что, когда родилась Лири, я была так безумно счастлива, что забыла обо всем. А счастливые люди самые жестокие на свете. Тогда я даже представить не могла, что... — Она пожевала губы. — Ты была права. Насчет имени.

— А ты насчет того, что актриса из меня никакая.

— Я этого не говорила, Танни.

— Разве? — Я усмехнулась. — Нет, Леа, будь я актрисой, я бы сейчас не думала о том, как расторгнуть контракт и где взять деньги на неустойку.

— Ты больше не хочешь играть Ильеррскую?

— Я больше не хочу иметь с иртханами ничего общего.

— Я тоже иртханесса, Танни.

— Ты исключение и всегда им была. — Я поджала ноги еще сильнее, чтобы не закрываться руками. — Просто когда я думаю, что Гроу мог не успеть... слушай, я все понимаю, вы меня не оставите. Не бросите и все такое, и мне драконически повезло в том, что я твоя сестра. Но сколько людей исполняют приказы, возможно, сами того не зная? И сколько случаев заминается просто потому что?

— Можешь мне поверить, такие случаи не заминаются...

— Серьезно?

Брови Леоны сошлись на переносице: едва уловимо, но я поняла, о чем она думает. Да, Рэйнар крут, и сейчас он Председатель, но, когда в самом начале их отношений одна его «перспективная» невеста подсунула сестре рагранных пчел и те не убили ее благодаря счастливой случайности, эту девицу просто выставили из города. Потому что по законам иртханов отвечать за свои поступки иртхан или иртханесса должны только на своей территории. А когда речь заходит о людях...

— Скоро будет принят закон, согласно которому правящий, на территории которого произошло преступление, будет назначать наказание вне зависимости от места проживания, статуса провинившегося и его регалий.

— Не прошло и десяти лет.

— Такие дела просто не делаются, Танни. На реформы нужно время, а Рэйнар не так давно стал Председателем.

Открыла было рот, чтобы возразить, но вспомнила слова Мелоры и тут же его закрыла.

— Ты счастлива? — спросила прямо, глядя ей в глаза.

Леона моргнула. Удивленно, на миг снова становясь просто моей сестрой, которая возвращалась домой ночами после выступлений уставшая, но счастливая — пение всегда было ее отдушиной, ее вдохновением, ее дыханием. Она влетала в квартиру с улыбкой на губах, слегка пьяная от успеха на сцене, оваций, улыбок гостей. Тогда она жила только мечтой о том, что будет петь в опере, и ее мечта сбылась.

Она вытащила меня на себе после ухода отца, а ведь тогда была даже моложе, чем я сейчас. А я... часто ли я вообще ей звонила после того, как

она вышла замуж? Отгородившись стеной обид, замыкаясь в своем нежелании быть сестричкой Ладэ. Ведь для нее я никогда не была «плюс один», как бы и кто на меня ни смотрел.

— Счастлива, — сказала она. — Очень. Мир ир்தханов жестокий, но это мой мир.

— И тебе никогда не хотелось вернуться? Чтобы все было, как раньше?

Леона покачала головой и улыбнулась.

— Они тебя не достают? Ну... все эти снобы, которые следят за каждым твоим шагом?

Она вскинула брови.

— Кто тебе это сказал?

— Одна лар... не важно.

— Мелора Ярлис. — В голос сестры вновь ворвалось рычание, ноздри хищно шевельнулись, но она тут же расслабилась. — Всякое бывает, Тан. Мы действительно под прицелами пристального внимания всех, и многие ждут, когда мы ошибемся. Особенно сейчас, когда Рэйнар готовит несколько серьезных реформ. Мы были первыми, кто разрушил шаблоны, мы подтвердили свою силу оборотом, и только это во многом сейчас защищает нас от многих проблем. Люди помнят нас героями, защитившими Мэйстон, но память избирательна. С каждым годом это все больше забывается, отходит на второй план. — Леона пожала плечами. — Дело не только во мне, дело в том, что жизнь у власти никогда не будет простой. Любое неверно истолкованное решение может очень дорого обойтись. Любой поступок можно вывернуть и представить по-разному. Рэйнара это касается не в меньшей степени, чем меня, хотя он родился и вырос в этом мире. Это не всегда просто, но это наша жизнь. Когда речь заходит о драконах... о том, что я чувствую, когда приближаюсь к живому огню этих невероятных существ, когда понимаю, что именно мы возводим этот хрупкий мостик между ними и человечеством, это волшебно. Незабываемо. Это дорогого стоит, и я ни за что от этого не откажусь. Поэтому да, Танны, я счастлива.

Последнее она могла бы и не говорить: глаза ее сейчас сияли, и я невольно улыбнулась.

— Тогда я спокойна.

Леона вскинула брови:

— За что?

— За кого. За мою непутевую старшую сестренку, спутавшуюся с огнедышащими ящерицами.

— Танни, — хмуро сказала сестра, хотя видно было, что она с трудом сдерживает смех. — Я уже говорила, что чувство юмора у тебя так себе?

Ответить на вопрос я не успела, потому что дверь приоткрылась, и в палату вошел вальцгард.

— Местра Халлоран, прошу прощения. Местр Халлоран просил передать, что будет ждать вас и эссу Ладэ во флайсе через двадцать минут.

Леона нахмурилась:

— Мне казалось, мы обсуждали возможность провести допрос на территории больницы в конференц-зале.

— Местр Ярлис настоял на встрече в Ангэр Хайт. Это все, что мне известно.

— Ангэр Хайт? — Леона нахмурилась еще сильнее. — Здание, где проходят заседания Совета Правления в Ортахарне.

Опаньки.

— То есть... меня типа будут допрашивать там, где заседают важные тети и дяди?

— Дяди, — ответила Леона, продолжая хмуриться и покусывать губы. — В Совете нет женщин.

— Очешуешь, какая дискриминация.

Сестра достала мобильный, а я вдруг ощутила неприятный холодок, бегущий по спине.

Если допрос состоится там, значит, людей будет по минимуму. Стало быть, дело для полиции закрыто, и заниматься этим будут только ир்தханы. Получается... все куда серьезнее, чем я думала.

Даармарх, Огненные земли

Я дожидалась брата в «Сердце Аринты». Это место не имело никакого отношения к центру главного города Огненных земель и находилось во дворце. Огромный, не просто огромный, роскошный парк, раскинувшийся на третьем уровне, замкнутый между каменными стенами и океаном. Он занимал площадь, сравниться с которой мог только внутренний двор, который мне довелось увидеть на обратном пути из покоев Даармархского.

Тот факт, что меня сопровождали хаальварны из личной охраны повелителя и что я провела ночь в его покоях, странным образом развернул ситуацию в гареме ко мне лицом. Девушки больше не смотрели на меня наблими, некоторые даже старались подружиться, но я эти попытки пресекала, оставляя наши отношения на уровне холодной и вежливой отстраненности. Дружба такой ценой мне была не нужна, и уж тем более

мне не была нужна такая дружба. Те, кто ходили за Ибри, заглядывая ей в рот, как голодные виары, отворачивались от нее одна за другой.

Сама Ибри тоже притихла, только временами я ловила ее полные ненависти взгляды.

Зато за общим столом в мой адрес больше не звучало колких и хлестких слов. Девушки приняли мои условия и задевать даже не думали, а когда это попыталась сделать Ибри, Наэна зашипела на нее:

— Замолчи!

И та, отшвырнув приборы, золотым вихрем вылетела из-за стола.

Впрочем, наложницы и их ко мне отношение меня сейчас волновали мало: гораздо больше беспокоила предстоящая встреча с братом. Мы не виделись почти три недели (та ночь, когда Даармархский мне его показал, — не в счет). С Даармархским с той ночи мы не виделись тоже, но сейчас я была искренне этому рада. Пламя, в котором я сгорала с ним, не шло ни в какое сравнение с тем, что я испытывала во время близости с Эрганом.

Эрган стал моим первым мужчиной, но моим первым драконом стал Витхар.

Как бы ужасно это ни звучало, как бы ни старалась я не называть его по имени даже в мыслях, как бы ни пыталась прогнать воспоминания о сжигавшем нас пламени, в воспоминаниях снова и снова возвращалась к той ночи. Когда засыпала в его руках, дрожащая и готовая рассыпаться пеплом в отголосках затихающего огня, и когда проснулась одна на ложе, хранящем его запах.

Если рядом с Ибри он позволял своему пламени раскрыться хотя бы на треть, неудивительно, что у нее случилась привязка.

Чем дальше, тем сильнее нарастало волнение. Поэтому я вышла из беседки, где мы должны были встретиться с Сарром, и направилась по дорожке к шумящей воде. В этом парке было по меньшей мере четыре искусственных водопада (я видела их, когда мы с сопровождающими меня хаальварнами поднимались к беседке) и один прекрасный фонтан, который располагался в самом центре, напомиравшем солнце, куда втекали лучи дорожек. В глубине они разветвлялись аллеями, растекались каплями островков, на которых застыли беседки.

Когда Мэррис сообщила, что мне предстоит встреча с братом, я забыла, как дышать. А когда объяснила, что мне разрешено встретиться с ним не в крыле наложниц и даже не в Верхнем саду, который, собственно, для них и предназначался, вздохнула полной грудью. Я даже представить себе не могла, каково Сарру было бы видеть меня там. Не представляла и

не хотела представлять, поэтому была искренне благодарна Даармархскому за эту возможность.

«Сердце Аринты» не шло ни в какое сравнение с Верхним садом. То уютное, усыпанное цветами и невысокими деревьями место больше напоминало оранжерею. Здесь же природа казалась первозданной, мощной, безумно прекрасной. Если закрыть глаза и забыть о том, что находишься высоко над землей, можно было представить, что ты в нязирсе.

А если сделать так...

Я опустилась на корточки, приложив пальцы к земле, не тронутой камнем дорожек. На миг показалось, что в меня втекает пульсация жизни, идущая от высоченных пальм и тонких ррариней, сплетающихся гибкими прутьями над головой. На них раскрылись огромные цветы, их крупные лепестки, как частички неба, осыпались под ноги. По бокам застыл пока что неприметный ночной иллекон — цветок, истинная красота которого познается в темноте.

— Теа!

Голос брата ударил в самое сердце.

Закусив губу, поднялась, обернулась и увидела его. Сарр стоял на дорожке, высокий и по-прежнему нескладный, но в форме младшего воина в цветах Даармарха он выглядел невероятно мужественным. И еще он выглядел счастливым. Я поняла это, когда шагнула к нему навстречу: медленно, опасаясь, что наброшусь на него с объятиями, потому что мысленно так и сделала несколько раз. Шагнула, а брат опустил глаза: так поспешно, словно что-то пытался скрыть.

— Сарр. — Я остановилась перед ним, не зная, что еще сказать.

Три недели странной неловкостью раскинулись между нами, и сейчас я с жадностью вглядывалась в его родные черты: папин разрез глаз и упрямый подбородок, но мамины губы, красивый и чувственный изгиб рта.

— Я ношу эти цвета только ради тебя.

Даже не сразу поняла, о чем он говорит. А когда поняла, улыбнулась:

— Я рада, что ты их носишь.

— Что?

Теперь уже опешил Сарр.

— Я рада, что ты их носишь, — повторила серьезно. — Если рад ты. Если ты счастлив быть там, где ты сейчас есть. Ты счастлив, Сарр?

— Ну... — неуверенно произнес он. — Мне нравится учиться, нравятся тренировки с оружием и еще... Теа, во мне проснулось пламя!

Он выпалил все это на одном дыхании, теперь уже не пряча глаз, но тщетно пытаясь скрыть бушующие в них искры. Эти искры, как отражение

его огня, отозвались во мне, но теперь я могла не скрывать своих чувств.

— Сарр, — выдохнула тихо, — я так рада! И безумно тобой горжусь!

— Правда? — Брат поднял голову, удивленно моргнул. — Ты правда на меня не злишься?

— За что?

— За то, что я... ну...

Он замолчал, но я все равно услышала. За то, что у меня есть пламя, а у тебя нет. За то, что я чувствую себя счастливым, когда ты здесь.

— Не говори глупостей.

Можно подумать, я не знаю, что такое впервые ощутить дыхание пламени.

Как огонь пульсирует в центре ладоней, прокатывается по телу мягкими волнами, как набирает силу. Миг, когда с твоих пальцев срывается первая искра, — неповторим. И незабываем.

— Пойдем, — кивнула в сторону беседки, откуда пришла. — Сейчас нам должны подать сладости и фрукты.

Я и впрямь попросила Аннэри принести нам что-нибудь вкусненького. Хотя сама я не очень любила сладости, решила, что Сарр не откажется. Вряд ли хаальварнов часто балуют такими лакомствами, какие подают здесь.

Мы вернулись к высокой, тронутой резными узорами беседке, внутри которой у небольшого столика расположились качели. На них я и устроилась, подогнув под себя ноги и обхватив ладонью цепочку, когда Сарр потянул их на себя, чтобы меня раскачать.

— Расскажешь, как это произошло? — Я улыбнулась.

Никогда бы не подумала, что мне придет такое в голову в этом дворце, но в эту минуту я поняла, что счастлива. Настолько, насколько это вообще возможно сейчас. Сарр посмотрел за мое плечо, словно задумался, качели полетели назад. Опомившись, брат перехватил цепочки, раскачивая меня еще сильнее, и все-таки произнес:

— Вообще-то... это произошло из-за Даармархского.

— Из-за Даармархского? — ошарашенно переспросила я.

— Да, он пришел в казармы на второй вечер. Выставил всех и... — Сарр нахмурился. — Снял таэрран.

От неожиданности я выпустила цепочку и чуть не съехала с качелей, но тут же выбросила ноги вперед и уперлась носочками в пол. Получается, Даармархский снял таэрран на следующий день после нашей с ним размолвки?

— Сказал, что это не мое наказание и что с меня достаточно, — тем

временем продолжал Сарр. — А потом спросил, какой от меня толк, если я не могу защитить сестру. Я на него бросился и... в общем, так это и случилось.

Он отвернулся и отошел подальше, оперся о перила беседки: напряженный, яростный, злой. Я чувствовала это так же отчетливо, как его радость несколько минут назад. Радость от осознания того, что он становится воином. Больше того — воином-иртханом, который способен управляться не только с оружием, но и со стихией, власть над которой ему вручила природа, но сейчас это перебивало другое чувство.

— Ты тоже так считаешь? — глухо спросил он, сбрасывая оцепенение, которое на меня нашло от его последних слов. — Также считаешь, что я не сумел тебя защитить?

— Нет.

— Но это так! Я не сумел! — Сарр обернулся: кулаки сжаты, глаза сверкают.

Сейчас даже его лицо стало более мужественным, резче обозначились скулы и волевой подбородок.

— Сарр, — я приблизилась к нему, коснулась ладонями напряженных рук, — если бы ты тогда набросился на Даармархского, в лучшем случае тебе грозила бы таэрран на всю жизнь.

Он все-таки на него бросился, но тогда, когда этого никто не видел. Даармархский сделал все, чтобы избавить Сарра от чувства вины за случившееся, больше того, переключил его внимание на пламя. Спровоцировать пробуждение огня под влиянием сильных эмоций, особенно после того, как таэрран глушила начинающую раскрываться стихийную магию в его возрасте, — проще простого. Точнее, для Даармархского проще простого, на огонь его силы откликнется любое спящее пламя. Даже то, которому еще не пришел срок.

— И все равно. — Ноздри брата дрогнули. — Все равно я должен был...

— Ты сделал гораздо больше, чем думаешь, — покачала головой. — Ты принял наказание за меня с достоинством и не стал меня упрекать. Знаешь, любой другой на твоём месте бросил бы мне это в лицо, но ты...

Я закусила губу и шагнула к нему, порывисто обнимая. Уже не заботясь о том, что нас кто-то может увидеть.

— Спасибо тебе.

— Теа... — растерянно пробормотал Сарр.

А потом обнял меня в ответ: неуверенно и осторожно. В ту же самую минуту в нас с визгом и верещанием влетел черный вихрь. Не будь перед

нами резных перил, мы бы полетели прямо в сад, а так я успела ухватиться за Сарра, он — за опору, после чего грозно взглянул на Дири:

— Сидеть.

Виаренок уселся рядом, а вслед за ним вбежала запыхавшаяся Аннэри. Как она не уронила поднос, одному небу известно, но сейчас только скороговоркой пробормотала:

— Простите, пожалуйста, я его выгуливала, как вы просили, а потом пошла за сладостями. — Аннэри перевела дух и добавила: — И он за мной увязался. Вот.

Девочка глубоко вздохнула, поставила поднос на столик и вопросительно взглянула на меня.

— Ничего страшного, Ри. — Я улыбнулась и посмотрела на брата. — Может, отпустишь Дири?

— Его зовут Диррхэм, — почти прорычал Сарр, плечи которого сами собой расправились еще больше, когда в беседке появилась Аннэри. — Дири — девчачье имя.

— Хорошо, — сказала я, незаметно отлепившись от брата и с трудом сдерживая смех. — Тогда освободи Диррхэма. Ему хочется побегать.

— Свободен, — скомандовал брат, и виаренок подбежал к столику.

Гораздо больше нас его манило то, что на подносе, а вот Аннэри, похоже, привлекало совсем другое. Когда Сарр на нее взглянул, девочка покраснела и принялась теребить косу, а потом и вовсе попятилась.

— Мне можно идти, Теарин?

— А ты разве не хочешь сладостей? — спросила, приподняв брови.

— Я-а-а-а?! — Девчонка широко раскрыла глаза.

— Ну да. Сарр, ты же не против, если Ри к нам присоединится?

Брат явно был не против, но сейчас только буркнул свысока:

— С чего бы?

— Ну вот и отлично. Тогда устраиваемся поудобнее и едим.

На глазах изумленной Ри быстро составила все на столик и отложила поднос, а потом кивнула:

— Ну, что застыли?

Дважды повторять не пришлось: по другую сторону от столика, как раз напротив качелей, была скамеечка с разбросанными по сиденью подушками. Туда сначала шмыгнула Аннэри, потом опустился Сарр, я же вернулась на качели. Девочка разлила травяной напиток по чашкам и первой потянулась к присыпанным мефертовой пылью сладостям. Бросила на меня неуверенный взгляд, замерла, но, поскольку я сделала вид, что любуюсь цветущими рраринями, быстро схватила угощение и сунула в

рот.

Сарр же сидел с таким видом, что я с трудом сдерживала смех. В жизни не видела брата таким важным.

Качели дернулись, и я опустила глаза: Дири поставил лапы на краешек подвесной скамьи.

— Лапы вниз, — сказала строго.

— Доиграешься, — сурово произнес Сарр. — Посажу на приказ, и будешь сидеть в углу.

Дири взвиркнул и тяжело вздохнул.

— Ри, надеюсь, ты ему ничего не давала? — спросила строго.

Зная, что у виаренка такие глаза, когда он считает, что его долго не кормили, либо когда думает, что покормили мало.

— Нет, разумеется, нет! — поспешно воскликнула девочка. — Вы же мне запретили.

— Правильно. Сладости ему нельзя.

— Виаров вообще нельзя перекармливать, — хмыкнул Сарр и отправил в рот параэнкар, сладость из нежнейшего слоеного теста, пропитанного камартовым сиропом. — Особенно тех, кто так вымахал!

За это время Дири и правда подрос, в первые несколько месяцев виарята растут особенно быстро. Хотя я, честно говоря, не замечала. Как был крохотным приставадой, так и остался, постоянно лез на руки и в постель. От последнего я с переменным успехом отучала, а вот на руках пока еще могла удержать. Пусть и с усилием.

— А я фифела служанку Ифри, — пробормотала Аннэри с набитым ртом, но тут же исправилась: — Ой, простите, я больше так не буду. Она приходила на кухню распорядиться, чтобы обед ей подали в ее комнаты. Кажется, Ибри приболела.

В этот момент я снова подумала о привязке. Отлучение от того, кого вожделеешь, для таких женщин выражалось по-разному, но просто это не проходило. Остается только надеяться, что она сумеет с этим справиться. Что рано или поздно вернется к нормальной жизни и обо всем забудет. Если получится.

Ибри и ее семью ждут приличные отступные, на которые вполне можно купить дом и безбедно жить несколько лет, а вот с замужеством уже сложнее. Для всех она останется бывшей наложницей, и, несмотря на ее красоту, каждый мужчина будет знать о том, кто она. Еще сложнее с сердцем: даже если притяжение к огню пройдет, истинные чувства останутся на всю жизнь. Не знаю, есть ли у Ибри чувства к дракону или это всего лишь влияние пламени, и вряд ли узнаю.

Сейчас меня гораздо больше волновало другое: как Даармархский мог такое допустить? Ведь можно же не раскрывать пламя во время близости, особенно если чувствуешь, что женщина становится от тебя зависима.

Не заметил, не почувствовал, ему было все равно?

— Расскажи, как проходят тренировки? — обратилась к брату, чтобы отвлечься от этой мысли.

— Мы каждый день поднимаемся за час до солнца. Сначала у нас пробежка, потом...

В том, что касается тренировок, Сарра было не остановить. Он рассказывал так увлеченно, что даже я забывала пить душистый настой, от одного запаха которого кружилась голова. Аннэри и вовсе смотрела на него, открыв рот, что ему невероятно льстило. Он рассказывал о тренировках с оружием и о магии (избегая, впрочем, всякого рода уточнений), я же не переставала им восхищаться.

День в казармах начинался за несколько часов до того, как я просыпалась. После обеда полагался отдых, сомнительный, правда, во время которого будущих воинов учили спать с открытыми глазами. Это было что-то среднее между военной наукой и медитацией, а после снова начинались уроки. И так до позднего вечера.

Обучали их и особому мастерству боевого танца, получившему свое название из-за особой плавности движений и считающемуся одним из самых опасных в воинском деле. Основывался он на отвлечении внимания, чтобы нанести противнику удары по точкам, приводящим к сильным болевым ощущениям, временной недееспособности, параличу и даже смерти.

Мы говорили, говорили и говорили, лакомства исчезали с блюд одно за другим. Солнце незаметно переместилось еще выше, а когда скрылось за краем белоснежного узорчатого навеса, Сарр поднялся.

— Мне пора, — немного смущенно признался он.

Вслед за ним поднялась и я.

— Хорошего тебе дня.

— И тебе, сестра.

Обнимать его при Аннэри я не решилась, поэтому просто молча смотрела, как брат идет по дорожке. Смотрела и думала о том, что хочу поблагодарить Витхара за то, что он для него сделал.

Стоило Сарру скрыться за поворотом, повернулась к девочке:

— Я помогу прибраться.

Она кивнула: впрочем, прибирать было особо нечего. Сладости и фрукты ушли замечательно, сейчас от них остались только воспоминания.

И пустые блюда, которые мы составили одно на другое, а потом водрузили на поднос.

— Нечего строить из себя обиженного, — сообщила я Дири, который смотрел на меня с таким видом, словно я не кормила его два дня.

В ту же минуту Аннэри ахнула и оперлась о столик.

— Ри?

Шагнула к девочке, заглядывая в глаза.

— Ри, что такое?

— Живот схватило, — прошептала она, глубоко вздохнула и прошептала: — Пройдет.

Потянулась, чтобы поправить съехавшие блюда, а потом вскрикнула и осела к моим ногам.

— Мальчик будет жить, мейстер, — почтительно склонившись перед Даармархским, лекарь указал на койку, где лежал Сарр.

— С ним... с... ним все будет в порядке? — вытолкнула через силу. Голос не подчинялся, это был не мой голос: дрожащий, как надорванная струна, и во мне сейчас точно так же что-то дрожало. Внутри, пробиваясь сквозь надежду и осознание, что брат будет жить.

— Да.

Оттолкнувшись от стены непослушными пальцами, шагнула вперед к нему.

Ввалившиеся глаза и заострившиеся черты, румянец на щеках уступил место бледности. Впрочем, возможно, мне это только казалось — после тех потоков огня, которые прокатились через его тело за последний час, любой показался бы бледным. Когда пламя Даармархского хлынуло в него, чтобы поддержать его собственное и помочь ему выжечь яд, Сарр горел на моих глазах. Рвущиеся сквозь него потоки стихии разогрели тело брата настолько, что над ним взлетали язычки пламени, а воздух дрожал зыбким маревом. Такое не под силу пережить ни одному человеку. Или иртхану, чье пламя заперто под таэрран. Случись мне все же попробовать сладости или фрукты, я бы сейчас была мертва.

Как Аннэри.

Как Сарр, если бы Витхар оказался в отъезде или просто не успел бы.

Не обращая внимания на лекаря, осторожно опустилась рядом с братом, подхватила тонкую кисть и вздрогнула.

— Он совсем... холодный. Так и должно быть?

— Так и должно, — за лекаря ответил Даармархский. Он стоял чуть поодаль, и я почему-то не могла заставить себя обернуться на него. —

Сейчас его тело охлаждается, чтобы справиться с последствиями жара.

Коснувшись губами холодной руки брата, чувствуя пока еще слабое, но ровное биение сердца под пальцами, отпустила его и выпрямилась. Ноги подрагивали, как бывает, если долго на них сидеть, а потом резко встать. И так же резко закружилась голова, но я удержалась, распрямившись и сделав глубокий вдох. Под пристальным взглядом Даармархского шагнула к нему и произнесла:

— Спасибо.

Я не могла вложить в это короткое слово больше чувств, но вложила все, что во мне осталось. Не так уж и много, должно быть: после того, как пальцы Аннэри сдавили мое запястье, а потом разжались навсегда, после того, как я бежала по коридорам, не разбирая дороги, и звала на помощь, чувствуя, как в груди горит без огня. Меня перехватили хаальварны, о случившемся тут же доложили Даармархскому, и он даже ни о чем не стал спрашивать. Сарр дошел до казарм (видимо, лишь потому, что его пламя пыталось бороться с ядом), где ему стало плохо. Мы успели за несколько минут до того, как было бы уже поздно.

— Сообщайте обо всем, что с ним происходит. — Витхар пристально взглянул на лекаря. — Отвечаете за этого мальчика головой.

Мужчина склонился так, что чудом не переломился пополам:

— Разумеется, местр.

— Ваши помощники уже определили яд?

— Одну минуту, местр.

Лекарь метнулся к дверям, и мы остались одни, если не считать Сарра, грудь которого равномерно вздымалась и опадала.

— Твой брат очень силен. Далеко не каждый иртхан способен выдержать мое пламя.

Теперь я знала, какова она на самом деле, его истинная мощь. Пламя бушующее, мощное и неукротимое, как огненный океан. Снова мелькнула мысль об Ибри, но я не позволила ей продлиться. Гораздо дольше была мысль об Аннэри.

И о том, что именно я пригласила девочку к нам за стол.

— Весь в отца, — сдавленно улыбнулась.

— Но его первенцем была ты. Горрхат использовал это после переворота, чтобы заявить, что твой брат все равно не станет достойным? Потому что именно ты получила мощь первого пламени.

Кивнула.

Именно первенцы иртханов самые сильные. Они вбирают пламя матери и отца, чтобы потом стоять на защите городов, становиться

правителями. Если бы Сарр родился первым, возможно, родители до сих пор были бы живы.

— Это не твоя вина, Теарин.

Даармархский отвернулся раньше, чем я успела ответить. В ту же минуту дверь распахнулась, и на пороге появился лекарь с помощниками. Сутулый паренек с записями в дрожащих руках то опускал взгляд, то снова поднимал, лысеющий мужчина, напротив, не мог отвести от Витхара взгляда, словно тот подцепил его на крючок ментальной магии.

— Это порошок тархарри, местр. — Лекарь снова приблизился к Сарру и склонился над ним.

Я же замерла, глядя на брата, который сегодня родился второй раз. Порошок тархарри считается самым опасным ядом в Огненных землях. Делается он из внутренностей пауков тархарри, один укус этого насекомого смертелен. Противоядия нет. Чем он особенно опасен, так это своим сладковато-приторным вкусом, который в отличие от большинства существующих ядов не различить в сладостях. Правда, достать его очень сложно и стоит он безумно дорого.

— Вы уверены?

— Уверен, местр. — Это уже мужчина-помощник. — То, что происходит с телом девочки, характерно...

— Довольно. — Даармархский прервал его излияния и взглянул на лекаря: — Сообщите, когда он придет в себя. Незамедлительно.

— Разумеется, вам сразу же доложат, местр...

— Не мне, — произнес дракон. — Его сестре, местре Ильеррской, особой гостье Даармарха. Одной из претенденток на право разделить со мной трон.

ГЛАВА 16

*Ортахарна, Аронгара
Танни — Теарин*

— Танни, отлепись от телефона, пожалуйста. Мы почти на месте.

Была бы моя воля, я бы и дальше в обнимку с мобильным сидела и с архивами Ильеррской, но голос Леоны заставил невольно поднять голову. В салоне флайса, в котором мы летели с Рэйнаром, можно было разместить наряд вальцгардов и еще один выложить штабелями в проходе между сиденьями до потолка.

Вообще, мне было бы гораздо проще, если бы меня привезли отдельно, но не получилось. Мне предстояло выйти из флайса в сопровождении сестры и ее мужа (последнее, очевидно, для вау-эффекта). Рэйнар сейчас с кем-то общался и на меня не смотрел, а вот Леона смотрела. Внимательно, и взгляд ее говорил: «Я с тобой, что бы ни случилось». Вторая часть этой фразы мешала мне чувствовать себя спокойно даже несмотря на то, что у меня в запасе сам Председатель в качестве активной боевой единицы, поэтому я решила отвлечься.

— Почему вы скрываете фишки про свое пламя?

Леоны приподняла брови:

— Я про Ильеррскую. Ее архивы здорово отличаются от сценария, и Гроу сказал, что об этом людям сообщать нежелательно.

— Ты серьезно хочешь говорить об этом сейчас?

Нет, панкейк мне в рот, шучу.

— Гораздо больше, чем об адвокатах, без ведома которых мне нельзя открывать рот.

В общем-то, Рэйнар сказал это немного помягче, но посыл был именно такой. Мне вообще здорово влетело за то, что я говорила в отсутствии их присутствия.

— Я имею в виду... Даармархский спасает жизнь парню с помощью своей магии, но на экране этого не будет. Мне кажется, это было бы очешуенно.

По сценарию Сарра вообще не травили, точнее, Теарин думала, что он отравился, как Аннэри, но он ел только фрукты, а к сладостям не прикасался. Она бежит по коридору, ей становится плохо, и она сползает по стеночке. Об этом докладывают Даармархскому, и плохо становится всем.

На сегодняшний день я уже достаточно соприкасалась с миром иртханов, чтобы понять, что к чему и какой хвост таким образом откромсала цензура.

— Тебе кажется, Танни.

— Почему?

— Потому что пламя — это отличный инструмент для манипуляций. Людям не стоит знать о том, чего они не могут понять. Кроме того, спасти человека с его помощью он бы не смог.

— Да ну? Лично я до этой минуты считала Даармархского зажавшимся членистоногим. Я — человек, и мне по барабану, что он не сможет спасти меня, но меня порвало на тряпочки, когда он это сделал. В хорошем смысле, пожалуй, впервые за долгое время, что я про него читаю.

— Из-за чего тебя порвало на тряпочки? — Рэйнар повернулся к нам так неожиданно, что я икнула и выронила телефон. В ту минуту, когда он с глухим стуком припечатался о пол флайса, я решила, что будет проще его добить. Чтобы не мучился.

— Из-за поступка Даармархского, — буркнула я. — Когда он спасает Сарра.

Рэйнар внимательно посмотрел на меня. Вот умел он так смотреть (очевидно, этот навык нарабатывался годами специально для председательствования), что хотелось не то плакать, не то бегать по потолку, не то внимать каждому его слову. И дело было даже не в силе, запечатанной в этом отнюдь не хрупком на вид мужчине, а в том, что он был лидером до мозга костей. Видимо, с этим надо родиться.

— Отличный поступок, — сообщил он.

— Угу. Отличный. Только мы почему-то его скрываем.

— И что ты предлагаешь, Танни?

— Убрать цензуру из сценария Ильеррской, — ляпнула я.

Язык прикусила, конечно, но как-то поздно.

Наверное, если бы мы виделись чаще, я бы привыкла, но сейчас мне хотелось открыть окно и подышать туда. Потому что дышать одним воздухом с Председателем — это чересчур. Особенно когда взгляд зеленых глаз лазерным прицелом скользит по тебе, а резкие черты становятся еще резче, обнажая звериную суть.

— Поговорим об этом потом.

Что, серьезно?

— Сейчас мне нужно, чтобы ты понимала, что будет дальше.

Да ладно? Я думала, уже не дождусь. С момента нашей встречи мне едва ли сказали несколько слов, оценив мой внешний вид и сочтя его достаточно пристойным. Одежду мне привезли в срочном порядке, и

теперь я выглядела как жертва офисного дресс-кода: пиджачок, рубашечка, юбочка, посередине Танни.

— Поскольку ситуация чрезвычайная, Ларгхорн Ярлис настоял на том, чтобы допрос проводился в присутствии Совета по видеоконференции.

— А это значит?..

— Это значит, что, помимо нас и должностных лиц, каждое твое слово будут оценивать правящие. Поэтому я прошу тебя очень внимательно следить за тем, что говорят адвокаты, и не поддаваться на провокации.

На большую провокацию, чем уже поддалась, я вряд ли поддамся.

— Танни, мы всегда тебя поддержим. Я позволил Ярлису воспользоваться этим правом исключительно потому, чтобы потом не было никаких вопросов.

Ну да, ну да, сестра жены Председателя и все такое.

— Почему бы вам просто не спросить меня под внушением? Как вы сделали с Мирис.

— Потому что в твоём случае имел место отложенный ментальный приказ.

Почувствуй себя в детском садике, называется, или в телевикторине «Крохотные почемучки».

— А?

— Это самое глубокое ментальное воздействие, которое только можно представить. Чтобы ты понимала, о чем я говорю, приказ отдается, а после закрывается сразу же. Отложенный приказ — это приказ продленный, который исполняется спустя какое-то время. Невероятно тяжелый и опасный в исполнении. Психика человека устроена таким образом, что последующее ментальное вмешательство может привести не к самым приятным последствиям.

То есть в переводе на просторечный аронгарский, жиденькие человеческие мозги (в данном случае мои в отличие от драконьих) могут не справиться с такой нагрузкой. В результате у нас нет никаких доказательств, кроме моего хлипкого слова.

— Запрет на ментальное вмешательство в человеческий разум ставится не просто так, он подлежит нарушению только в экстренных случаях. Самозащита или спасение жизни, с позапрошлого года к нему добавилось еще ментальное вмешательство в непредвиденных ситуациях с целью скорейшего выяснения обстоятельств. Это дополнение было введено после теракта в Балт-Лар-Сити.

Теракт в Балт-Лар-Сити унес жизни правящей семьи и всех, кто имел несчастье оказаться в тот вечер в ресторане. Ответственность на себя взяли

истоковцы (название подпольной организации «К истокам времен», группа фанатиков, считающих, что иртханы неоправданно стоят у власти).

— Осуществлять его могут исключительно иртханы высшего уровня силы. Правящие или командующие вальцгардами, то есть те, кто в совершенстве владеет менталистикой. Проводится это под наблюдением врача, отслеживающего любые изменения мозговой активности с помощью датчиков.

— И под какой пункт попадает допрос Мирис?

— С большим приближением под последний.

Рэйнар отвернулся, чтобы ответить на вызов, а у меня подозрительно зашипало в горле. Может, мое слово и хлипкое, но ему верят. Причем настолько, что готовы ради меня даже на экстренный ментальный допрос.

Мы пошли на снижение, поэтому я уставилась в окно, глядя на переливающийся огнями диск, напоминающий тарелку на ножке.

— Ангэр Хайт, — сказала Леона.

А потом дотянулась и сжала мою руку.

Не знаю, как насчет вау-эффекта, но из флайса на напоминающую кольца планеты парковку мы вышли семьей.

— Значит, вы утверждаете, что не писали этих слов? — Адвокат Мелоры (ну или ее отца) сунул планшет мне под нос.

Планшет, на котором моей рукой было выведено: «Прости, Леона. Я так больше не могу».

Затем он продемонстрировал его всем остальным, поднимая повыше.

— Писала, — повторила я то, что уже говорила полиции. — Но под ментальным приказом.

Леона не сводила с меня напряженного взгляда. Впрочем, сейчас с меня напряженных взглядов не сводили все двенадцать правящих, включая Председателя.

— И кто же вам его отдал?

— Местрель Ярлис.

С губ Мелоры сорвался смешок.

— Вы находите это смешным, местрель Ярлис? — Голос Рэйнара мог ввинтить в кресло кого угодно, но иртханесса только с вызовом вскинула голову.

— Смешным, местр Халлоран? Вовсе нет. Я нахожу это диким, абсурдным и оскорбительным.

В роскошном серебристо-голубом платье она выглядела так, словно собиралась на подиум, и смотрела в точности так же — с видом

оскорбленной невинности. Не знай я, кто именно заставил меня сигануть с балкона, точно решила бы, что вру. Должно быть, именно так и думали в этой овальной комнате все, кроме Леоны с Рэйнаром. Даже адвокаты Председателя, хотя им не положено иметь собственного мнения. Даже те, кого в этой комнате не было: глазки нацеленных на нас камер транслировали правящим происходящее во все уголки Аронгары, а сами они присутствовали виртуально в виде «рассевшихся» по пустующим стульям голограмм.

— В любом случае я попрошу вас держать эмоции при себе.

— Простите. — Мелора поджала губы и опустила голову.

От меня не укрылось, что отец накрыл ее руку своей, и она улыбнулась ему, устало и кротко.

Одно слово: актриса.

— Правда ли, что вы обращались к психологу, чтобы решить определенные личные проблемы?

— Протестую, — вскинул руку один из «наших» адвокатов. — Это не имеет отношения к делу.

— Имеет, и самое непосредственное. Или любой вопрос, который я хочу задать, теперь будет оспариваться?

Рэйнар покачал головой:

— Мы здесь не с целью разбирать прошлое эссы Ладэ.

— Совершенно верно. Но именно в прошлом кроется множество причин...

— Следующий вопрос.

— Хорошо. — Под жестким взглядом Рэйнара адвокат побагровел. — Правда ли, что вчера днем вы сказали руководительнице команды Ильеррской по гриму, что вы не в настроении? Дважды.

— Протестую!

— Сейчас по какому поводу? Это больше не прошлое, это настоящее, которое привело к печальному, но закономерному результату. — Адвокат Мелоры положил планшет передо мной и вскинул руки.

— Да, — негромко произнесла я.

— Не слышу?

— Да, это действительно так. — Я повысила голос.

— И с чем же это было связано?

— С тем, что произошло между мной и Джерманом Гроу на съемочной площадке.

— Что именно между вами произошло?

— Протестую, вопрос не имеет отношения к делу.

— Неужели? Впрочем, спрошу иначе: правда ли, что съемки на камеру определенного рода сцен могли спровоцировать у вас не совсем приятные воспоминания?

— Протестую! — Наш адвокат поднялся из-за стола, во взгляде сверкнула сталь.

— Местрель Ярлис отрицает свою вину. Что вы на это скажете?

— Протестую! Это откровенная провокация, отвечать на которую эссе Ладэ вовсе не обязательно.

— Хотя я и не понимаю, в чем заключается провокация, — адвокат Ярлисов развел руками, — перефразирую. На камерах отеля, видеозаписи с которых уже давно проверены службой безопасности местра Халлорана, местрель Ярлис нет. Как вы можете это объяснить?

— Ее нет на камерах, потому что она была в гриме. Она пришла ко мне как Мирис.

— Мирис?

— Мирис Хайм, — поправилась. — Моя ассистентка.

— Нет, это уже слишком. — Голос у правящего Хайторна был низкий и глухой, как шум подземки. Почему-то мне представилось, что, когда он его повышает, дребезжат стены. Немногим выше среднего роста, он отличался плотным телосложением и отменной физической формой. — То есть вы утверждаете, что моя дочь переоделась своей ассистенткой и отправилась скинуть вас с балкона?

— Местр Ярлис, — жестко произнес Рэйнар.

— Местр Халлоран. — Пальцы правящего легко спружинили от стола, заставляя мышцы собраться буграми под пиджаком. Жесткий ежик седых волос, пронзительный взгляд, который вонзился в меня, затем вновь перешел на Рэйнара. — Я согласился на все это разбирательство исключительно из уважения к вам. Согласился, хотя спокойно мог бы вынести решение вопроса на Совет. Обвинение в покушении на жизнь, которое вменяют моей дочери, оскорбляет в первую очередь меня. Это очень серьезное обвинение, мы ведь все это понимаем. Полагаю, нам следует сразу озвучить наказание для той, кто ее оболгал.

От такого заявления во мне кончился воздух.

— Вы сейчас говорите о моей родственнице. — Рэйнар не повысил голос, но по комнате пополз иней.

— Что ж, в таком случае вы меня понимаете. — Правящий Хайторна чуть подался вперед.

— Продолжайте. — Рэйнар кивнул застывшему адвокату оппонента.

Тот напоминал статую, если бы не потный лоб и блестящие

залысины. Он промокнул их платком, но рта открыть не успел.

— Я настаиваю, местр Халлоран, — негромко произнес Ярлис. — Озвучьте наказание за преступление, которое я назвал.

— За такое полагается пожизненная таэрран.

— Когда моя дочь будет оправдана, я потребую равноценного наказания для эссы Ладэ.

Воздух во мне кончился повторно.

Глаза Леоны полыхнули огнем, но Рэйнар накрыл ее руку своей.

— Не будем забегать вперед, местр Ярлис.

Сказано это было так, что адвокат Мелоры побелел еще сильнее (в холодном свете это было заметно слишком отчетливо). На фоне светлых стен, которые оттеняли только темно-красные жалюзи и еще более светлые вставки, пущенные внизу для контраста, он выглядел неудачным слепком с человека. Точнее, с иртхана. Неиртханом в этом кабинете была лишь одна я.

— Не будем. — Отец Мелоры ослабил галстук, ноздри его хищно шевельнулись. — Я просто хотел удостовериться, что в этом зале еще действует закон.

— В этом можете не сомневаться, — сухо ответил Рэйнар. Так сухо, что, будь я на месте Ярлиса, переломилась бы в хребте на раз. — Продолжайте.

Это относилось к адвокату, который явно не знал, куда себя деть.

— У меня больше нет вопросов к эссе Ладэ.

— Перерыв, — жестко произнес Рэйнар.

«Пятнадцать минут», — подумалось мне, а как только голограммы померкли, поднялась. Леона последовала было за мной, но я мотнула головой и вышла. Спокойно, чтобы не сорваться на бег: мне не хватало воздуха.

— Эсса Ладэ, вы куда? — Стоило мне двинуться по стрелочкам в коридоре, от стены тут же отделился хаальварн... то есть тьфу, вальцгард.

— Водички попить.

— Кулер есть в зале для заседаний.

— Там все выпили, — брякнула я.

Хотя в упор не помнила, сколько в нем оставалось воды, а вот где находился еще один, запомнила хорошо. Коридор расширялся расплосованным надвое кругом, с одной стороны во всю стену искрился искусственный водопад, наводящий на мысли о том, что ничто под задом дракона не вечно, с другой стоял диван и собственно кулер. Это было единственное, на что я обратила внимание по дороге сюда, и то

исключительно из-за водопада. Красивый он вообще-то, если честно.

Больше меня задерживать не стали, и я рванула в указанном направлении. Странно, но чувства во мне пребывали в какой-то странной заморозке: наверное, включился послеполетный режим. То есть тот самый, из которого меня выдернул Гроу, когда встряхнул за плечи.

Вопрос только в том, что Гроу думает о моем полете.

Нет, я серьезно?

Какого меня это интересует?

— Нам надо поговорить, Зажигалка.

Этот голос ударил в спину, выбивая из блаженной заморозки.

Вот очень вовремя.

Очень.

Я залпом опрокинула в себя ледяную воду, которую успела набрать. С хрустом смяла стаканчик и швырнула в мусорную корзину, только после этого обернулась.

— Ты вообще как здесь оказался?

Поинтересовалась, глядя ему в лицо.

Это у меня одной чувство, что Гроу пролезет даже там, где мыло застрянет?

— Я тоже рад тебя видеть. — Он шагнул ко мне, но я отступила.

— Не-а. Слушай, если разговор не о том, что ты меня спас, за что я безумно тебе благодарна и все такое, то его придется отложить.

— Надолго?

— Навсегда! — рыкнула я, чувствуя, как внутри снова набирает силу огненный смерч.

Драконы всего мира меня обгадь, я окончательно рехнулась или как? Меня даже Мелора с папашей не вытряхнули из состояния равновесия, а тут появляется он, и меня корежит, как спиральку Зукера^[15] в руках младенца. Нет, все.

С меня хватит.

Обошла его по касательной, когда из-за спины донеслось:

— Я прошу прощения, Танни.

Чтоб тебя драконы задрали!

Не остановилась, только ускорила шаг, потому что в голове у меня творилось светомузыкальное лазерное шоу с использованием самых современных спецэффектов.

Нет, нет, нет.

Я не буду об этом думать. Не бу-ду.

Не хочу и не буду.

В милый сердцу зал заседаний я влетела на всех парах с застывшим на губах хрустящим ото льда вопросом: «Что он здесь делает?» Потому что помимо собравшихся (голограммы в зале пока еще не включили) там обнаружилась Мирис. Я уставилась на нее, а она — на меня.

— Что...

— Танни! Ты где была? — еле слышно поинтересовалась Леона, шагнув ко мне ну очень неожиданно.

Оказывается, они с Рэйнаром говорили с нашими адвокатами, судя по выражениям лиц которых, наши дела оставляли желать лучшего.

— Пить ходила, — буркнула я.

Попила, чего уж там.

— Через пару минут начинаем, — негромко произнес Рэйнар. — Где Гранхарсен?

Возможно, мне показалось, а может быть, он действительно прорычал его фамилию.

— Наш свидетель скоро подойдет. — Как дракончик из музыкальной шкатулки, рядом нарисовался адвокат Ярлисов.

— А? — Это все, на что меня хватило, когда я смотрела на Леону.

Она утянула меня в сторону, на ходу еле слышно прошептала:

— Я не знала. Рэйнар решил, что до начала заседания мне об этом говорить не стоит.

Ну да, правильно. Зачем?! Зачем говорить, что свидетелем со стороны Ярлисов будет Гроу? У меня подозрительно задергалась левая рука (то ли потому, что нервы были на пределе, то ли зачесалась в предвкушении свернуть ему нос на другую сторону).

— Рэйнар настоял на том, чтобы во время допроса Мелоры присутствовала Мирис как важный свидетель. В ответ Ярлис сказал, что требует присутствия Гроу. Мне жаль, Танни.

А мне-то как жаль.

Словами не передать, спецэффектами не изобразить.

Не за это ли он случайно извинялся там, в коридоре?

Чувствуя, что еще немного, и у меня окончательно поедет крыша в неопознанном направлении, глубоко вздохнула. Еще раз.

И еще.

— Танни. Что между вами происходит?

— Ни-че-го.

— Ты уверена? Возможно, Ярлис рассчитывает именно на это: вывести тебя из себя.

Высказать все, что я по этому поводу думаю, не успела: Гроу шагнул в

зал заседаний, даже не взглянув в мою сторону. Я смотрела, как адвокат Ярлисов идет ему навстречу, как протягивает руку, и меня начало потряхивать. Всю. Наверное, потому что я подсознательно надеялась, что заявление лысеющего ирлхана — ложь. Что Гроу просто не может быть их свидетелем, потому что...

А собственно, почему?

Я сломала ему нос, я сбегала со съемочной площадки, я полезла наверх, хотя любая другая на моем месте покрутила бы пальцем у виска.

Но ведь был и зависший у балкона флайс, и поцелуи с терпкой сладостью вина, и...

И кому, как не мне, знать, что все это может быть просто отличной игрой.

— Не волнуйся. Не выведет.

Я повернулась лицом к собравшимся как раз в ту минуту, когда Рэйнар произнес:

— Начинаем.

И в зале одна за другой начали вспыхивать голограммы присоединяющихся к видеоконференции правящих.

Мелора подняла голову, когда один из наших адвокатов подошел к ней.

— Добрый день, местрель Ярлис.

— Не сказала бы. Не считая того, что это ночь, местр Бойд. — Она сидела, расправив плечи, глядя на подошедшего ирлхана сверху вниз. Странно, что он от такого не начал уменьшаться в размерах.

— Вы готовы отвечать на мои вопросы?

— Я готова отвечать на все, что сочту нужным.

От нее веяло холодом, а еще уверенностью. Непробиваемой уверенностью и спокойствием.

— Начнем с самого начала. Вы наверняка были разочарованы, когда вам предпочли эссу Ладэ.

— О да. Очень.

— И что же вы почувствовали в этот момент?

— Боль. Ярость. Отчаяние. — Мелора обвела взглядом присутствующих, и голос ее слегка дрогнул. Вполне натурально, впрочем, она тут же исправилась, возвращаясь к маске ледяной отстраненности.

— Расскажите нам о разговоре, который состоялся между вами и эссой Ладэ после этого случая.

— Протестую! — лениво вскинул руку адвокат Ярлисов. — Этот разговор не имеет никакого отношения к делу.

Теперь он сидел, и рядом с ним сидел Гроу, на месте которого я

представляла большое белое пятно.

— Ошибаетесь, — холодно произнес Рэйнар. — Очень даже имеет.

— Мне несложно рассказать о том, что случилось. — Местрель Ярлис скользнула по мне равнодушным взглядом. — Я сообщила эссе Ладэ о том, что она не актриса и что ей будет не по себе, когда Джерман Гроу попросит меня вернуться.

— Вы были настолько в этом уверены?

— Я и сейчас в этом уверена, — хмыкнула она. — Иртханессу может понять лишь иртханесса. Человек не способен передать то, чего в нем изначально нет.

— Тем не менее Джерман Гроу не спешил возвращать вас на роль.

Мелора передернула плечами.

— То есть вы все-таки допускали возможность того, что роль обратно вы не получите?

— Я такого не говорила. Но даже если представить, что это так, в настоящем это уже не имеет такого значения.

— И вы не испытываете по этому поводу никаких чувств?

— Легкую досаду разве что.

— Легкую?

— Протестую. Может быть, вы перестанете переспрашивать мою клиентку по десять раз об одном и том же? — Адвокат Ярлисов пристально посмотрел на него. — Уверяю вас, у нас все в порядке со слухом.

— Протест отклонен, — коротко обрубил Рэйнар.

— Легкую, — подчеркнула Мелора. — Это вполне нормальная реакция, когда такое происходит. Когда у вас угоняют флайс, вы не будете прыгать от радости до потолка.

— То есть вы сравниваете потерю роли Ильеррской с угоном флайса?

— Если можно так выразиться.

— Некоторые актрисы очень ревностно относятся к ролям.

— Я не из таких. Для меня роль — это всего лишь роль. Я достаточно молода и успешна, чтобы не цепляться ни за одну из них.

— Что вы скажете по поводу обвинения эссы Ладэ?

— Что она ненормальная.

— Местрель Ярлис, настоятельно рекомендую обходиться без оскорблений. — Голос Рэйнара добавил холода в зал заседаний.

— Оскорблять здесь можно только меня? — Мелора сверкнула глазами, но под взглядом Председателя тут же их опустила. — Простите. Это больше не повторится.

— Я очень на это надеюсь.

Гроу пристально посмотрел на меня. Так пристально, что я разве что не задымилась.

Жаль, на официальном заседании нельзя выразительно показать средний палец.

— Что вы делали в Ортахарне, местрель Ярлис?

— Отдыхала. Мне нужно было развеяться.

— Минутой ранее вы меня уверяли, что роль не имеет для вас особого значения?

Она вернула темноволосому невысокому адвокату цепкий взгляд.

— В моей жизни есть не только карьера, местр Бойд.

— То есть ваше желание развеяться никак не связано с ролью?

— Нет.

— С чем же, позвольте спросить?

— Протестую...

— Протест отклонен.

— С моей личной жизнью. Я недавно рассталась с мужчиной, который был мне очень дорог.

— Назовите его имя.

— Протестую! — Теперь адвокат уже вскочил. — Это совершенно точно никак не связано с делом.

— Не связано, если этого мужчины нет среди присутствующих, — сухо произнес Рэйнар.

— Местрель Ярлис, вы сейчас говорите о том, кто находится в этом зале?

У меня почему-то зарябило в глазах.

То ли от того, что я их слишком косила в сторону, чтобы не смотреть на кое-кого, то ли из-за светильников: их полосы были вплавлены между 3D-фотограммами двенадцати городов, расположенными по кругу. Вот их я и решила рассматривать, пока все глядели на меня.

Удивительное дело, допрашивают Мелору, а взгляды прикованы ко мне.

— Нет.

— Нет? Вы уверены?

— Уверена, местр Бойд. Этот мужчина не иртхан.

Театральная пауза была достойная: по крайней мере, кто-то даже сдавленно крикнул. Кажется, это был правящий Ортахарны, сидевший по правую руку от Рэйнара. По левую сидела Леона, а дальше я. Хорошо, что стол был действительно большой, потому что иначе пришлось бы уменьшать изображения, и правящие на голограммах были бы нещадно

ущемлены в своих правящих правах.

Выразительный взгляд отца Мелоры говорил о том, что он явно не в курсе любовных похождений дочери.

— Вы довольны? — спросила она, сухо взглянув на адвоката. — Могу предоставить вам его данные, чтобы вы это проверили.

— Я считаю, что это пора заканчивать, — процедил Ярлис.

— Мы закончим, когда это сочту нужным я, — произнес Рэйнар. — Местр Бойд, у вас есть еще вопросы к местрель Ярлис?

— Один. Последний. Если бы вы захотели убить эссу Ладэ, что бы вы сделали?

— Протестую! — взвыл адвокат, а Ярлис побагровел, как вставка на родовой печатке Рэйнара.

— Вы считаете этот вопрос достойным, местр Халлоран?

— Это провокация! — адвокат потянул вниз галстук, словно тот пытался его душисть.

— Отвечайте, местрель Ярлис.

— Если вам так угодно, местр Халлоран.

— Мелора, ты не обязана отвечать, — прорычал ее отец.

— Не вижу в этом никакой провокации. — Иртханесса пожала плечами. — Спровоцировать можно того, кто виновен. Так вот, если бы мне вдруг пришло в голову избавиться от эссы Ладэ по какой-либо причине, которая сейчас мне даже в голову не приходит, если бы я в принципе была на такое способна, я бы точно не стала это делать в ближайшее время. И совершенно точно не стала бы это делать своими руками. Я достаточно полно ответила на ваш вопрос?

Она посмотрела на меня.

Так спокойно и просто, как могла смотреть на любого в этом зале, а потом взглянула на Рэйнара.

— У меня нет больше вопросов к местрель Ярлис. — Эту натянутую струну взглядов разорвал голос адвоката.

Леона сидела неестественно прямо, обманчиво-расслабленно сложив руки, но в глазах то и дело вспыхивали искры.

— Проведем повторный допрос с помощью ментального вмешательства, — произнес Рэйнар.

— На каком основании? — Теперь от голоса Ярлиса чудом не задребезжали стены.

— Я не против, — негромко сказала Мелора, — если вы так желаете, давайте проведем перекрестный допрос с помощью ментального вмешательства.

— Вы прекрасно знаете, местрель Ярлис, что психика эссы Ладэ может пострадать от повторного вмешательства.

— Если. Оно. Имело. Место. Быть, — процедил Ярлис.

— Выношу на голосование вопрос о ментальном вмешательстве для беседы с местрель Ярлис. — Рэйнар повернулся к правящим: — Прошу высказать свое мнение.

Он подвинул к себе лэптоп, над столом мгновенно вспыхнула голограмма, отражающая диаграмму голосования. Я смотрела на то, как растет столбец отрицательных голосов, «за» оказалось четверо, включая Рэйнара.

Четверо против восьми, в свое время Леона мне рассказывала, что последнее слово все равно остается за Председателем, но... не когда такой разрыв в голосах. Точнее, он, конечно, может сейчас настоять, но это будет уже диктатура в чистом виде.

Есть в этом что-то от дешевого фарса: когда много высокопосаженных иртеханов собираются для того, чтобы оправдать иртеханессу, а мне вкатить наказание, равнозначное таэрран. Честно, даже думать не хотела, что Ярлис подразумевал под таким наказанием, но сейчас мне отчаянно захотелось запихать его всем собравшимся драконам под хвост. Думают, что я так просто сдамся?

Да вот чешую им в рот!

— Вы видите общее мнение, местр Халлоран. — В голосе Ярлиса прозвучал металл. — У вас есть записи с видеокамер отеля, подтверждающие показания Мирис Хайм и моей дочери. У вас есть все, местр Халлоран, но вы упорно не хотите замечать очевидного. Не заставляйте всех собравшихся думать, что дело исключительно в вашем родстве.

Записи с видеокамер?

— Не забывайте, местр Ярлис. — От такого тона остыло все даже у меня внутри, не говоря уже о правящем Хайторна, который как-то по-звериному подобрался. — Вопрос о ментальном допросе остается открытым. До завершения слушания.

В зале ненадолго повисла тишина, я же снова почувствовала на себе пристальный взгляд Гроу (чтоб у него глаза вытекли через уши!).

Записи с видеокамер...

Записи с видеокамер!

— Что ж, — вражеский адвокат оперся ладонями о стол, — если у противоположной стороны больше нет вопросов к местрель Ярлис...

— У меня есть, — сказала я прежде, чем Рэйнар или Леона успели

меня остановить. Приподнялась, подавшись вперед, глядя Мелоре в глаза. — Откуда ты знаешь про обрезанную видеозапись, которую твой отец отправил Председателю? А самое главное, откуда об этом знаю я?

Вот теперь тишина действительно воцарилась знатная: сейчас было слышно, как работает практически бесшумная система кондиционирования.

— Я не понимаю, о чем она говорит, — хмыкнула Мелора. Кажется, впервые за все время допроса она на меня не смотрела.

— Правда не понимаешь? — поинтересовалась я. — Это то, что ты мне сказала перед тем, как выйти из номера.

Мелора ко мне даже не повернулась, зато опомнился их адвокат.

— Местр Халлоран! Эсса Ладэ должна была сообщить об этом до начала разбирательства... Если мы все будем сочинять на ходу... — Под взглядом Председателя он осекся и замолчал.

— Что вы можете сказать в ответ на это, местрель Ярлис?

— Я уже все сказала, местр Халлоран. Я не понимаю, о чем идет речь.

Выражение лица Леоны стало таким, что если на полном ходу в него влететь — убиться можно. Чувствовалось, что она сдерживается из последних сил: кажется, что останавливало ее исключительно присутствие Рэйнара.

— А вы, местр Ярлис? — Рэйнар, в свою очередь, резко подался вперед. — Понимаете?

— Разумеется, нет, — холодно отозвался ирлхан.

Ну, разумеется.

— О какой записи идет речь? — спросил правящий Ортахарны.

— Видеозапись разговора местра Гранхарсена и генерального менеджера «Гранд Пикчерз» Марргента Гарренджера.

— Что в ней такого интересного? — мгновенно подобрался адвокат Ярлисов.

— Местр Рингисхарр. — Даже не взглянув на него, Рэйнар повернулся к правящему Зингсприда. — Мне нужны показания эссерда Гарренджера. Я хочу знать об этой записи все.

Впервые за все время заседания взгляд Леоны немного потеплел. Собственно, таким он здесь становился, только когда она смотрела на меня или на мужа.

— Вам не кажется, что эссерда Гарренджера должен опрашивать кто-то другой? — холодно поинтересовался Ярлис. — Местр Рингисхарр имеет отношение к вашей семье.

— Мы можем организовать прямой эфир, — произнес Рингисхарр.

Точнее, его голограмма.

В отличие от Рэйнара или того же Ярлиса, внешность его была гораздо более мягкой, так же, как и взгляд. Силу ирлхана выдавал разве что голос: глубокий, низкий и настолько мощный, что не почувствовать его звериную суть было невозможно.

— Организуйте, — кивнул Рэйнар. — Через сколько будете готовы?

— Думаю, получаса нам вполне хватит.

Получаса?! С расстояниями Зингсприда?!

Хорошо быть правящим.

— Замечательно. — Когда голограмма правящего погасла, Рэйнар кивнул адвокату Ярлисов: — Вы можете продолжать.

Тот потер ладони и повернулся к Мелоре:

— Местрель Ярлис, вы знали, в каком отеле остановится съемочная группа?

— Разумеется. Отель для съемок бронируется заранее.

— И вы не встречались ни с кем из бывших коллег?

— Нет, у меня не было настроения. По какой причине, я уже рассказала местру Бойду.

— И все-таки могли бы вы ее повторить?

— После расставания с дорогим мне мужчиной хотелось побыть одной.

Дальше допрос проходил по хорошо отлаженному сценарию. Приближалась ли Мелора к отелю «Скай Файр»? Разумеется, ведь он поблизости от многих достопримечательностей города, поэтому она несколько раз проходила мимо — вероятно, именно тогда я ее и увидела, возвращаясь со съемок, поэтому и сочинила эту весьма интересную версию. Где она успела побывать? В центре, в туристических местах вроде водопадов Рриш Найд, в люксовом спа-салоне Ортахарны, где провела целый день. Почему именно Ортахарна? Ей хотелось убежать от своих чувств, а этот город — первое, что пришло ей на ум. Неудивительно, потому что именно в Ортахарне должны были проходить съемки, но об этом она задумалась, когда уже прошла телепорт. Испытывала ли она неловкость по этому поводу? Ни малейшей.

Ни малейшей неловкости она не испытывала и по поводу предстоящего: я чувствовала это всей кожей. Если правящий Ортахарны вертел в руках стилус так, что мог его запросто поломать, то Мелора четко, спокойно, размеренно отвечала на вопросы. Что касается Ярлиса, он рассматривал свои записки. Причем так, словно на них происходило нечто гораздо более интересное, чем в этом зале. Гроу продолжал нанизывать

меня на шпажку взгляда, я — делать вид, что его нет.

Интересно, он вообще в курсе, что произошло на самом деле?

Наверное, не стоило об этом думать. И о том, верит ли он Мелоре или его просто уболтали помочь общему делу, но все равно думалось. Чтобы не сгрызть себе все губы, чуть развернула кресло и оказалась к нему полубоком. Но так, по крайней мере, прямой взгляд упирался в голограмму, а не в физиономию этого недодракона.

— Местр Гранхарсен.

А вот сейчас не смотреть будет сложнее: это я поняла по тому, что все внимание переключилось в искомом направлении.

Местр Гранхарсен, чтоб ему пусто было, привалился к спинке аэрокресла прямо напротив меня. Раньше на этом месте сидела Мелора, но сейчас она немного сдвинулась влево.

— Скажите, вы подтверждаете показания Мирис Хайм о том, что произошло между вами и эссой Ладэ?

— Подтверждаю.

— Насколько я понимаю, перед случившимся вы тоже сильно поругались?

— Ага.

Нос у него, кстати, выглядел не очень. Несмотря на старания медиков, горбинка точно останется, об этом я подумала, когда смотрела ему в переносицу. В глаза почему-то не получалось.

— И вы подтверждаете, что, когда нашли эссу Ладэ внизу, следов ментального вмешательства на ней не было?

— Протестую! — вскинул руку Бойд. — Грамотное ментальное вмешательство не оставляет следов. Только если приказ не завершить.

— Хорошо. Когда вы нашли эссу Ладэ, она была не в себе?

— Более чем.

Я убрала руки под стол и сжала их на коленях. Так, что ногти впились в чулки.

— Она выглядела как человек, способный принимать здравые решения?

— Протестую! — прорычал Бойд. — После такого ни один даже самый сильный человек не в состоянии принимать здравые решения.

— Хорошо. Когда вы расстались за некоторое время до случившегося, эсса Ладэ была в уравновешенном состоянии?

Гроу усмехнулся и указал себе на нос:

— Это при всем желании нельзя назвать уравновешенным состоянием.

Я сжала пальцы еще сильнее.

Мне. Нужно. Быть. Спокойной.

— Почему вы вообще решили вернуться?

В этот момент я подняла голову и все-таки встретила с ним взглядом.

Ой, зря я это сделала, ой, зря.

Огнем меня прошибло от макушки до пяток, а все обещанное Леоне спокойствие покатило дракону под хвост.

— Эсса Ладэ была не в себе. Я хотел удостовериться, что с ней все будет в порядке.

— Что вы сейчас имеете в виду? — Адвокат подобрался.

— Ее страсть к экстриму.

— А конкретнее, местр Гранхарсен?

— Эсса Ладэ любит танцевать на перилах.

— Откуда у вас такие сведения?

— Я лично это видел.

— Когда и где?

— В Зингсприде, когда приехал уговаривать ее подписать контракт.

Сердце скатилось куда-то вниз, а меня перетряхнуло так, что дышать стало нечем.

— Вы уверены?

— Более чем.

Я сжала пальцы сильнее и услышала треск чулок. Ну или треск моего рвущегося самоконтроля, окончательно расползающегося по швам. Выходит, он видел меня танцующей на перилах: вот откуда его уверенность в том, что я залезу наверх без дублерши, и флайс на уровне балкона, и все это... Все это от начала и до конца продумано, выверено до мелочей, расчетливо и хладнокровно.

Гроу, конечно, раскурочил отель. Но кого он спасал, Ильеррскую или меня?

В свете последних событий ответ очевиден.

Мне хотелось орать, ругаться последними словами, вместо этого я сидела с выражением лица а-ля «дисплей не знавшего зарядки мобильного», стараясь не подавиться невесть откуда взявшимся в горле комком. Он отказывался проходить, здорово мешал дышать и жить тоже.

— У меня больше нет вопросов к местру Гранхарсену.

— Местр Бойд? — Сухой голос Рэйнара доносился издали. — У вас есть вопросы?

— Да, и первый из них: вы стояли внизу и рассмотрели эссу Ладэ?

— Поверьте, ее пластику сложно не узнать.

— Сорок шестой этаж?

— Открытый балкон, местр Бойд.

Я бы очень хотела зажать уши, но это пришлось бы сделать на глазах у Мелоры и остальных. Поэтому приходилось изображать дисплей дальше.

— Кроме того, я наполовину ир்தхан. Давайте не будем говорить об очевидных вещах и моем зрении.

Внимание перетянуло легкое мерцание: восстановилась голограмма Рингисхарра.

— Местр Халлоран, мы готовы провести эфир и допросить Марргента Гарренджера.

— Под ментальным приказом.

По залу пронесся общий вздох, даже Рингисхарр слегка опешил. Мелора с отцом переглянулись.

— Второе вмешательство в очевидной ситуации? — хмыкнул Ярлис.

Он не стал продолжать, но, похоже, озвучил мнение Совета.

Превышение полномочий.

— Мирис. — Голос Гроу прозвучал настолько неожиданно, что все подпрыгнули. Равнодушный, спокойный, пустой: тон для приказа. — Рассказывай. Что ты должна забыть?

— Встречу у Маяка. Звонок Танни. Все, что связано с...

— Остановите его! — Визг Мелоры перебил негромкий голос Мирис и всеобщий ступор. Она вскочила из-за стола, длинные ногти царапнули поверхность с мерзким скрежетом. — Остановите его! Местр Халлоран! Он же ей мозги расплавит!

Рэйнар не пошевелился. Только взгляд стал по-звериному хищным и жестким.

— Связано с кем, Мирис? — Гроу резко подался вперед.

— С местрель Ярлис и ее пребыванием в Ортахарне. Я должна забыть, что мы виделись. Я должна позвонить Танни и забыть об этом... — произнесла ассистентка. — Я должна быть с ней очень вежливой, чтобы наблюдать, как она себя ведет. Чтобы потом подтвердить, что она не в себе. Я должна забыть о нашей договоренности и вернуться в отель, когда все закончится.

— Папа! — заорала Мелора, взгляд ее метнулся от отца к адвокату, к застывшим у дверей вальцгардам, к Рэйнару и обратно. — Ты что, не видишь, что это провокация, они заставили ее... Они все это подстроили...

— Когда закончится что?

— Вы что, с ума посходили все?! — Мелора вцепилась в плечо Гроу: рывком, а потом дернулась к ассистентке. — Ми...

Прежде чем она успела хоть что-то вякнуть, я сделала первое, что пришло мне в голову: усилием воли оторвала каменно-тяжелую задницу от стула и плеснула в местрель Ярлис водой из стоявшего рядом стакана. Иртханесса осеклась и отшатнулась в сторону, открывая и закрывая рог. Окатило ее знатно, роскошная прическа сразу приказала долго жить.

— Когда Танни больше не будет путаться под ногами, — закончила Мирис.

Пока Мелора обтекала, окончательно очешуевшие правящие смотрели на все это большими выразительными глазами, Гроу задал последний вопрос:

— Кто отдал тебе приказ забыть?

— Местрель Ярлис.

— Свободна, Мирис.

Он подался назад, оттолкнувшись пальцами от стола. Из всех присутствующих стояли только мы трое: я, он, Мелора... ну, если посчитать вальцгардов с каменными лицами (точнее, каменными им быть полагалось, но сейчас они все смотрели на Рэйнара, ожидая дальнейших распоряжений), то пятеро. Ассистентка растерянно озиралась, пытаясь понять, что произошло, Ярлис пустым взглядом смотрел куда-то в центр стола. Пустым и очень, очень тяжелым.

— Местр Гранхарсен, — негромко произнес Рэйнар, — вы понимаете, что вы только что сделали?

Он меня спас, подумалось мне.

Не то что подумалось, пробилося такими хилыми росточками сквозь выжженную потрясениями пустошь чувств.

— Более чем, — усмехнулся Гроу, а потом развернулся и направился к дверям.

— Несмотря на то, что я вам благодарен... — Последнее слово Рэйнар произнес с такой интонацией, словно не мог определиться, что он в него вкладывает.

— Ага, знаю. Присылайте вызов. — Гроу обернулся к Председателю и поднял большой палец вверх. Настолько знакомый жест, что внутри меня снова что-то сдавленно хрустнуло. — для того, чьи руки прочно связаны властью, ты неплохо держишься.

Взгляд его коснулся меня, и этого хватило, чтобы мысленно снова шагнуть вниз, а потом возродиться в хлестких струях воды, взметнувших меня над землей. В ту же минуту он скрылся за дверью, и я рванулась за ним.

— Танни, назад! — прорычал Рэйнар, и стена вальцгардов плотно

прегородила мне выход. — Слушание еще не закончилось.

Да плевать мне на слушание!

С трудом сдерживаясь, обернулась.

— Мне нужен перерыв, — сказала не своим голосом.

Не своим, потому что он вдруг стал каким-то хриплым и тяжелым.

Рэйнар покачал головой:

— Вернитесь на место, эсса Ладэ. Немедленно.

Опустила голову: на чулках действительно пошли стрелки, ногтями я их разодрала знатно. Шагнула было в сторону собравшихся и, когда вальцгарды за моей спиной расступились, молнией метнулась к двери. От захвата ушла в последний момент, вылетела из зала. Чувствуя, как сердце ударяется о ребра, чудом не наворачнувшись на каблуках, бросилась в уже знакомый коридор.

Драконова юбка! Драконовы каблуки!

Как в такой одежде вообще можно бегать?!

Сбросила туфли: да, вот так уже лучше.

— Стой! — крикнула в сторону удаляющихся шагов. — Подожди! Джерман!

Из-за поворота вписалась точнехонько в него: сильные руки подхватили меня, как в танце, не позволяя улететь дальше.

— Ты серьезно назвала меня по имени?

Да, это серьезно.

Осторожненько высвободилась из захвата и отступила на несколько шагов.

— Я случайно. И потом, ты тоже меня назвал.

— Когда извинялся.

— Да. За что, кстати?

Гроу приподнял бровь.

— Это все, что тебя интересует?

Сейчас не смотреть ему в глаза не получалось, и чем дольше я смотрела, тем отчетливее понимала, что... ничего уже не понимаю.

— Меня много что интересует.

— А что насчет «отложить разговор навсегда»?

— Злопамятность мужчине не красит.

— Женщину не красят кулачные бои, хотя удар был хороший, — произнес он.

Я фыркнула.

— Если честно... После всего, что я узнал, нос ты мне слабовато сломала.

— Могу доломать, — сказала я и обхватила себя руками.

— Собственно, за это и извинялся. — Он смотрел мне в глаза, и в кои-то веки меня не потряхивало от этого взгляда в упор. Хотя лучше бы потряхивало, потому что то, что я сейчас чувствовала, еще больше напоминало помешательство: мне до одури, до дрожи в пальцах хотелось просто к нему прикоснуться. — Я не знал обо всем том дерьме многолетней давности, с помощью которого тебя хотели утопить. И я действительно вел себя, как... в общем, крайне непрофессионально. Тот дубль запарол я, а не ты.

— У тебя температуры нет? — Я все-таки это сделала: то есть подалась вперед и коснулась ладонью его лба.

Лучше бы не делала, потому что ладонь дернуло, и еще сильнее дернуло запястье, когда он перехватил мою руку.

— Лучше никогда больше так не делай, Зажигалка.

Это прозвучало хрипло.

— Никогда?

— По крайней мере, до тех пор, пока не определишься.

— А ты уже определился? — Кажется, «простуду» я подхватила от него. — Кого ты больше хочешь: меня или Ильеррскую?

— Эсса Ладэ! — Вальцгарды за спиной нарисовались ну очень не вовремя. Это я поняла, когда ощутила пустоту вместо соединения наших рук. Так же, как и короткий-долгий взгляд, связь с которым порвалась слишком неожиданно. — Вам нужно вернуться на заседание.

Я лучше знаю, что мне сейчас нужно.

Просто свалите уже!

— Возвращайся. — Гроу кивнул в сторону двух крепких парней, похожих на роботов и готовых перехватить меня поперек живота и тащить за собой, как виаренка. — Для тебя все должно закончиться сегодня.

Э... что значит — для меня?

Прежде чем я успела задать этот вопрос, его драконейшество указал на мои ноги:

— Ты опять потеряла туфли.

После чего развернулся и направился в сторону водопада. Я выразительно моргнула и посмотрела на вальцгардов, один из которых держал в руке мои лодочки.

На этом меня снесло окончательно.

Я выхватила их из рук иртехана, совершенно незротично наклонилась, рискуя юбкой. Напялила сначала одну туфельку, затем вторую, после чего выпрямилась и зашагала обратно, в бункер правосудия.

Даармарх, Огненные земли

— Зачем?! — вырвалось у меня, едва мы вышли за двери.

Даармархский не ответил, а в следующий миг к нам уже шагнул хаальварн и, коротко склонив голову (быстрое почтительное приветствие), произнес:

— Служанку допросили, местр. Она во всем созналась.

Служанку?

Даармархский отдавал какие-то распоряжения, пока мы сюда шли, но в памяти мало что отложилось.

— Она действительно присыпала сладости. Склянку с ядом ей передала ваша наложница Ибри.

Вспышкой-воспоминанием в памяти зазвучали слова Аннэри о том, что она видела служанку Ибри на кухне, потому что ее госпоже якобы стало нехорошо.

Аннэри, которой больше нет.

Я почувствовала, как кулаки сжались сами собой.

— Что прикажете делать дальше?

— Следуйте за нами. — Даармархский кивнул хаальварнам, а после взглянул на меня: — Руку, местра Ильеррская.

Я положила ладонь поверх его руки, чувствуя, как бешено колотится сердце. Вихрь обрушившихся на меня чувств грозил испепелить раньше, чем я сделаю первый шаг рядом с ним, и только подобающая происхождению выдержка, закаленная обстоятельствами, позволила мне не наделать глупостей. Мы шли рядом: повелитель Даармарха и я, и все, кто встречался нам на пути, невольно останавливались. Провожали взглядами нас и чеканящих шаг хаальварнов.

Кому, как не мне, знать, насколько быстро расходятся новости во дворце. Спустя несколько часов об этом будут говорить уже все его обитатели от служанки до... Хеллирии. Мысль о ней почему-то пришла не ко времени и не к месту.

«Избавься от нее, Вит. Избавься, пока не поздно».

Ибри ненавидела меня, это правда, но была ли у нее возможность достать такой дорогой яд?

Осознание этого обрушилось на меня в ту самую минуту, когда мы вошли в крыло наложниц. Через зал, в который я впервые ступила чуть меньше месяца назад. Забытый всеми прайнэ молчал, девушки ахали и прикрывали ладошками рты. Разумеется, весть о попытке неудавшегося

отравления до них еще не добралась, поэтому сейчас они смотрели на нас во все глаза.

— Местр. — Мэррис коротко поклонилась. — Теарин...

— Распорядись, чтобы вещи местры Ильеррской подготовили к переезду.

В широко распахнувшихся глазах женщины отразилось изумление, и эхом его по музыкальному залу пронесся общий вздох.

— Да, местр.

— Ибри сейчас у себя?

— Да, ей с утра нездоровилось, сейчас она отдыхает. Вы желаете ее видеть?

— Нет. — Даармархский кивнул хаальварнам. — Арестуйте эту женщину и сопроводите в подземелье. Завтра на рассвете она будет казнена за попытку убийства местры Ильеррской и убийство ее служанки.

В широко распахнутые глаза Мэррис плеснул ужас, он передавался, как тревожные огни на замковых стенах, от девушки к девушке. Кто-то ахнул, краем глаза увидела, как Риффа осела на диван. Остальные переглядывались, но чувства и лица сливались воедино, потому что сейчас мне приходилось подстраиваться под широкий шаг Даармархского. И пытаться самой не сойти с ума.

Завтра на рассвете.

Ибри.

Ибри, которой предстояло покинуть гарем в самое ближайшее время. Ибри, которая трусила даже нападать на меня, если была одна.

— Витхар, — произнесла негромко, стоило створкам дверей сомкнуться за нами. — Ибри сильная, только когда вокруг ее окружение. Зачем ей это, если она должна вот-вот уехать?

— Не сейчас, Теарин.

— Нет, сейчас. — Я невольно повысила голос. — Ибри слишком удобная мишень на роль убийцы. О нашей ссоре знали слишком многие, точно так же как и о вашей привязке. Как ты вообще позволил такому случиться?

— Это не должно тебя волновать.

Сказано было так жестко, что мигом расхотелось продолжать разговор.

— Меня волнует другое. На привязку слишком многое можно свалить, а я не уверена в том, что это сделала она.

— И кто же это сделал, по-твоему? — Взгляд Даармархского испытующе скользнул по моему лицу. — Ты слышала то же, что и я.

— Я слышала многое, — отрезала я. — В том числе то, что твоя сестра

хотела от меня избавиться.

Рука под моей окаменела.

— Я прощу тебе эти слова, Теарин, только потому, что ты сейчас не в себе.

— Не в себе?! — выдохнула я. — Да, пожалуй, я сейчас не в себе. Мой брат жив только благодаря тебе, и благодаря тебе теперь все знают мое имя. Знаешь, что я думаю, Витхар? Думаю, что ты считаешь в точности так же, потому что иначе не предложил бы участвовать в отборе и не назвал местрой. От местры, особенно от претендентки на трон, избавиться сложнее, чем от наложницы с клеймом таэрран! Скажешь, я не права?!

Я задыхалась, мне не хватало воздуха, но, к счастью, мы уже пришли.

Даармархский втокнул меня в комнаты, легкий шелест занавесей перебил резкий удар двери.

— Никогда не смей говорить о моей сестре в таком тоне, Теарин, — прорычал он мне в лицо. — Никогда не смей посягать на мою семью. Я назвал твое имя, потому что посчитал нужным. Не заставляй меня об этом жалеть.

— Ради моей безопасности? — Я рассмеялась. — Это ты скажешь Горрхату, когда он придет за нами?

Взгляд его полыхнул: надо же, задета драконья гордость!

— На моих землях ты принадлежишь мне.

Принадлежу.

Принадлежу и принадлежала с самого начала, я — собственность Витхара Даармархского, а приставка «местра» — всего лишь глупый самообман.

— Я не стану участвовать в отборе, — выдохнула ему в лицо. — Я не собираюсь бороться за твое внимание на глазах у всех, как дрессированная виари.

— Станешь, Теарин. Это приказ.

Жестокость в его голосе словно крошилась о кожу битым стеклом.

— Допроси Ибри ментально, — сказала я и отвернулась.

И вздрогнула, когда за моей спиной хлопнула дверь.

— Местра Ильеррская, все готово. — Служанка поклонилась и отступила в сторону, открывая взгляду разложенные по сундукам наряды и прочее.

Такого количества вещей у меня не было с той самой поры, когда я действительно была местрой Ильеррской, вот только в те годы никто не мог приказать мне участвовать в отборе.

Взгляд скользнул по дымке стелющихся по полу занавесей, по разбросанным подушкам, на которых кверху пузом (чтобы это самое пузо проветрить из-за не отступающей даже к вечеру духоты) спал Дири.

Вспомнилось, как совсем недавно мы сидели на них рядом с Аннэри, и тоска сдавила сердце.

— Благодарю, — чуть более сухо, чем могла бы, отозвалась я и снова отвернулась к окну.

Я стояла у этого окна, должно быть, несколько часов: с той самой минуты, как проснулась. После случившегося у дверей выставили охрану, и я ненадолго прилегла на диванчике. А открыла глаза, когда закатное солнце бликами уже расплескалось по воде, оттеняя комнату мягким розовым светом. Наверное, в сложившейся ситуации это был лучший выход, потому что иначе напряжение свело бы меня с ума.

Мысль о том, что Ибри может пострадать из-за меня так же, как Аннэри, не давала покоя до сих пор. Точно так же, как не давала покоя мысль о Горрхате, до которого рано или поздно доберется новость о новой претендентке на трон Даармарха. В том, что он не сунется к Витхару напрямую, я не сомневалась, но Горрхат умеет ждать. Он столько лет выбирал удобный момент, чтобы избавиться от моих родителей, подождет и теперь.

Что будет, когда закончится отбор?

— Местра, вам нужно что-нибудь еще?

— Нет, — произнесла, не оглядываясь.

Служанки неловко потоптались (я слышала донесшийся из-за спины вздох) и вышли.

Сарр пришел в себя около часа назад, но едва успел спросить обо мне, как тут же снова провалился в сон. Об этом мне рассказал помощник лекаря, тот самый паренек, который не смел поднять на Даармархского глаз, и это была единственная новость, которая дошла до моих ушей. Краснея, бледнея и заикаясь, опуская глаза, он выпалил ее на одном дыхании, ответил, что завтра я, скорее всего, уже смогу повидать брата, и быстро сбежал. Больше мне ни о чем не сообщали, на все хаальварны отвечали единственной заученной фразой: «Все вопросы вы сможете задать местру».

Когда? Когда начнется отбор?

К счастью, я удержала эти слова в себе и только от души хлопнула дверью, отрезая себя от стражей.

В детстве я и пяти минут не могла усидеть на месте, но сейчас ноги словно вросли в пол. Я вглядывалась в темную, обманчиво спокойную

гладь океана, будто она могла дать ответы на мои вопросы. Затягивающую и безбрежную, белоснежной пеной обозначающую опасную границу рифов, над которой изредка мелькала сверкающая в лунном свете чешуя. Сколько раз за сегодняшний вечер я видела их — не перечесть. Водные драконы редко подходят так близко к берегу, разве что только в «драконий месяц». Вот и сейчас мелькнули над водой мощные крылья-плавники, и зверь взметнулся ввысь на десяток метров, чтобы потом стрелой уйти вниз.

Яростный всплеск, которого я не могла слышать, отозвался внутри гулким ударом сердца.

Возможно, именно поэтому я слишком поздно услышала шаги и, обернувшись, обожглась об угольный взгляд дракона.

Даармархский отступил в сторону, в сопровождении хаальварнов в комнаты вошли Хеллирия и нэри Ронхэн. Глаза светловолосой местры метали молнии, ноздри раздувались, превращая ее изящный маленький носик в хищный клюв.

— Оставьте нас, — скомандовал Витхар воинам, и те подчинились, плотно запечатав за собой дверь.

Лишь тогда Хеллирия шагнула к нам, сжимая кулаки:

— Что это значит, брат?!

— Сегодня было совершено покушение на местру Ильерскую.

От последнего обращения Хеллирия скривилась:

— Да, до меня уже дошли эти кошмарные слухи.

В дипломатии ей не откажешь, это точно. Так тонко обозначить свое отношение к моему новому статусу! Не будь Ибри в подземелье, я бы даже восхитилась, сейчас же только вернула ей жесткий яростный взгляд.

— Теперь ты знаешь, что это не слухи, сестра. Отравительница найдена, и завтра на рассвете ее казнят.

— Все равно я не понимаю, какое мы, — она подчеркнула последнее слово, — с Ронхэн имеем к этому отношение. — Хеллирия стояла, расправив плечи, серебристо-голубой шелк (видимо, ее любимый цвет) подчеркивал изящную хрупкость фигуры, шлейф струился по полу расплавленной сталью. — И почему мы должны находиться здесь. — «Здесь» она тоже подчеркнула, обозначив его ледяным презрением.

Нэри Ронхэн подняла голову, и чувства Хеллирии мелькнули в темных глазах отражением. В эту минуту я отчетливо вспомнила наш первый и последний с ней разговор.

«Ты пожалеешь».

— Возможно, нэри Ронхэн сумеет тебе объяснить, — жестко произнес Даармархский.

Жестко, но даже сквозь толщу этого камня я почувствовала мощь набирающего силу пламени.

— Ронхэн? — вскинула тонкие брови Хеллирия. — При чем тут она?

— Нэри. — Взгляд Даармархского полыхнул огнем, но это было лишним.

Нэри Ронхэн побледнела, открыла рот, но с губ не сорвалось ни слова. Казалось, что-то мешает ей дышать.

— Ронхэн? — Хеллирия перевела на нее раздраженный взгляд. — О чем говорит мой брат?

— Об отложенном приказе, отданном Ибри, — вместо нее ответил Даармархский. — О том, что она должна тайком продать драгоценности, которые я ей дарил. О том, что должна раздобыть яд тархарри. О том, что должна избавиться от Теарин и покончить с собой.

Глаза Хеллирии расширились, но ответить она не успела. Ронхэн затрясло, она рухнула на пол и зарыдала, сбиваясь со всхлипов на рванный шепот и обратно:

— Пожалуйста... пожалуйста, местра, пощадите... Я ведь сделала это и ради вас, я хотела избавить вас от нее...

Сестра Даармархского отступила, когда та потянулась к ее ногам, резко вздернула шлейф.

— Дура! — прошипела Хеллирия и стремительно вылетела за дверь.

Даармархский шагнул следом, но лишь за тем, чтобы скомандовать:

— Уведите.

Вошедшие хаальварны подхватили обмякшую нэри и вытащили из комнаты.

В который раз за сегодня хлопнула дверь, и дракон повернулся ко мне. Оглушенная случившимся, я застыла на том самом месте, с которого не сходила уже очень давно. Витхар смотрел мне в глаза, смотрел так, что я чувствовала, как бьется под кожей его пламя. Мощно, в такт ударам драконьего сердца. В такт дыханию, втекающему силой в родовой узор. Бьется, ударяя по натянутому канату взглядов, на разных концах которого застыли мы.

На огромной высоте.

— Ибри жива, — произнес Даармархский. — Она приняла тот же самый порошок часом позже, во время обеда, ее удалось спасти. Так же, как и твоего брата.

Так же, как Сарра?! Но... как?!

Ответ я слышала раньше, чем успела задать вопрос.

— Она носит моего ребенка.

Ортахарна, Аронгара

— Вот дерьмец! — с чувством сказала я и только тут вспомнила, что не одна. — Простите, местр Бойд.

Адвокат покосился на меня как-то странно, но ничего не сказал. После того как вина Мелоры была доказана (поначалу она еще пыталась упираться на несуществующий заговор против нее, но под угрозой ментального допроса призналась), заседание в принципе можно было считать закрытым. Если бы не допросили Гарренджера, который с какой-то радости подтвердил, что отправил Ярлисам уже обрезанную видеозапись.

В тот момент, когда выяснилось, что Ярлис об этом не знал (равно как и о том, что учудила его дочь), заседание действительно стало закрытым. Правда, совсем в другом смысле: меня выставили из зала вместе с адвокатами и Мирис. Ассистентку под стражей отправили в медпункт, чтобы проверить, не нанесло ли ей ментальное вмешательство серьезного вреда, остальные скучковались рядом с водопадом.

И ждали результатов того, что происходит за закрытыми дверями.

Вообще-то я ждала еще и результатов медицинского обследования Мирис: честное слово, никому в жизни и никогда я так не желала здоровья, как ей. Хотя бы потому, что сама прочувствовала эту дрянь ментального приказа на себе, а еще потому, что не хотела, чтобы Гроу за это влетело.

Влететь ему может, это я поняла, когда немного отошла от случившегося.

По сути, он отдал ментальный приказ, и пусть даже это меня спасло, он не имел ни малейшего отношения к экстренным ситуациям, о которых говорил Рэйнар. Значит, отвечать ему придется по всей строгости закона, то есть (вот об этом мне думать совершенно не хотелось) ему грозит таэрран.

Чтобы не сгрызть остатки ногтей (у меня их и так длинными назвать сложно), я решила почитать Ильеррскую. И наткнулась на очередное несоответствие в сценарии: согласно последнему, никакого ребенка у Ибри не было, а с нэри Ронхэн наложница оказалась просто-напросто в сговоре.

Шаги в коридоре заставили меня подскочить.

Клянусь, не только меня: Бойд спружинил в воздухе, как виар в боевую стойку. Второй тоже подобрался, равно как и адвокат Ярлисов.

— Местры, — шагнувшая в холл Леона выглядела уставшей, — вас ждут в зале заседаний.

Адвокатов как ветром сдуло, а сестра приблизилась ко мне и опустилась на диванчик.

— Что у тебя с телефоном? — спросила, бросив взгляд на паутинку трещин дисплея.

— Убился. — Мне не хотелось сейчас говорить о мобильном и вообще вести светские беседы. — Рэйнар же не наденет на Гроу таэрран?

Леона внимательно на меня посмотрела.

Так внимательно и так долго молчала, что ответ я поняла четко и ясно.

Дерьмец.

— И что, совсем ничего нельзя сделать?

— У Гроу двойное гражданство, Аронгара и Ферверн. Ему предоставят выбор: таэрран или выезд из страны, во втором случае решать его участь будут уже в Ферверне.

Э-э... оказывается, предельно ясно было далеко не все.

— Но съемки...

— Других вариантов нет, Танни. Ему придется выбрать.

— Ну нет, — сказала я. — Леа! Ты серьезно?! Он же мне жизнь спас!

Дважды.

Да и не только мне, Рэйнарову задницу он тоже прикрыл!

— Непосредственно в зале для заседаний твоей жизни ничего не угрожало.

— Да ну?! Помимо наказания от Ярлисов или клейма психопатки, которой нужно сидеть в учреждении с мягкими стенами?!

Я вскочила, пальцы скользнули по юбке в поиске карманов, чтобы зацепиться, но их не нашлось. Поэтому вздернула руки и зацепилась за пояс.

— Леа! — почти прорычала. — Вы все сидели и хлопали глазами, а он...

— Он нарушил закон, — негромко произнесла она, поднимаясь.

Это уже не дерьмец.

Это драконья хрень просто.

Резко развернулась и направилась в сторону выхода, в сторону не знаю чего, просто чтобы не разнести к драконьей бабушке весь интерьер вместе с водопадом. А очень хотелось! Очень, клянусь, потому что единственная, кто нарушил закон, почти благополучно выставила меня не просто самоубийцей, но еще и экстремалкой с выпавшими винтиками. Только благодаря Гроу я сейчас оправдана.

А ему за это нацепят таэрран.

Класс!

— Танни! — Негромкий голос сестры ударил в спину, когда я уже почти вылетела в коридор. — Я была на его месте.

Наверное, именно последнее заставило меня остановиться.

Она действительно была на его месте. Она действительно носила таэрран из-за меня... Или не из-за меня. Вспомнился наш разговор с Гроу и его слова о том, что мы сами создаем себе проблемы.

Хрена с два.

Мы, может, и сами создаем, но он мог спокойно отсидеться, а потом так же спокойно выйти из зала и отправиться по своим режиссерским делам.

И Леона тоже могла бы не трогать Мика.

Не заставляя его снять штаны и бегать кругами по школьному стадиону.

Не ходить потом в таэрран.

Именно это заставило меня обернуться.

— Поверь, если бы Рэйнар мог что-то сделать, он бы сделал, — негромко произнесла она.

— Ну да, его руки прочно связаны властью, — хмыкнула я. — Сколько за такое полагается?

— Танни...

— Слушай, просто скажи, о'кей? Сколько?

— Учитывая все обстоятельства, от трех до пяти лет.

Че-го?!

— Ты носила его от силы пару недель!

— Законы в отношении манипуляции человеческим сознанием серьезно ужесточили. К тому же это совершенно разный уровень ответственности. Я только начинала обучение и многого не знала. Я сделала это на эмоциях, он — осознанно. Зная, что к Мирис уже применяли два ментальных вмешательства за короткий срок.

— Но с ней все в порядке! — выдохнула я. — Все же в порядке?

Сестра кивнула:

— Да, ее еще будут наблюдать в течение пары месяцев, но сейчас все хорошо.

— Тогда в чем засада? Значит, он сделал все это грамотно, и...

— В том, что он это сделал.

— Ну да, — сказала я. — Разумеется. Как же еще.

На языке что-то горчило. То ли с кофе вышел перебор, то ли и правда спать пора.

Я снова не нашла куда деть руки, поэтому просто посмотрела на водопад.

— Закон един для всех, Танни, именно поэтому Рэйнар ничего не

может сделать, — повторила Леона.

Она пожевала губами, глядя мне за спину, словно что-то решая.

Потом обхватила себя руками и добавила:

— Но ты можешь.

---

notes

Примечания

Набл — пещерный зверь, падалыщик. В данном случае используется в устойчивом разговорном выражении. — Здесь и далее примеч. авт.

R. I. P. — «покойся с миром» — традиционная надпись на надгробиях.

Самая высокая скорость, разрешенная в Аронгаре на свободной аэромагистрали.

Иглорыцка — земноводное с большими ядовитыми иглами.

Камартовый флар — сироп из сока камартового дерева. Умеренно сладкий, густой, сливочного цвета.

Рруны — подземные млекопитающие, которые изредка ночами выходят на поверхность.

Тэрринг — денежная единица Аронгары.

Так называли места, куда не добиралось пламя драконов, места, буйно заросшие зеленью, с источниками ключевой воды, берущими свое начало из подземных озер.

Прайнэ — двенадцатиструнный музыкальный инструмент изогнутой формы, благодаря которой струны издают особый резкий, звенящий звук. На нем играют двумя руками, используется наравне с барабанами для создания музыкального сопровождения танцев.

Пустынник — дракон, живущий в песках.

Оцехарра — мелкий, в половину роста виара, пушной зверь с короткими лапами. Известен своей глупостью и нерасторопностью, из-за чего часто используется в нелестных сравнениях и ругательствах.

Нэри — спутница особы благородных кровей. Ей может стать только потомственная ир்தханесса, не ранее чем в третьем или четвертом поколении, это очень большая честь для девочки. Нэри может быть несколько, но главная среди них всегда одна, и ей подчиняются остальные.

Враанасха — в переводе с даармархского «от всего сердца».

Здесь и далее в романе использованы стихи Марины Кузиной.

Спиралька Зукера — развивающая игрушка для детей, которой можно придать самую разную форму.